

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Во имя созидания коммунизма

Корейская Народно-Демократическая
Республика: славное тридцатилетие

Юго-Восточная Азия — под прицелом
пекинских гегемонистов

Пекин и его американское лобби

К истории установления советско-японских
отношений

Из воспоминаний Мэй Лань-фан

3
1978

Институт Дальнего Востока АН СССР

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ, АН-
ГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

3 [27] 1978

СОДЕРЖАНИЕ

- Во имя созидания коммунизма
3 *В. А. Александров*
- ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА**
- Корейская Народно-Демократическая Республика:
славное тридцатилетие
21 *Ю. Д. Дмитриев*
- Юго-Восточная Азия — под прицелом пекинских геге-
монистов
31 *М. В. Капасов*
- Японский милитаризм поднимает голову
46 *И. И. Ивков*
- Об историческом значении разгрома империалистиче-
ской Японии во второй мировой войне
61 *Б. В. Поспелов*
- Некоторые вопросы социально-классовой структуры со-
временного Китая
*П. Б. Капралов,
А. М. Круглов,
А. В. Островский*
75
- Незабываемое
94 *П. И. Сакуи*
- Пекин и его американское лобби
99 *А. С. Титов*
- ИДЕОЛОГИЯ**
- Современная модификация маоистской концепции «про-
должения революции при диктатуре пролетариата»
104 *А. П. Булкин*
- ИСТОРИЯ**
- К истории установления советско-японских отношений
117 *А. Ф. Никитин*
- БОРЦЫ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО**
- Пламенный интернационалист, вождь Кантонской ком-
муны
130 *М. Ф. Юрьев*
- КУЛЬТУРА И НАУКА**
- О политике КНР в национально-языковом вопросе
135 *А. А. Москалев*
- Китайская литература в 1977 г.
143 *М. Г. Теплицкий*

3

ПУБЛИКАЦИИ

- 150 Моя жизнь в кино
Мэй Лань-фан

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- 160 Перспективы алфавитного письма в Китае
М. В. Софронов

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 171 Бесценное завоевание социализма
В. А. Васильев
- 174 Опыт строительства социалистической экономики
*В. И. Андреев,
Н. М. Березкин*
- 178 Корни «китайской» политики США
Б. К. Отраднов
- 182 Книга о Ли Да-чжао
Ф. Ф. Лаппо
- 184 Рабочий класс Японии и НТР
Б. В. Валентинов
- 177 СССР и Япония: курс на добрососедство и его противники
К. Е. Черевко
- 189 Социально-экономическая политика гоминьдановского Китая
Е. А. Коновалов
- 194 Перевод и комментарий уникального монгольского источника
Н. Ц. Мункуев
- 198 Общество «Красные пики» и крестьянское движение в Китае в 1926—1927 гг.
А. С. Костяева

ЮБИЛЕИ УЧЕНОГО

- 201 60-летие С. Л. Тихвинского
- 204 70-летие Г. В. Астафьева
- 205 60-летие М. Ф. Юрьева
- 207 Памяти И. М. Федорова

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ,
Г. А. БОГДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА,
В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН,
Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, И. Т. ФЕДОРЕНКО

Во имя созидания коммунизма

В. А. Александров

В ряду событий, которыми богата политическая жизнь Советского Союза, большое место заняла поездка Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в районы Сибири и Дальнего Востока. На встречах с трудящимися и воинами, партийным и хозяйственным активом в выступлениях Л. И. Брежнева были поставлены принципиальные задачи, решение которых будет способствовать успешной реализации планов десятой пятилетки, ускоренному развитию краев, областей и автономных республик на востоке нашей страны.

В поездке Л. И. Брежнева получила яркое выражение реализация установок XXV съезда КПСС на ускоренное развитие восточных районов Советского Союза, комплексное использование их богатств, активное включение в народнохозяйственный оборот огромных возможностей Сибири и Дальнего Востока.

Анализ итогов поездки показывает многоплановость этого события, политические, экономические и социальные аспекты которого находятся в тесной диалектической взаимосвязи. Сферы его воздействия расходятся далеко от маршрута поездки, охватывая широкий круг вопросов внутренней жизни СССР и международных отношений. Это проблемы развития собственно Сибири и Дальнего Востока, общие вопросы экономической и социальной жизни Советского Союза, интересы укрепления мирового социализма, задачи обеспечения всеобщего мира. Здесь со всей наглядностью и убедительностью проявилось единство внутренних и международных интересов социалистического общества, в центре внимания которого был и остается человек труда с его заботами и желаниями, потребностями и устремлениями.

Выводы и положения, изложенные в выступлениях Л. И. Брежнева в ходе поездки, установки совместного решения Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства, принятые по ее итогам, получили дальнейшее развитие и дополнение в политических документах Коммунистической партии и Советского государства. Они получили отражение в материалах июльского (1978) Пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР, были подробно обсуждены на XVIII съезде ВЛКСМ, рассматривались Президиумом Совета Министров СССР и получили отклик в международных контактах на высшем уровне; проблемы сегодняшнего развития Сибири были сопоставлены с задачами других периодов жизни нашей страны в книге Л. И. Брежнева «Возрождение».

Развитие производительных сил — на новую ступень

Рассмотрев итоги поездки Л. И. Брежнева в районы Сибири и Дальнего Востока, Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР записали в своем решении: задача со-

стоит в том, чтобы и дальше наращивать на востоке страны добычу угля, нефти, газа, прежде всего тюменского, полнее использовать огромные гидроэнергетические ресурсы этих районов для развития алюминиевой, цементной, нефтехимической и других отраслей промышленности.

В силу ряда обстоятельств исторического и географического свойства в последние годы особое внимание к себе привлекают сибирские запасы нефти и газа — важнейшие виды энергоносителей и незаменимое сырье для химии. Бурное развитие нефтедобычи в Сибири само по себе достаточное свидетельство емкости ее естественных кладовых. Еще в 30-е гг. здесь замечали иногда лишь нефтяные пятна на болотной воде. Понско-вые партии треста «Востокнефть», начавшие с 1934 г. работу в Приобье, не успели пробиться к нефти. Их работу прервала война.

Широкая разведка нефти и газа на основе научных разработок академика Н. Губкина началась в Сибири практически после второй мировой войны. В 1953 г. в Березове ударил первый фонтан сибирского газа, а семь лет спустя в районе Шайма были добыты первые тонны сибирской нефти.

Прошедшее с тех пор время кажется сверхъестественно кратким для развертывания крупных промыслов, если учесть те трудности, которые приходится преодолевать на каждом километре продвижения в глубь сибирского Севера. Не следует забывать, что, в общем-то, даже геологическая разведанность Сибири еще остается далеко не завершенной. На перспективно богатой территории Тюменской области пока приходится около 5 метров пробуренных скважин на 1 км², то есть в двадцать раз меньше, чем в ранее освоенных нефтедобытчиками месторождениях Татарии или Башкирии.

Тем не менее в апреле 1978 года в Сибири была добыта миллиардная тонна нефти. Замечательной трудовой победой назвал это достижение Л. И. Брежнев. Высокая оценка вдохновила сибиряков, и в середине июня на свой самостоятельный миллиардный рубеж вышел уже один коллектив нефтяников Тюмени. Всего же за нынешний год сибирские промысловики должны добыть четверть миллиарда т нефти.

Таким же высоким темпом развивается и добыча газа. 144 млрд. м³ — план нынешнего года, и нет оснований сомневаться в его выполнении. Газовые кладовые Сибири весьма внушительны. Только в Уренгойском месторождении сосредоточено промышленных запасов газа как нигде в мире — 5 трлн. м³. Сейчас здесь добывается 15 млрд. м³ в год, к концу пятилетки должно добываться 58 млрд., а в перспективе реально добывать до 250 млрд. м³ в год.

Как бы ни были значительны месторождения нефти и газа Сибири, сложность их разведки и добычи нельзя упрощать. Для того чтобы извлечь из недр земли ее богатства, требуется разрешить немало различных по характеру проблем — технических, экономических и социальных. Достаточно сказать, что только в оставшиеся годы пятилетки нефтяники Тюмени должны пройти 21 млн. м скважин. Для прокладки путей к буровым в той же Тюмени требуется уложить под полотно дорог более 20 млн. м³ грунта. Для транспортировки газа к центрам потребления требуется ежегодно вводить по нитке газопровода диаметром 142 см и протяженностью свыше 1 тыс. км. Темпы наращивания трубопроводов достигают 20 км в сутки. Но еще более сложная и масштабная задача заключается в создании индустрии переработки газа и нефти вблизи мест их добычи.

Как отмечалось на декабрьском (1977) Пленуме ЦК КПСС, с созданием нефте- и газодобывающей базы закончился первый этап формирования Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса. Сле-

дующий этап связан с дальнейшим развитием добычи, освоением новых месторождений и развертыванием нефте- и газоперерабатывающей промышленности. На важность этого нового этапа в развитии Западной Сибири обращал внимание Л. И. Брежнев в речи на XVIII съезде ВЛКСМ. Главная особенность — комплексное использование сырья на месте, создание нефтехимии, строительство предприятий по выпуску и ремонту оборудования и техники, необходимых для нефтяных и газовых промыслов.

Наступление на нефть сибирского Севера — это задача не тактического, а стратегического масштаба, оно будет продолжаться не одно десятилетие, перемещая очаги геологоразведки и фронт добычи от тайги к тундре и далее ко льдам океана. И подобно тому, как промыслы Каспия служили базой для освоения месторождений «второго Баку», подобно тому, как в свою очередь нефтяные районы Поволжья и Урала были опорными пунктами для первых десантов на Среднее Приобье, так в будущем центр Тюменской области станет плацдармом для дальнейшего продвижения к потаенным северным залежам.

Л. И. Брежнев неоднократно отмечал, что освоение богатств Сибири и Дальнего Востока — это дело всей страны, в нем находят применение своим силам люди разных профессий, труженики из всех районов Советского Союза. «Освоению Западной Сибири, — говорил Л. И. Брежнев на XVIII съезде ВЛКСМ, — могут помочь и те, кто трудится в других местах». В поисках и добыче нефти и газа Сибири широкое участие принимают рабочие, специалисты из весьма отдаленных районов.

Не так давно сибирские буровики стали применять так называемый «вахтенный метод», при котором рабочая смена засылается вертолетами или вездеходами на одну-две недели на отдаленную буровую установку, затем туда направляется другая смена, отдохавшая от вахты в комфортабельных условиях городов. Теперь жизнь подсказала необходимость внедрения нового метода — экспедиционного, при котором на помощь сибирским промысловикам приходят их товарищи по труду из европейской части страны. Из Татарии, Башкирии, Куйбышевской и Саратовской областей, из Ставрополя, с Украины и из Белоруссии в Сургут и Нижневартовск прилетают бригады буровиков, которым выделяются свои участки разработки сибирских недр. И в рамках этих экспедиций действует свой вахтенный метод и свой ритм чередования дежурств на отдаленных буровых установках.

Во время поездки по Сибири и Дальнему Востоку Л. И. Брежнев отмечал острую необходимость наращивания здесь добычи угля, столь же важного компонента топливно-энергетического баланса страны, как нефть и газ.

Сибирские недра богаты запасами угля; его залежи встречаются во многих местах; геологическая карта Сибири пестрит черными квадратами, обозначающими угольные месторождения. Некоторые из них уникальны по своим запасам, по их концентрации, удобству залегания и, главное — качеству.

На первом месте в этом ряду, конечно, находится Кузбасс — гигантский комплекс добычи угля и производства черных металлов, сложившийся около 45 лет назад, в период индустриального становления Советского Союза.

Освоение Кузнецкого каменноугольного бассейна, создание здесь в короткий срок новой металлургической базы было одним из первых крупных шагов социализма, направленных на освоение богатств восточных районов, включение их в народное хозяйство страны.

Сейчас это страница истории и одновременно пример нынешнего

динамичного развития сибирского края, прообраз будущих преобразований. Третья часть всего добываемого в СССР угля, половина всего коксующегося угля приходится на шахты и угольные разрезы Кузбасса. Горняки Кузнецкого бассейна дали стране в общей сложности 3 млрд. т угля. Только в нынешнем году они планируют добыть более 153 млн. т, а к концу пятилетки увеличить свой вклад в экономику Союза еще на 9 млн. т. Сейчас в Кузбассе работает немало бригад, для которых стало нормой добывать в год не менее 1 млн. т угля.

Перспективы же у Кузбасса еще более значительные. Оценивая возможности развития угольной промышленности с учетом поставленных Л. И. Брежневым задач, первый секретарь Кемеровского обкома КПСС Л. А. Горшков отмечал в беседе с журналистами, что уже в ближайшем будущем добыча угля в бассейне может и должна быть увеличена втрое. Именно с таких позиций увеличения своего вклада в экономику страны обсуждались коммунистами Кузбасса задачи по выполнению указаний и рекомендаций Л. И. Брежнева, высказанных в ходе встреч с сибиряками и дальневосточниками.

Другим районом мощного залегания угля в Сибири является Канско-Ачинский бассейн в Красноярском крае. Его по праву называют кладовой угля мирового значения. Бурый уголь здесь залегает пластами от 10 до 90 м и относительно неглубоко под землей — 10—300 м. Общегеологические запасы бассейна оцениваются более чем в 600 млрд. т, а по некоторым исследованиям даже в 1 трлн. т. Из них около четвертой части пригодны для самой дешевой — открытой — добычи. В перспективе здесь можно добывать на 50 угольных разрезах до 1 млрд. т угля в год. Чрезвычайно «удобная» геология канско-ачинских углей делает их добычу самой эффективной в стране. Затраты на 1 т условного топлива меньше, чем на добычу тонны угля в Европейской части СССР, в 7 раз и в 2,8 раза меньше западносибирских газа и нефти.

Производительность труда в этом районе планируется самая высокая в отрасли. Введение новой техники позволит вырабатывать по 2 тыс. т а одного человека в месяц. С установкой на такие показатели здесь же работают роторные экскаваторы ЭР-1250Д, которые в течение часа добывают до 1250 т угля.

Пребывание Л. И. Брежнева в Красноярском крае, его беседы с партийно-хозяйственным активом, высокая оценка достижений и вместе с тем критика недостатков побудили тружеников края добиваться ускоренного ввода и освоения мощностей Канско-Ачинского бассейна, развития этой важной энергетической базы Сибири.

Следующим районом угледобычи, привлекающим к себе пристальное внимание в восточной части СССР, стал город Нерюнгри, где расположены богатые залежи коксующихся и энергетических углей. В этом районе формируется Южно-Якутский территориально-производственный комплекс. Сюда прокладывается северная ветвь Байкало-Амурской магистрали, которая станет надежным средством доставки каменно-угольного топлива и сырья на Тихоокеанское побережье Советского Союза и на экспорт, о чем уже подписаны соответствующие соглашения.

Наряду с добычей нефти, газа, каменного угля высокими темпами развивается электроэнергетика Сибири и Дальнего Востока, которая вносит весомый вклад в энергетический баланс страны. Сибирское ожерелье электростанций непрерывно наращивается, и этот рост дают такие жемчужины энергетики, как Братская, Красноярская, Усть-Илимская, Зейская гидроэлектростанции. Вскоре к этим действующим гигантам присоединится Саяно-Шушенская ГЭС и начинается строительство новых — Богучанской и Бурейской. Лозунг саяно-шушенских строителей —

«Енисей будет работать на коммунизм» — применим ко всем рекам — великанам Сибири и Дальнего Востока.

Видимо, не случайно энергетика, как одна из наиболее передовых отраслей, дала начало многим приемам, методам, инициативам, обеспечивающим и передовую организацию труда, и прогрессивные черты в характере взаимодействия трудовых коллективов. Одним из начинаний такого рода стала «рабочая эстафета», трудовое содружество, получившее высокую оценку Л. И. Брежнева. Инициаторами сотрудничества стали коллективы предприятий Ленинграда и строители Саяно-Шушенской ГЭС. Рабочее содружество, ведущее к сокращению сроков строительства, повышению качества работ, было одобрено ЦК КПСС. «Практика, — сказал Л. И. Брежнев на встрече с партийно-хозяйственным активом Красноярского края, — убедительно показала, что именно такой подход смежников к решению важнейших народнохозяйственных задач дает наибольший эффект... Мне хотелось бы посоветовать вам, товарищи, шире распространить такой опыт содружества и на другие производственные коллективы».

Этот совет воплощается в жизнь во взаимодействии тысяч коллективов, участвующих в сооружении различных объектов от Урала до Тихого океана. Например, перенимая опыт творческого содружества коллективов, участвующих в сооружении Саяно-Шушенской ГЭС, строители Надеждинского металлургического завода в Норильске наладили тесную связь со многими из 217 предприятий — поставщиков оборудования, и это дает ощутимые результаты.

Откликнувшись на призыв, с которым Л. И. Брежнев выступил с трибуны XVIII съезда ВЛКСМ, — взять под неослабный контроль заказы восточных районов страны, — передовые коллективы Москвы решили выполнить заказы ударных строок и молодых предприятий Сибири и Дальнего Востока досрочно, с отличным качеством. С этой инициативой выступили такие известные всей стране предприятия, как заводы имени Владимира Ильича, «Борец», «Электрошит», «Манометр», «Москабель» и др. Почин передовиков был одобрен бюро Московского городского комитета КПСС.

Как боевую программу восприняли призыв Л. И. Брежнева о шефстве над заказами сибиряков и машиностроители Урала. Свердловчане подготовили и отправили в Тюмень первую партию установок кустового бурения «Уралмаш 3000 ЭУК», способную бурить до 16 наклонных скважин «в кусте» на глубину до 3300 м. Эти установки — а их до конца года должно быть выпущено не менее 50 — помогут значительно поднять эффективность труда добытчиков нефти и газа.

Так новаторский характер отношений между трудовыми коллективами, поднятый авторитетом Коммунистической партии на уровень общегосударственной задачи, приносит замечательные плоды, умножая вклад как сибиряков и дальневосточников, так и труженников других районов страны в великое дело создания материально-технической базы коммунизма.

Восток страны — гигантская стройка

Во время поездки по Сибири и Дальнему Востоку Л. И. Брежнев обратил особое внимание на вопросы капитального строительства и подчеркивал необходимость не допускать нарушения графика ввода в действие мощностей. Л. И. Брежнев отмечал, что решениями декабрьского (1977) Пленума ЦК КПСС предусматривается концентрация сил

и средств на важнейших пусковых объектах пятилетки, повышение уровня механизации и автоматизации работ, улучшение снабжения строек сырьем и материалами, постоянное повышение уровня идейно-политической работы с людьми.

На встречах с партийно-хозяйственным активом краев и областей критиковалась работа ряда отраслевых министерств, по вине которых задерживается завершение строительства плановых объектов.

Сибирь и Дальний Восток представляют собой огромную строительную площадку, где возводятся сотни производственных объектов. Так, за годы девятой и десятой пятилеток в развитие народного хозяйства одного лишь Красноярского края вложено свыше 15 млрд. руб., введено в действие 660 новых предприятий, крупных производств и отдельных мощностей. Такое же развитие получили другие восточные регионы.

Сбои в работе строительства, если они случаются, задержка с вводом в действие строящихся предприятий дорого обходятся стране, создают затруднения для действующих производств, осложняют выполнение плановых заданий.

Важность устранения недостатков в работе строительных организаций была специально отмечена в совместном решении Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, которым поручалось местным партийным и советским органам, министерствам и ведомствам принять меры по ускорению сооружения важнейших пусковых объектов, улучшению материально-технического снабжения строек.

Устранение недостатков в строительстве рассматривается как важнейшая задача в решениях краевых и областных комитетов партии, принятых по итогам поездки Л. И. Брежнева в районы Сибири и Дальнего Востока. Следует отметить, что задачи, поставленные в ходе этой поездки, обсуждались не только сибиряками и дальневосточниками. Каждая партийная организация увидела в них для себя свою зону ответственности. Повышена требовательность к работе на своем участке, как в части, касающейся поставок изделий в Сибирь и на Дальний Восток, так и во всей иной работе.

Особое внимание в решениях партийных и советских органов, министерств и ведомств обращено на выполнение заказов и поручений, связанных со строительством Байкало-Амурской магистрали. Вскоре после поездки Л. И. Брежнева в ряды строителей БАМа влились комсомольцы из отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ. Во всех республиках, краях и областях, осуществляющих шефскую помощь строительству поселков по трассе магистрали, было рассмотрено состояние дел с выполнением принятых обязательств, намечены меры по их безусловному выполнению.

Организациями Московской области были приняты меры по улучшению строительства жилых поселков при станциях Дипкун, Тагаул и Дымокоуль, полностью укомплектован кадрами строительно-монтажный поезд «Подмосковье», на строительство направлен дополнительно комсомольско-молодежный отряд. В Краснодарском крае были приняты меры по улучшению поставки техники и строительных материалов для строительства поселка на станции Лена. Горьковчане, досрочно завершив строительство на станции Беленькая, сосредоточили силы на сооружении другой станции — Могот.

Высокая оценка, которую дал Л. И. Брежнев творческому содружеству ленинградцев и строителей Саяно-Шушенской ГЭС, придала новые силы коллективам ленинградских машиностроителей. Принятые ими дополнительные обязательства направлены на обеспечение высококачественных работ по монтажу первой гидросиловой машины гидроэлект-

ростанции на Енисее, сдаче двух агрегатов на Зейской ГЭС, энергия которой помогает строительству БАМа.

О масштабности сибирского строительства свидетельствует, можно сказать, сама география. В восточных районах СССР за последние годы выросли города, которые пока еще даже не успели получить обозначение на географических картах, — Амурск, Бирюсинск, Лесосибирск, Нефтеюганск, Надым, Нерюнгри, Саяногорск, Тында и т. д.

Примечательной чертой этих новорожденных поселений служит царящая в них уверенность в будущем развитии и заложенные в самом строительстве высокие нормы современных градостроительных требований, отражающие продуманные перспективы роста. В качестве примера хотелось бы привести Сосновоборск, город, построенный в Красноярском крае рядом с новым заводом большегрузных автоприцепов. В нем нет ни одного временного строения, ни одной так называемой «малозажки». Расположенные компактными группами, красивые многоэтажные дома соединены с заводом удобной автострадой. Город обеспечен всем комплексом современных удобств. Не случайно его жители преисполнены глубокой убежденности в дальнейшем динамичном росте города, и эта уверенность строится на понимании диалектики развития Сибири и Дальнего Востока.

Ощущение связи новостроек Востока с крупными перспективными задачами, которые решает страна, рождается, кажется, еще до того, как та или иная географическая точка приобретает название «поселок», «станция» или «город». Ведь в таком превращении участвуют не только первые поселенцы этих мест, но и люди, находящиеся от них, что называется, за тридевять земель.

Вспоминается поселок в Якутии, который сейчас стал городом Нерюнгри. Накануне начала строительства БАМа и реализации идеи создания Южно-Якутского комплекса это было небольшое поселение, состоящее из одноэтажных домиков, затерявшихся между сопками, покрытыми низкорослой тайгой. Но вот в марте 1974 г. в выступлении Л. И. Брежнева на торжественном совещании в Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целины, прозвучало первое слово о строительстве БАМа. Принимаются первые решения о хозяйственном освоении зоны БАМа, определяется, что в районе Нерюнгри будет создан угольный разрез мощностью 13 млн. т угля в год. И сразу же множество людей тысячами нитей оказываются соединенными с этой географической точкой. Двадцать научно-исследовательских и проектных институтов страны были привлечены к работе по созданию города Нерюнгри. Сейчас этот город уже существует.

Так же появился город Тында. Автору довелось там побывать в период прокладки через этот район полотна БАМа. В то время это еще был поселок, но по уровню развития — город. Перспектива преобразований и роста была очевидна; ее демонстрировали корпуса 9-этажных зданий, которые возводили московские строители, клубы, библиотеки и кафе, отражавшие в какой-то мере быт приехавших издалека поселенцев; наконец, эту перспективу подтверждала невиданная концентрация техники, которая требовала городских условий обслуживания.

Стремительные темпы характеризуют развитие Сибири и Дальнего Востока с первых шагов преобразующей деятельности Советской власти.

Во время поездки по районам Сибири и Дальнего Востока, в речи на декабрьском (1977) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал, что наряду с новым строительством сейчас особое значение приобретает реконструкция предприятий, внедрение достижений научно-технического

прогресса, поиск и ввод в действие внутренних резервов (встреча в Красноярске).

Большие возможности, заложенные в реконструкции предприятий, видны на примере многих заводов и фабрик в самой Сибири. Так, в соответствии с решениями XXV съезда КПСС осуществляется переоборудование, модернизация производства на пионерских предприятиях сибирской индустрии — заводах Кузбасса. Реконструирована первая доменная печь Западно-Сибирского металлургического завода. Ее полезный объем увеличился на 1 тыс. куб. м и достиг 3 тыс. Это позволило увеличить выпуск металла на 600 тыс. т в год при гораздо меньших затратах по сравнению с новым производством.

Увеличение выплавки чугуна дало возможность начать наращивание производства по всему металлургическому циклу. И вот металлурги «Запсиба» уже развернули работу по созданию толстопрокатного стана «3600», который будет давать длястроек Сибири сначала 1 млн., а затем 2,5 млн. т листового проката, позволит увеличить выпуск труб большого диаметра для перекачки нефти и газа под давлением в 75 атм.

Интересна еще одна, качественная сторона этой новой биографии уже сложившегося завода. Применяя новую технологию, учитывающую достижения науки и техники, металлурги «Запсиба» разработали способ производства труб, микролегированных бором и ниобием и способных выдержать мороз до 100°, то есть с таким запасом прочности, который даже превосходит суровые требования Предполярья.

Близки и понятны новаторам Новокузнецка и других городов слова из книги Л. И. Брежнева «Возрождение»: «Умение выявить те конкретные звенья, где ценой минимальных затрат можно получить наибольший и быстрый эффект, умение подойти к решению любой задачи с точки зрения конечных результатов — именно в этом состоит искусство планирования, да и вообще хозяйственного руководства».

Решение транспортных задач

В решении Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, принятом по итогам поездки Л. И. Брежнева, выделяется как одна из первостепенных задач улучшение работы транспорта, совершенствование планирования перевозок, наведение порядка в использовании подвижного состава.

Транспортная проблема называлась в числе «узких» мест во встречах Л. И. Брежнева с тружениками Сибири и Дальнего Востока. «Все вы, — говорил Л. И. Брежнев на совещании первых секретарей крайкомов и обкомов партии во Владивостоке, — выражаете обоснованные претензии к работе железнодорожного транспорта... Но хочу сказать, что трудности с транспортом — это не только нехватка транспортных средств. Надо улучшить планирование транспорта, заняться сокращением порожних пробегов, подачей вовремя вагонов для вывозки грузов, снизить потери времени под погрузкой и разгрузкой, привести в порядок складские помещения».

Работники транспорта Сибири и Дальнего Востока восприняли эти положения как программу своей деятельности, которая должна воплотиться в решение конкретных задач в соответствии с разнообразными местными условиями.

Районы Востока имеют обширную сеть всех восьми видов современного транспорта — железнодорожного, морского, речного, автомобильного, авиационного, промышленного, трубопроводного и городского. Здесь

наиболее протяженная сеть дорог, и здесь же в наибольшей степени сказывается необходимость комбинированных транспортных маршрутов. Есть немало районов, куда грузы доставляются, как правило, поэтапно, четырьмя видами транспорта: морским по Северному пути, затем речным в глубь материка, оттуда по зимникам и насыпным дорогам до промежуточных баз снабжения и, наконец, вертолетами или самолетами к пунктам назначения. В результате во многих случаях грузы от поставщика к потребителю идут до года, а то и более, и стоимость перевозок в конечном счете может оказаться выше стоимости грузов.

В этих условиях планомерность, синхронность работы всех видов транспорта приобретает первостепенное значение. Реализуя указания Л. И. Брежнева, транспортники Сибири и Дальнего Востока обратились прежде всего к имеющемуся передовому опыту, в частности к опыту ленинградцев. Выступая на XVIII съезде ВЛКСМ, Л. И. Брежнев говорил: «Что касается транспорта, то здесь можно отметить ценную инициативу ленинградцев — опыт трудового содружества коллективов моряков, железнодорожников, автомобилистов и речников в Ленинградском транспортном узле».

Такие элементы ленинградского опыта, как взаимоувязанное непрерывное планирование с использованием планов-графиков, сменно-суточных планов, с созданием координационных межведомственных групп и рабочих групп на предприятиях, с межотраслевым и внутритраслевым соревнованием, активной работой комиссий при исполкомах, стали широко внедряться и на транспортных узлах восточных районов страны. В этом ключе трудятся работники транспортных узлов во Владивостоке, Хабаровске, Новосибирске и других городах.

При обсуждении транспортных вопросов участники совещаний партийно-хозяйственного актива автономных республик, краев и областей Сибири и Дальнего Востока подчеркивали мудрость и дальновидность, проявленные Центральным Комитетом КПСС, своевременно выдвинувшим задачу создания второго транспортного пути к Тихому океану — Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. На тех участках, которые уже введены в действие, например на Малой БАМ, создаются условия для лучшего решения транспортных проблем, использования большего числа вариантов транспортных перевозок.

Насколько нелепыми, можно сказать, дикими, представляются сейчас пророчества врагов нашей страны, не оценивших силу Советской власти на заре ее становления.

«Если коммунисты купят на ворованные деньги несколько паровозов, они у них все равно станут. Есть только один способ помочь России — освободить ее от большевиков». Эти слова принадлежат Уинстону Черчиллю.

Печальна судьба пророчеств, если они навеяны злобой отгнившего, ненавистью к обновленному миру. Джентльмен с сигарой не мог понять диалектики общественного развития. Более того, он всячески сопротивлялся ходу истории. Но история не похожа на бабочек, которых в детстве он так любил ловить сачком и потом прикалывать к планшетам, неподвижных, с распростертыми крылышками.

История обернулась не крахом России, а ее бурным развитием. Мчатся по стальным рельсам БАМа сквозь тайгу поезда; вооруженные совершенной техникой советские люди врубаются в рудные горы, советские космические корабли бороздят просторы Вселенной.

Английский оппонент У. Черчилля, великий фантаст и гуманист Герберт Уэллс, призывая западный мир прекратить блокаду России, сокрушался после поездки в Москву в 1920 г.: «Если так будет продол-

жаться еще год или несколько дольше, окончательная гибель неминуема. Прежняя Россия сгинет, в ней останется только крестьянство; опустевшие города обратятся в руины, заброшенные железные дороги изъезжены ржавчиной. И вместе с железными дорогами исчезнут последние остатки централизованной власти».

...Как могучая победная песнь, разносится над ущельями Гиллюя и Тимптона долгий зов тепловозных сирен...

Не стали паровозы, не смогла ржавчина изъезжать железные дороги, не дали большевики пропасть России. Из разрухи, дикости и патриархальщины, оставшихся от старого строя, поднялась великая держава, превратившаяся волею коммунистов в авангардную силу человечества.

Ускоренное строительство БАМа на всех участках явится существенным вкладом сибиряков и дальневосточников как в освоение богатств этого края, так и в общее дело улучшения и развития транспортной сети страны.

Немаловажное значение в условиях больших масс транспортируемых грузов в Сибири и на Дальнем Востоке придается такому современному виду транспорта, как трубопроводы. Их сеть развивается ускоренными темпами. Для доставки потребителям тюменских нефти и газа она является главной. Не так давно состоялось подключение чрезвычайно важного газопровода диаметром 142 см из Уренгоя к газотранспортной системе страны. Сооружается газопровод Вынгапур — Челябинск, который в будущем году будет продолжен до Уренгоя. Это создаст возможность активнее использовать сибирский газ в промышленных районах Урала. Ветвь газопровода прокладывается и к металлургическим предприятиям Кузбасса.

Трубопроводный транспорт начинает приспособляться не только к таким традиционным для этого вида коммуникаций минералам, как нефть или газ, но и к менее привычным — углю, руде. Когда стала быстрыми темпами наращиваться угледобыча в Сибири, возник вопрос, как быть с транспортировкой «большого угля», ведь его накапливается подчас в Кузбассе по 5—6 и более миллионов тонн в ожидании перевозок. Один из путей решения проблемы современными средствами — транспортировка угля в смеси с водой по трубам, который уже действует между гидрошахтой «Юбилейная» и заводом «Запсиб». Существует проект трубопровода в 250 км от Кемерово к Новосибирску, вынашивается идея создания трубопроводов-гигантов Кузбасс — Урал и Кузбасс — Поволжье. Как показывает практика сибирского развития, передовая разработка, вобравшая в себя достижения науки и опыта, неизбежно находит дорогу в жизнь.

Кстати сказать, трубопроводный транспорт в Сибири и на Дальнем Востоке реализуется не только в макромасштабных стройках, но и в проектах, куда более скромных. Так, в Томске разработан проект соединения основных сельскохозяйственных районов области с городом через километровое русло реки Оби трубопроводом, по которому надежно и во все времена года будет транспортироваться молоко. Молокопроводы меньших размеров уже действуют в различных районах страны.

Реализация аграрной политики КПСС в Сибири и на Дальнем Востоке

Во время поездки Л. И. Брежнева по восточным районам страны получила убедительное выражение линия Коммунистической партии и Советского государства на всемерное развитие сельского хозяйства Сибири

и Дальнего Востока. Как отмечалось в совместном решении руководящих органов страны, принятом по итогам поездки, важно добиваться, чтобы потребности населения в мясе, молоке, овощах все полнее удовлетворялись за счет производства этих продуктов на месте, на основе углубления межобластной специализации и кооперации. Эта задача была вновь со всей определенностью поставлена и на июльском (1978) Пленуме ЦК КПСС, который определил задачи дальнейшего развития сельского хозяйства страны в соответствии с аграрной политикой партии.

Выступая на встречах с представителями областей и краев Сибири и Дальнего Востока в Омске, Новосибирске, Владивостоке и других городах, Л. И. Брежнев обращал внимание на необходимость четкой, отлаженной работы всей цепи производства, уборки, транспортировки и хранения сельскохозяйственных продуктов. Существенный резерв повышения эффективности сельскохозяйственного производства, отмечал он на совещании во Владивостоке, состоит в том, чтобы уменьшить потери зерна, овощей, картофеля. Вырастить и собрать урожай — как известно, только половина дела. Необходимо довести сельскохозяйственную продукцию до потребителя без потерь.

Сибирь издавна была одной из житниц нашей страны. Хлебное поле здесь занимает 20 млн. га. Производство хлеба, мяса, молочных продуктов отвечает не только местным нуждам. Дальний Восток является самым крупным в стране поставщиком сои.

Однако за последние годы произошло значительное изменение в дислокации населения. Выросли новые крупные населенные пункты, появились города с населением 500 тыс. и даже 1 млн. жителей. Многие из них созданы в таких районах, где прежде не было развитого сельского хозяйства.

Все это требует наращивания темпов развития земледелия и животноводства, введения таких форм и методов производства, которые обеспечили бы растущему населению по возможности полный набор продуктов, выращенных или произведенных вблизи мест потребления.

В Сибири и на Дальнем Востоке складываются специализированные хозяйства и даже целые зоны специализированного производства тех или иных продуктов. Так, если отдаленные от городов совхозы и колхозы Кулунды, Барабы, Усть-Орды и других степных районов специализируются на производстве зерна, в том числе наиболее ценных, твердых сортов, то в зонах, прилегающих к крупным промышленным центрам, преимущественно выращиваются овощи, производится свежее молоко, развивается птицеводство яйценосного направления. Такими хозяйствами, накопившими большой опыт специализации, стали совхозы «Бердский» и «Кировец» в Новосибирской области, «Солонцы» и «Березовский» в Красноярском крае, «Елыкаевский» в Кемеровской области, «Заря» в Омской области и другие.

Вместе с тем, обсуждая задачи дальнейшего развития сельского хозяйства, работники этой отрасли в областях, краях и автономных республиках Сибири и Дальнего Востока отмечали, что дальнейшее углубление специализации может стать большим резервом роста производства различных продуктов.

Как свидетельствовали участники проходившей в Шушенском межотраслевой научно-практической конференции по вопросам увеличения продовольственных ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке, важным звеном в создании прочной продовольственной базы является развитие высокоинтенсивных, специализированных пригородных зон. Радиус доставки молока во многих крупных городах превышает 80—130 км, карто-

феля — 35—80, в то же время вблизи городов находятся хозяйства, производящие зерно и другие транспортабельные продукты.

Устранению этих недостатков, развитию специализации с учетом интересов лучшего снабжения населения посвящают усилия партийные, советские, сельскохозяйственные органы восточных районов страны. Например, в Красноярском крае краевыми органами Советской власти совместно с Сибирским отделением Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина разработана комплексная программа развития сельского хозяйства по районам, территориально-производственным комплексам с учетом роста промышленных предприятий, городов и рабочих поселков. Аналогичная работа проводится и в ряде других мест.

Предметом особого внимания партийных и советских органов стали вопросы развития сельского хозяйства в зонах, прилегающих к районам интенсивной добычи нефти и газа, а также Байкало-Амурской железно-дорожной магистрали.

Сложность этой проблемы состоит в том, что как на севере Западной Сибири, так и в зоне БАМа лишь в небольших отдельных очагах велось сельское хозяйство сугубо местного значения. Практически здесь предстоит развивать сельское хозяйство в условиях целины, причем целины болотистой, мерзлотной, таежной, предтундровой.

Частично будет использован опыт хозяйств Магадана, Норильска, Мурманска и других центров, также расположенных в суровых климатических условиях. Там, кроме традиционного оленеводства, сформировалось птицеводство, молочное животноводство, использующее в значительной мере привозные корма, а также тепличное земледелие.

Однако новые времена создают условия и для решения новых, более сложных задач. Освоение Севера и зоны БАМа осуществляется планомерно, с расчетом не на временные меры, а на долгую перспективу. Поэтому все начинается, можно сказать, с научно обоснованных азов.

Научные сельскохозяйственные учреждения произвели обследование земель, пригодных для сельскохозяйственного освоения. В зоне БАМа таких земель выявлено более 200 тыс. га, в том числе примерно половина — пашня. Определено, что на значительной части этих земель может быть проведена мелиорация, а это повысит их плодородие. Речь идет об осушении, орошении и окультуривании площадей.

Намечается, что в зоне БАМа будут производиться прежде всего скоропортящиеся продукты — цельное молоко и яйца, овощи в закрытом и открытом грунте, картофель. Имеется в виду, что более транспортабельная продукция будет завозиться из других районов. Разработана схема развития и размещения сельского хозяйства, в соответствии с которой уже строится производственная деятельность.

А впереди — создание новых совхозов, для которых сибирскими учеными уже разработана технология производства овощей, картофеля, кормовых культур, продуктов животноводства, выявлены сорта растений, созданы проекты ферм и других производственных помещений применительно к местным условиям. Речь идет о тепличных комбинатах, молочных комплексах, овощных и картофельных плантациях.

Работа предстоит большая, но и цель поставлена крупная: создать наиболее благоприятные условия для сотен тысяч людей, которые будут заниматься в зоне БАМа разработкой угля, медной руды и многих других нужных народному хозяйству страны полезных ископаемых.

Таким образом, становление и развитие сельского хозяйства будет происходить в едином комплексе с подъемом всех производительных сил края.

Эта комплексность относится не только к районам добычи нефти и газа или к зоне БАМа, но и ко всему огромному району Сибири и Дальнего Востока, к развитию всех его отраслей. Пожалуй, нигде в нашей стране идея увязок в один узел задач разностороннего развития той или иной территории не получила такого развития, как на огромных просторах к Востоку от Урала.

Комплексность, научность — непременное условие успеха

Плановая природа социалистической экономики предопределила комплексный характер развития обширных восточных районов страны, и прежде всего наиболее перспективных и богатых какими-либо природными ресурсами зон. Еще на заре Советской власти В. И. Ленин указывал на то, что главной целью единого хозяйственного плана должно быть «рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта».

При обсуждении первого советского плана — ГОЭЛРО — отмечалась целесообразность соединения в одном производстве рудных запасов Урала и угольных богатств Кузнецкого бассейна. Ленинская идея получила в дальнейшем воплощение в крупной комплексной стройке первых пятилеток — создании Урало-Кузнецкого комбината.

Сейчас Кузбасс называют индустриальным сердцем Сибири. И это определение не случайно. Здесь действуют сотни шахт и угольных разрезов, здесь же уголь идет в металлургическое производство и здесь же в сочетании с тем и другим развивается химическая промышленность. Кузнецкий металлургический комбинат выпускает чугун и сталь. Следует заметить, что зарубежные специалисты скептически оценивали возможности создания крупного металлургического производства в Сибири. Руководитель американских специалистов Эвергард говорил: «Мы считаем совершенно невозможным строить у вас такие мощные домы и прокатку, какие вы задумали. В Америке мы только начинаем строить такие заводы. Что же вы сделаете без опыта, без механизмов с вашими необученными людьми?» Однако эти сомнения не учитывали одного — неисчерпаемых возможностей социалистического строя.

Сейчас на одной трети железных дорог СССР уложены рельсы Кузнецка. Рядом с этим гигантом — его более молодой брат, Западно-Сибирский металлургический завод, имеющий замкнутый металлургический цикл и производящий ежегодно до 15 млн. т чугуна, стали, проката. На нем действует крупнейший в мире среднесортный стан, способный выпускать до 1,5 млн. т проката 200 профилей. По соседству — Новокузнецкий алюминиевый завод с первой в мире автоматизированной системой управления производством. В том же комплексе — производственное объединение «Азот», отгружающее свыше 120 видов химической продукции и медикаментов, заводы «Электромашинна», «Кузбассэлектромотор», Кузнецкий завод металлоконструкций, кемеровский завод «Строймашина» и множество других предприятий.

Естественно, что идея комплексности, подтвержденная опытом Кузбасса, получает в Сибири и на Дальнем Востоке в современных условиях свое дальнейшее развитие.

Важной ступенью в комплексном освоении богатств Сибири было принятое ЦК КПСС и Советом Министров СССР в начале 1971 г.

постановление «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971—1980 гг. производительных сил Красноярского края». Речь идет, говорил по этому вопросу Л. И. Брежнев, выступая перед избирателями Бауманского района г. Москвы в июне 1971 г., о подлинно научном подходе к освоению огромных территорий Российской Федерации, — подходе, который сочетал бы решение актуальных задач сегодняшнего дня с учетом отдаленных перспектив развития страны.

Жизнь подтвердила огромную эффективность комплексного подхода к развитию восточных регионов. Отражением общего настроения сибиряков и дальневосточников в этой связи стали слова участников встречи в Красноярском крайкоме партии в апреле нынешнего года, обращенные к Л. И. Брежневу. «Вы, — сказал на этой встрече первый секретарь Красноярского крайкома КПСС П. С. Федирко, — явились вдохновителем и организатором принятой в 1971 г. десятилетней программы комплексного развития производительных сил нашего края. В результате осуществления этого крупного дела нам удалось за девятую пятилетку поднять объем промышленного производства в крае в полтора раза».

Коммунистическая партия в полной мере оценила комплексный метод развития и обеспечила его широкую реализацию. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии было отмечено, что назрел вопрос о совершенствовании методов комплексного решения крупных общегосударственных межотраслевых и территориальных проблем. Здесь требуются единые централизованные программы, охватывающие все этапы работы — от проектирования до реализации.

Обсуждая итоги поездки Л. И. Брежнева по районам Сибири и Дальнего Востока, трудящиеся, представители партийно-хозяйственного актива областей, краев и автономных республик этой зоны отмечали необходимость активной работы по углублению комплексности при развитии производительных сил, по освоению природных богатств, важность тесной увязки всех производственных и социальных вопросов. И не случайно идея комплексности в качестве одного из основных элементов планирования учтена в тексте новой Конституции РСФСР, всенародное обсуждение которой проходило в дни поездки Л. И. Брежнева в восточные районы.

Как об особо актуальной задаче многие экономисты и хозяйственные руководители говорят о необходимости создания единой системы управления территориально-производственными комплексами, которая действовала бы как в период становления, так и во время их производственной деятельности. Высказываются мысли о создании межотраслевых территориальных органов, полномочных решать все вопросы развития комплексов.

Формирование и развитие сибирских и дальневосточных комплексов, таких, как Западно-Сибирский, Канско-Ачинский, Братско-Усть-Илимский, Саянский с их многочисленными промышленными узлами, не только вобрало в себя достижения экономики, но и стало одновременно воплощением научных идей, практическим соединением науки и передовой практики.

Во время поездки Л. И. Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку со всей определенностью подчеркивалась роль науки в развитии восточных районов страны, да и в жизни всего народнохозяйственного организма страны. Такой подход отражает общий курс Коммунистической партии на опережающий рост научных исследований и организацию своевременного воплощения в жизнь научных разработок. Находясь в Новосибирске, Л. И. Брежнев отметил благоприятное воздействие

науки — в лице ученых Сибирского отделения Академии наук СССР — на промышленно-экономическое развитие всего района и даже за пределами Сибири. Отметив достижения, Л. И. Брежнев сказал также, что мы ждем еще большего в вопросах практического применения науки и в решении топливно-энергетических проблем, геологоразведке, нефтехимии, машиностроении и других отраслях. Надо и дальше вести дело так, чтобы активная роль ученых помогала нам решать вопросы соединения науки с практикой и тем самым способствовала росту производительных сил страны.

Большие задачи, поставленные Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР, под стать и тем большим силам, которыми располагает наука Сибири и Дальнего Востока. Десятки научно-исследовательских институтов, тысячи ученых объединены научными центрами этих восточных районов. Делясь с журналистами своими суждениями о путях реализации указаний Л. И. Брежнева, председатель Сибирского отделения АН СССР академик Г. И. Марчук говорил, что взаимодействие Сибири с наукой и науки с Сибирью чрезвычайно перспективно и плодотворно. С одной стороны, хозяйственная практика освоения богатейших районов Востока страны ставит перед учеными множество проблем и вопросов, а с другой стороны, для развития науки в Сибири созданы широкие возможности, позволяющие ученым работать масштабно и разносторонне, доводя свои исследования до столь же масштабного практического использования.

Реализуя принцип «выхода на отрасль», штаб сибирских ученых — Сибирское отделение — выработал программные соглашения с семью союзными министерствами сроком на пять лет относительно подготовки и внедрения нужных народному хозяйству научных разработок. На общем собрании отделения обсуждалась долгосрочная программа «Комплексное освоение природных ресурсов Сибири», которая в свою очередь состоит из 24 региональных программ, направленных на решение узловых проблем комплексного использования минерально-сырьевых ресурсов края, а также вопросов социально-экономического развития комплексов.

В реализации этой программы, которая названа учеными кратко — «Сибирь», примут участие около 40 институтов Сибирского отделения.

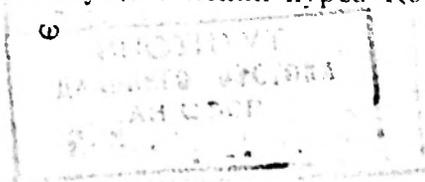
Одним из центральных вопросов сибирской науки является проблема автоматизации в самом широком плане — автоматизации научных исследований, технологических процессов, системы управления. По мнению академика Г. И. Марчука, Сибирь с ее ограниченными трудовыми ресурсами, трудными климатическими условиями и задачами сверхбыстрого роста как будто специально создана для самого широкого и всестороннего развития автоматизации.

Поездка Л. И. Брежнева по Сибири, его встречи и беседы с сибиряками дают новый импульс научным исследованиям по программе «Сибирь», всей работе Сибирского отделения АН СССР. Сибирские ученые восприняли слова Генерального секретаря ЦК КПСС с глубоким пониманием стоящих перед ними задач и большой ответственностью.

На благо человека

Вопросом всех вопросов, к которому в наибольшей мере было приковано внимание в ходе поездки Л. И. Брежнева, является дальнейшее повышение жизненного уровня трудящихся.

XXV съезд КПСС определил, что главная задача пятилетки состоит в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на

подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства.

Находясь во Владивостоке, Л. И. Брежнев отмечал на совещании первых секретарей крайкомов и обкомов партии: «Наши хозяйственные успехи составляют основу неуклонного повышения народного благосостояния. За два года мы выполнили установленные заданиями пятилетки увеличение средней заработной платы ряду категорий рабочих и служащих, расширили общественные фонды потребления. Значительно увеличено количество нового жилья».

О росте благосостояния на встречах с Л. И. Брежневым говорили и сами трудящиеся. У всех, кто с интересом следил за сообщениями об этой поездке, осталась в памяти встреча в Комсомольске-на-Амуре с рабочими машиностроительных заводов. На вопрос, как живут и трудятся рабочие, повсюду был единодушный ответ: «Хорошо». На вопрос, как обстоят дела с заработками, также ответ был единодушный: «Не жалуемся, заработки приличные».

Подчеркивая неразрывное соединение жизненных интересов человека, тесную взаимосвязь труда и быта, Л. И. Брежнев говорил в беседе с рабочими Красноярского машиностроительного завода имени Ленина: «Вижу, настроение у вас хорошее, деловое. А когда люди довольны, видят добрую перспективу, и работа у них идет успешно».

Естественно, что было бы неверно полагать, будто бы все проблемы социального, культурного или бытового строительства в нашей стране решены или решаются автоматически всегда точно и в срок. Есть еще немало трудностей и в обеспечении жильем, и в налаживании службы быта, и в больничном обслуживании, и в снабжении потребительскими товарами. Эти вопросы с особой остротой могут дать о себе знать в районах новостроек, где не налажены должным образом коммуникации, не сработались друг с другом все звенья сложной цепи снабжения. Л. И. Брежнев подчеркивал на встрече со строителями БАМа на станции Сковородино, что Центральный Комитет КПСС, проявляя огромную заботу о строителях магистрали, много делает, чтобы облегчить их труд и быт.

К сожалению, подчас министерства и ведомства, нарушая принцип комплексности, отдают предпочтение одной из сторон строительства — производственной, уделяют недопустимо мало внимания прокладке дорог, созданию жилого фонда, сети магазинов, службы быта и т. д. Результаты в таких случаях немедленно сказываются. Это — недоукомплектованность кадров, а следовательно и неполное использование введенных производственных мощностей. Например, как свидетельствовала печать, Черногорское камвольно-суконное объединение Красноярского края непрерывно дает объявления: требуются рабочие. Но в то же время предприятие теряет кадровых работников из-за того, что не может обеспечить нуждающихся яслями и детскими садами. Для исправления положения в дело должна была вмешаться общественность, пересмотрело подход к этому вопросу и соответствующее министерство.

Л. И. Брежнев специально остановился на вопросе текучести кадров в ходе совещания с первыми секретарями крайкомов и обкомов партии во Владивостоке. Нам надо многое обдумать, как закрепить кадры на Дальнем Востоке, сказал он. Видимо, текучесть объясняется и недостаточным количеством жилья, и отставанием в культурно-бытовом строительстве. Нельзя не учитывать и климатических условий, которые требу-

ют улучшения снабжения теплой одеждой и другими товарами.

В решениях партийных и советских органов, которые были приняты в краях, областях и автономных республиках по итогам обсуждения материалов поездки Л. И. Брежнева, вопросам социального развития неизменно уделялось подчеркнутое внимание. Производство при социализме развивается не ради самого производства, а ради человека и его интересов, это положение не могут изменить недостатки, которые носили и носят преходящий характер.

* * *

Поездка Л. И. Брежнева по районам Сибири и Дальнего Востока стала не только крупным событием в жизни нашей страны, она вызвала большой резонанс на мировой арене. Причин для этого много.

Прежде всего эта поездка как свидетельство огромного внимания КПСС и Советского государства к развитию восточных районов страны будет способствовать более интенсивному наращиванию там производительных сил, более эффективному использованию природных богатств. А это уже немаловажный международный фактор. Ведь Сибирь и Дальний Восток активно учитываются в планах социалистической экономической интеграции. Здесь есть и международная стройка социалистических стран — Усть-Илимский целлюлозный комбинат. Многие виды сырья поставляются отсюда в страны Совета Экономической Взаимопомощи.

Вместе с тем сибирские стройки служат подлинными полигонами применения новой техники, производимой в странах социализма. Когда в июне 1976 года был пущен в эксплуатацию крупнейший в мире среднесортный стан «450» на Западносибирском металлургическом заводе, построенный в содружестве со специалистами ГДР и ЧССР, Л. И. Брежнев оценил это строительство, как «пример плодотворного выполнения комплексной программы социалистической экономической интеграции между странами — членами СЭВ».

Возможности Сибири и Дальнего Востока широко используются в экономических связях СССР с несоциалистическим миром. Достаточно сказать, что только предприятия Кузбасса направляют свои изделия 1800 наименований в 80 различных стран. А нефтяные и газовые кладовые Сибири имеют особый вес в условиях непрекращающегося дефицита энергоносителей в мире. «На нас, говорил после поездки по районам Сибири в июне нынешнего года председатель правления хоккайдского общества японо-советской торговли Я. Сибано, большое впечатление произвел размах строительства в Сибири. Уверен, что такой прогресс позволит еще больше расширить наше взаимное торговое сотрудничество».

Чем весомее будет вклад восточных районов страны в общий котел народного хозяйства, тем мощнее будет все Советское государство. Встречи Л. И. Брежнева показали, что сибиряки и дальневосточники высокосоциально подходят к своим ответственным задачам.

Большим событием для Советских Вооруженных Сил были встречи Л. И. Брежнева и находившегося вместе с ним члена Политбюро ЦК КПСС, министра обороны СССР, Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова с войсками-сибиряками и дальневосточниками. Высоко оценив достижения солдат и офицеров, Л. И. Брежнев отметил, что наши успехи в военной области — это успехи, направленные на то, чтобы защитить и обезопасить себя и своих социалистических друзей от возможной агрессии, откуда бы она ни исходила.

Советский Союз, как отмечалось в совместном решении руководящих

органов партии и государства, не угрожает никому из своих соседей, ближних или дальних, стремится к развитию добрососедских отношений между государствами.

Широкий международный отклик получило выступление Л. И. Брежнева на крейсере «Адмирал Сенявин» во Владивостоке. Эта речь, произнесенная у восточных рубежей Советского Союза, вновь показала, с какой последовательностью и настойчивостью СССР добивается упрочения разрядки, решения самой важной задачи, затрагивающей судьбу каждого человека на земле, — достижения реального разоружения. «Мы никому не угрожаем, — заявил Л. И. Брежнев. — Разговоры о так называемой «советской угрозе» — это явный вымысел противников разрядки международной напряженности и не больше».

Советский Союз предупредил весь мир о необходимости приостановить гонку вооружений и выражает свою готовность сделать все необходимое в интересах мира и мирного сосуществования — таков был доминирующий вывод здравомыслящих обозревателей в большинстве стран мира. В современных условиях, отмечалось в совместном решении Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, нет задачи более важной, затрагивающей судьбу каждого человека на земле, чем добиться реального разоружения. Крупным шагом на пути к этой цели может стать заключение между СССР и США долгосрочного соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений на основе принципа равенства и безопасности сторон. Это открыло бы перспективу последующего перехода к более далеко идущим шагам по ограничению и сокращению стратегических вооружений. СССР подтверждает свое предложение о взаимном отказе от производства нейтронного оружия, что избавило бы человечество от втягивания в новый тур гонки вооружений.

Существует определенная цепь зависимостей: развитие экономического сотрудничества создает условия для углубления политической разрядки, но в то же время политическая разрядка, дополненная разрядкой в военной области, способствует формированию атмосферы, в которой лучше развиваются деловые связи. Поэтому призыв к обеспечению прочного мира, с которым выступил Л. И. Брежнев во время поездки по районам Сибири и Дальнего Востока, имеет универсальное, всеобщее значение.

Миролюбивый внешнеполитический курс Советского Союза отражает глубоко демократическую и гуманную внутреннюю политику Коммунистической партии, в центре которой находится забота об интересах и самой жизни человека труда, о насущных интересах советских людей, занятых созданием самого справедливого общества на земле — коммунистического.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Корейская Народно-Демократическая Республика: славное тридцатилетие

Ю. Д. Дмитриев

В нынешнем году, 9 сентября, народная Корея выходит на славный рубеж — 30-летие образования республики, с которого особенно хорошо видны исторические свершения корейского народа в ходе строительства нового, социалистического общества.

КНДР — первое в Корее государство рабочих и крестьян

Прологом к созданию республики была длительная борьба корейских патриотов против японского колониального господства, продолжавшегося четыре десятилетия. Великая Октябрьская социалистическая революция вдохнула новую жизнь в национально-освободительное движение в Корее. Начиная с тридцатых годов это движение возглавили корейские коммунисты. Руководимые ими партизанские отряды в своей борьбе опирались на прочный тыл — Страну Советов.

В конце второй мировой войны благодаря разгрому Советской Армией мощной квантунской группировки японских вооруженных сил в Корею пришла свобода. 15 августа 1945 г. микадо объявил о безоговорочной капитуляции Японии. Память о 15 августа — Дне освобождения, о советских бойцах, отдавших жизнь за свободу Кореи, увековечена монументом, установленным в центре Пхеньяна, на котором бронзовыми буквами начертаны слова: «Великий советский народ разгромил японских империалистов и освободил корейский народ. Кровью, пролитой советскими воинами при освобождении Кореи, еще больше укрепились узы дружбы между корейским и советским народами. В знак всенародной благодарности воздвигнут этот памятник. 15 августа 1945 года».

Освобождение открыло перед народом Кореи путь к новой жизни. Советское командование обратилось к населению страны с призывом: «Граждане Кореи! Корея стала свободным государством, но это лишь первая страница в истории новой Кореи... Теперь ваша судьба зависит только от вас самих»¹. В Корее стали создаваться народные комитеты — шла народно-демократическая революция. Но население к югу от 38-й параллели не смогло воспользоваться плодами освобождения. Командование американских вооруженных сил, оккупировавших Южную Корею, запретило деятельность народных комитетов.

¹ Общая история Кореи, т. II, Пхеньян, 1958, стр. 440.

На Севере страны народные комитеты полностью взяли на себя функции местного самоуправления, уже в феврале 1946 г. был сформирован центральный орган власти — Временный народный комитет (ВНК) Северной Кореи во главе с товарищем Ким Ир Сенем, организатором и руководителем партизанского движения в Корее тридцатых и сороковых годов.

Перед страной встала сложная, многогранная задача — создать независимое национальное общекорейское государство, которое получило бы свой собственный цвет на политической карте мира. Но сначала надо было покончить с наследием феодальных порядков и колониального ига, провести основные социальные преобразования демократического характера. В первый же год своей деятельности ВНК осуществил важные реформы, передав безземельным и малоземельным крестьянам помещичьи земли без выкупа и национализировав основные средства производства, транспорт и банки. За этим последовали установление 8-часового рабочего дня, уравнивание женщин в правах с мужчинами, реформа народного образования.

В стране создавалась новая общественно-политическая система. Десятое октября 1945 г. стало днем рождения Трудовой партии Кореи (правда, тогда она называлась Коммунистической партией и, прежде чем стать ТПК, объединилась на марксистско-ленинской основе с рядом других партий). Под руководством коммунистов образовались крестьянский союз, профсоюзы, молодежная, женская и другие организации, которые в июле 1946 г. вошли в Единый демократический национальный фронт. Программа ЕДНФ, преобразованного позже в Единый демократический отечественный фронт, определила в качестве важнейшей задачи партий и общественных организаций страны укрепление дружбы корейского народа с СССР.

Народно-демократическая революция в Северной Корее быстро развивалась. К началу 1947 г. в итоге социальных реформ и создания подлинно народных органов власти были в основном решены общедемократические антифеодальные задачи революции.

В этот первый период после освобождения, пока еще не было создано суверенное корейское государство, Советский Союз сделал все от него зависящее, чтобы не допустить раскола Кореи, помочь корейскому народу утвердиться на избранном им пути демократического развития. Советское командование, говорил в связи с этим товарищ Ким Ир Сен, «создало все условия для того, чтобы корейский народ мог сообразно своей воле возродить отечество и обеспечить его развитие на демократических началах»². Наоборот, в Южной Корее, где американская военная администрация воспрепятствовала проведению элементарных социальных реформ, в мае 1948 г. под наблюдением «временной комиссии ООН» были проведены сепаратные выборы депутатов парламента и образовано «правительство», что нанесло большой ущерб делу восстановления национального единства страны.

Объединенное совещание руководителей политических партий и общественных организаций Севера и Юга, проходившее летом 1948 г. в Пхеньяне, разоблачило махинации сепаратистов и постановило образовывать путем выборов Верховное народное собрание (ВНС) и сформировать единое корейское правительство. Общекорейские выборы состоялись в августе того же года (в Южной Корее в обстановке полицейского террора голосование было нелегальным, в форме сбора подписей).

² «Нодон синмун», 17.III.1950.

Первая сессия ВНС первого созыва провозгласила 9 сентября 1948 г. создание Корейской Народно-Демократической Республики. Так корейский народ обрел свою государственность, впервые провозгласив в Корее республику трудящихся. Конституция КНДР закрепила ведущую роль социалистического по своему существу уклада в экономике страны, создала предпосылки для дальнейших, более глубоких преобразований социалистического характера.

Провозглашение КНДР явилось закономерным историческим актом корейского народа, логическим итогом его многолетней партизанской борьбы против колониального ига. Оно дало вдохновляющий пример другим народам Азии, боровшимся за свое национальное и социальное освобождение.

Этапы большого пути

Народная Корея вошла полноправным членом в содружество социалистических стран. Первое признание республики де-юре было получено от Советского Союза: 12 октября 1948 г. СССР и КНДР установили между собой дипломатические отношения. 17 марта 1949 г. было подписано советско-корейское Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, а также соглашения о товарообороте и платежах, о кредите и технической помощи. «Эти соглашения, — заявил товарищ Ким Ир Сен на массовом митинге в Пхеньяне в апреле 1949 г., — открывают новую страницу в истории нашей нации, укрепляют международное политическое положение нашей республики и дают беспредельные перспективы для процветания и развития вновь рожденной нашей республики»³. Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве с СССР было первым договорным актом КНДР с иностранным государством и первым равноправным и взаимовыгодным соглашением в истории Кореи вообще.

К 1950 г. корейский народ залечил раны, нанесенные хозяйству страны японскими оккупантами. В 1949 г. выпуск промышленной продукции в КНДР возрос в 3,4 раза по сравнению с 1946 г., достигнув наивысшего уровня периода японского господства. Большой прогресс наблюдался и в области сельского хозяйства, но, пожалуй, наиболее заметными были достижения в восстановлении и развитии национальной культуры, жестоко попиравшейся японскими колонизаторами. Однако вскоре на долю корейского народа выпало новое тяжелейшее испытание.

В конце сороковых годов империализм США лихорадочно искал выхода из надвигавшегося экономического кризиса. Американская военщина нуждалась в обострении международной обстановки для реализации своих планов укрепления Североатлантического блока. Объектом империалистической агрессии стала Корея. 25 июня 1950 г. лисымановские войска перешли 38-ю параллель, начав задуманную США агрессию против КНДР. Очень скоро в войну включились военно-морские и военно-воздушные, а затем и сухопутные силы США, прикрывшиеся флагом ООН.

Но военные действия развивались не по американскому плану. Корейская народная армия, все население КНДР оказали сильнейшее сопротивление империалистической агрессии. Им помогли китайские народные добровольцы. Всестороннюю помощь оказал Советский Союз,

³ «Правда», 12.IV.1949.

который снабжал Корейскую народную армию и китайских добровольцев оружием, боеприпасами, горючим, продовольствием, медикаментами.

Тысяча сто двадцать девять дней героического подвига корейского народа завершились подписанием 27 июля 1953 г. соглашения о перемирии. Молодая республика вышла из этого сурового испытания с честью. Итоги навязанной ей американским империализмом войны показали, что непобедим народ, защищающий свою страну, отстаивающий дело мира, демократии и социализма. В войне ярко проявилась великая сила пролетарской солидарности. «Наш народ, — говорил товарищ Ким Ир Сен в докладе на сессии ВНС КНДР в декабре 1953 г., — никогда не забудет искренней бескорыстной помощи братских народов, и эти благородные примеры проявления пролетарского интернационализма будут золотыми буквами вписаны в историю нашей родины»⁴.

Трехлетняя война унесла сотни тысяч человеческих жизней, оставила без крова миллионы людей. Огромный ущерб был нанесен народному хозяйству — разрушено 8700 заводских зданий, 600 тыс. жилых домов, 5 тыс. школ. Вновь, как и после поражения японских оккупантов, корейский народ принялся за восстановление страны.

В действие были приведены все людские и материально-финансовые ресурсы республики, но одних собственных сил было, конечно, недостаточно. Братские социалистические страны оказали КНДР безвозмездную помощь в несколько миллиардов рублей, в том числе Советский Союз — на сумму 1,3 млрд. руб. (в дореформенном исчислении)⁵. На эти средства были не только восстановлены крупные промышленные предприятия, но и построены новые, которых раньше не было в Корее, — всего свыше ста объектов.

Задачи восстановительного периода были выполнены в ходе реализации трехлетнего народнохозяйственного плана (1954—1956). В этот период выпуск промышленной продукции увеличивался ежегодно в среднем на 41,7%. Затем столь же успешно, всего за четыре года, был выполнен пятилетний хозяйственный план (1957—1960) при среднегодовом приросте промышленного производства 36,6%.

В шестидесятые годы КНДР вступила динамично развивающимся социалистическим государством. В стране было полностью завершено кооперирование крестьян, преобразованы на социалистических началах частная промышленность и частная торговля. Особенность социалистических преобразований в КНДР состояла в том, что они проводились в условиях сравнительно низкого уровня развития производительных сил. Например, коллективизация в деревне была завершена до индустриализации страны и притом в короткий срок — за три-четыре года после войны.

IV съезд Трудовой партии Кореи, проведенный в сентябре 1961 г., выдвинул задачу социалистической индустриализации и крутого подъема народного благосостояния, мобилизовал трудящиеся массы на выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства (1961—1967). Из древней восточной легенды в социалистическую новь перешагнул крылатый конь, именем которого — Чонлима — было названо развернувшееся в эти годы всенародное движение за ударный труд, за ускоренное продвижение к социализму.

Съезд подтвердил курс на дальнейшее развитие братских отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Этот

⁴ Ким Ир Сен. Об итогах работы правительственных делегаций КНДР, посетивших СССР, КНР и страны народной демократии. Пхеньян, 1954, стр. 4, 5.

⁵ «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, стр. 4.

курс обеспечивал республике неуклонное продвижение к высотам социализма, укрепление ее международных позиций и лидирующей роли во внутрикорейских отношениях. ТПК приняла участие в совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг. и подписала документы этих совещаний. «Заявление, принятое на нынешнем Совещании, — говорилось в постановлении пленума ЦК ТПК (1960) по итогам Московского (1960) совещания, — является программным документом международного коммунистического движения, руководством в предстоящей борьбе нашей партии и нашего народа»⁶. Делегации ТПК участвовали в работе XIX—XXV съездов КПСС.

Братские отношения между СССР и КНДР, сложившиеся в первые полтора десятилетия после освобождения Кореи, получили юридическое закрепление и новое развитие в советско-корейском Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенном 6 июля 1961 г. Договор стал еще одним свидетельством классового единства обоих государств, народов и партий, важным инструментом обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке. Вслед за Договором Советский Союз и КНДР заключили целый ряд соглашений торгово-экономического, научно-технического и культурного характера. Диверсификация и углубление хозяйственных связей между СССР и КНДР, их перевод на долговременную основу потребовали создания единого двустороннего координирующего органа, и в 1967 г. с этой целью была создана межправительственная советско-корейская консультативная комиссия по экономическим и научно-техническим вопросам.

Десятилетие 1961—1970 гг. было решающим этапом социалистической индустриализации КНДР. Несмотря на корректировку темпов экономического развития, вызванную выделением дополнительных средств на нужды обороны, национальный доход страны возрастал в это десятилетие в среднем на 9,1% в год, промышленное производство — на 12,8%. В 1970 г. промышленность КНДР всего за 12 дней выпускала продукции столько, сколько было произведено за весь 1944 г., а ее удельный вес в общем объеме промышленного и сельскохозяйственного производства увеличился до 74% против 56% в 1960 г.⁷ Состоявшийся в ноябре 1970 г. V съезд ТПК констатировал, что страна превратилась в социалистическое индустриальное государство с развитым сельским хозяйством.

К новым вершинам социализма

V съезд Трудовой партии Кореи выдвинул задачу дальнейшего укрепления социалистического строя в КНДР с целью приближения полной победы социализма, утвердил шестилетний план развития народного хозяйства на 1971—1976 гг., основная цель которого состояла в том, чтобы упрочить успехи в области индустриализации, повысить научно-технический уровень народного хозяйства, освободить трудящихся от тяжелого физического труда и таким образом укрепить материально-техническую базу социализма в республике. Съезд призвал развернуть идеологическую, техническую и культурную революцию и на этой основе «преобразовать все общество по образцу рабочего класса»⁸. Перед партией и народом была поставлена задача сплочения с народами со-

⁶ «Нодон синмун», 24.XII.1960.

⁷ «Нодон синмун», 3.XII.1970.

⁸ Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК V съезду партии. Пхеньян, 1970, стр. 50.

циалистических стран, коммунистическими и рабочими партиями, всеми миролюбивыми силами.

Достигнутый к этому времени уровень развития производительных сил и производственных отношений, изменения в социальной структуре общества сделали необходимым принятие новой конституции страны (первая конституция 1948 г. допускала, например, частную собственность на землю, промышленные предприятия и т. п.). Новый основной закон, названный Социалистической конституцией КНДР, был принят 27 декабря 1972 г. на первой сессии Верховного народного собрания пятого созыва. Он отразил социалистические завоевания корейского народа и сформулировал главную политическую линию современного развития КНДР: борьба за полную победу социализма, за самостоятельное мирное объединение родины на демократических началах, достижение независимости в масштабе всей Кореи. Высшим принципом деятельности государства определено неуклонное повышение материального и культурного уровня жизни народа.

Трудящиеся КНДР приложили немало усилий для того, чтобы экономическая и социальная программа, принятая V съездом ТПК, была претворена в жизнь. Шестилетний план по выпуску валовой промышленной продукции был выполнен досрочно, в 1976 г. объем промышленного производства в 2,5 раза превысил исходный уровень 1970 г. при среднем ежегодном приросте 16,3%. Еще в 1975 г. были выполнены задания шестилетнего плана по производству электроэнергии, химических удобрений, тканей, добыче угля и морепродуктов, производству зерна и других видов сельскохозяйственной продукции. Задания по производству стали и цемента были выполнены несколько позже, к концу 1976 г., когда мощности по производству стали и цемента достигли соответственно 4 и 8 млн. т. За шестилетие в стране построены 1055 промышленных предприятий и отдельных цехов⁹.

За годы народной власти в КНДР созданы целые новые отрасли промышленности, например, машиностроение, удельный вес которого в общем валовом объеме промышленного производства превышает 30%. Об уровне развития этой отрасли говорит то, что в республике освоен выпуск металлообрабатывающих станков с программным управлением, грузовых автомобилей и тракторов, мощных бульдозеров на 300 л. с., 10 кубовых ковшовых экскаваторов, магистральных электровозов, крупных электрогенераторов и трансформаторов, морских судов водоизмещением до 15 тыс. т. Все большее развитие получают точное приборостроение, электроника: ныне в этой области действуют более 70 предприятий. Наряду с тяжелой развивается и легкая индустрия, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что если до освобождения в Северной Корее производилось тканей всего по 14 см на человека в год, то сейчас текстильная промышленность выпускает более 30 м разнообразных тканей на душу населения¹⁰.

1977 хозяйственный год был «годом урегулирования», в ходе которого правительство КНДР приняло меры к устранению отдельных межотраслевых диспропорций, возникших в период шестилетки, к подтягиванию транспорта, добывающей промышленности (железорудной, угольной) и энергетики до уровня возросших потребностей народного хозяйства в соответствующих видах продукции.

С нынешнего юбилейного года начался новый этап в развитии народного хозяйства: республика приступила к реализации второго се-

⁹ «Нодон синмун», 17.XII.1977.

¹⁰ «Экономическая газета», IX.1977, № 37.

милетнего плана (1978—1984). О масштабах поставленных задач говорят следующие данные о производстве некоторых важных видов промышленной продукции¹¹:

	1949 г.	1975 г.	1984 г.
Электроэнергия—млрд. кВт·ч	5,6	28	56—60
Уголь—млн. т	4	50	70—80
Сталь—млн. т	0,14	4*	7,4—8
Минеральные удобрения—млн. т	0,19**	3	5
Цемент—млн. т	0,54	8*	12—13
Ткани—млн. пог. м	77,1	600*	800

* Производственные мощности на конец 1976 г.

** 1956 г.

Сложные задачи стоят перед сельским хозяйством республики: ведь в КНДР по условиям рельефа пригодны для обработки только 18% всей территории, страну может прокормить только высокоинтенсивное сельское хозяйство, опирающееся на «трех китов» — ирригацию, механизацию и химизацию. За годы народной власти в этой области сделано очень и очень много. Север Кореи больше не нуждается в продовольствии, которое до освобождения страны поступало с Юга. В КНДР ныне имеется около полутора тысяч водохранилищ, 40 тыс. километров оросительных каналов¹². Устойчивым орошением теперь обеспечены все рисовые поля, в больших масштабах ведутся работы по искусственному орошению суходольных культур. На каждый гектар площади поля под рисом в прошлом году было внесено в среднем 1300 кг химических удобрений. В последнее время механизмуется самая трудоемкая операция — пересадка рисовой рассады из питомников на залитые водой поля. В 1977 г. на каждом 100 га обрабатываемой площади работали в равнинных районах — 5, в возвышенных — 6 тракторов и по одному грузовому автомобилю.

На такой агротехнической базе при постоянном внимании, уделяемом селу правительством республики, из года в год растут урожай сельскохозяйственных культур, улучшается структура всей этой отрасли за счет ускоренного развития животноводства на промышленной основе. В 1977 г. валовой сбор зерна достиг 8,5 млн. т, мощности по производству мяса — 550 тыс. т в год. Вторым семилетним планом предусмотрено увеличить производство зерна в 1984 г. до 10 млн. т¹³.

Достижения в развитии промышленности, сельского хозяйства и других отраслей обеспечивают неуклонное повышение материального благосостояния корейских трудящихся. В 1966 г. был отменен сельскохозяйственный натуральный налог на крестьян, в 1974 г. — подоходный налог на рабочих и служащих. Неоднократно проводились снижение розничных цен и повышение заработной платы. В повышении благосостояния народа, его жизненного уровня большую роль в КНДР играет фонд общественного потребления, из которого трудящиеся получают материальные блага на сумму, почти равную их заработной плате.

Легко понять тягу корейца к культуре, к образованию, если вспомнить, что в период почти полувекового японского господства даже корейский язык был запрещен для преподавания в учебных заведениях,

¹¹ Современная Корея. М., 1971, стр. 173—186; «Нодон синмун», 17.XII.1977.

¹² «Нодон синмун», 29.IV.1977.

¹³ Там же, 17.XII.1977.

в стране не было ни одной полной средней школы. Сейчас в республике осуществляется 11-летнее обязательное школьное обучение (включая годичное дошкольное), функционируют 8800 общеобразовательных школ, около 600 техникумов, 155 высших учебных заведений, университет. Армия инженерно-технических работников и специалистов насчитывает до одного миллиона человек, что составляет свыше 19% общего числа занятых в народном хозяйстве¹⁴.

По мере экономического и культурного развития республики укрепляются ее позиции на международной арене. Этому способствует миролюбивая внешняя политика правительства КНДР. Народная Корея поддерживает ныне дипломатические отношения более чем с 90 странами мира, состоит в 140 международных организациях, в том числе в ЮНЕСКО, Всемирной организации здравоохранения, Всемирном почтовом союзе, Конференции ООН по торговле и развитию, Межпарламентском союзе, МАГАТЭ. С 1973 г. КНДР имеет своего постоянного наблюдателя при ООН. Как видно, все попытки стран империалистического блока изолировать социалистическую Корею от международного сообщества оказались тщетными.

Трудовая партия, правительство республики, весь народ Кореи не прекращают борьбы за мирное демократическое объединение своей родины. Начало семидесятых годов, когда было опубликовано совместное заявление Севера и Юга о принципах воссоединения, внушало надежду на то, что удастся вызвать Сеул на конструктивный диалог с целью прекращения военно-политической конфронтации на Корейском полуострове и создания других благоприятных условий для объединения Кореи. Однако довольно скоро стало ясно, что сеульские власти не заинтересованы в достижении этих целей. В меморандуме правительства КНДР от 1 февраля 1978 г. убедительно показано, что именно США и его заокеанские покровители препятствуют внутрикорейскому диалогу, делу самостоятельного мирного объединения Кореи.

В своей борьбе за право жить одной семьей корейский народ опирается на солидарность многочисленных друзей, на его стороне народы социалистических стран, все прогрессивные силы мира. Показателем этой растущей поддержки было принятие ХХХ сессией Генеральной Ассамблеи ООН (впервые в истории обсуждения корейского вопроса на этом форуме) резолюции, отражающей позицию КНДР и призывающей к роспуску «командования ООН» в Корее, выводу всех иностранных войск с Юга страны и замене соглашения о перемирии (1953) соглашением о мире. Дело теперь прежде всего за тем, чтобы США незамедлительно и полностью вывели из Южной Кореи свои войска, являющиеся источником напряженности на Корейском полуострове, главным препятствием на пути к единству Кореи.

Курсом традиционной дружбы

Тридцатилетие Корейской Народно-Демократической Республики — это и тридцатилетие взаимоотношений между двумя социалистическими государствами, сплоченными единством целей и интересов, — КНДР и Советским Союзом. На каждом этапе своего пути республика ощущала поддержку и помощь Страны Советов, других социалистических государств.

У советских людей вызывает чувство удовлетворения то, что советско-корейские отношения продолжают развиваться, способствуя делу

¹⁴ «Корея сегодня», 1977, № 7, стр. 2: «Нодон синмун», 17.XII.1977.

социалистического и коммунистического строительства в обеих странах, укреплению могущества мирового социализма. В выступлении на XXV съезде КПСС глава делегации Трудовой партии Кореи член Политического комитета ЦК ТПК Пак Сен Чер заявил: «Мы дорожим традиционной дружбой и сплоченностью с советским народом в осуществлении общего великого дела и будем прилагать все усилия для их дальнейшего укрепления и развития в интересах партий и народов обеих стран и международного коммунистического движения в целом»¹⁵.

Весомым вкладом в развитие советско-корейских отношений был дружественный визит в Пхеньян в январе 1978 г. партийно-правительственной делегации СССР во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаевым. Встречи и беседы делегации с товарищами Ким Ир Сенем, Пак Сен Чером и другими руководящими деятелями ТПК и КНДР позволили углубить взаимопонимание, подтвердить общность позиций двух партий и государств по важным проблемам коммунистического строительства и международного положения. Обе стороны высказались за дальнейшее укрепление и расширение отношений в различных областях в соответствии с советско-корейским Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

В последние годы еще более упрочились хозяйственные связи двух стран, создана база для их последовательного развития на длительную перспективу. В феврале 1976 г. СССР и КНДР подписали соглашение о взаимных поставках товаров и платежах на период 1976—1980 гг. и соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. Первое из этих соглашений предусматривает значительное расширение советско-корейского товарооборота в нынешнем пятилетии (в 1977 г. он составил 328,7 млн. руб.), а второе — оказание Советским Союзом КНДР технического содействия в дальнейшем расширении важнейшего индустриального объекта страны — металлургического завода им. Ким Чакка и строительстве ряда других предприятий (в настоящее время в КНДР в сотрудничестве с СССР сооружается 15 промышленных объектов)¹⁶. На основе долгосрочных соглашений обе страны успешно сотрудничают и в других областях, например в заготовке леса, рыболовстве, транзитной перевозке грузов.

Вместе с развитием экономических связей расширяются культурный и научный обмен, сотрудничество в области здравоохранения и спорта, контакты между общественными организациями и творческими союзами двух стран. В ноябрьские дни 1977 г., когда в КНДР проходил месячник корейско-советской дружбы, в Пхеньяне функционировала Национальная выставка СССР, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Проведение этой выставки, которую посетили свыше 100 тыс. человек, подтвердило огромный интерес корейских трудящихся к сегодняшнему дню родины Ленина.

Советские люди неизменно поддерживают мужественную борьбу корейского народа против иностранного вмешательства в его внутренние дела, за самостоятельное мирное объединение страны, которое означало бы победу национально-освободительной, народно-демократической революции в масштабе всей Кореи. Солидарность с братским корейским народом они рассматривают как свой интернациональный долг. Принципиальную линию Советского Союза в корейском вопросе четко сформулировал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель

¹⁵ «Правда», 28.II.1976.

¹⁶ «Международная жизнь», 1978, № 3, стр. 121.

Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в ответах на вопросы главного редактора японской газеты «Асахи»:

«Мы поддерживаем предложения Корейской Народно-Демократической Республики о выводе всех иностранных войск из Южной Кореи и создании благоприятных условий для объединения страны на мирных демократических началах без какого-либо вмешательства извне»¹⁷.

Проявляя неизменную солидарность с трудящимися КНДР, строящими новую жизнь в трудных условиях продолжающегося раскола родины, Коммунистическая партия и правительство Советского Союза исходят из того, что при обоюдном стремлении обеих сторон дружба и сотрудничество советского и корейского народов будут развиваться и крепнуть на принципиальной основе марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, в интересах всего содружества социалистических государств.

С заслуженным чувством гордости за свою страну, за пройденный славный путь встречают трудящиеся КНДР тридцатилетие республики. Празднуя вместе с друзьями этот юбилей, советские люди желают корейскому народу и его авангарду — Трудовой партии Кореи новых успехов в строительстве социализма, в реализации ответственных задач второго семилетнего плана развития народного хозяйства, в борьбе за мирное демократическое воссоединение родины.

¹⁷ «Правда», 7.VI.1977.

Юго-Восточная Азия — под прицелом пекинских гегемонистов

М. В. Канасов

«Первый намек на то, что что-то было не так, сделали рангунские газеты, хотя и не на тех страницах, где помещаются разделы новостей. Просматривая колонки некрологов, читатели могли прийти к заключению, что армейские офицеры продолжали гибнуть «где-то на фронте» во все возрастающем числе...» — так начинается свое повествование журнал «Эйша уик» в статье «Война разгорается».

Журнал воспроизводит не фронтовую сводку о борьбе против японских захватчиков времен второй мировой войны. В статье, написанной в апреле 1978 г., речь идет о необъявленной войне, ведущейся Пекином в течение ряда лет вплоть до настоящего времени против некоторых соседних стран, в данном случае против суверенного бирманского государства, которое, как известно, одним из первых признало Китайскую Народную Республику и которое вот уже более 15 лет осуществляет у себя прогрессивные социально-экономические преобразования.

Когда 1 октября 1949 г. у стен бывшего императорского дворца в Пекине состоялась грандиозная демонстрация по случаю торжественного провозглашения нового, народного Китая, многие связывали с этим историческим фактом грядущие хорошие перемены не только на китайской земле, но и во внешнеполитическом курсе Китая, имея в виду, прежде всего, отказ Пекина от агрессивной, захватнической политики всех его бывших реакционных правителей — от богдыханов до гоминьдановских реакционеров. Однако прошло всего лишь несколько лет после провозглашения КНР, и соседи Китая стали ощущать на себе экспансионизм маоистских гегемонистов, которые предали социалистические идеалы и постепенно стали сбивать страну на традиционный путь великоханьского шовинизма.

Уже в 1955 г. произошел первый вооруженный инцидент на границе — столкновение в бирманском княжестве Ва — после чего Пекин стал объявлять «спорными» различные участки фактически по всему периметру границ Китая. Провоцирование пограничных конфликтов китайскими властями стало неотъемлемой частью пекинской политики. Параллельно маоисты прибегали к беспрецедентной в международных отношениях практике грубого давления и шантажа, бесцеремонного вмешательства во внутренние дела других стран, особенно в Юго-Восточной Азии. В духе императорской политики старого Китая Мао Цзэ-дун выдвинул программу завоевания района ЮВА. В 1965 г. он подчеркнул необходимость для Китая «обязательно заполучить Юго-Восточную Азию» потому-де, что этот район «очень богат, там очень много природных ископаемых...». Эту же мысль о «правах» Пекина на страны и моря к югу от Китая со ссылкой на «исторические факторы» выразил в 1973 г. Чжоу Энь-лай в беседе с американским ученым Ла-

тимором. А если взглянуть на некоторые опубликованные в КНР карты, то можно увидеть в числе якобы «утраченных» Китаем территорий такие государства, как Бирма, Таиланд, Малайзия, Камбоджа, Лаос, Вьетнам и другие страны, а также почти все островные территории в южных морях. Все это дополнялось заявлениями вроде следующего: «Китайский народ морально готов всеми силами бороться за возвращение потерянных территорий, когда-то принадлежавших Китаю»¹.

Многие исследователи, в том числе буржуазные, констатируют в этой связи тот печальный факт, что Пекин, всегда стремившийся к доминирующему положению в данном районе, остается постоянным источником опасений для его соседей. Страх перед Китаем, по мнению Дж. Вананди — одного из руководителей Центра стратегических и международных исследований в Джакарте (Индонезия) — порождает как методы и рычаги его воздействия на внутривнутриполитическую обстановку в районе, включая использование многочисленной китайской эмиграции, так и то, что он «всегда рассматривал ЮВА в качестве сферы своего влияния»².

Не удивительно, что в странах ЮВА смерть Мао Цзэ-дуна послужила источником всевозможных предположений и иллюзий относительно того, что новое китайское руководство изменит внешнеполитический курс, будет следовать общепринятым нормам международного общения, покончит с посягательствами на суверенитет независимых государств, с традиционным лицемерием маоистской политики, когда одной рукой делаются дружественные жесты в адрес того или иного государства, а другой совершаются террористические акты против того же самого правительства. На Западе стали даже говорить о некоей «демаонизации» в Китае, но прошло немного времени и вновь стало ясно, что оснований для подобных утверждений нет. Если кратко и по существу оценивать происходящие сейчас в Китае некоторые перемены, то нельзя не констатировать, что они вовсе не означают изменения конечных целей и политической линии, выдвинутых Мао Цзэ-дуном, и отнюдь не свидетельствуют о какой-то «демаонизации». Изменения и корректировки, вносимые в маоистскую практику, выглядят как попытка освободить его от отживших, устаревших или обанкротившихся элементов, либо просто убрать в тень некоторые его одиозные установки, особенно в области международных дел, придать маоизму «чистоту», чтобы обеспечить долговременность действия маоистской доктрины, повысить ее эффективность, расширить ее социальную базу. С одной стороны, усиливается маскировка под марксизм-ленинизм, включая попытки выдавать вооруженные террористические акции пропекинских групп в Юго-Восточной Азии за «революционную борьбу», с другой — националистические установки маоизма еще теснее увязываются с многовековыми традициями великоханьского шовинизма. Происходит таким образом более четкое оформление маоизма в социал-шовинизм, то есть идеологию, прикрывающую шовинистические цели социалистическими лозунгами, марксистской фразеологией, активно эксплуатирующей авторитет социализма в сознании широких масс китайского народа. Провозглашенный ныне лозунг «четырёх модернизаций» может служить тому ярким примером. Он сохраняет неизменной маоистскую установку на то, чтобы экономическое развитие служило не удовлетворению материальных и духовных потребностей народа, а наращиванию Китаем прежде всего военной мощи, достижению им положения милита-

¹ «Жэньминь жибао», 5.XI.1966.

² Дж. Вананди. Военно-политическая ситуация в Юго-Восточной Азии. — «Asian Survey», Berkeley, vol. 17, p. 775.

ристской сверхдержавы, без чего нельзя рассчитывать на осуществление великодержавно-шовинистических планов.

Именно в духе этой линии Китай форсированно наращивает все виды вооружения, в том числе ядерное, выступает против разрядки, провоцирует конфликты между государствами. Отсюда и особая опасность ускоренной милитаризации этой страны — ведь уже сейчас Китай бесцеремонно домогается, вернее продолжает домогаться, чужих территорий, считает для себя желательной новую мировую войну и ведет дело именно к ее развязыванию. Великодержавные, экспансионистские помыслы Пекина, особенно в отношении Юго-Восточной Азии, как о том свидетельствуют ныне практические дела китайских руководителей, не только ничуть не изменились, но, наоборот, вызывают растущее беспокойство в различных странах. Закрепленная в этих помыслах шовинистическая платформа Мао приобрела еще более агрессивный характер, заставила многих, прежде всего в соседних с Китаем странах глубоко задуматься над вопросом: что сулят в дальнейшем клятвы наследников Мао в верности его «революционной, внешнеполитической линии», какие испытания выпадут на долю стран Юго-Восточной Азии, находящихся под постоянным прицелом пекинских гегемонистов?

I

Нынешние правители Пекина, по словам французского бюллетеня «Курье де политик этранжер», дают понять, что «интерес китайцев в ближайшее время перемещается в Юго-Восточную Азию». Этот, так сказать, неизменный «интерес», судя по всему, не сулит ничего хорошего странам ЮВА. Активность здесь пекинской дипломатии в последние месяцы на фоне еще большей активизации маоистского экспансионизма убеждает в этом. Серия визитов китайских руководителей в страны Юго-Восточной Азии и некоторые другие государства сопровождалась потоком уверений в «традиционной дружбе», а также всевозможными заявлениями, в которых можно найти все, кроме главного, что кровно интересует многие правительства, принимавшие китайских визитеров, а именно: намерен ли Пекин прекратить домогательства чужих территорий, грубое вмешательство во внутренние дела других стран, снабжение оружием антиправительственных сил и засылку вооруженных групп в другие государства, а также враждебные радиопередачи и иные действия, подстрекающие местное население к выступлениям против своих правительств? Вместо ответов на эти вопросы было замечено вновь уже хорошо известное лицемерие Пекина, его «двойная бухгалтерия», или, как еще говорят в соседних с Китаем странах, «двуличная корыстная линия».

Верность «линии Мао» наглядно проявляется в подходе Пекина к отношениям с Бирмой, который с самого начала отличался крайней враждебностью, прикрываемой внешним лицемерным «дружелюбием». Уже первые акции правительства КНР в китайско-бирманском пограничном вопросе показали, что оно основывает свою пограничную политику не на тех принципиальных положениях, которыми руководствуются при решении погранично-территориальных проблем социалистические государства. Акт «картографической агрессии» Китая против Бирмы, то есть издание в КНР карт с территориальными притязаниями к Бирме (и к другим соседям Китая), и в особенности последующие акции КНР в пограничных вопросах со всей очевидностью продемонстрировали, что, отказавшись от принципа самоопределения наций во внутренней политике, маоисты отбросили его и в области международных

дел. В основу своей пограничной политики маоистские лидеры положили великодержавный принцип исторической зависимости сопредельных территорий от Китая и необходимости «исправления» исторической «несправедливости» и возвращения Китаю всех территорий, «утраченных» им в последнее столетие. Первые китайско-бирманские переговоры показали, что китайская сторона целиком и полностью основывает свою позицию на претензиях и системе аргументаций, разработанных еще цинскими дипломатами. Упоминавшийся вначале инцидент в княжестве Ва, наряду с ранее использовавшимся приемом «картографической агрессии», достаточно наглядно продемонстрировали, что Пекин широко использует и тактические приемы, разработанные гоминьдановцами. Сам ход переговоров и характер обоснования Китаем своих территориальных претензий к Бирме, повторявшихся вплоть до завершения урегулирования в 1960—1961 гг., позволяют сделать вывод о том, что, решая вопрос о китайско-бирманской границе, Китай и Англия (в свое время) выступали с принципиально одинаковых, колониалистских позиций по отношению к бирманским, шанским и качинским землям с той лишь разницей, что Англия выступала в роли колониального захватчика открыто, тогда как Пекин пытался воспользоваться плодами этой захватнической, колониальной политики Англии и присоединить к своей территории районы, принадлежность которых Китаю была весьма сомнительной.

Что же касается достижения урегулирования, вернее той неожиданной быстроты, с которой был пройден последний этап переговоров, то они отнюдь не свидетельствовали о доброй воле Пекина. Объяснение надо искать в крайне неблагоприятном международном положении, в которое Китай попал в результате спровоцированного им тайваньского кризиса в 1958 г. и растущей конфронтации с Индонезией и Индией. Быстрое урегулирование проблемы, основанное на принципах мирного сосуществования, могло поддержать и в известной мере поддержало пошатнувшийся международный авторитет Пекина. Но конъюнктурная тактика маоистского руководства при урегулировании вопроса не позволила прийти к созданию спокойной, добрососедской обстановки. Провал попыток маоистов подчинить своему диктату бирманское правительство, идущее по пути укрепления независимости и суверенитета, вновь привел к обострению обстановки в пограничных районах Бирмы, но это было уже не признаком нерешенных территориальных вопросов, а показателем все того же вмешательства новоявленных китайских богдыханов в дела Бирмы, хотя и под другой «вывеской». Это вмешательство продолжается по сей день и служит примером крайне опасного авантюризма пекинских властей.

В начале этого года, например, зам. премьера Госсовета Китая Дэн Сяо-пин посетил Бирму. В то время, когда китайский руководитель, не скупясь на слова, заверял бирманскую сторону в «самых горячих чувствах братской дружбы и добрососедства», пекинская агентура заканчивала последние приготовления к новым вылазкам в районе бирманско-китайской границы. Не случайно, китайский руководитель остался глух к тому, что волнует бирманцев и о чем писала во время и после его визита бирманская печать — о «справедливой войне» против пропекинских мятежников, о необходимости «достижения национального единства... развития национальной экономики», о той тревоге, которую вызывает у бирманцев «спланированная борьба» против суверенной Бирмы, в которую «вовлечен... сам Китай»³. Жестокие бои, подмечала

³ "Asia week", № 15, 21.IV.1978.

печать, между бирманскими правительственными войсками и повстанцами, снабженными китайским оружием, «имели место в начале февраля 1977 г., как раз тогда, когда зам. председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Дэн Ин-чао нанесла визит в Бирму. И как бы для демонстрации того, что речь идет более чем о случайном совпадении, последняя серия боев вспыхнула 1 февраля 1978 г. — всего лишь одним днем раньше зам. премьера Госсовета КНР Дэн Сяо-пин выехал из Рангуна после переговоров с президентом Не Вином»⁴. Позиция китайцев характеризовалась в этой связи как «возмутительно лицемерная», сообщалось, что на одном из массовых митингов пропекинские террористы обвинялись в «неприглядной деятельности» и «бессмысленных разрушениях» особенно близ района Монгяунг, неподалеку от китайской границы. «После кровопролитных столкновений на северо-востоке страны в прошлом месяце (март с. г. — Авт.) то, что когда-то казалось многообещающим диалогом с Пекином, выглядит как пустая трата времени»⁵.

Индийская газета «Таймс оф Индия» писала в связи с этим, что Китай снабдил повстанцев винтовками, пулеметами и минометами, предоставил им финансовую и медицинскую помощь и разрешил пользоваться китайской территорией как тыловой базой. Появились сведения, что в отрядах, развернувших боевые действия, увеличилось число китайских военных советников, а в боях приняли участие подразделения народного ополчения из китайской провинции Юньнань. Надо сказать, что в пограничных районах этой провинции активно продолжают военные приготовления, наряду с усилением регулярной армии широко вооружается «народное ополчение» по принципу «каждая семья — пост», «каждый человек — часовой», от людей требуют «изучать военное дело, готовиться к боевым действиям». К тому же в учебных лагерях провинции Юньнань проходят специальную подготовку антиправительственные силы, которые затем перебрасываются в Бирму. Эти силы сейчас перешли уже к крупным и длительным операциям, которыми непосредственно руководит командующий Куньминским военным округом. В составе отрядов повстанцев постоянно находятся китайские «советнические подразделения». Создан даже штаб объединенного военного командования по координации боевых действий различных повстанческих отрядов на бирманской территории. Для доставки военного снаряжения построены дороги, связывающие глубинные районы КНР с Бирмой. Вопросами оказания финансовой помощи бирманским антиправительственным силам в Китае занимается специально для этого созданная организация⁶.

Существует и множество других фактов грубейшего вмешательства Пекина в дела Бирмы. Бирманская территория, например, самовольно используется китайскими властями для переправки мятежников из племен нага и мизо в Индию. Проблему этих племен маонисты стремятся превратить в источник напряженности между Бирмой, Индией и Бангладеш, чтобы обострить отношения между этими тремя странами. В своем чванливом высокомерии пекинские шовинисты дошли до того, что даже потребовали (!) предоставить им на рассмотрение проект бирмано-индийского пограничного соглашения. «Создается впечатление, — писал известный бирманский журналист Тейн Пе Мьинт, — будто мы ничего не должны делать без предварительной санкции китайцев. Но ведь это явное посягательство на суверенитет Бирмы!»

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ «Правда», 5.VI.1978.

Да, налицо явное и наглое покушение на независимость и суверенитет Бирмы, попытка столкнуть ее с пути самостоятельного развития, помешать бирманскому народу строить новую жизнь в условиях политической стабильности и национального единства. Во всем этом отражается неизменно гегемонистская линия маоистских социал-шовинистов, направленная на то, чтобы, говоря словами Мао Цзэ-дуна, «заполучить Юго-Восточную Азию». Особые усилия Пекина в антибирманском направлении объясняются тем, что Бирма, по маоистским замыслам, должна послужить частью «клещей», в которые пекинские стратеги хотели бы в дальнейшем «зажать» всю Юго-Восточную Азию, в течение короткого времени подорвать политическую структуру Таиланда, Малайзии, Сингапура, Бангладеш, добиться создания и в этих странах пропекинских марионеточных режимов и выйти на берега Малаккского и Сингапурского проливов. Мао Цзэ-дун в свое время считал, что для этого потребуется 8—15 лет. Кому же пытаются навязать роль второй, левой части этих «клещей»? Судя по всему, маоистские манипуляторы в решении этой «дилеммы» усердствуют с неменьшей активностью и цинизмом, хотя и с еще меньшими шансами на успех. Речь идет о их стремлении «убрать» главный барьер с пути распространения своего господства в этом районе — лишить независимости и подчинить себе вьетнамский народ.

II

Нынешние вопиющие факты недружественного отношения Китая к Социалистической Республике Вьетнам нельзя правильно понять, если упустить из виду главное, а именно: героический вьетнамский народ выстоял в тридцатилетней разрушительной войне, отразил вооруженную агрессию американского империализма, кровью своих лучших сынов отстоял свободу и независимость своей родины, создал единое социалистическое отечество, которое теперь оказалось перед лицом бесцеремонного грубого давления со стороны китайского руководства; суть этого давления, его, если можно так сказать, двигательная пружина, заключается в том, что социалистический Вьетнам проводит миролюбивый курс, направленный на укрепление содружества социалистических государств, на равноправное сотрудничество со всеми странами, курс, который лишает Пекин каких бы то ни было надежд на превращение СРВ в послушное орудие реализации своих гегемонистских планов в Юго-Восточной Азии.

В свете нынешних событий во всей неприглядной наготе раскрывается политика пекинских властей в отношении вьетнамского народа и народов Индокитая в целом за последние несколько лет, и особенно в период его мужественной борьбы против империалистических захватчиков.

Достаточно вспомнить, что с самого начала агрессии американского империализма против Вьетнама китайское руководство придерживалось двурушнической, по существу предательской, линии в отношении вьетнамского народа. Великодержавный смысл позиции Пекина четко выразился, например, в отказе Китая от сотрудничества с социалистическими странами в выработке мер с целью обеспечения безопасности Вьетнама, а затем и от организации помощи вьетнамскому народу в его справедливой освободительной войне. Если бы не это предательство Пекина, война в Индокитае закончилась бы гораздо раньше, а пролитой крови и разрушений было бы намного меньше. Не чем

иным, как пособничеством агрессору явились чинимые китайскими властями разного рода препятствия для провоза через территорию Китая военных грузов из социалистических стран во Вьетнам. На заключительном этапе индокитайской войны Пекин, пользуясь ситуацией, бросил свои вооруженные силы для захвата группы островов в Южно-Китайском море, которые Вьетнам считает своими.

Мир с облегчением вздохнул, когда в Индокитае смолкла канонада войны. Возникли реальные предпосылки для распространения разрядки на этот район земного шара, для налаживания между государствами мирного сотрудничества в интересах народов, их безопасности и благополучия.

Приступив к восстановлению разрушенного войной хозяйства, СРВ выдвинула ряд важных внешнеполитических инициатив, направленных на нормализацию отношений с Таиландом и другими государствами — членами Ассоциации Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В результате переговоров между Таиландом и Вьетнамом была достигнута договоренность об обмене посольствами и возобновлении воздушного сообщения. В атмосфере доброй воли проходили и визиты делегации СРВ во главе с министром иностранных дел Нгуен Зуи Чинем в Малайзию, Индонезию и на Филиппины. Судя по комментариям печати, встреча лидеров этих трех стран с делегацией СРВ открыла перспективу для плодотворного развития их политических и экономических связей с Вьетнамом. Одновременно с ростом международного авторитета социалистического Вьетнама, доверия к его политическому курсу рухнуло как карточный домик нагромождение всевозможных небылиц, фабрикуемых Пекином, вроде вьетнамского «мини-гегемонизма», советских военных баз в СРВ и т. п. Очень скоро стало ясно, что эти небылицы, как и оголтелый антисоветизм маоистских лидеров, помимо всего прочего, преследуют цель отвлечь внимание общественности в странах ЮВА от действительно экспансионистских акций Пекина, скрыть от нее за дымовой завесой лжи и клеветы реальную угрозу другим государствам со стороны пекинского гегемонизма.

Однако антивьетнамские действия пекинских властей все усиливались. Китайскому руководству, продолжавшему, с одной стороны, попытки настроить Таиланд и другие страны АСЕАН против СРВ и действовавшему по маоистскому принципу «бить по частям», «откусывать по кусочку», удалось подчинить своему влиянию руководителей Кампучии и подтолкнуть их на враждебные действия против вьетнамского народа. Эти действия начались фактически сразу же после победы 17 апреля 1975 г., когда кампучийские власти стали подвергать вьетнамских граждан репрессиям, убив тысячи вьетнамцев, ограбив десятки тысяч других и выдворив их во Вьетнам. 4 мая 1975 г. кампучийские вооруженные силы совершили нападение на остров Фукуок; 8 мая — вторглись на вьетнамскую территорию в различных местах между Ханьеном и Тайнием; 10 мая — оккупировали остров Тхетю. С тех пор вот уже более двух лет Кампучия систематически нарушала суверенитет и территориальную целостность Вьетнама, совершала нападения на густонаселенные районы города, административные центры провинций, новые экономические зоны, школы и больницы, пагоды, церкви... С мая 1975 г. до нынешнего времени она, как отмечал в январе с. г. премьер-министр СРВ Фам Ван Донг, тысячи раз нарушала неприкосновенность вьетнамской территории, в результате «тысячи мирных жителей убиты или ранены, сотни других похищены, множество домов сожжено, а имущество местного населения разграблено. Это — крайне варварские преступления, проявление крайней жестокости».

Спровоцировав вооруженный конфликт в конце 1977 г., кампучийские власти продемонстрировали всему миру, к чему могут привести действия страны, попавшей под контроль пекинских авантюристов. Многие зарубежные наблюдатели подчеркивают, что без провокационного подстрекательства со стороны Пекина, кампучийцы никогда не решились бы на подобную авантюру да еще против народа, вынесшего на себе главную тяжесть кровопролитной борьбы против иностранного агрессора. Пекинские власти не только осуществляют широкие поставки оружия в Кампучию, направили туда своих военных советников, но и всячески препятствуют мирному урегулированию конфликта. Как отмечала индийская газета «Пэтриот», такие действия пекинского руководства непосредственно вытекают из гегемонистской политики Китая в Юго-Восточной Азии.

Именно этой политикой определяются и заранее спланированные действия Пекина в связи с вопросом о будто бы «бедственном положении» лиц китайской национальности во Вьетнаме, а также широкая антивьетнамская пропаганда, которые продолжают принимать все большие размеры.

Как уже сообщалось, 1 мая 1978 г. китайские власти выступили с открытым заявлением в связи с якобы начавшейся кампанией по «преследованию и остракизму» лиц китайской национальности во Вьетнаме. Поводом для этого послужили законные меры правительства СРВ по национализации крупной частной промышленности и торговли в южной части страны, особенно в Хошимине. Владельцами этой собственности были в основном представители китайской буржуазии, сконцентрированные в пригороде Хошимина — Шолоне. Крупные буржуа, верой, правдой и капиталами поддерживавшие марионеточный режим Тхиеу, не могли смириться с победой народа, с начавшимися коренными социально-экономическими преобразованиями, отвечающими интересам широчайших трудящихся масс. Используя экономические рычаги, они пытались дезорганизовать экономику, подорвать устои народной власти. Решение правительства СРВ в отношении крупной буржуазии вызвало раздражение Пекина, ставшего на защиту эксплуататоров и требующего для них исключительных прав. Не без его вмешательства началось брожение в среде лиц китайской национальности, живущих в разных районах страны, которых агентура Пекина угрозами и давлением вынуждала бросать работу на предприятиях, в школах, шахтах, портах, где китайцы пользовались всеми правами граждан республики.

Правительство Вьетнама не раз предлагало китайской стороне обсудить вопрос о лицах китайской национальности в духе дружбы, не обострять отношения между странами, не подрывать дружественные связи двух народов. Но Пекину, который отказался сесть за стол переговоров, этот вопрос, видимо, нужен для вмешательства во внутренние дела Вьетнама, попыток затормозить его развитие.

Китайская сторона встала на путь создания трудностей на различных объектах, сооружаемых во Вьетнаме: поставки необходимых чертежей, машин, оборудования задерживались, а если и поставлялись, то часто оказывались некомплектными. Все это отрицательно сказалось на строительстве и сдаче в эксплуатацию необходимых стране объектов, тормозило развитие экономики.

12 мая правительство КНР приняло решение отменить поставки оборудования Вьетнаму, заявив, что высвобожденные средства будут использованы для трудоустройства лиц китайской национальности, которых Вьетнам якобы «выгнал» из страны. Затем последовали новые акции давления Пекина: он отозвал большую часть технических спе-

циалистов, начал затягивать выполнение торговых контрактов, односторонне аннулировал ряд соглашений, подписанных правительствами двух стран.

Китайское руководство предприняло акции, затрагивающие интересы ряда других стран. Так, оно стало запрещать или ограничивать транзитные перевозки через территорию Китая необходимого оборудования и материалов для Вьетнама из европейских стран.

Китайское правительство без всяких оснований приняло решение закрыть вьетнамские генеральные консульства в городах Куньмин, Наньнин и Гуанчжоу и отдало распоряжение всем сотрудникам консульств покинуть Китай. Это серьезный акт, направленный на дальнейшее обострение китайско-вьетнамских отношений. Одновременно китайские власти усилили напряженность на китайско-вьетнамской границе, подогревают антивьетнамские выступления лиц китайской национальности на территории СРВ.

Мировая общественность и печать многих стран обращают внимание на то, что китайское руководство использует эмигрантов в своих политических планах и интересах, когда считает это для себя выгодным. Народы Юго-Восточной Азии знают об этом достаточно хорошо на примере Индонезии, Малайзии, Бирмы. Вместе с тем наблюдатели отмечают, что политика Пекина практически служит его гегемонистским целям, стремлению заставить развивающиеся страны быть покорными Пекину, используя для этого все средства давления, включая китайскую эмиграцию, и особенно китайскую буржуазию. Китайские представители на всех перекрестках твердят, что Китай — развивающаяся страна и принадлежит к так называемому «третьему миру». Этот маневр рассчитан на обман общественности развивающихся стран. Провокации в отношении Вьетнама лишний раз показывают, что Китай проводит политику экспансии и ставит перед собой цель подчинить себе Юго-Восточную Азию⁷.

Китайские лидеры, развязав неприглядные действия против Вьетнама, рассчитывают вызвать трудности в его мирном строительстве, помешать ему успешно продвигаться вперед. Но такая политика обречена на провал. «Народ Вьетнама, — говорится в ноте правительства СРВ правительству КНР, — прошел трудный и сложный путь к нынешней славной победе. Высоко неся знамя национальной независимости и социализма, неуклонно придерживаясь курса на независимость, самостоятельность и международную солидарность, развивая дух опоры на собственные силы и получая помощь друзей со всего мира, народ Вьетнама, несомненно, защитит и успешно построит мирный независимый, единый и социалистический Вьетнам, внесет достойный вклад в дело борьбы народов за мир, национальную независимость, демократию и социальный прогресс».

Достоиную отповедь зарвавшимся шовинистам дала вьетнамская газета «Куан До́й Ня́н За́н», которая 6 июня в редакционном комментарии «Справедливость всепобеждающа» обвинила Пекин в намерении подорвать традиционную дружбу между вьетнамским и китайским народами. «Разве такие действия, как фальсификация и клевета на Вьетнам, — писала газета, — односторонне принятое решение о направлении судов во Вьетнам, не получив на то разрешения, делаются для укрепления дружбы между двумя странами? Нет, все это представляет собой лишь серию акций, смысл которых направлен на то, чтобы чинить трудности социалистическому строительству во Вьетнаме, подорвать дружбу

⁷ «Правда», 22.VI.1978.

народов Вьетнама и Китая. У нас есть еще одно свидетельство этого, а именно: недавно два китайских компетентных чиновника заносчиво утверждали, что «Вьетнам является приспешником Советского Союза». Это представляет собой еще один шаг в эскалации низкопробной клеветы. Данный факт говорит о том, что китайские власти стоят в отношении Вьетнама на позициях великодержавного шовинизма. Или же это позиция такого лица, которое завязывает дружбу с теми, кто угодничает, пресмыкается перед ним, низкопоклонствует, становится вассалом, будь то фашист в Латинской Америке, наемник колонизаторов в Африке или нечестивый плут, продающий дружбу в Юго-Восточной Азии...

Эти действия китайской стороны полностью противоречат чаяниям народов Вьетнама и Китая и идут вразрез с надеждами всего мира. Эти действия противоречат принципам отношений между социалистическими странами и не соответствуют общепринятым международным нормам межгосударственных отношений».

Провокационная политика Пекина в отношении социалистического Вьетнама получает должный отпор со стороны СССР и других социалистических стран, со стороны коммунистического и рабочего движения, всех прогрессивных сил мира. «Сегодня, когда вьетнамскому народу приходится испытывать грубое и ничем неприкрытое давление извне, подвергаться нападкам и шантажу, — говорится в телеграмме руководителей КПСС и Советского правительства в адрес руководства СРВ по случаю второй годовщины образования СРВ, — мы вновь заверяем братский Вьетнам в нашей решительной поддержке его усилий, направленных на строительство социалистического общества, на улучшение условий жизни народа, на защиту неотъемлемых суверенных прав и упрочение международных позиций Социалистической Республики Вьетнам — надежного форпоста социализма в Юго-Восточной Азии. Советский Союз поддерживал, поддерживает и будет неизменно поддерживать Вьетнам».

III

Поистине разбойничьи методы маоистских социал-шовинистов, применяемые против Вьетнама, вызвали в странах ЮВА реакцию, прямо противоположную той, которую хотели бы видеть в Пекине.

Малайзийская газета «Нью стрейтс таймс» писала, что, хотя ссора между социалистическими странами и устраивает Вашингтон, она не отвечает интересам государств Юго-Восточной Азии, которые «устали от войны и слухов о ней»⁸. Пресса обратила внимание и на факт совпадения активизации нападков Пекина на Вьетнам с визитом в Китай Бжезинского. Напоминается в этой связи, что вооруженный захват китайцами островов в Южных морях также был согласован с американцами, а посему последнее заявление Пекина и Вашингтона об «общности стратегических интересов США и КНР» не могло не вызвать обеспокоенности в странах Юго-Восточной Азии. Здесь задаются вопросом, не означает ли такого рода альянс американских «ястребов» с китайским «драконом» прямое поощрение агрессивности последнего, направленной прежде всего против тех, кто ближе и слабее? Ведь Пекин дошел до того, что претендует даже на рифы Центму, находящиеся всего в 20 милях от берегов малайзийского штата Саравак. В Китае уже теперь изданы карты, на которых территориальные воды КНР проходят

⁸ «New Straits Times», 30.V.1978.

лишь в 5 милях от побережья Восточной Малайзии. Конечно, на фоне глобальных замыслов Пекина «покорить земной шар» и в качестве первого шага «заполучить» ЮВА какие-то рифы — это «мелочь», но в Малайзии, да и в других государствах района хорошо понимают, что если не дать отпора этим на вид «мелким» посягательствам, за ними последуют (отчасти они уже имеют место) и более крупные акции.

Не случайно в Пекине больше всего боятся единства окружающих его стран, причем любого единства, даже если оно не направлено против Китая, а свидетельствует о стремлении этих стран к развитию равноправного, дружественного и мирного сотрудничества и укреплению на этой основе мира и безопасности народов. Но как раз это-то и не вписывается в маоистскую схему подчинения своему диктату окружающего мира, причем подчинения беспрекословного.

Совершенно очевидно, что Пекин во всех своих экспансионистских действиях рассчитывает главным образом на то, чтобы запугать соседние страны, постепенно заставить их беспрекословно служить Поднебесной, а для этого всячески стремится воспрепятствовать их нормальному взаимному сотрудничеству, внести ссору между ними, осложнить политическую обстановку в духе небезызвестных заветов Мао: «наносить удар за ударом», «если можно уничтожить, то обязательно уничтожить, если временно нельзя уничтожить, то готовиться уничтожить в будущем». У тайландского представителя на региональных курсах ЮНЕСКО были всякие причины заявить, обращаясь к филиппинским и индонезийским коллегам: «Ваше счастье, что вы отделены от Китая морем, но когда он раздавит все наши страны, очередь дойдет и до вас».

На фоне подрывной деятельности Пекина к западу и югу от своих границ весьма демагогично и фальшиво прозвучал и его недавний призыв к странам-членам АСЕАН (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Сингапур, Филиппины) создать «единый фронт» этой организации с Китаем. Государственные деятели и пресса этих стран резко осудили лицемерную и провокационную затею китайских властей. «Трудно расценить китайское предложение как отражение добрых намерений», — заявила индонезийская «Суара Карья». А сингапурская «Стрейтс таймс» прямо подчеркнула: «Отвечаем Пекину — «Нет»!»

Как известно, создание АСЕАН в августе 1967 г. в разгар «культурной революции» в Китае явилось в немалой мере ответной реакцией пяти стран ЮВА на попытки пекинских лидеров свергнуть правительства в этих странах, навязать им маоизм. Эта ассоциация родилась как организация, в рамках которой ее члены планировали объединить усилия и выработать единую политику противодействия китайскому экспансионизму. Когда после оформления АСЕАН спросили госсекретаря по иностранным делам Филиппин, имеется ли общее согласие между странами АСЕАН относительно того, «откуда или от какой страны наиболее вероятно вмешательство», он ответил: «Здесь нет вопроса. От Китая».

Пекин, не только не изменивший своих агрессивных намерений против стран ЮВА, но и усиливший действия по их реализации, теперь прикидывается «другом» АСЕАН и даже напрашивается в «защитники». Поскольку жители стран ЮВА не испытывают желания пускать в свой дом маоистов, последние ищут обходные пути, делая, в частности, ставку на лиц китайской национальности в районе, где их проживает около 20 млн. Как уже упоминалось, в ЮВА все чаще, а особенно в связи с китайскими провокациями против СРВ, обращают внимание на недопустимое с точки зрения элементарных норм международного об-

щения посягательство Пекина на суверенитет соответствующих государств и с помощью воздействия на местных китайцев. Выступая на последней сессии ВСНП, китайские руководители отвели им роль «моста» в отношениях стран ЮВА с КНР, что усилило подозрения и беспокойство в этих странах. На встрече с руководителями прибывших в Пекин групп китайских эмигрантов Дэн Сяо-пин заявил, что «вопрос о работе среди китайцев, проживающих в других странах, необходимо поставить на повестку дня и его решению уделять самое серьезное внимание»⁹. Помимо привлечения эмигрантского капитала (общая сумма капиталовложений китайских эмигрантов в странах ЮВА составляет, по разным источникам, от 10 млрд. ам. долл.¹⁰ до 16,3 млрд. ам. долл.¹¹) к участию в осуществлении программы «четырёх модернизаций» Пекин, как и прежде, намерен использовать их в качестве «пятой колонны», называя их «соотечественниками», «одной семьей», «родственниками по крови»¹². Все с большей активностью Пекин призывает их принимать гражданство страны проживания. «Политика правительства КНР, — как заявил на сессии ВСНП Хуа Го-фэн, — состоит в том, чтобы поддерживать и поощрять китайских эмигрантов добровольно принимать гражданство тех стран, в которых они проживают».¹³ И хотя при этом они лишаются китайского гражданства, им напоминают, что «узы родства с китайским народом сохраняются»¹⁴. Вновь широко пропагандируется высказывание Мао Цзэ-дуна о том, что «90% китайских эмигрантов — патриоты, наши друзья и товарищи, врагов среди них — крошечное меньшинство»¹⁵.

Вообще говоря, тлеющие угли националистических настроений у значительной части китайских эмигрантов давно бы погасли, если бы они умышленно не раздувались Пекином. Линия нынешних лидеров Китая как раз и ведется с расчетом на то, чтобы подогревать великоханьский шовинизм у них под видом «развития патриотических чувств», внедрять в китайских общинах свою агентуру. Индонезийская газета «Мердека», обращаясь к своему правительству, призвала в этой связи «резко усилить контроль за деятельностью китайцев и оградить страну от проникновения хорошо обученной агентуры». Другая газета «Синар харапан» указывала, что проникновение в Индонезию лиц китайской национальности в больших масштабах, а также создание «специальных бюро» в Гонконге и других местах для оформления этим лицам фальшивых индонезийских документов «следует рассматривать как часть заранее подготовленной операции». Примерами вопиющего пренебрежения к суверенитету других стран могут служить попытки вовлечения китайской молодежи в этих странах в различные подпольные антиправительственные организации вроде «лиги изучения идей Мао Цзэ-дуна», проповедующие культ насилия, или провоцирование Пекином через китайских эмигрантов всевозможных беспорядков вроде тех, которые в последнее время имели место во Вьетнаме. Пекинские правители не гнушаются использовать в своих корыстных интересах даже бандитские «тайные общества», состоящие из китайцев и разбросанные по разным странам ЮВА. Главная ставка, разумеется, делается на китайских капиталистов, которых, по словам индонезийских

⁹ «Жэньминь жибао», 3.I.1978.

¹⁰ "South China Morning Post", 21.VI.1976.

¹¹ "Time", 12.XII.1977.

¹² «Гуанмин жибао», 6.IV.1978.

¹³ Документы сессии ВСНП КНР 5-го созыва, Пекин, 1978, стр. 123.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 4.I.1978.

официальных лиц, «заставляют обогащаться за счет эксплуатации местного населения, а капиталы переводить в Пекин».

В Юго-Восточной Азии осуждается гнусная затея с провоцированием китайцев во Вьетнаме к антивьетнамским выступлениям. Осуждение объясняется не только тем, что Пекин не имеет никакого права вторгаться в дела других стран. Указывается на лживость всей позиции маонистов, от которой страдают и сами китайские эмигранты, обманом вовлекаемые в пекинские авантюры. На многочисленных митингах лиц китайского происхождения подробно говорилось об истинном положении дел в данном вопросе, о пропагандистской кампании, которую ведет ряд подстрекательских элементов в среде китайцев, проживающих во Вьетнаме.

«С большим удивлением, — рассказывал инженер одного из ханойских предприятий Лыонг Тон Куанг, — я встретил измышления пекинского радио о «нашем трагическом положении» во Вьетнаме. Все мои восемь братьев и сестер, живущих в разных уголках единого Вьетнама, ничего подобного на себе не испытывают. Мне, например, была дана возможность получить высшее образование, и я прошел путь от простого рабочего на Хайфонском механическом заводе до инженера, руководителя производства. Я думаю, что в Китае мне вряд ли бы удалось вырваться из нищеты, которую там испытывают многодетные семьи.

Некоторые мои знакомые, — продолжал он, — поддались на провакационные призывы вернуться в Китай. Кстати замечу, что вьетнамские власти и в этих случаях не чинили никаких препятствий для выезда. Подстрекательские элементы сулили возвращающимся счастье и достаток, работу по специальности в Китае. Но теперь они пишут полные горечи письма о том, что все эти обещания остались лишь на словах. Многих из них вывезли в отдаленные сельские районы трудиться на полях в тяжелейших условиях, несмотря на то, что они — специалисты с образованием или высококвалифицированные промышленные рабочие».

Наплевательское отношение Пекина к судьбам китайских эмигрантов, поистине безжалостное их использование в качестве слепого орудия осуществления своих нечистых дел подтверждается следующими фактами, о которых сообщил журнал «Эйша унк» в мае 1978 г.:

«Почти ничего не известно о судьбе приблизительно 450.000 китайцев, живущих в Камбодже, но ясно, что они страдают, как и остальной средний класс, от волны террора, прокатившейся по стране после... апреля 1975 г. Даже если Китай решит предпринять вооруженные действия для защиты своих соотечественников во Вьетнаме, Пекину будет трудно отклонить обвинения в том, что он проявляет двуличие в вопросе о китайцах, живущих за границей. Вопрос номер один: «Почему Китай не выразил протеста против плохого обращения с китайцами в Камбодже?» Почти все рассказы очевидцев свидетельствуют о том, что по сравнению со своими братьями в Демократической Кампучии китайцы во Вьетнаме были в хорошем положении».

Явное лицемерие Пекина было подчеркнуто двумя письмами, опубликованными в ежемесячном журнале «Минбао», издающемся в Гонконге на китайском языке. Одно письмо подписали «Камбоджийские беженцы китайского происхождения в Таиланде и других частях мира»; это письмо направлено «товарищу Ляо Чэн-чжи в Пекине, 18 апреля».

В письме говорится: «Нас угнетает то, что не было сказано ни одного слова о бесчеловечных жестокостях, совершенных новыми кхмерскими властями против полумиллиона наших соотечественников в Кам-

бодже. Они расстреливали людей без разбора и оттесняли их в джунгли, а солдаты насильовали молодых китайцев... Это заставляет нас спросить, не делает ли родина при осуществлении своей политики по отношению к китайцам, живущим за границей, сознательного исключения по отношению к нашим соотечественникам в Камбодже, которые живут точно в аду».

* * *

Маоисты любят говорить об «извилистости» своего пути. С этим нельзя не согласиться. Куда и против кого может повернуться меч китайского милитаризма на том или ином этапе, не будет зависеть от тех на Западе, кто сегодня безответственно способствует его выковыванию. Во всяком случае сейчас, как уже отмечалось, направление китайской экспансии вырисовывается довольно определенно. Под прикрытием фальшивого лозунга об «угрозе с Севера» Пекин пытается распространить свое влияние в Юго-Восточной Азии, а также в районе Тихого океана вплоть до Австралии — со всеми последствиями для тех, кто имеет здесь свои интересы. Иначе говоря, если перефразировать пекинский афоризм, китайское руководство «создает видимость на Севере, а готовится нанести удар на Юге». Ведь именно в этом направлении Пекином использовалась вооруженная сила. Именно в этом направлении нацелены и, по возможности, реализуются территориальные притязания пекинских гегемонистов к ряду соседних стран и на острова южных морей, которые другие государства района считают своими. Именно в этот район направляются тысячи и тысячи китайцев, которые проникают сюда из Китая через Гонконг.

Индийское агентство Сентрал Ньюс Сервис следующим образом раскрыло истинные намерения пекинских гегемонистов в Юго-Восточной Азии: «В настоящее время китайский военный потенциал недостаточен, чтобы Пекин мог установить свой военный контроль над этим районом. Но маоисты отнюдь не отказались от основных принципов своей великодержавной политики. Пекинские стратеги не скрывают притязаний на более чем 200 островов в Южно-Китайском море, чтобы, захватив их, господствовать над морскими путями, имеющими жизненно важное значение для многих стран... Устремления маоистов идут вразрез с основными тенденциями к ослаблению напряженности в мире, в частности в Азии».

Рассуждения людей, мыслящих колониалистскими категориями «сфер влияния» и отводящих Пекину Юго-Восточную Азию в качестве такой сферы, несомненно, тешат чванливое самолюбие маоистских социал-шовинистов. В стратегическом плане пекинские лидеры стремятся не просто к усилению своего влияния в этом районе, а к установлению над ним безраздельного господства. В этом суть. И совершенно правы те, кто, к примеру, видит в заигрывании Пекина с Вашингтоном тактический ход маоистов, рассчитанный на выигрыш времени и использование американцев в своих нуждах: «...его (Китай. — Авт.) система и идеология диктуют далеко идущую стратегическую оппозицию Соединенным Штатам... Независимо от методов США Китайская Народная Республика будет иметь свою собственную стратегию и динамику, которые затронут интересы ЮВА»¹⁶.

Гораздо ясней об этом говорят сами маоисты, в частности член

¹⁶ Дж. Вананди. Военно-политическая ситуация в Юго-Восточной Азии. — "Asian Survey", Berkeley, vol. 17. p. 775—776.

политбюро ЦК КПК, зам. премьер-министра Госсовета КНР, заведующий отделом международных связей ЦК КПК Гэн Бяо, который в своей речи перед выпускниками дипломатической академии прямо заявил: «В данный момент пусть США защищают нас... Когда мы сочтем, что время наступило, мы скажем дяде Сэму: «Будь добр, упаковывай свои вещи». Тот же самый подход завещал и Мао Цзэ-дун, говоря, что с Соединенными Штатами «нужно все же продолжать борьбу, вести ее силой, отвоевывая у них одну позицию за другой. А это требует времени».

Сбудутся ли бредовые планы новоявленных претендентов на мировое господство, удастся ли маоистам прибрать к рукам Юго-Восточную, а затем и другие части Азии, будет зависеть не только от Пекина. Чем быстрее люди поймут беспардонную фальшь и лживость пекинских политиканов, чем меньше они будут давать возможностей Пекину играть на разобщенности государств, тем меньше будут возможности маоистов вершить опасные для мира и безопасности народов дела.

Подобно человеку, одержимому «идеей-фикс», наследники Мао, сфокусировав свою политику на маоистской идее мирового господства под предлогом «освобождения человечества» (о котором, разумеется, их никто не просит), подчиняя все свои действия претворению в жизнь этой идеи, не останавливаются ни перед чем. Подстрекательство, обман, политическое мошенничество, вооруженные провокации стали для них нормой, и они хотели бы «приучить» другие народы, весь мир мириться с таким образом действия, с их чванливым пренебрежением к тому, что именуется нормами международного права, международного общения, которые существуют для всех и всеми должны соблюдаться. Попытки китайских лидеров поставить себя над этими нормами наряду с их шовинистической проповедью войны и китаецентризма лишь подчеркивают растущую опасность маоистской политики.

Слова и дела китайского руководства, пришедшего на смену Мао Цзэ-дуну, подтверждают правильность и актуальность принципиальных оценок маоизма, данных XXV съездом КПСС: «Большую опасность для всех миролюбивых народов представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки, — говорилось на съезде. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов. Мы будем давать отпор этой поджигательской политике, защищать интересы Советского государства, социалистического содружества, мирового коммунистического движения»¹⁷.

Было бы непростительной ошибкой занимать бесстрастную позицию по отношению к безрассудной политике Пекина и дожидаться того времени, когда опасность возрастет до губительных размеров. Все, кому дорог мир, свобода и независимость народов, кто хочет спокойно заниматься созидательным трудом, должны совместно направлять усилия на разоблачение и пресечение опаснейших замыслов и акций маоистских и иных провокаторов войны, подыгрывающих Пекину в его гегемонистских амбициях.

¹⁷ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 11.

Японский милитаризм поднимает голову

И. И. Ивков

Сегодня, когда в мире происходит поворот от напряженности и конфронтации к разрядке и налаживанию международного сотрудничества, особо важное значение приобретает борьба против милитаризма и реваншизма, за прекращение гонки вооружений, за снижение риска возникновения ракетно-ядерной войны. Мировая демократическая общественность все настойчивее ставит вопрос о том, чтобы политическую разрядку дополнить военной, чтобы оздоровление международной обстановки сопровождалось обузданием милитаристских и экспансионистских тенденций в политике и практике империалистических держав.

Опыт истории показывает, что страна, в которой военно-промышленный комплекс оказывает неограниченное влияние на экономику, политику и идеологию, подчиняет науку и культуру, ставит на службу подготовки войны все национальные ресурсы, — что такая страна превращается в потенциальный очаг войны и агрессии.

Возрастает опасность того, что в число такого рода государств может войти и современная Япония, в которой в настоящее время усиливаются милитаристские тенденции, наращивается мощь вооруженных сил, разворачивается производство современной военной техники, ведется широкая идеологическая обработка населения и личного состава вооруженных сил в духе реваншизма и милитаризма, проповедуется культ насилия.

Подобное развитие событий опасно потому, что оно происходит в стране, исторический путь которой отмечен многочисленными захватническими войнами. По мере роста экономического могущества страны экспансионистские претензии и аппетиты японских дзайбацу не только не уменьшаются, а непрерывно растут, принимая порой весьма опасный характер. Они вновь начинают раздувать националистическую кампанию, все настойчивее ставят вопрос о новой роли Японии в современном мире. На гребне подъема японского империализма оживились крайне правые элементы, которые вновь набирают силу и пытаются навязать стране авантюристическую политику возрождения былого военного могущества и осуществления военной экспансии против соседних государств.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, отмечая рост милитаризма в капиталистическом мире, указывал, в частности, на активизацию японских милитаристов, которые «стремятся вновь толкнуть эту страну на путь экспансии и агрессии»¹.

Хотя процесс ремилитаризации Японии еще не стал тотальным, но существующая военная машина, созданная под видом «сил самообороны», уже является одной из самых сильных среди армий капиталистических стран Азии. А если учесть, что вооруженные силы Японии опи-

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 16.

раются на мощную экономическую и техническую базу, способную в короткий срок оснастить их самой современной боевой техникой, то станет ясной вся несостоятельность попыток японской буржуазной пропаганды убедить общественное мнение в том, что «силы самообороны служат делу мира», что Япония не имеет никаких агрессивных намерений в отношении других народов. Кому не известно, что Япония фактически являлась соучастницей всех агрессивных действий США, предпринимавшихся в послевоенное время против национально-освободительного движения азиатских народов, особенно против народов Кореи, Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

Усиление милитаристских и реваншистских тенденций в политике и экономике Японии не может не вызывать тревогу и беспокойство у миролюбивых народов Азии, многие из которых неоднократно становились жертвой японской агрессии и испытали на себе все ужасы чудовишных злодеяний, чинившихся над мирным населением в захваченных странах.

Агрессивные войны, которые вела правящая верхушка страны, принесли неисчислимые бедствия и самому японскому народу. Вторая мировая война унесла два миллиона японских жизней. Около 8 млн. японцев получили тяжелые увечья. Примерно одна треть национального богатства страны была уничтожена в ходе боевых действий, развернувшихся на японской территории. Япония оказалась первой страной, испытавшей на себе ужасы атомных бомбардировок, которые привели к гибели более 300 тыс. человек — главным образом стариков, женщин и детей.

Японские трудящиеся решительно выступают против возрождения милитаризма и усиления военно-политического союза с США. Однако одного стремления к миру со стороны отдельных политических партий и групп еще недостаточно. Нужны широкие активные общенациональные действия всех миролюбивых сил страны, поддержанных мировой демократической общественностью, чтобы решительно пресечь процессы милитаризации Японии и повернуть ее развитие на путь мира, демократии и социального прогресса.

Официальная пропаганда не жалеет сил, чтобы доказать, что Япония навсегда покончила с милитаризмом и агрессией, что она стала миролюбивым, демократическим государством, высшим идеалом которого якобы является борьба за упрочение мира и налаживание международного сотрудничества. При этом японские политические и государственные деятели любят ссылаться на 9 статью послевоенной конституции, которая запрещает Японии иметь вооруженные силы и прибегать к войне как средству решения спорных вопросов.

Однако японские пропагандисты предпочитают умалчивать о том, что в обход новой конституции и даже со ссылкой на нее Япония под предлогом необходимости «самообороны» взяла вполне определенный курс на форсированное перевооружение страны, создание мощных вооруженных сил, способных проводить самостоятельно наступательно-оборонительные операции стратегического характера. Преднамеренно замалчивается и тот факт, что в японской экономике отдается все большее предпочтение развитию таких отраслей промышленности, которые можно было бы быстро переключить на производство всех видов современной боевой техники.

Известно, что основу военной промышленности составляют прежде всего индустриальная база страны и наличие квалифицированной рабочей силы. Оба эти фактора наличествуют в Японии.

Благодаря широкому использованию новейшей зарубежной технологии, жесточайшей эксплуатации наемного труда, высокой норме накоп-

ления капитала, получению займов и кредитов, главным образом от США, притоку больших капиталов от выполнения «спецзаказов» для нужд американской военной машины, особенно в период ведения агрессивных войн в Корее и Индокитае, Япония сделала большой скачок в производстве электроэнергии, стали, чугуна, судов и автомобилей, пластмасс, синтетического каучука, химической продукции, радиоэлектронной аппаратуры и т. п. В 1976 г. Япония произвела 406,4 млрд. кВт·ч электроэнергии, 107,4 млн. т стали, 864,4 тыс. т меди, 919,4 тыс. т алюминия, 118 тыс. металлообрабатывающих станков, 7,8 млн. автомобилей, 68,7 млн. т цемента, спустила на воду суда общим водоизмещением 14,5 млн. бр.-рег. т.²

Сегодняшний уровень промышленного производства Японии во много раз превосходит уровень довоенного времени и первых лет после второй мировой войны. Это означает, что правящие круги опираются на мощный военно-промышленный потенциал, что дает им возможность в случае необходимости развернуть и оснастить современной боевой техникой многомиллионную армию.

Большое внимание в Японии уделяется развитию авиационной и танковой промышленности, судостроению и кораблестроению. Объем авиационной продукции к 1977 г. увеличился в 7 раз по сравнению с уровнем 1960 г. По данным иностранной печати, Япония уже сейчас может организовать производство до 4 тыс. боевых самолетов в год.

Аналогичными возможностями Япония располагает и в области производства танков, которое можно развернуть на автомобильных и тракторных заводах, а также предприятиях, специализирующихся на изготовлении дорожной техники. Зарубежные специалисты считают, что Япония могла бы в короткие сроки переключить все эти мощности на производство танков, доведя их выпуск до 2,5 тыс. в год.

Еще более благоприятные перспективы могут открыться перед военной в случае развертывания военно-морского флота. Известно, что в настоящее время Япония строит более половины мирового тоннажа торговых и транспортных судов. Ежегодно со стапелей Японии сходят сотни судов различного типа, которые легко могут быть переоборудованы в корабли военного назначения.

Располагая современным машиностроением и приборостроением, огромным станковым парком, Япония способна производить все виды артиллерийских орудий, включая атомную артиллерию, другие виды стрелкового вооружения и боеприпасов, современные средства связи, необходимые для управления боевыми действиями, прочую военную технику.

В июле 1977 г., выступая перед высшим командным составом вооруженных сил, премьер-министр Японии Т. Фукуда заявил, что его правительство намерено «укреплять авторитет, моральные основы и роль вооруженных сил в стране».

Исходя из этого, японское правительство постоянно заботится о том, чтобы совершенствовать структуру тех отраслей промышленности, которые могут работать непосредственно на войну, то есть способных в кратчайшие сроки обеспечить все виды вооруженных сил самыми современными средствами боевой техники. Предприятия, связанные с производством вооружений, получают из государственной казны огромные дотации, которые используются на военно-научные исследования, обновление и модернизацию производственного аппарата.

² Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1976 и начало 1977 г. М., 1977, стр. 83.

В Японии уже производятся такие современные виды оружия отечественной конструкции, как танки типа «61» и «74», бронетранспортеры «60» и «73», ряд образцов ракетного оружия, подводные лодки и противолодочные катера, самолеты огневой поддержки наземных и военноморских сил, учебные и боевые транспортные самолеты и многое другое. Помимо того, часть новейшего оружия и боевой техники производится по американским и другим иностранным лицензиям.

Одновременно Управление национальной обороны (УНО) закупает лучшие образцы оружия в зарубежных странах, прежде всего в США, которые все еще остаются основным поставщиком наиболее важных видов боевой техники. Как заявил в декабре 1977 г. начальник УНО С. Канэмару, Япония намерена приобрести в США различное вооружение, в том числе 200 новейших истребителей-бомбардировщиков и противолодочных самолетов.

Японская военщина возлагает большие надежды на осуществление программ космических исследований и развития ядерной энергии, разработанных и активно претворяющихся в жизнь правящими кругами страны. Она надеется, что достижения в освоении космоса и развитии атомной энергетики будут способствовать усилению военного могущества страны и приобщению ее к клубу ядерных держав. Правительственными органами Японии разработана долгосрочная космическая программа на период до 2000 года. В ходе выполнения космической программы Япония уже создала ракеты, способные выводить на орбиту ядерные боеголовки.

Япония обладает запасами делящегося вещества, достаточными для производства нескольких десятков атомных бомб средней мощности, а к 1985 г., как полагает американский ученый Дж. Эммерсон, эти запасы постепенно увеличатся и составят примерно 50 т, что достаточно для производства 150 ядерных боезарядов средней мощности³. В составе японских вооруженных сил имеются мощные истребители-бомбардировщики, в том числе F-4, Фантом-11 и другие носители ядерного оружия.

Стремление правящих кругов Японии стать ядерной державой объясняется среди других причин стремлением продемонстрировать свое военное могущество и войти в клуб сильнейших держав мира. «Растущая экономическая мощь.— откровенно писал депутат японского парламента С. Исэхара,— повлечет за собой конфликты с другими странами. Усиленная ядерным оружием Япония сможет преодолеть подобные кризисы. Без ядерного оружия останется только одно — подчиниться»⁴.

Несмотря на подписание и ратификацию Договора о нераспространении ядерного оружия, реакционные силы страны продолжают кампанию по приучению общественного мнения к мысли о необходимости создания ядерного оружия, и эта кампания принимает все более широкий характер.

В нее включился и премьер Т. Фукуда, который, выступая в марте 1978 г. в парламенте, заявил: «Обладание ядерным оружием возможно. Я думаю, что и Верховный суд Японии поддержит это. Я являюсь премьер-министром и одновременно председателем Либерально-демократической партии. До тех пор пока у власти будет находиться правительство ЛДП, невозможно представить, чтобы эта точка зрения изме-

³ G. Emerson. Arms, Yen and Powers. Japanese Dilemma. Tokyo, 1973, p. 341

⁴ См. Ibid., p. 351.

нилась. Даже если будет создан кабинет министров, возглавляемый другой партией, я не думаю, что это толкование изменится».

Комментируя это заявление Т. Фукуды, японская газета «Майнити» указывает, что таким образом премьер-министр впервые выступил в парламенте с заявлением, суть которого сводится к тому, что «с точки зрения конституции Япония может обладать оборонным тактическим ядерным оружием»⁵.

Не исключено, что при резком изменении обстановки в мире, и особенно на Дальнем Востоке, националистически настроенные круги могут растоптать подписанный Японией Договор о нераспространении ядерного оружия как простую бумажку и толкнуть страну на путь гонки ядерных стратегических вооружений.

Хотя японское командование делает пока что упор не на количественное раздувание военной машины, а на ее качественное состояние, национальные «силы самообороны» уже достигли четверти миллиона. По данным на 31 марта 1976 г., численность вооруженных сил (без учета вольнонаемного состава) составляла 266 тыс. солдат и офицеров. При этом командный состав по численности преобладает над рядовым составом. В составе «сил самообороны» числится 41 896 генералов, офицеров и прапорщиков, 112 982 — чинов младшего командного состава и только 111 150 человек составляют рядовые солдаты.

Такого высокого удельного веса командного состава, пожалуй, нет ни в одной армии мира. Подобная структура вооруженных сил специально рассчитана на то, чтобы можно было быстро развернуть многомиллионную армию для ведения агрессивных действий. Об этом красноречиво свидетельствует опыт Германии. Когда после первой мировой войны Германии было разрешено держать армию численностью не более 100 тыс. человек, основной костяк ее контингента составляли генералы, офицеры и младший командный состав. Это позволило гитлеровцам в короткие сроки развернуть огромную армию, залившую кровью всю Европу.

В ходе выполнения четырех пятилетних планов строительства вооруженных сил войска Японии достигли большой огневой мощи и высокой маневренности. Особенно большое развитие получили военно-воздушные и военно-морские силы. Парк самолетов и вертолетов только в сухопутных войсках далеко превысил 1000 единиц, а число боевых кораблей достигло 200 общим водоизмещением 245 тыс. т. В настоящее время Япония располагает 13 дивизиями, в том числе четырьмя механизированными, бронетанковым парком, насчитывающим 1000 боевых танков, бронетранспортеров и самоходных орудий.

Новый пятилетний план предусматривает увеличение сухопутных войск до 300 тыс. человек, резкое возрастание боевой мощи военно-воздушных и военно-морских сил. План предусматривает замену авиационного парка боевыми самолетами новейшего типа, усиление военно-морского флота атомными подводными лодками, авианосцами и другими типами боевых кораблей.

В Японии давно сложилась стройная система управления всеми видами вооруженных сил на всех уровнях. Хотя страна формально пока не имеет министерства обороны, существующее Управление национальной обороны фактически наделено всеми правами и функциями министерства. Во главе УНО стоит гражданское лицо в ранге государственного министра. Ему подчиняется Объединенный комитет начальников штабов, являющийся, по существу, генеральным штабом японских во-

⁵ «Mainichi», 8.III.1978.

оруженных сил. Важным органом разработки политики в области обороны страны, строительства вооруженных сил и развития военно-промышленного производства является Совет национальной обороны (Кокубо кайги), в состав которого входят премьер-министр (председатель, он же верховный главнокомандующий вооруженными силами Японии), ведущие министры правительства (финансов, иностранных дел, генеральный секретарь кабинета министров, начальник управления национальной обороны, начальник управления экономического планирования, начальник управления по науке и технике, председатель комитета общественной безопасности).

Японская военщина не удовлетворена существующей системой комплектования вооруженных сил по принципу вольного найма. Она считает, что наемная армия ненадежна, что ее содержание обходится слишком дорого государству, что система вольного найма не обеспечивает охвата военной подготовкой большей части мужского населения. Существующий закон о создании резерва не удовлетворяет японских милитаристов. Они требуют введения всеобщей воинской повинности, чтобы превратить вооруженные силы в надежный оплот господствующих классов.

Один из наиболее ярких сторонников развертывания массовой армии в Японии, видный деятель правящей Либерально-демократической партии Нака Фукада выдвинул требование дополнить силы обороны созданием «резервного оборонительного корпуса» численностью один миллион человек. Он же настойчиво выступает за всемерное расширение производства современного оружия как для «оборонных» нужд Японии, так и для экспорта в другие страны.

Правящие круги Японии не жалеют средств на содержание вооруженных сил, их оснащение новейшей боевой техникой. С 1960 по 1976 год военные расходы увеличились в девять с половиной раз, со 160 млрд. до 1512,4 млрд. иен в год. В начавшемся в этом году пятилетии на военные нужды будет израсходовано 12,6 триллиона иен, то есть в два раза больше, чем за предыдущее пятилетие. Только в 1977/78 бюджетном году на содержание «сил самообороны» выделяется 1,9 триллиона иен.

Однако официальные цифры не отражают истинных размеров расходов на военные нужды и не дают полной картины милитаризации страны. Японская печать утверждает, что, помимо военного бюджета, правительство выделяет часть средств для реализации военных заказов, например закупки самолетов, военных кораблей, боеприпасов и т. п. Значительная часть ассигнований проходит по линии других министерств и ведомств, например по статьям на научно-исследовательские работы военного характера, строительство стратегических дорог, портов и т. п. По данным университета Хитоцубаси, действительные ежегодные военные расходы Японии превышают официальные цифры примерно в два раза.

Как свидетельствует официальная статистика, только прямые военные расходы увеличиваются ежегодно на 15—17% и имеют тенденцию к дальнейшему росту. Иностранные наблюдатели считают, что Япония в ближайшие годы войдет в число стран с высоким уровнем военных расходов.

По мере роста военных расходов растет военная мощь страны, происходит переоценка стратегии и тактики вооруженных сил, пересматривается сама военная доктрина в сторону придания ей более агрессивного характера. Военная доктрина Японии, основы которой определяются договором с США «о взаимном сотрудничестве и безопасности»,

нацелена на ослабление позиций мирового социализма, подавление коммунистического и национально-освободительного движения в регионе, на расширение экономической экспансии японских монополий.

Об агрессивной сущности японской военной доктрины свидетельствует тот факт, что в руководящих кругах УНО общепринятой формой ведения войны считается наступление не только в локальных, но и в глобальных конфликтах. Наступательный характер военной доктрины нашел наиболее яркое выражение в нашедшемся плане «три стрелы» («мицу я»), который был разработан в недрах Управления национальной обороны еще в 1963 г. В этом плане допускается нанесение упреждающих ударов, перенесение военных действий на территорию противника. План «три стрелы», несомненно, выражал мнение правящих кругов, ибо нельзя считать случайным заявление, сделанное в 1964 г. бывшим премьер-министром, который допускал «возможность нападения японских вооруженных сил на иностранные базы межконтинентальных баллистических ракет»⁶.

В рамках наступательной доктрины в военных кругах Японии разрабатываются и выдвигаются различные теории и концепции, призванные обеспечить интересы господствующих классов.

Наиболее характерными для последнего времени являются концепция «голлистской Японии» и концепция «паназиятизма». Если первая нацелена на наращивание экономической и военной мощи, включая ядерное оружие и постепенное ослабление военного союза с США, то вторая предполагает концентрацию всей мощи Японии не только в пределах страны, но и вне ее. Концепция «паназиятизма» нацелена на то, чтобы создать в районе Юго-Восточной Азии новый вариант «Великой восточноазиатской сферы взаимопроцветания» под эгидой японских монополий.

К доктрине «голлистской Японии» примыкает так называемая «концепция основных оборонительных сил», автором которой считается бывший начальник Управления национальной обороны, видный деятель ЛДП Я. Накасонэ. Основная идея концепции «основных оборонительных сил» сводится к тому, чтобы нынешние вооруженные силы рассматривались лишь как необходимый минимум для поддержания обороны страны в мирное время и чтобы ничто не связывало руки Японии для неограниченного увеличения численности «оборонительных сил» в случае изменения международной обстановки в сопредельных с Японией районах — на Корейском полуострове, Тайване, в Юго-Восточной Азии и других жизненно важных районах мира.

Весьма популярной в кругах военщины считается теория «баланса сил». Несмотря на закреплённый конституцией отказ от создания вооруженных сил, военные теоретики доказывают, что мир на Дальнем Востоке и в районе Тихого океана может быть достигнут только на основе равновесия военных сил. В данный момент, говорят они, Япония может гарантировать свою оборону совместно с США на основе «договора безопасности», но в дальнейшем она должна иметь такой военный потенциал, который обеспечивал бы оборону страны своими собственными войсками в соответствии с теорией «баланса сил». Нетрудно видеть, куда ведет эта теория, куда метят и на что нацеливаются современные японские милитаристы.

Весьма популярной в Японии является теория «модификации союза с США», которую поддерживает большинство военных теоретиков и представителей делового мира. Она находит понимание и по ту сторо-

⁶ «Красная звезда», 26.III.1964.

ну океана, где давно выступают за придание японо-американскому договору «равноправного характера», имея в виду переложить на плечи Японии часть бремени США, связанного с защитой империалистических интересов на Дальнем Востоке. Концепция «модификации союза» предусматривает поэтапное уменьшение военного присутствия США в этом регионе и постепенное заполнение «вакуума» усилением военной мощи Японии. При этом имеется в виду, что в случае создания «чрезвычайной обстановки» вооруженные силы США автоматически возвращаются на военные объекты, которые они занимали до своего ухода из Японии. По мнению американцев, эта «модификация» должна носить ограниченный характер и перевооружение Японии следует осуществлять под контролем и в интересах США.

Нельзя не остановиться на новейшем «достижении» японских теоретиков, разрабатывающих «доктрину устрашения». Не кто иной, как начальник Управления национальной обороны С. Канэмару, счел необходимым поведать миру о том, что «силы самообороны» призваны создавать угрозу другим странам. Выступая перед офицерами и солдатами японской армии, он патетически вопрошал: как же сможет Япония защищать себя, если ее вооруженные силы не будут опасными для врагов? Вот как следует расценивать термин «силы самообороны»! На проверку оказывается, что «самооборона» по-японски означает не что иное, как создание угрозы для соседних стран.

Еще более откровенно высказался по этому поводу начальник Объединенного комитета начальников штабов генерал Х. Курису. В статье, опубликованной в журнале «Винг», этот новоиспеченный стратег с солдатской прямоотой изложил свое кредо следующим образом: «Опыт истории учит, что в любой войне только наступление вело к победе. Эффективный отпор любой атаке противника невозможен одними оборонительными средствами. Оружие, которое не обладает способностью вызывать у противника боязнь ударов (курсив мой.— И. И.) по его базам и тылам, должно быть признано поэтому неэффективным с точки зрения предотвращения вторжения»⁷.

Суммируя высказывания высокопоставленных руководителей УНО, газета «Асахи» имела все основания отметить, что «превращение «сил самообороны» в нечто такое, что вызывало бы в других странах страх (курсив мой.— И. И.), становится отныне целью военных лидеров нашей страны»⁸.

Возрождение японского милитаризма уже достигло такого уровня, когда он не хочет ограничивать свою задачу чисто оборонительными функциями. Наиболее оголтелая часть военщины трудится над теоретическим обоснованием необходимости придания «силам самообороны» Японии «международного статуса», то есть предоставления им права участия в «обеспечении мира и безопасности» в Азии и даже в более отдаленных районах мира. Подобные рассуждения японских милитаристов явно рассчитаны и на то, чтобы оправдать использование «сил самообороны» за пределами Японии. Широкая экономическая экспансия японских монополий, вызывающая повсеместные протесты, уже не может быть обеспечена средствами чистой дипломатии. Им нужны более эффективные методы воздействия не только на освободившиеся страны, но и на своих более сильных соперников, в том числе на США и страны Западной Европы.

⁷ «Правда», 25.11.1978.

⁸ Там же.

Переход к открытым угрозам другим народам — новое явление в поведении японской военщины в послевоенный период. Японскую и мировую общественность не могут не тревожить масштабы опасности, которую представляет поднимающий голову японский милитаризм.

Японские политики любят говорить о том, что их страна должна играть такую политическую роль в современной системе международных отношений, которая соответствовала бы ее экономическому весу. Никто не отрицает, что Япония добилась значительных экономических успехов в послевоенный период, и не возражает против того, чтобы японские правящие круги использовали свой экономический потенциал для упрочения всеобщего мира и международной безопасности. Более того, демократическая общественность приветствовала бы отход Японии от милитаристского курса и присоединение ее усилий к усилиям тех стран, которые борются за разрядку международной напряженности, за прекращение гонки вооружений, за перестройку международных отношений на справедливой демократической основе.

К сожалению, правящие круги Японии, связанные военно-политическим договором с США, вкладывают в понятие увеличения политической роли их страны в современном мире совсем иное содержание. Они мыслят старыми категориями довоенного периода, полагая, что авторитет Японии на международной арене определяется только мощью ее вооруженных сил, наличием ракетно-ядерного оружия.

Именно в этом плане ведется сейчас идеологическая обработка общественного мнения Японии. Средства массовой информации изо дня в день ведут пропагандистскую шумиху о необходимости иметь надежную оборону против угрожающей стране опасности, о том, что враг чуть ли не стоит у ворот японского дома, что он должен быть немедленно отброшен.

Японская пропаганда изображает дело так, чтобы у читателей и слушателей не осталось сомнения, что таким врагом является Советский Союз. Достаточно ознакомиться с «Белой книгой» по вопросам обороны, изданной летом 1976 г., чтобы прийти к такому выводу. Даже швейцарская газета «Нойе цюрхер цайтунг», выходящая за 10 тысяч миль от Японии, отметила, что в этой «Белой книге» предполагается, хотя об этом не говорится прямо, что в настоящее время «только Советский Союз представляет потенциальную угрозу для Японии»⁹.

Определив потенциального врага, японские правящие круги совместно с администрацией США разработали далеко идущую программу совместных или параллельных действий в Азии и на Тихом океане. Схема этой программы проста и примитивна. Она преследует все ту же цель борьбы против коммунизма и подавления национально-освободительного движения в этом регионе. Согласованная на высшем уровне японо-американская программа совместных действий предусматривает: 1) дальнейшее упрочение военно-политического союза между США и Японией, распределение бремени ответственности и сфер влияния в этом регионе; 2) подключение к японо-американскому альянсу Южной Кореи, которая рассматривается в Токио и в Вашингтоне как важнейший бастион борьбы против «коммунистической опасности»; 3) включение Тайваня, несмотря на разрыв Японией дипломатических отношений с Тайбэем, в японо-американскую систему поддержания баланса сил на Дальнем Востоке и в Азии; 4) укрепление политических, экономических, военных и иных связей со странами АСЕАН, оказание им «помощи» в виде кредитов и займов, с тем чтобы покрепче привязать

⁹ См. «Азия и Африка сегодня», 1978, № 2, стр. 16.

их к оси Вашингтон — Токио — Сеул; 5) разжигание советско-китайских разногласий и использование их в своих империалистических интересах.

Остановимся кратко на каждом из этих направлений японской политики.

Во время визита главы японского правительства Т. Фукуды в Вашингтон в марте 1977 г. состоялся обмен мнениями с президентом Дж. Картером по широкому кругу вопросов, касающихся положения в Азии. Японский премьер вопреки протестам общественности своей страны подтвердил необходимость в полном объеме американского военного присутствия в этом регионе и заверил администрацию США, что Япония выполнит свои обязательства по линии активизации участия в военно-стратегической системе своего старшего партнера не только в Азии, но и во всем мире.

Премьер Фукуда подтвердил обязательства Японии в области «япо-американского сотрудничества в глобальном масштабе», то есть в поддержке со стороны Токио различных акций американского империализма, направленных на укрепление позиций США на Азиатском континенте и в бассейне Тихого океана в порядке осуществления программы «разделения функций» американских и японских вооруженных сил.

Сразу же после консультаций, проведенных на высшем уровне (Дж. Картер — Т. Фукуда), Пентагон и Управление национальной обороны Японии создали Смешанный координационный комитет, в задачу которого входит координация действий двух стран в области военного сотрудничества. Было достигнуто соглашение о проведении ежегодных консультаций между начальником Управления обороны Японии и военным министром США по вопросам состояния боевой готовности вооруженных сил, повышения качества их технического оснащения, организации взаимодействия, а также по вопросам управления в мирное время и на случай чрезвычайных обстоятельств, сбора и обмена разведывательными данными.

Установление нового, более высокого уровня координации военного сотрудничества, достигнутого между двумя странами, превращает япо-американский «договор безопасности» в своеобразный пакт, действие которого обе стороны пытаются распространить на весь регион Азии и Тихого океана. В этом контексте следует рассматривать крупные совместные военные учения, которые были проведены вооруженными силами США, Японии и Южной Кореи в Японском море (октябрь 1977 г.). Общее руководство этими учениями, на которых отрабатывались вопросы взаимодействия трех стран на случай «чрезвычайных обстоятельств», осуществлялось генералами из Пентагона. Это были первые учения подобного рода после второй мировой войны. Они привлекли к себе внимание мировой общественности как тревожный симптом складывания нового опасного военно-политического блока в этом чрезвычайно напряженном регионе.

Японская военщина сделала первую заявку на активное участие в решении региональных проблем с применением своей военной мощи. Одним из важнейших направлений внешней политики Японии является Корейский полуостров. Игнорируя существование суверенного государства — Корейской Народно-Демократической Республики, — японские правящие круги совместно с администрацией США решили увековечить раздел страны, превратить Южную Корею в неоколонию особого типа, сделать ее «равноправным» военным партнером США и Японии.

Японские монополии взяли на себя задачу оказания «помощи» южнокорейскому режиму в развитии экономики, а Пентагон занялся

созданием современной южнокорейской военной машины, которая состоит сейчас из 600-тысячной регулярной армии и трехмиллионного резервного корпуса. На финансирование этой огромной армии США израсходовали в общей сложности 5,6 млрд. долл. Значительные средства для этой цели выделила и Япония.

Выполняя взятые на себя обязательства перед старшими партнерами, южнокорейские власти направили в Южный Вьетнам целый экспедиционный корпус численностью 40 тыс. человек, где эти американские «союзники» беспощадно расправлялись с вьетнамскими патриотами, боровшимися за свободу и независимость своей родины.

После позорного поражения американской военщины во Вьетнаме и других странах Индокитая стратегическое положение США на Дальнем Востоке и в Азии значительно ухудшилось. Получив жестокий урок во Вьетнаме, США и их союзник — Япония начали пересмотр своей стратегии в отношении Южной Кореи, где дислоцируются крупные контингенты американских войск. Они разработали широкую программу укрепления своих позиций в Южной Корее, превращения ее в «бастيون» борьбы против коммунизма.

Забыв о своих обещаниях вывести американские войска из Южной Кореи, данных в ходе избирательной кампании, президент США Картер распорядился выделить Сеулу в ближайшие годы дополнительно еще около 2 млрд. долл. для модернизации и оснащения южнокорейской армии новейшим оружием, а Пентагон объявил о создании «трехсторонней системы безопасности» в составе США, Японии, Южной Кореи. В Токио сразу же по достоинству оценили изменение курса Вашингтона в отношении Южной Кореи и выразили согласие значительно увеличить помощь южнокорейскому диктатору Пак Чжон Хи. Япония уже пообещала Сеулу выделить дополнительно 78 млн. долл. на «укрепление взаимной безопасности», то есть на создание единой военной системы обеих стран. Кроме того, японские монополии решили еще глубже проникнуть в экономику Южной Кореи, пообещав Сеулу предоставить к 1981 г. еще три миллиарда долларов в виде финансовой «помощи».

Так на практике выглядит усиление политического влияния Японии в соответствии с ее экономической мощью. Международная демократическая общественность не может не расценить эти действия японских властей как умышленное нагнетание напряженности на Корейском полуострове.

Правительство Корейской Народно-Демократической Республики не могло не расценить эти действия США и Японии, направленные на укрепление диктаторского режима на Юге страны, как провокационные, которые могут привести к новой войне в Корее.

Советский Союз, другие социалистические страны, все миролюбивые народы поддерживают политику КНДР, направленную на мирное объединение Кореи, без вмешательства извне, осуждают форсированную милитаризацию Южной Кореи, проводимую под фальшивым лозунгом «баланса сил», выступают за немедленный вывод американских войск из Южной Кореи, протестуют против вмешательства Японии во внутренние дела корейского народа.

Важным фактором японской политики в Азии является проблема Китая. Восстановление дипломатических отношений с КНР в 1972 г. не решило всех проблем взаимоотношений между двумя странами, оставшихся после второй мировой войны. Япония была практически одной из последних крупных капиталистических стран, восстановивших межгосударственные отношения с КНР. Основной причиной, сдержи-

вавшей нормализацию китайско-японских отношений, была проблема Тайваня, имеющая для Японии не только большое экономическое, но и стратегическое значение. Пекин требовал разрыва отношений с Тайбэем в качестве неперемennого условия восстановления дипломатических отношений между КНР и Японией. В ходе длительных и напряженных переговоров была найдена формула решения проблемы: Япония разрывает дипломатические отношения с Тайванем, но сохраняет свои фактические связи с тайбэйским режимом. Эта формула устраивала Пекин, поскольку Япония признавала Тайвань частью Китайской Народной Республики.

Япония, так же как и США, стремится сохранить Тайвань в системе капиталистического мира главным образом по политическим и стратегическим соображениям. По мнению японских политиков, Тайвань имеет не менее важное значение для Японии, чем Южная Корея. Этот остров рассматривается в Токио как краеугольный камень обороны Японии и как важный стратегический пункт, обеспечивающий безопасность коммуникаций, связывающих Японию с остальным миром.

Известное сближение, на которое пошли Пекин и Токио, преследуя свои цели, не устранило, а только в известной мере смягчило противоречия, разделяющие эти две страны. В правящих кругах Японии не могут не понимать, что главная линия конфронтации между двумя странами лежит в области политики и стратегии, которая, несомненно, выявится после того, как Китай станет сильной индустриальной державой, обладающей мощным военно-политическим потенциалом.

Стратегическая линия Японии в отношении современного Китая во многом определяется антисоветизмом китайского руководства, его великоханьским национализмом, несовместимым с принципами мирного сосуществования. Чем громче поносят в Китае Советский Союз и другие миролюбивые государства, тем больше появляется соблазна в недалековидных кругах Японии подыграть Пекину, подтолкнуть его еще дальше в сторону антисоветизма.

Вот почему наиболее правая, реакционная часть японской буржуазной пропаганды охотно подхватывает и с усердием, достойным лучшего применения, распространяет маоистские бредни относительно Советского Союза, восхваляет «мудрость» и «дальновидность» нынешних пекинских лидеров, превозносит «достижения» китайской экономики, обрабатывает общественное мнение страны в духе лозунгов «традиционной» японо-китайской дружбы, исторической общности культур, этнического родства и т. д. и т. п.

Вместе с тем реалистически мыслящие японские политические деятели не хотят таскать каштаны из огня для Пекина, понимая, что можно не только обжечь руки, но и потерять голову. Это особенно наглядно выявилося в ходе японо-китайских переговоров о заключении договора о мире и дружбе между двумя странами, которые начались в 1972 г. и все еще продолжаются пока безрезультатно. Пекин настойчиво добивается включения в договор статьи «о борьбе против гегемонии третьей страны», под которой он открыто подразумевает Советский Союз. Подписание договора с включением в его текст этой статьи было бы равнозначно заключению антисоветского пакта, то есть означало бы открытый переход Японии на сторону Пекина в его борьбе против Советского Союза.

Такого поворота событий не желают ни демократическая общественность страны, ни трезво мыслящие политические и государственные деятели Японии. Многие в Токио хорошо понимают, что заключение такого договора с Китаем поставило бы Японию в положение кон-

фронтации с СССР, с которым она имеет взаимовыгодные политические, экономические, научные и культурные связи. Кроме того, такая акция, несомненно, ухудшила бы не только советско-японские отношения, но и обострила бы всю политическую обстановку на Дальнем Востоке и на всем Азиатском континенте.

Естественно, что миролюбивые народы Азии выступают против такого развития событий в этом регионе. Настроение азиатской общественности в связи с попытками Пекина и милитаристских кругов Японии создать военно-политический блок хорошо выразила индийская газета «Нав бхарат таймс». В статье, опубликованной в мае 1975 г. под заголовком «Китайско-японские переговоры о мирном договоре вызывают тревогу в Юго-Восточной Азии», говорилось: «В большинстве столиц азиатских государств явно чувствуется тревога по поводу этого договора, а также сильно затянувшихся переговоров между Японией и Китаем. В этих столицах опасаются, что в результате неестественной дружбы между Китаем и Японией, которые лишь вчера были злейшими врагами, обе эти страны смогут установить свою гегемонию над Азией». Далее газета указывала, что в странах ЮВА «опасаются, что если такой договор между Японией и Китаем будет подписан, то тогда окажется под угрозой предложение о нейтралитете Юго-Восточной Азии, выдвинутое Малайзией. Здесь уместно напомнить, что почти все азиатские страны выступают в поддержку этого предложения»¹⁰.

Народы Азии понимают, что главной силой, которая сдерживает милитаризацию Японии, ее экспансионистские устремления, являются Советский Союз, другие страны социалистического содружества. Зная повадки японских милитаристов и стоящих за ними крупных монополистических объединений, вынашивающих планы установления «нового порядка» в Азии, Советский Союз делает все необходимое, чтобы не допустить сползания Японии на старый путь военного разбоя, предотвратить превращение этой страны в новый очаг войны и агрессии на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана.

С первых дней капитуляции японского милитаризма СССР выступает за мирное, демократическое развитие Японии, за превращение ее в миролюбивое, демократическое государство. В свое время в Токио давали высокую оценку роли Советского Союза в укреплении дела мира и безопасности в Азии, в том числе в обеспечении мирного будущего самой Японии. В официальном издании японского МИД «Вага гайко-но канкё» подчеркивается, что «добрососедские, дружеские отношения с нашим соседом Советским Союзом... вносят свой вклад в ослабление напряженности. Они являются также важнейшим условием сохранения стабильности обстановки в прилегающих к нашей стране районах, укрепления безопасности и обеспечения процветания нашей страны»¹¹.

Такую оценку роли СССР давали в Японии не только в первый период после окончания второй мировой войны, но и в последующие годы.

Усилиями обеих стран советско-японские отношения получили значительное развитие в 60-х и в начале 70-х годов. Заметно увеличился объем торговли между двумя странами, дальнейшее развитие получило взаимовыгодное экономическое сотрудничество, возрос объем научных, культурных и технических связей, активизировались контакты на политическом уровне.

К сожалению, в Японии имеются немалые силы, которые активно пытаются затормозить дальнейшее развитие советско-японских отноше-

¹⁰ «Нав бхарат таймс», 22.V.1975.

¹¹ Япония, М., 1976, стр. 378.

ний, рассорить два соседних народа. Крайне правые, реакционные силы пытаются запугать японский народ мнимой «агрессивностью» Советского Союза, который якобы создает угрозу национальной безопасности страны, намерен-де оторвать Японию от ее друзей и союзников и включить ее в орбиту советского влияния.

Основной «бой» ультраправые и левацкие маоистские группы, махрово-националистические организации решили дать по так называемому территориальному вопросу, под предлогом решения которого делаются попытки отторгнуть от Советского Союза Южно-Курильскую грядку островов, переданную СССР в результате военного разгрома Японии в соответствии с существующими международными соглашениями.

Правящие круги Японии прекрасно понимают, что СССР не собирается пересматривать итоги второй мировой войны и ломать все послевоенное устройство мира. Эксплуатируя националистические чувства японцев для нагнетания напряженности в отношениях между двумя странами и на всем Дальнем Востоке, реваншистские элементы настраивают общественное мнение страны против Советского Союза, раздувают антисоветскую кампанию.

Желая найти выход из создавшегося положения и сделать реальный шаг на пути заключения мирного договора между двумя странами, Советский Союз внес в январе 1978 г. предложение о заключении с Японией договора о добрососедстве и сотрудничестве, который охватывал бы те области советско-японских отношений, которые созрели для того, чтобы поставить их на прочную договорную основу. В советском проекте содержатся такие обязательства сторон, как: разрешать споры исключительно мирными средствами и воздерживаться от угрозы силой или ее применения; не допускать использования своей территории для совершения действий, могущих нанести ущерб безопасности другой стороны; воздерживаться от каких-либо действий, поощряющих любую третью сторону предпринимать агрессивные акции против любой из Договаривающихся Сторон; проводить регулярные политические консультации, в том числе при возникновении обстановки, опасной для поддержания мира; продолжать предпринимать усилия в целях прекращения гонки вооружений, как ядерных, так и обычных видов, и достижения всеобщего и полного разоружения под эффективным международным контролем и т. д.

В преамбуле проекта договора подтверждается намерение продолжать переговоры о заключении мирного договора, что выбивает из рук японских недругов тезис о том, что СССР путем заключения Договора о добрососедстве и сотрудничестве намерен похоронить заключение мирного договора.

Весьма важным пунктом проекта договора является статья 12, в которой говорится, что Советский Союз и Япония не претендуют сами и не признают чьих бы то ни было притязаний на какие-либо особые права или преимущества в мировых делах, включая притязания на доминирование в Азии и в районе Дальнего Востока¹².

Разумеется, заключение такого договора оздоровило бы советско-японские отношения, создало бы новый климат в отношениях между ними, явилось бы важным вкладом в дело укрепления мира и международной безопасности в Азии.

Прогрессивная печать, трезвомыслящие политические и государственные деятели увидели в советском предложении стремление СССР к развитию дружеских отношений с Японией как свидетельство актив-

¹² См. «Известия», 23.II.1978.

ной советской политики, ставящей целью упрочение мира и добрососедства не только с Японией, но со всеми странами Дальнего Востока и бассейна Тихого океана. Влиятельная газета «Асахи» считает особенно важной статью 2 проекта договора о неприменении силы между двумя государствами и о том, что все спорные вопросы обе страны будут решать исключительно мирными средствами. Это, по мнению газеты, является воплощением курса на разрядку международной напряженности, которая лежит в основе курса советской дипломатии, разработанного Л. И. Брежневым.

Совершенно иную позицию по отношению к проекту Договора о добрососедстве и сотрудничестве заняли сторонники пересмотра послевоенных границ, шовинистические, ультраправые элементы, весьма влиятельные правительственные круги — противники налаживания взаимовыгодных отношений между двумя странами. Они развернули чудовищную кампанию против проекта договора, обвиняя Советский Союз в самых нелепых намерениях в отношении Японии. Они игнорируют тот факт, что заключение такого договора расширило бы базу для подлинно добрососедских отношений между обоими странами в условиях, когда Япония еще не готова пойти на заключение мирного договора, что принятие советского предложения подняло бы советско-японские отношения на качественно новый уровень.

Отказ японских правящих кругов даже рассмотреть и изучить советские предложения говорит сам за себя. Такая позиция официальной Японии с головой выдает старых и новых милитаристов, которые вновь вынашивают планы развязывания больших и малых войн, разоблачает агрессивные устремления японских монополий, стремящихся к установлению своего безраздельного господства на Дальнем Востоке и в Азии. Исходя из этих честолюбивых планов они считают, что Японии не нужны никакие договоры, направленные на обеспечение мира и безопасности в Азии, на упрочение свободы и независимости азиатских народов.

Процесс оздоровления обстановки на Дальнем Востоке и в Азии в значительной мере будет зависеть от состояния советско-японских отношений. Если японские правящие круги встанут на путь политического реализма, до конца извлекут уроки из трагедии второй мировой войны и поставят экономический потенциал страны на службу делу мира и безопасности в Азии, то от этого выиграют все народы великого Азиатского континента, и прежде всего сам японский народ.

Об историческом значении разгрома империалистической Японии во второй мировой войне

*Б. В. Поспелов,
кандидат филологических наук*

Вторая мировая война явилась результатом непримиримых противоречий между капиталистическими странами и была вызвана стремлением соперничавших группировок империалистических держав добиться мировой гегемонии. Целью Японии на Дальнем Востоке и в Азии было вытеснить своих империалистических конкурентов — прежде всего США и Англию, добиться неограниченного права одной грабить Китай, создать на Азиатском континенте японскую колониальную империю. Представители японской военщины, отражавшие интересы наиболее агрессивных кругов японской буржуазии, в своих экспансионистских устремлениях шли еще дальше. Используя ресурсы поработанных стран Азии, они намеревались установить господство японского империализма во всем мире.

Но на пути империалистических держав к войне за передел мира стояли Советский Союз, международное коммунистическое движение, олицетворявшие собой ту общественную систему, которая была призвана прийти на смену капиталистической формации и которая по своей самой сущности отрицала войны. Расширение масштабов национально-освободительной борьбы под влиянием успехов социалистического строительства в СССР и роста авторитета коммунистического движения в мире срывало планы капиталистических держав по увековечиванию колониальной системы, ослабляло всю систему империалистического господства. В таких условиях мировой империализм стал считать своей первоочередной задачей уничтожение СССР и коммунистического движения, подавление национально-освободительных революций. Эту цель поставили перед собой правящие круги обеих враждующих группировок империалистических стран, в том числе и правящие круги Японии.

Осуществлению этой стратегической линии японский империализм подчинил всю свою внутреннюю и внешнюю политику. Накануне и в годы войны правящие круги Японии превратили страну в военный лагерь. Была установлена военно-бюрократическая диктатура, введены в действие законы, облегчавшие господствующим классам проведение политики тотальной мобилизации ресурсов на нужды войны. В ущерб мирным отраслям промышленности беспрерывно расширялось военное производство.

В интересах подготовки к войне господствующие классы Японии развернули широкое наступление на права трудящихся. Система всеобъемлющего военного контроля на предприятиях создавала дополнительные условия для эксплуатации японских рабочих. Усилился помещичий гнет в деревне.

Власти обрушили репрессии на демократические организации, выступавшие против подготовки к войне, путем создания всеобъемлющей системы военно-политического контроля стремились уничтожить все формы массовых движений трудящихся. Были запрещены все профсоюзы, любые попытки протеста против режима бесчеловечной эксплуатации жестоко подавлялись.

Наступление реакции по всем линиям, разгул террора, подавление гражданских свобод всегда сопутствовали агрессивной внешнеполитической линии империалистических держав — такова закономерность, доказанная на примере всех империалистических войн. Внутренняя политика японского империализма накануне и в годы второй мировой войны наглядно подтверждает эту закономерность.

В области внешнеполитической усилия японского империализма были направлены на создание благоприятной международной обстановки для осуществления антисоветского курса. Особое внимание при этом было обращено на поиски союзников по борьбе с СССР, коммунистическим и национально-освободительным движениями.

На первом этапе агрессии японский империализм прибегал к помощи различных милитаристских клик в Китае, стремясь толкнуть их на провокации против Советского Союза. В годы японо-китайской войны господствующие круги Японии стремились в своих антисоветских и антикоммунистических целях использовать коллаборационистское правительство Ван Цзин-вэя, созданное на оккупированной китайской территории. Позднее они пытались на антисоветской основе договориться с Чан Кай-ши.

На Западе союзниками японского империализма выступили гитлеровская Германия и фашистская Италия, между которыми в 1936 г. был заключен так называемый Антикоминтерновский пакт, ставший основой пресловутой оси Рим — Берлин — Токио. Свои военно-политические планы японские господствующие круги координировали с планами других держав фашистского блока, всемерно содействуя немецкому нацизму в осуществлении им антисоветского курса.

Не сбрасывали со счетов правители Японии и возможность использовать в интересах осуществления антисоветского стратегического курса и некоторые реакционные круги Англии, США и других капиталистических стран.

Словом, японский империализм действовал в рамках антисоветской стратегии мирового империализма и наряду с другими империалистическими государствами стремился поднять антисоветизм и антикоммунизм до уровня своей глобальной политики.

Японская агрессия развивалась во все нарастающих масштабах. В 1931 г. Япония захватила три пограничные с Советским Союзом северо-восточные провинции Китая. Затем последовала оккупация Внутренней Монголии. В 1937 г. Япония развязала войну против Китая. Так шаг за шагом расширялись масштабы фашистской экспансии. Продвинувшись вплотную к советской границе, японская армия создала угрозу советскому Дальнему Востоку. В течение всей второй мировой войны японский империализм искал удобного случая для нападения на Советский Союз. На первом этапе германо-советской войны он связывал открытие военных действий на маньчжуро-советской границе с успехами гитлеровской армии: сначала предполагалось, что Квантунская армия будет брошена против СССР после падения Москвы, затем в качестве даты начала агрессии стало называться падение Сталинграда. В результате следовавших одно за другим поражений гитлеровского рейха на советско-германском фронте, первых успехов англо-амери-

канских войск на Тихоокеанском театре военных действий создалась такая обстановка, когда японские господствующие круги вынуждены были внести коррективы в свой внешнеполитический курс в отношении Советского Союза. Но произошло лишь некоторое изменение тактической линии его осуществления. Даже в условиях, когда обозначилась неизбежность поражения, военно-бюрократическая клика, стоявшая у власти в Японии, не оставляла своих антисоветских планов. Японские господствующие круги продолжали поддерживать тесные отношения с Германией. В нарушение советско-японского пакта о нейтралитете японские власти осуществляли диверсии на советско-маньчжурской границе, чинили препятствия советским судам, осуществлявшим рейсы в Тихом океане, вели разведывательную деятельность против СССР. Дипломатическая история войны на Тихом океане дает нам немало примеров того, как японская дипломатия пыталась осуществить маневры с целью добиться раскола антифашистской коалиции на антисоветской основе. Антисоветскую направленность имели попытки Японии заключить сепаратный мир с США.

Развязав несправедливую агрессивную войну против народов Китая и других стран Азии, осуществляя подготовку к нападению на СССР, правящие круги Японии, выполнявшие волю монополистической буржуазии, отдали дань тому антисоветскому, антикоммунистическому поветрию, которое захватило международные империалистические круги в период между двумя мировыми войнами. Больше того, японский империализм стал одним из главных ударных отрядов мирового империализма, взяв на себя ведущую роль в осуществлении политики антисоветизма и антикоммунизма в Азии.

Поражение японского империализма в войне свидетельствовало о банкротстве политики антисоветизма и антикоммунизма, которую на протяжении длительного периода стремились проводить правящие круги Японии. В мире не существовало силы, которая могла бы приостановить могучую поступь страны социализма, задержать развитие коммунистического и национально-освободительного движений, ибо в них нашел свое непосредственное выражение процесс поступательного развития истории, уничтоживший любые преграды, которые пыталась поставить на его пути мировая реакция.

Цели, которые преследовал японский империализм в войне, добивавшийся вместе с гитлеровской Германией уничтожения Советского Союза, закабаления Китая, создания японской империи в Азии под лозунгом «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания», предопределили неизбежность и закономерность его поражения.

Война с особой силой обнажила недалекость политики поощрения агрессора, которую проводили правящие круги Англии, Франции и США, стремившиеся толкнуть Германию — на Западе и Японию — на Востоке против Советского Союза. Она показала, к каким пагубным для народов мира последствиям привел курс реакционных кругов этих стран, оказавших фашистским режимам в Германии и Японии содействие в дипломатической, политической и экономической областях. Политика поощрения германского и японского милитаризма проводилась реакционными господствующими кругами Англии, США и Франции вплоть до нападения Германии на СССР и нападения Японии на США. Наиболее яркое выражение она нашла в Мюнхенском соглашении 1938 г., означавшем попытку правящих кругов Англии и Франции при поддержке США достичь компромисса с гитлеровской Германией и на его основе создать единый антисоветский блок для развязывания агрессии против СССР.

Политика «дальневосточного Мюнхена» проводилась и в отношении Японии.

Особенно импонировала правящим кругам Англии, Франции и США перспектива создания двух очагов военной угрозы Советскому Союзу: на Западе — в лице гитлеровской Германии и на Востоке — в лице Японии. Таким путем господствующие круги Англии, Франции и США стремились поставить Советский Союз в крайне невыгодное в военном отношении положение, заставить его воевать на два фронта.

Свои захватнические планы и подготовку к войне за передел мира, свой антисоветизм и антикоммунизм японские империалисты, подобно германскому нацизму, маскировали лозунгами о необходимости борьбы с «мировым коммунизмом». Жупелом «угрозы коммунизма» в Азии они стремились запугать империалистов Англии, Франции и США, добиться от них уступок и таким образом облегчить достижение своих экспансионистских целей.

Классовая ненависть к Советскому Союзу, которую питали представители реакционных кругов Англии, Франции и США, отсутствие у них чувства реальности и ответственности за судьбы народов своих стран помешали им распознать подлинное назначение подобных пропагандистских маневров правителей государств фашистского блока. Антисоветизм, лежавший в основе их внешнеполитического курса, предопределил крах проводившейся ими политики «умиротворения» и поощрения фашистского агрессора.

Подъем национально-освободительного движения в странах Азии

Одним из главных итогов победы над милитаристской Японией был подъем национально-освободительного движения народов Азии, подпавших под колониальное иго японского империализма. Война доказала непреодолимую силу, заложенную в их стремлении к национальной независимости и свободе. Это стремление ярко проявилось в ходе национально-освободительной войны против японских захватчиков. Повсюду, куда ступала нога японского агрессора, в условиях крушения режимов, установленных здесь английскими, французскими, голландскими и другими колонизаторами, возникало движение Сопротивления, в котором принимали участие представители различных классов и социальных групп. По мере усиления колониального гнета это движение становилось все более массовым. Во главе его стояли коммунисты. Вооруженные решениями VII Конгресса Коминтерна, коммунистические партии Индокитая, Бирмы, Индонезии, Филиппин и других стран вели широкую работу по объединению прогрессивных сил в единый патриотический фронт борьбы против японских захватчиков. Авангардная роль коммунистов в организации отпора врагу способствовала повышению их авторитета среди участников национально-освободительной борьбы. Своей деятельностью компартии вносили в ряды движения Сопротивления идеи, нацеливавшие борцов Фронта освобождения на преобразования, шедшие намного дальше буржуазно-демократических реформ, к чему стремились участвовавшие в антияпонском движении представители национальной буржуазии, и подготавливавшие переход к социалистической революции. Одним из важных условий успешного развития национально-освободительных революций в оккупированных странах было то, что коммунисты разъясняли массам классовый смысл войны,

подчеркивая, что подлинного национального и социального освобождения народы колоний могут добиться лишь на основе ликвидации всяких форм колониального угнетения, и прежде всего на основе уничтожения фашизма. Подъем национально-освободительного движения в годы второй мировой войны, успешное завершение национально-освободительных революций в ряде стран Азии после капитуляции японского империализма в результате вступления СССР в войну означали рост и укрепление одного из трех революционных потоков современности, способствуя углублению общемирового революционного процесса.

Накануне и в годы войны активизировалась освободительная борьба корейского народа. Зародившаяся на территории Маньчжурии организация корейского Национального единого фронта стала тем стержнем, вокруг которого формировались отряды движения Сопротивления. Особенно активную роль в организации антияпонского движения сыграло созданное под руководством Ким Ир Сена Общество возрождения отечества. Под его руководством на территории Маньчжурии действовала корейская партизанская армия, поддерживавшая связи с подпольными организациями корейских патриотов на территории самой Кореи.

На борьбу против японских захватчиков поднялся народ Вьетнама. В ответ на оккупацию страны вьетнамские патриоты в 1941 г. создали Лигу независимости Вьетнама. Руководимая Коммунистической партией Вьетнама во главе с Хо Ши Мином, Лига превратилась в организацию, цементирующую единый фронт сопротивления японскому агрессору. В 1945 г. была создана вьетнамская освободительная армия, очистившая от оккупантов значительную территорию страны.

Партизанское движение, ставшее частью широкого движения Сопротивления в странах Азии и бассейна Тихого океана, вспыхнуло на Филиппинах. В конце 1941 г. Коммунистическая партия Филиппин обратилась к населению с воззванием о создании национального антияпонского фронта. В ходе освободительной борьбы филиппинского народа зародилась Народная антияпонская армия — Хукбалахап, благодаря решительным действиям которой на территории страны создавались Освобожденные районы, где устанавливалась народно-демократическая власть.

В 1943 г. вспыхнуло движение Сопротивления в оккупированной Японией Бирме. Его возглавила Антифашистская лига народной свободы, поддерживавшая общенациональное движение Сопротивления, против японских оккупантов восстала бирманская армия, открывшая военные действия против японских войск на территории Бирмы.

На борьбу против японских захватчиков поднялись и народы других стран.

В ходе войны с особой ясностью обнаружилось различие целей, которые преследовали в войне против Японии США, Англия и другие империалистические государства, с одной стороны, и Советский Союз — с другой, вскрылась полная противоположность социально-классовых функций, выполнявшихся армиями империалистических держав и Советской Армией. Если для империалистических стран война в Азии и на Тихом океане была войной во имя сохранения и расширения их позиций как колониальных держав, если военные действия против японского империализма ими рассматривались всего лишь как средство решения спора из-за обладания гегемонией в Азии, то переход советских вооруженных сил к непосредственным военным операциям против милитаристской Японии диктовался совершенно иными мотивами. Целью вступления СССР в войну было ликвидировать последний очаг сопро-

тивления фашистского агрессора, продолжавшего, не считаясь ни с какими жертвами, бой против армий государств антифашистской коалиции. Поражение японского империализма в августе 1945 г., потерявшего в Маньчжурии под ударами советских войск свою отборную Квантунскую армию, создало обстановку, способствовавшую всемирно-историческому процессу углубления и расширения национально-освободительных революций, осуществления чаяний народов Азии добиться национального и социального освобождения.

Об этом убедительно свидетельствует развитие событий на Азиатском континенте на последнем этапе войны и в особенности в послевоенный период. Там, где западным державам, и прежде всего США, удалось осуществить вооруженное вмешательство во внутренние дела освободившихся от японского господства стран, национально-освободительное движение встретилось с серьезными трудностями, поступательное развитие революционного процесса там замедлилось, ибо перед участниками этого движения встала задача организации вооруженного отпора новым колонизаторам. В тех же странах, куда пришла Советская Армия, военное поражение японского империализма открыло безграничный простор для развития и углубления национально-освободительных революций, которые впоследствии в ряде стран переросли в народно-демократические и социалистические революции.

Война продемонстрировала боевую дружбу советского народа и народов стран Азии, поднявшихся на борьбу против японских захватчиков, способствовала укреплению классового союза и национально-освободительных движений стран социализма. В ходе войны среди трудящихся масс стран Азии окрепла зародившаяся после Великой Октябрьской социалистической революции идея классовой солидарности сил социализма и сил национального освобождения народов Востока.

В результате антинародной политики правительства Чан Кай-ши, взявшего курс на подавление китайской революции и стремившегося добиться расположения империалистических держав, прежде всего Англии и США, путем нагнетания антисоветизма, позиции Китая оказались чрезвычайно ослабленными. Оккупация Маньчжурии, вторжение японских войск в Центральный Китай, их продвижение во внутренние районы страны поставили китайское государство на грань национальной катастрофы, ибо создалась реальная угроза его полного превращения в колонию японского империализма.

В таких условиях Советский Союз незамедлительно пришел на помощь Китаю. В 1938 и 1939 гг. Китаю был предоставлен заем, тогда же развернулись поставки различных видов вооружений, материалов, необходимых для ведения военных операций против японских захватчиков. Большую помощь в укреплении китайских вооруженных сил, в овладении боевой техникой и современными методами ведения боевых операций оказали советские военные специалисты, посланные в Китай в наиболее трудное для него время.

Несмотря на требования передовой китайской общественности и интернационалистских сил в КПК активизировать боевые операции на китайско-японском фронте с целью усилить помощь Советскому Союзу, подвергнутому нападению фашистской Германии, гоминьдановское правительство Чан Кай-ши саботировало ведение военных операций против японских захватчиков. Аналогичную позицию заняла в руководстве КПК группа Мао Цзэ-дуна, стремившаяся использовать сложившуюся ситуацию для достижения своих националистических целей.

Вступление в 1945 г. Советского Союза в войну против империалистической Японии, приведшее к капитуляции японских вооруженных

сил, решительным образом изменило положение в Китае. Угроза его порабощения японским империализмом была ликвидирована. В условиях вспыхнувшей после 1945 г. гражданской войны между силами национально-освободительного движения и гоминьдановской реакцией, поддержанной американским империализмом, Советский Союз, верный своему интернациональному долгу, оказал всемерную помощь Народно-освободительной армии, оттесненной поддержанными США гоминьдановскими войсками в пограничные с Советским Союзом районы Северо-Восточного Китая. Ей было передано все трофейное вооружение японской Квантунской армии, капитулировавшей в Маньчжурии перед советскими частями. Для удовлетворения нужд НОА, укрепления материально-технической и экономической базы народно-демократической администрации Китая использовалась значительная часть крупных промышленных предприятий, расположенных в Маньчжурии. Переформированная, оснащенная новым оружием Народно-освободительная армия с маньчжурского плацдарма развернула решительное наступление против гоминьдановских войск, закончившееся их разгромом.

Бескорыстную братскую помощь оказал Советский Союз монгольскому народу в отражении японской агрессии. Братское содружество советского и монгольского народов по оружию нашло яркое отражение в совместных действиях их войск против японских агрессоров в районе реки Халхин-гол в 1939 г. Это содружество было продемонстрировано и в 1945 г., когда соединения монгольской армии под руководством маршала Чойбалсана приняли участие в военных операциях против Квантунской армии, закончившихся ее полным поражением.

Победа советского народа создала благоприятные условия для успешного завершения освободительной борьбы корейского народа. На территории Кореи, освобожденной от японских колонизаторов, была установлена народно-демократическая власть.

Со своей стороны народы Азии, временно подпавшие под колониальное иго японского империализма, оказывали действенную поддержку усилиям Советского Союза в его борьбе против фашистского агрессора. Передовые представители китайской общественности требовали от гоминьдановского правительства решительной поддержки Советского Союза путем активизации военных действий против союзника фашистской Германии — империалистической Японии. Благодаря их усилиям в Китае был создан единый антияпонский национальный патриотический фронт, опиравшийся на всестороннюю помощь Советского Союза, международного коммунистического движения, всех прогрессивных антифашистских сил планеты. Несмотря на пассивную позицию гоминьдановского правительства и группы Мао Цзэ-дуна в вопросах ведения войны против японских захватчиков, боевые действия китайской армии и китайских партизан сковывали значительную часть японских войск, не давая японскому командованию сосредоточить все свои силы на маньчжуро-советской границе.

Такое же военно-политическое значение имело движение Сопротивления на оккупированных территориях. Своими действиями против японских захватчиков оно подрывало устой колониального режима, созданного японскими оккупантами, не давало им в полную меру использовать ресурсы захваченных стран, отвлекало небольшую часть японских войск от ведения военных операций на фронтах Тихоокеанской войны. Все это в определенной мере усложняло положение Японии, ослабляло ее позиции как союзника гитлеровской Германии.

Окрепший в ходе войны против фашистского агрессора союз трех революционных потоков стал одним из главных условий углубления ми-

рового революционного процесса. Сложившийся на основе общности целей в борьбе против империалистической агрессии, он отражал объективную потребность общественно-исторического прогресса, неумолимо пробивавшего себе дорогу сквозь толщу различных по своему классовому содержанию событий, вызванных войной. Этот союз стал фундаментом тех побед, которых добилось мировое революционное движение в послевоенные годы.

Уроки второй мировой войны и некоторые аспекты современного международного развития

Прошло немногим более 30 лет со дня разгрома фашистского агрессора. За это время силы социализма добились небывалых успехов, образовав мировое содружество социалистических государств. В несоциалистическом мире в качестве влиятельной политической силы выступает коммунистическое движение.

Тем не менее и в наше время предпринимаются отдельные попытки игнорировать уроки истории. И сейчас в империалистическом лагере на Западе, в особенности в США, кое-кто вынашивает бредовые идеи уничтожения Советского Союза, и в настоящее время существуют силы, стремящиеся осуществлять политику антисоветизма и антикоммунизма. Американские «ястребы», заправилы НАТО, защищающие интересы военно-промышленного комплекса, не могут смириться с утерей мировым империализмом его прежних позиций, не могут спокойно взирать на то, как процесс революционного преобразования старого мира все глубже захватывает страны и целые континенты нашей планеты.

С лидерами наиболее агрессивных кругов Запада все теснее смыкается маоистское руководство Китая, провозгласившее своей основной задачей борьбу против Советского государства. Больше того, мы являемся свидетелями возрождения в Китае обанкротившихся в годы второй мировой войны идей установления мировой гегемонии. Политика великодержавия, шовинизма, антисоветизма стала основой всей идейно-политической программы Пекина, претендующего ныне на роль политического лидера в Азии и во всем мире.

Новоявленные претенденты на мировое господство используют методы и приемы, во многом сходные с теми, которые были взяты на вооружение империалистическими агрессорами в годы подготовки и развязывания второй мировой войны. Подобно господствующим кругам Японии и других стран агрессивного блока, пекинские лидеры, взявшие курс на провоцирование нового мирового конфликта, подчинили всю свою внутреннюю и внешнюю политику интересам осуществления гегемонистских планов.

В области внутривнутриполитической китайское руководство ведет безудержную подготовку к войне. Экономика Китая давно перестроена на военный лад, осуществляется милитаризация всех сторон жизни, военным кругам отведена роль ведущей политической силы в стране. Не удовлетворяясь уровнем развития китайских вооруженных сил, достигнутым при Мао Цзэ-дуне, новое пекинское руководство взяло курс на всемерное наращивание военного потенциала. Именно в этом заключается суть развернутой в Китае кампании «за модернизацию обороны», означающей безудержное расширение военного строительства в интересах подготовки к войне за обладание мировой гегемонией.

В области внешнеполитической пекинские лидеры стремятся проводить политику постоянного нагнетания напряженности в международ-

ных отношениях, провоцирования межгосударственных конфликтов, осуществляют экспансионистский курс в пограничных вопросах. Аналогичные действия были излюбленным приемом империалистических агрессоров, используемым ими для создания ситуации, облегчавшей осуществление экспансионистских планов. Подобный внешнеполитический курс Пекина проявляется во всех сферах международной политики, все более дает о себе знать в самых различных районах земного шара. В Европе китайские руководители стремятся подыгрывать стратегам из НАТО, призывают страны Североатлантического блока к усилению конфронтации с Советским Союзом. Они ищут и находят пути для установления взаимопонимания и сотрудничества с западногерманскими реваншистами, причем платформой для такого взаимопонимания стало стремление тех и других к «поглощению» ГДР, к нагнетанию антисоветизма. В Африке новое китайское руководство в поисках режимов, опираясь на которые оно могло бы проводить свою политику, оказало помощь Сомали в его агрессии против Эфиопии, поддержало империалистическую интервенцию в Заире.

Особенно активизировалась подрывная деятельность Пекина в странах Юго-Восточной Азии, которые китайское руководство считает своей вотчиной. Пекинские лидеры открыли поход против независимости азиатских государств, усилили происки с целью столкнуть их с пути самостоятельного развития, подчинить их диктату Пекина. Для этого осуществляется непрерывное вмешательство во внутренние дела этих стран, создаются межгосударственные конфликты.

Вынашивая далеко идущие экспансионистские планы, пекинские руководители с рвением и упорством, достойными лучшего применения, ратуют за наращивание гонки вооружений. Наглядным проявлением этого является провокаторская, подстрекательская позиция маоистов в ООН, трибуну которой они используют для инсинуаций в отношении миролюбивой внешней политики СССР и других социалистических стран. Уже давно стало империалистической традицией использовать гонку вооружений для создания международной ситуации, чреватой опасностью войны. Пекин копирует эту тактику агрессора, идет по проторенной дороге любителей военных авантюр. В области идеологической в современном Китае осуществляется широкая пропаганда милитаризма. Как ни парадоксальным кажется на первый взгляд, но при всей своей революционной трескучести, при всем своем апеллировании к «революционным массам» и использовании марксистско-ленинской фразеологии, в маоизме есть элементы, воспроизводящие отдельные черты милитаристской идеологии японского империализма. В таком сходстве нет ничего случайного. Оно объясняется как сходством внешнеполитических целей маоизма и довоенного японского империализма, так и методами обоснования этих целей. Несмотря на внешнее отличие маоизма, претендующего на роль идеологии «угнетенных масс и революционных народов», от идеологии империалистической буржуазии довоенной Японии, он также воспевает гимны силе, агрессии, войне, возводит милитаризм в основополагающий принцип внутренней и внешней политики. Подобно идеологии японского империализма, маоизму присущ национализм, смыкающийся с паназиятизмом. В прошлом идеологи японской империалистической буржуазии свои националистические устремления подкрепляли ссылками на особые черты японского национального государственного строя. Сейчас маоизм как мелкобуржуазная идеология в интересах раздувания национализма апеллирует к «особой революционности» китайской нации. В прошлом идеологи японской империалистической буржуазии, маскируя цели японской агрессии, призывали

к «освобождению» народов Азии от «белого империализма». Определенное сходство прослеживается между маоистской концепцией национально-освободительного движения и концепцией идеологов японской монополистической буржуазии об «освобождении Азии». В идеологии и практике маонизма национально-освободительному движению придается значение идейно-политического течения, имеющего целью противоборство Востока с Западом на геополитической, расистской основе, которое должно закончиться установлением мировой гегемонии одной из восточных стран — Китая. В японской националистической концепции «освобождения Азии» такая роль отводилась Японии.

Националистическое содержание заключено и в стремлении маоистов противопоставить национально-освободительное движение двум другим революционным силам современности — мировому социализму и международному коммунистическому движению. С целью подорвать интернационалистическую солидарность участников национально-освободительной борьбы с Советским Союзом они извращают историю становления и развития антифашистского фронта в годы борьбы против фашистского агрессора, отрицают всемирно-историческое значение победы советского народа над гитлеровской Германией и империалистической Японией, замалчивают помощь, оказанную Советским Союзом народам Азии, в том числе и китайскому народу, в отражении агрессии японского империализма. Иными словами, в идеологической деятельности нынешнего пекинского руководства фальсификация истории второй мировой войны стала играть роль средства, используемого для утверждения идеологии национализма и агрессивного антисоветизма. Антисоветизм маоистов, как и антисоветизм империалистического агрессора, переплетается с антикоммунизмом. Эта его черта нашла выражение в идеологической конфронтации пекинского руководства с международным коммунистическим движением. Определенное сходство прослеживается и в способе использования антисоветизма и антикоммунизма империалистическими агрессорами и нынешними пекинскими лидерами. Ранее миф об угрозе коммунизма служил прикрытием экспансионистских устремлений государств фашистского блока, сейчас им пытаются камуфлировать свои великодержавные планы китайское руководство. Разница заключается лишь в том, что нынешние пекинские лидеры вместо термина «коммунизм» употребляют термин «социал-империализм», но в том и другом случае под ним имеется в виду Советский Союз.

Таково лицо маоистских руководителей нынешнего Китая, так обособывается и осуществляется ими политика антисоветизма и антикоммунизма. После разгрома блока агрессивных государств в прошедшей войне положение в мире коренным образом изменилось, другим стало соотношение сил на международной арене. Но и в таких условиях, как показывают факты, в мировом развитии возникают события и тенденции, сходные с теми, которые имели место в недалеком прошлом. Победа советского и других миролюбивых народов над фашистским агрессором продемонстрировала всему миру, каков может быть конечный результат этих антисоветских тенденций.

В истории имеются и аналоги политики, которую проводят по отношению к Китаю империалистические государства в настоящее время. Известно, что представители военно-промышленного комплекса и реакционные политические деятели ряда западных стран с радостью приветствовали усиление антисоветизма в политике Пекина, попытались использовать его антисоветизм в своих целях. Подобная позиция реакционных господствующих кругов США и других западных держав особен-

но наглядно проявилась в вопросе о перевооружении Китая. Сознвая, что нынешний уровень развития китайской экономики не может обеспечить выполнение программы перевооружения китайской армии, нынешние китайские руководители обратили свои взоры на Запад, добываясь от империалистических держав резкого расширения военной помощи Китаю.

Как же реагировали западные страны на подобного рода просьбы китайских руководителей?

В стремлении пекинского руководства заручиться военной поддержкой империалистических держав они усмотрели блестящую возможность для реализации своего плана по усилению антисоветской направленности политики Пекина и превращению Китая в очаг военной опасности для СССР. Особенно благосклонно к просьбам пекинских руководителей отнеслись заправилы агрессивного блока НАТО. Подчеркивая единство военных и политических целей этого блока и маоистской верхушки, реакционная западная печать стала называть Китай «восточным НАТО», как бы подчеркивая тем самым открывшуюся возможность «окружить» Советский Союз с Запада и Востока.

Где гарантия того, что современные китайские милитаристы будут точно следовать планам, на осуществление которых надеются руководители стран Запада, и не направят оружие, полученное ими от западных стран, против них самих. Этому учит нас опыт второй мировой войны. Он свидетельствует об опасных последствиях гонки вооружений, о безрассудности политики нагнетания напряженности.

Обращая внимание на эту сторону современного международного развития, кубинская газета «Гранма» недавно писала, что буржуазные политики, мечтающие использовать Китай в своих антисоветских маневрах, не должны забывать, что гегемонистские устремления руководителей КНР угрожают всему без исключения человечеству, в том числе и тем, кто живет в капиталистических странах. Наверное, там забыли уроки недавней истории, когда в результате помощи фашизму деньгами и оружием в расчете на то, чтобы толкнуть гитлеровцев на Восток, многие западноевропейские державы сами оказались оккупированными нацистскими ордами¹.

Отражая мнение советской общественности, с решительным предупреждением об опасности поощрения курса китайского руководства на милитаризацию страны выступила «Правда». «Никак не служат укреплению доверия и последние интриги, точнее «интрижки», Вашингтона вокруг Китая», — писала газета, осуждая тех американских деятелей, которые стремятся использовать «китайскую карту» в глобальной игре. Газета подчеркивала, что в данном вопросе китайские руководители «играют свою собственную игру». «Если США, страны НАТО не прочь использовать трудности, возникшие в советско-китайских отношениях, в своих интересах, — продолжала газета, — то у пекинских руководителей на уме другое — до предела обострить отношения между СССР и США, использовать это обострение отнюдь не в американских, а в своих собственных интересах. Советско-американская конфронтация, а еще лучше война, — вот вожделенная мечта Пекина. Может быть, в Вашингтоне подумают на эту тему не спеша, хладнокровно»².

Эти предупреждения основаны на трезвой оценке складывающейся обстановки, с учетом итогов и уроков второй мировой войны, обнажившей всю пагубность политики поощрения агрессора.

¹ См. «Правда», 3.VI.1978.

² «Правда», 17.VI.1978.

Советский Союз — за дружбу, за добрососедские отношения с Японией

Поражение японского империализма во второй мировой войне создало обстановку, способствовавшую налаживанию дружеских, добрососедских отношений между СССР и Японией. Развитие событий вскрыло полную бесперспективность политики антисоветизма и антикоммунизма, которую проводили господствующие круги Японии в прошлом, показало, к каким пагубным последствиям для этой страны привел курс на блокирование с агрессивными силами мирового империализма.

В Японии возникло широкое движение за нормализацию отношений с Советским Союзом, в него включились широкие слои трудящихся, массовые прогрессивные организации, профсоюзы, партии. В этом движении приняли участие и наиболее дальновидные представители правящих кругов Японии, осознавшие пагубные последствия политики слепого следования за США для национальных интересов страны.

В 1956 г. была подписана Совместная советско-японская декларация, восстанавливавшая дипломатические отношения между нашими странами на принципах, изложенных в Уставе ООН.

За прошедшие двадцать с небольшим лет советско-японские отношения получили широкое развитие, как бы демонстрируя те возможности, которые заложены в сфере межгосударственных отношений между двумя странами и которые могут быть с еще большим успехом реализованы в будущем.

В области политической была создана договорно-правовая основа для регулирования различных сторон межгосударственных отношений. Особенно большое значение для упрочения и развития общих принципов советско-японских отношений имели начавшиеся в 1973 г. контакты между советскими и японскими руководителями на высшем уровне. Такую роль, в частности, сыграли состоявшиеся в 1973 г. переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева с премьер-министром Японии, в ходе которых было продемонстрировано желание обеих сторон к дальнейшему упрочению отношений между двумя государствами.

В области экономической были продемонстрированы неисчерпаемые возможности широкого и всестороннего сотрудничества между СССР и Японией по линии внешней торговли, научно-технических контактов, крупномасштабного строительства в рамках совместной разработки природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Для иллюстрации расширения масштабов экономических связей между СССР и Японией приведем данные, характеризующие рост советско-японской торговли. С 1958 по 1974 г. товарооборот между нашими странами вырос более чем в 45 раз и составил в 1974 г. 1,7 млрд. рублей.

В области культурных связей также были достигнуты значительные успехи, свидетельствовавшие об обоюдном стремлении советского и японского народов к овладению духовными богатствами в интересах борьбы за мир и углубления взаимопонимания.

Словом, за прошедшее время был сделан значительный шаг в развитии советско-японских связей. Это соответствовало интересам как советского, так и японского народов, послужило значительным вкладом в дело борьбы за мир в Азии и во всем мире.

Позитивные процессы, развивавшиеся в сфере советско-японских отношений в послевоенные годы, явились следствием миролюбивых инициатив Советского Союза и действием той тенденции в общественном мнении и политическом курсе правящих кругов, которая отражает

объективную необходимость и закономерность налаживания тесных японо-советских отношений, всестороннего сотрудничества Японии и СССР в интересах укрепления мира и безопасности в Азии и во всем мире. В этой тенденции заключено стремление преодолеть негативный опыт политики оголтелого антисоветизма, проводившейся японскими правящими кругами в прошлом, учесть уроки второй мировой войны в области японо-советских отношений.

Но в современной Японии существует и другая тенденция в подходе к японо-советским отношениям и другим проблемам мирового развития. Это тенденция к противодействию процессу углубления связей между двумя странами, тенденция к осуществлению антисоветской линии в идеологии и политике, нагнетанию атмосферы недоверия и подозрительности в отношении позиции СССР по проблемам, связанным со всем комплексом вопросов мирового развития. Она проявляется в различных сферах внутренней и внешней политики Японии. Отчетливо определилась такая черта внешнеполитического курса Японии, как стремление ее правящих кругов интегрироваться в политическую систему глобальной политики мирового империализма, прежде всего США, поддерживать и расширять отношения с силами мировой реакции, проводящими антисоветский курс. Это проявилось, в частности, в заключении целого комплекса соглашений с США, регулирующих политические, экономические и военные аспекты японо-американских отношений. Важнейшим из них является японо-американский «договор безопасности», имеющий антисоветскую, антикоммунистическую направленность. В рамках этого договора Япония играет роль союзника США, поддерживающего все основные политические и военные акции своего партнера в Азии. Постепенно стала проявляться такая тенденция в японо-американских отношениях, как желание правящих кругов Японии играть все более возрастающую роль в этом союзе. Со своей стороны правящие круги Японии не раз выступали инициаторами создания военно-политических блоков наиболее реакционных режимов стран Восточной и Юго-Восточной Азии на антисоветской основе.

Курс правящих кругов Японии на блокирование с силами, проводящими политику антисоветизма и антикоммунизма, за последнее время вылился в попытки заключить так называемый «договор о дружбе» с маоистским руководством Китая, проект которого имеет антисоветскую направленность. К сожалению, некритическую позицию в отношении данного договора заняли отдельные руководители оппозиционных партий, разделяющие по существу точку зрения правительства в этом вопросе.

Силы внутри японских правящих кругов, которые в настоящее время определяют такую ориентацию страны на международной арене, по всей видимости, не учитывают урока, преподанного второй мировой войной, и последствий реакционного внешнеполитического курса правителей довоенной Японии.

Курс на блокирование с международными империалистическими кругами и другими антисоветскими силами сопровождается расширением масштабов антисоветской пропаганды, распространением идеологии национализма и реваншизма внутри страны. Это проявляется в попытках реакционных правящих кругов раздуть так называемый «территориальный вопрос», предъявить Советскому Союзу необоснованные территориальные требования, распространить миф о «советской угрозе» Японии с Севера.

При поддержке японского правительства в стране действуют различные реакционные националистические организации, занимающиеся

пропагандой антисоветизма. Тревожным в пропагандистской кампании по распространению националистической идеологии в Японии является то, что в ходе этой кампании предпринимаются попытки оправдать захватническую политику японского империализма в годы подготовки второй мировой войны, обелить роль Японии в ее развязывании, доказать «неизбежность» этой войны и ее «благодетельное» (!) влияние на развитие Японии. Отдельные японские буржуазные идеологи стремятся провести мысль об «освободительной» миссии Японии, которую она будто бы стремилась выполнить в Азии. Подобного рода националистические идеи смыкаются с идеями паназиатизма и преследуют цель с антикоммунистических позиций отрицать прогрессивное значение национально-освободительных движений в Азии, противопоставить эти движения мировому социализму и международному коммунистическому движению.

Что же касается Советского Союза, то он выступал и будет выступать за дальнейшее развитие советско-японских отношений на дружественной основе.

Характеризуя современное состояние советско-японских отношений, Л. И. Брежнев в своем докладе на XXV съезде КПСС отметил: «Развитие наших отношений с Японией в общем идет в положительном направлении. Советский Союз широко торгует с Японией. С ней заключен ряд взаимовыгодных соглашений в экономической области. Значительно активнее стали контакты политических и общественных деятелей, растут культурные связи. Однако в связи с вопросами мирного урегулирования кое-кто в Японии, подчас при прямом подстрекательстве извне, пытается предъявлять к СССР необоснованные и незаконные претензии. Это, конечно, не путь к поддержанию добрососедских отношений. Мы считаем, что в советско-японских отношениях законном должны быть именно добрососедство и дружественное сотрудничество, к чему мы и стремимся. Хотел бы выразить надежду, что Япония не поддастся соблазну пойти по пути, на который ее хотели бы толкнуть те, кто не прочь погреть руки на советско-японских разногласиях»³.

Новым шагом, предпринятым Советским правительством с целью дальнейшего расширения и закрепления политической основы советско-японских отношений, явилось переданное в начале 1978 г. японскому правительству предложение заключить Договор о добрососедстве и сотрудничестве между СССР и Японией. Заключение такого договора подняло бы советско-японские отношения на новую ступень, способствовало бы углублению взаимного доверия, улучшило бы обстановку для переговоров по мирному договору.

* * *

Уроки войны учат, что нет такой силы, которая могла бы победить социалистический общественный строй, задержать развитие мирового революционного процесса. Они являются постоянным напоминанием о том, что ждет любителей военных авантюр, пытающихся повернуть движение истории вспять. Всякого рода претенденты на мировое господство должны сделать из этих уроков выводы, трезво оценить создавшуюся международную обстановку, основные элементы которой сложились в годы второй мировой войны.

³ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., 1976, стр. 25.

Некоторые вопросы социально-классовой структуры современного Китая

*П. Б. Капралов,
А. М. Круглов,
А. В. Островский*

Хотя исторический этап перехода к социализму в Китае в результате победы народной революции начался с низкого уровня социально-экономического развития, в первые восемь лет постепенно происходил процесс утверждения социалистических основ в экономическом базисе. Однако в результате навязывания коммунистической партии маоистского авантюристического курса во второй половине 50-х годов произошел подрыв социалистических экономических основ КНР. Касаясь пагубности маоистской политики в Китае, Л. И. Брежнев в докладе, посвященном 60-летию Октябрьской революции, отмечал: «Социалистические завоевания китайского народа подверглись большой опасности»¹.

По вынужденному признанию китайских руководителей на последней сессии ВСНП (март 1978 г.), «... все народное хозяйство оказалось на грани катастрофы. В ряде районов... наблюдались простои и остановка производства на промышленных предприятиях, возврат в деревне к единоличному труду на самовольно разделенных земельных участках...»². При этом делается попытка списать все провалы в социально-экономической области на счет «четверки» и одновременно скрыть тот факт, что они являются в первую очередь результатом проведения установок Мао Цзэ-дуна на практике.

Обострение политических и экономических трудностей вынудило китайское руководство после смерти Мао Цзэ-дуна прибегнуть к маневрированию, к расстановке новых акцентов и оттенков, в частности в области социально-экономических проблем. Однако анализ намечаемых китайским руководством во главе с Хуа Го-фэном народнохозяйственных задач и осуществляемой им экономической политики показывает, что в главном и основном они строятся на маоистских принципах.

Как вытекает из материалов последней сессии ВСНП, осуществление «четырех модернизаций» ставится на службу «наращивания экономической и оборонной мощи ускоренными темпами»³, иными словами, экономическое развитие страны полностью определяется маоистским лозунгом «подготовки к войне», подчинено внешнеполитической гегемонистской программе. На сессии была вновь подтверждена верность основным маоистским постулатам в области экономической политики: «твердо продолжать до конца революцию при диктатуре пролетариата», «браться за классовую борьбу в качестве решающего

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6, М., 1978, стр. 589.

² «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

³ Там же.

звена» и т. п. Кстати, именно маоистский тезис о существовании классовой борьбы в китайском обществе на современном этапе был вновь поднят на щит на сессии в качестве главного и основного аргумента несовершенства социального строя.

Китайские руководители вновь подтвердили, что решение одной из кардинальных социально-экономических задач — модернизации сельского хозяйства — они видят на путях маоистского курса «опоры на собственные силы», «полностью используя местные ресурсы», то есть в конечном счете силами и средствами китайского крестьянства. Провозглашение маоистской казарменной формулы Дацина и Дачжая — замкнутых самообеспечивающихся хозяйственных единиц — магистральным путем развития народного хозяйства страны означает дальнейший подрыв экономической базы союза рабочих и крестьян. Поэтому заявления китайских руководителей на последней сессии ВСНП о том, что «только осуществление высокими темпами социалистической модернизации в четырех областях обеспечит дальнейшее укрепление союза рабочих и крестьян на новой основе», — еще одно свидетельство демагогических пропагандистских маневров, к которым они вынуждены прибегать. Проводимая в настоящее время социально-экономическая политика маоистского руководства по-прежнему направлена не на повышение жизненного уровня трудящихся масс, а на наращивание военного потенциала страны. В КНР происходит деформация социально-классовой структуры общества, выражающаяся в том, что рабочий класс страны постепенно утрачивает ведущую роль в обществе, серьезно подорвана связь между рабочим классом и крестьянством, и в результате происходит отрыв китайского руководства от основных классов общества — рабочего класса и крестьянства.

* * *

Отражая экономическую отсталость страны, социально-экономический строй КНР представляет собой пеструю, сложную картину.

Как известно, накануне победы народной революции в Китае сложилась такая социальная структура, при которой наряду с крупным капиталистическим производством сохраняли свои позиции докапиталистические уклады. В конце 40-х годов 55% всего населения Китая составляли классы и социальные образования докапиталистического типа (помещики, ростовщики, крестьяне-арендаторы и собственники земли в системе родоплеменных и феодально-патриархальных отношений), 38% — классы и социальные образования переходного к капитализму типа (ремесленники, мелкие торговцы, наемные рабочие в мелком производстве, низы городского населения) и только 7% — современные классы и социальные слои (из них рабочий класс лишь 2,5%)⁴.

В первые годы после провозглашения КНР, когда еще соблюдались принципы научного социализма в строительстве страны, был осуществлен процесс ломки старого полуколониального и полуфеодального общества. Хотя задача национализации значительной части средств производства и осуществления социалистических преобразований была решена несколько формально и в сравнительно короткие сроки, тем не менее государственная и кооперативная формы собственности приобрели черты социалистической собственности. В тесном сотрудничестве

⁴ В. Г. Гельбрас. Класс: миф или реальность? — «Рабочий класс и современный мир», 1974, № 2, стр. 140.

с Советским Союзом и другими социалистическими странами происходило быстрое формирование социалистического экономического базиса, постепенно складывались основы социалистических производственных отношений. И хотя в целом социалистический базис не был окончательно сформирован, однако заложенные тогда основы системы социалистических производственных отношений не смогли выкорчевать ни «большой скачок», ни «культурная революция». По-прежнему народное хозяйство страны базируется на господстве двух основных форм собственности на средства производства: государственной и кооперативной, коллективной (групповой). Вместе с тем происходит определенная деформация социалистических основ экономического базиса. Это, в частности, находит проявление в том, что «государственные и кооперативные средства производства постепенно утрачивают свои сущностные, социалистические черты, они лишь формально обобществлены, а на деле «огосударствлены» государством военно-бюрократической диктатуры и используются руководством в своих эгоистических целях»⁵.

Процесс формирования фабрично-заводского рабочего класса, происходивший в первой пятилетке в результате концентрации рабочих на крупных предприятиях промышленности, капитального строительства и транспорта, был, как известно, нарушен политикой «большого скачка». На III пленуме ЦК КПК восьмого созыва осенью 1957 г. было решено изменить политику руководства КНР в вопросах труда и сосредоточить большое количество людей на мелких предприятиях.

Эта политика получила свое продолжение в несколько измененном виде в годы «культурной революции» после того, как Мао Цзэ-дун на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в марте 1966 г. заявил, что «каждый административный район, каждая провинция должны самостоятельно заниматься всем». Во всех уездах, народных коммунах и производственных бригадах начали создаваться свои мелкие промышленные предприятия, шахты, рудники и гидроэлектростанции.

На состоявшемся в мае 1977 г. Всекитайском совещании по распространению передового опыта Дацина в промышленности было провозглашено повсеместное создание предприятий дацинского типа. В материалах совещания подчеркивалось, что «каждое предприятие», как в Дацине, должно идти по пути «7 мая»⁶, чтобы рабочие свою главную задачу — участие в промышленном производстве — сочетали с другими видами деятельности: земледелием, лесным хозяйством, животноводством, подсобными промыслами и рыбным хозяйством⁷. Была сформулирована задача «добиться в пятой пятилетке превращения одной трети промышленных предприятий страны в предприятия дацинского типа... С 1977 по 1980 г. из числа крупных и средних промышленных предприятий ежегодно надо создавать в среднем по 400 с лишним новых предприятий дацинского типа»⁸.

Такая социально-экономическая политика китайского руководства сильно влияет на характер формирования и развития социально-классовой структуры КНР: в Китае до сих пор сохраняется относительная малочисленность классов и социальных групп, связанных с современными формами развития производства; наряду с этим возникли и получи-

⁵ См. подробнее: Е. А. Коновалов, М. М. Никольский. Социально-экономические проблемы современного Китая. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4.

⁶ Имеются в виду указания Мао Цзэ-дуна по вопросам социально-экономического развития страны, данные им в письме к Линь Бяо от 7 мая 1966 г.

⁷ См. «Жэньминь жибао», 8.V.1977.

⁸ Там же.

ли развитие так называемые «промежуточные» и «переходные» социальные группы, большая часть которых связана с традиционными формами экономики.

Хотя после образования КНР рабочий класс увеличивался сравнительно более быстрыми темпами, однако удельный вес его продолжает оставаться весьма незначительным как в общей численности населения страны, так и в экономически активном населении (см. таблицу).

Процесс развития двух хозяйственных систем — центральной и местной, особенно центральной системы, которая по замыслу китайского руководства должна служить наращиванию военно-промышленного потенциала страны, естественно, способствовал определенному росту рабочего класса. Быстрыми темпами рос отряд рабочих, занятых в промышленности, капитальном строительстве, на транспорте и связи. В настоящее время доля промышленных рабочих в общей численности рабочего класса значительно возросла по сравнению с 1957 г. за счет роста рабочего класса в таких ведущих отраслях тяжелой промышленности, как черная металлургия, машиностроение, химическая промышленность, составляющих основу современного промышленного комплекса КНР. В 1957 г. промышленные рабочие составляли 73,2% общей численности рабочих страны, в 1974 г. — уже 83,4%.

Казалось бы, в социальной структуре рабочего класса произошли положительные сдвиги. Однако рост рабочего класса в таких отраслях народного хозяйства, как промышленность и капитальное строительство, происходил не только за счет роста занятых на крупных предприятиях с большим количеством машинного оборудования и численностью занятых свыше 500 человек, но и за счет роста численности мелких предприятий. К началу 70-х годов большая часть рабочих была занята на мелких предприятиях местного подчинения с преобладанием примитивного оборудования.

Рост численности рабочих на предприятиях с примитивным оборудованием, снижая культурно-технический уровень всего рабочего класса страны, отрицательно влиял на профессиональный и квалификационный состав рабочего класса.

На промышленных предприятиях центрального подчинения существует восьмиразрядная тарифная сетка для оплаты рабочих. В 50-х годах группа квалифицированных рабочих, оплачиваемых по разрядной тарифной сетке, была невелика: по такой системе в 1955 г. работало лишь 1,6 млн. рабочих, а средний уровень квалификации составлял IV разряд⁹. Всего по 10 различным отраслям промышленности в 1955 г. насчитывалось около 30% рабочих V—VIII разряда¹¹. Затем уровень квалификации рабочих несколько снизился, и в 1971 г. только 25% рабочих промышленности имели V—VIII разряд. Временные (или «контрактные») рабочие оплачивались по четырехразрядной тарифной сетке, но заработная плата неквалифицированного рабочего по самому высокому разряду была ниже, чем заработная плата «постоянного» рабочего по самому низшему разряду в той же местности и в той же отрасли промышленности.

В настоящее время по-прежнему действует восьмиразрядная тарифная сетка для оплаты рабочих на промышленных предприятиях центрально-

⁹ Рассчитано на основании данных: «Тунцзи гунцзо», 1956, № 23, стр. 28; В. Г. Гельбрасс. Проблемы развития рабочего класса Китая и «культурная революция», Проблемы изучения положения рабочего класса в Китае. М., 1972, ч. I, стр. 19, а также данных ИДВ АН СССР.

¹⁰ «Тунцзи гунцзо», 1956, № 23, стр. 29.

¹¹ Там же.

Таблица

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КНР

	1957 г.		1958 г.		1966 г.		1970 г.		1974 г.	
	в млн. чел.	в %	в млн. чел.	в %	в млн. чел.	в %	в млн. чел.	в %	в млн. чел.	в %
Экономически активное население	300,7	100	360	100	366—376	100	430	100	460—476	100
Из них:										
1) рабочие и служащие	24,5	8,1	45,3	12,6	36—41	9,7—11	48	11,2	62—70	13,2—15
в том числе:										
рабочие	11,8	3,9	22,6	6,2	20—22	5,4—5,9	31—33	7,2—7,7	40—45	8,6—9,4
2) члены народных коммун (до 1958 г. — крестьяне) кооперированные кустари,	276,2	91,9	314,7	87,4	330—335	89—90,3	382	88,8	398—406	85—86,8
в том числе:										
кустари-профессионалы	17,1	5,7	13,3	3,7	16—20	3,7—4,6

Рассчитано по данным: Великое десятилетие, Пекин, 1959, стр. 159; «Peking Review», 1971, № 40, р. 14—15; Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 году, М., 1975, стр. 37; Современный Китай, М., 1972, стр. 95—96; Китай сегодня, М., 1969, стр. 101; В. Г. Гельдранс. Проблемы развития рабочего класса Китая и культурная революция, Проблемы изучения положения рабочего класса в Китае, М., 1972, ч. 1, стр. 17—19; J. P. Ferguson. Nonagricultural Employment in Mainland China, 1919—1988, Wash., 1985, р. 128, 130, 133; An Economic Profile of Mainland China, New York, 1970, р. 469; Economic Trends in Communist China. Chicago, 1969, р. 362, 481.

го подчинения, пятиразрядная тарифная сетка — для рабочих промышленных предприятий местного подчинения и четырехразрядная тарифная сетка — для «контрактных» рабочих¹².

С 1 октября 1977 г. было проведено «упорядочение» заработной платы, которое затронуло 46% общей численности рабочих и служащих, и, кроме того, еще у 10% рабочих и служащих была повышена заработная плата¹³. Однако необходимо отметить, что и это повышение заработной платы затронуло только рабочих и служащих на предприятиях современного типа. Причем заработную плату увеличивали не путем пересмотра тарифных ставок в сторону повышения, а за счет повышения разрядов рабочим, долгое время получавшим по самым низким разрядам, но которые были в состоянии выполнять работу по более высокому разряду.

Это «упорядочение» заработной платы не коснулось рабочих в системе местного подчинения и «контрактных» рабочих, которые по-прежнему получают заработную плату по заниженным тарифным ставкам от 20 до 60 юаней в месяц при средней заработной плате 35 юаней в месяц, в то время как на промышленных предприятиях центрального подчинения рабочие на разрядной сетке получают от 35 до 105 юаней в месяц при средней заработной плате 60 юаней в месяц.

Мероприятия нынешнего ки-

¹² В 1975 г. в ходе кампании по «изучению теории диктатуры пролетариата» «четверка» ратовала за отмену восьмиразрядной тарифной сетки на промышленных предприятиях центрального подчинения и предлагала ввести четырех- или пятиразрядную тарифную сетку, как на предприятиях местного подчинения.

¹³ «Жэньминь жибао», 25.X.1977.

тайского руководства в области труда и заработной платы, таким образом, противопоставляют рабочих крупных предприятий центральной хозяйственной системы рабочим мелких предприятий местной хозяйственной системы.

С другой стороны, законодательство, регулирующее наем и оплату труда рабочих, затрудняет перемещение их из одной социальной группы в другую, что приводит к значительному ослаблению ядра рабочего класса КНР — фабрично-заводских рабочих. Тем не менее, несмотря на зигзаги политики маоистского руководства, на большинстве крупных предприятий костяк рабочего класса, его ядро, — фабрично-заводской рабочий класс — продолжает развиваться.

Быстрыми темпами развивается местная промышленная система с предприятиями, на которых, как правило, не требуются ИТР и высококвалифицированные рабочие. Государственную промышленность местного подчинения, призванную обслуживать сельское хозяйство, китайское руководство попыталось в массовом порядке создавать еще в период «большого скачка». Волонтаризм и бесплановость этой политики, связанной с отвлечением больших масс рабочей силы в насаждавшуюся примитивную промышленность, привели к ее быстрому краху. Примерно с середины 60-х — начала 70-х годов в этом направлении предпринимаются новые усилия: во всех уездах создаются небольшие местные предприятия. Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что ядро рабочих, например, уездных заводов сельскохозяйственного «машиностроения» часто составляют бывшие сельские или городские кустари.

С ростом занятости на небольших местных предприятиях была связана проблема устойчивости, прочности социально-экономических изменений, происходящих по мере развития местной промышленности. В этот период наиболее быстрыми темпами росла занятость в промышленности уездного подчинения. Это было связано с формированием сети уездных предприятий, так называемых «пяти мелких отраслей»: местной металлургической и цементной промышленности, местного «машиностроения», производства химических удобрений и электроэнергии. Значительное отвлечение трудоспособного населения из сельского хозяйства в местную промышленность создавало острые социально-экономические проблемы, связанные с потребностью в живом труде со стороны сельского хозяйства. Отлив занятых в сельском хозяйстве означал также автоматическое снижение производства продовольствия. В результате приходилось закрывать местные предприятия, а работавших на них бывших крестьян отправлять обратно в сельское хозяйство. Так происходило в 1972—1973 гг., когда в связи с неурожаем и стихийными бедствиями закрывались местные предприятия в уездах (частично в коммунах), а занятая на них рабочая сила срочно перебрасывалась в сельское хозяйство¹⁴.

Рабочий класс, занятый квалифицированным трудом в центральной хозяйственной системе, оказался в относительно привилегированном положении по условиям труда и быта по сравнению с другими социальными слоями в рабочем классе и в первую очередь занятыми на несовершенных предприятиях местной хозяйственной системы. Это ведет к значительной раздробленности рабочего класса, его политической разобщенности.

В условиях сохраняющегося в большинстве районов страны низкого уровня промышленного развития заметную роль продолжают играть кустари. Кустарные производственные кооперативы, как и промышлен-

¹⁴ "Quarterly Economic Review". 1973, № 1; "New York Times", 24.VI.1974.

ность пригородных уездов и народных коммун, а также квартальная промышленность в городах часто выполняют функции производственно-обслуживания отраслей крупной промышленности, становясь своего рода субподрядчиками крупных предприятий.

Кроме того, определенную роль в удовлетворении производственных и бытовых потребностей на селе и в городе продолжает играть социальная прослойка кустарей-единоличников, представляющих, по существу, мелкотоварное ремесленно-кустарное производство. В соответствии с Конституцией КНР (1975) государство разрешило несельскохозяйственным труженикам-единоличникам заниматься личным трудом без эксплуатации чужого труда в деревне под контролем производственных бригад народных коммун, в поселках, городах — под контролем соответствующих организаций¹⁵. Кустари-единоличники составляют 0,8% всех рабочих¹⁶.

Анализ занятости на предприятиях центральной и местной хозяйственных систем дает основание утверждать, что экономический курс китайского руководства «идти на двух ногах» в сочетании с политикой «опоры на собственные силы» размывает рабочий класс, создает в нем новые социальные группы, не связанные с крупным фабрично-заводским производством, что тормозит развитие рабочего класса КНР.

Серьезное влияние на развитие социальной структуры современного Китая оказывает комплекс мероприятий китайского руководства, известный под названием системы «и рабочий и крестьянин» («и гун и нун»). Важной особенностью социально-классовой структуры современного Китая становится, таким образом, весьма значительный удельный вес социальных групп, занятых попеременно то в сельском хозяйстве, то в промышленности. Такой временный переход из сельскохозяйственной сферы в промышленную характерен для различных экономических уровней, однако общей его чертой является то, что он свойствен прежде всего трудоемким производствам, основанным на использовании неквалифицированного живого труда.

Сезонная переброска масс живого труда в народных коммунах и производственных бригадах основывается прежде всего на простой кооперации труда крестьян. Это мелкие предприятия по переработке продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, по изготовлению предметов потребления, мелкая горнодобывающая промышленность.

Эти и связанные с ними аспекты развития социальной структуры деревни китайская пропаганда изображает как «сочетание промышленного и сельскохозяйственного труда». На деле речь идет лишь о сельских переходных группах, еще не поднявшихся до постоянной занятости в местном ремесленно-кустарном производстве, о втягивании крестьянства в первичные виды промышленной деятельности. Промышленность уездного подчинения — основного местного уровня в развитии промышленности при «опоре на собственные силы» — в значительной своей части также не является постоянно функционирующей сферой.

Китайское руководство придает большое значение системе временно-контрактного труда. Доля «контрактных» рабочих на разных предприятиях неодинакова. На крупных предприятиях со сложной техникой, где используется в основном сложный труд, требующий определенной квалификации, доля «контрактных» рабочих составляла 20—30% общего числа занятых. На мелких предприятиях местного подчинения их доля была значительно

¹⁵ «Хунци», 1975, № 2, стр. 9.

¹⁶ Там же, № 4, стр. 5.

больше. По данным китайских журналов «Лаодун» и «Цзихуа юй тунцзи», в 1958—1959 гг. почти все рабочие набиралась по системе контрактации рабочей силы и их доля составляла от 60% до 90% занятых на предприятии¹⁷. В 60-х — начале 70-х годов китайское руководство проводило такой же курс на замену кадровых рабочих промышленных предприятий «контрактными» рабочими. В частности, на шахте Маань пров. Гуандун из 2420 рабочих и служащих 1508 человек (62,3%) были набраны из близлежащих коммун по системе «и гун и нун», и она применяется на шахте с 1966 г.¹⁸

Наряду с этим китайское руководство в целях наращивания военно-промышленного потенциала держит курс на сохранение основного костяка рабочего класса — фабрично-заводских рабочих, занятых на крупных промышленных предприятиях.

Несмотря на заметный общий рост рабочего класса, численность ИТР и квалифицированных рабочих в целом по КНР растет медленными темпами. В 70-х годах большую часть рабочего класса составили «новые» рабочие I—IV разрядов, проработавшие на предприятии 1—4 года, а также «временные» рабочие.

Другим основным классом в социально-классовой структуре современного Китая является крестьянство, составляющее свыше 80% населения страны и количественно преобладающее в экономически активном населении.

Форсированные социальные преобразования в сельском хозяйстве КНР 1956—1958 гг. имели две важные особенности: во-первых, они проводились в условиях отсталого мелкокрестьянского хозяйства с примитивными, докапиталистическими орудиями труда; во-вторых, они не обеспечивались соответствующими преобразованиями в материально-технической базе сельского хозяйства. В связи с этим навязанные крестьянству народные коммуны быстро обнаружили свою нежизнеспособность, неэффективность. Объективная экономическая необходимость вынудила руководителей КНР отказаться от системы народных коммун в ее первоначальном виде как целостной хозяйственной ячейки и перейти к трехступенчатой системе собственности народных коммун, в соответствии с которой собственность производственной бригады как низовой сельскохозяйственной ячейки является основой. По признанию самой китайской печати, «пока у народной коммуны немного того, чем она может поделиться с большими производственными бригадами и производственными бригадами»¹⁹. Современный кооперативный строй в КНР характеризуется самой китайской печатью как «малые коллективные хозяйства», «потребуется долгое время, чтобы перейти от собственности малых коллективов к собственности больших коллективов»²⁰. В отличие от периода «большого скачка» народная коммуна является в настоящее время в основном административным органом. В результате формального сохранения системы народных коммун при фактической коренной ее перестройке к нынешнему времени создано положение, при котором основной субъект коллективного производства — производственная бригада — по форме обобществления (коллективная собственность на орудия производства, фактическое отсутствие паевых взносов и соответствующих выплат, ведение хозяйства по единому плану) напоминает ко-

¹⁷ Например: «Лаодун», 1958, № 13, стр. 15; № 14, стр. 15; «Цзихуа юй тунцзи», 1959, № 9, стр. 21.

¹⁸ «Жэньминь жибао», 8.XI.1977.

¹⁹ «Хунци», 1975, № 4.

²⁰ Там же; «Жэньминь жибао», 3.IX.1975.

оператив высшего типа, а по размеру (20—30 дворов) — низшего²¹.

Во внутренней структуре китайского крестьянства преобладающую часть составляют выделяемые пекинскими руководителями в особый слой так называемые «бедняки и низшие середняки» (60—70%) — маломощные крестьянские дворы, отягощенные довольно большим числом нетрудоспособных. Производительность технически слабооруженного ручного труда крестьян остается очень низкой. Быстрый рост населения, значительное количество не занятых в производстве почти в каждой бедной крестьянской семье — детей, стариков, неработающих женщин, — при низкой производительности труда занятых в сельскохозяйственном производстве создают острую проблему обеспечения даже минимума жизненных средств, прежде всего продовольствия, зерна. Среди преобладающей бедной части населения деревни в наиболее критическом положении находятся крестьянские дворы, являющиеся постоянными должниками коммун. Эти бедные семьи поглощают в счет основного пайка невыработанное ими по трудовым нормам продовольствие, которое они получают в соответствии с установками на гарантированное продовольственное снабжение. Число таких семей составляет в целом более 30% дворов — столько же, сколько до создания коммун в 1958 г.

После краха «большого скачка», вынужденного разрешения приусадебных участков и свободного рынка в общем доходе крестьянского двора непрерывно увеличивалась доля подсобного хозяйства, и в 1965 г. средний доход от личного хозяйства составлял от одной трети до половины общего дохода крестьянской семьи²². Полнее всего тяга к развитию личного хозяйства может реализовываться в семьях с большим числом трудоспособных и наличием инвентаря, иначе говоря, в зажиточных семьях. Свою деятельность такие крестьянские дворы стремятся ориентировать на приусадебные участки и на товарно-денежный обмен через сельские рынки.

Последствия слабости кооперативного строя в КНР проявляются в том, что местные власти вынуждены лавировать между уравнительной оплатой труда, которая подрывает материальную заинтересованность крепких семей, и оплатой по труду, невыгодной бедным дворам с малым числом трудоспособных и инвентаря и усиливающей расслоение крестьянства. Будучи неспособными сдержать продолжающийся в рамках кооперативного строя процесс дифференциации крестьянства, власти постоянно переходят от заявлений типа «обрабатывать землю во имя революции», от критики взглядов «трудоединица — командная сила» к осуждению уравниловки, к призывам экономического стимулирования труда крестьян. В 1977 г. центральное руководство высказывалось в пользу последовательного взыскания долгов и распределения только по трудовому вкладу, в пользу «строгости осуществления финансового контроля». Установлен еще более жесткий контроль над субсидированием «бедных» семей из коллективных фондов. Более того, власти призывают «сполна взыскивать долги, превышающие доходы», осуждаются «незаконные займы»²³. Весь отсталый технико-экономический облик кооперативного строя свидетельствует о том, что сфера действия социалистического экономического закона распределения по труду является очень узкой, что отражает сохраняющуюся незрелость социалистических про-

²¹ Практикой последних лет стало формирование в рамках бригад производственных групп, которые заключают договоры на сельскую работу с входящими в ее состав крестьянскими дворами. Принцип «одно хозяйство — один двор» получил в последние годы значительное распространение. («Китай на стройке», 1977, № 4.)

²² "The Economist", London, V. 217, № 6738, 1965.

²³ «Жэньминь жибао», 22.X.1977.

изводственных отношений в китайской деревне, низкую эффективность сельскохозяйственного производства бригад.

Кооперативный строй в сельском хозяйстве Китая, лишенный серьезной материально-технической поддержки государства, страдает значительной экономической непрочностью, слабостью материальных стимулов к коллективному труду. Усиление разрушительного влияния стихийных бедствий в последние годы совпало с организационным ослаблением коммун и бригад, с нарастанием дезорганизации в управлении хозяйством и трудовыми ресурсами деревни, с «подрывом» и «деградацией» многих коммун и бригад, с повсеместным падением трудовой активности членов коммун²⁴. Пекинские власти в этих условиях рассчитывают компенсировать слабость коммун и бригад военно-административным нажимом и принуждением в отношении крестьянства. На решающих фазах рабочего периода в сельском хозяйстве — сев, уборка урожая и т. п. — в деревнях резко усиливается контроль над организацией работ. Организация и проведение полевых работ в деревне — одна из важнейших функций местного военного командования. Этой цели служит и деятельность сельского ополчения, подчиняющегося армейскому командованию. На втором Всекитайском совещании по изучению опыта Дачжя (1976) был сформулирован ряд постоянных мер по регламентации сельскохозяйственного производства со стороны НОАК²⁵.

Несмотря на усиление военно-административных форм контроля в деревне, китайская печать отмечает для последних лет такие крайние проявления стихийного процесса ослабления коммун и бригад, как усиление дифференциации в крестьянстве, распад коммун и бригад, раздел коллективной земли и продовольственных фондов, возвращение к единоличному хозяйствованию, развал системы госзакупок, разгул спекуляции и зерно рынка, ухудшение жизни беднейшего крестьянства²⁶.

Непрочность кооперативного строя проявляется также и в том, что хозяйство коммун и бригад остается привязанным к экономическим ресурсам крестьянского двора, поставщика значительной части как средств производства, так и предметов потребления. Воспроизводство в деревне продолжает в огромной степени основываться на использовании органических удобрений, собираемых дворами. Многие крестьянские дворы, продолжающие в различной степени сочетать земледелие с ремеслом и подсобным промыслом либо работающие надомниками на предприятиях бригад и коммун, кустари-единичники служат поставщиками орудий труда, предметов обихода, утвари для крестьян и коллективов. Семейные подсобные промыслы в их «разумных» рамках, судя по материалам печати²⁷, остаются постоянной альтернативой развитию коллективных промыслов и мелкой промышленности коммун и бригад.

Слабые сдвиги в деле модернизации социально-экономического облика крестьянства обусловлены тем, что основная тяжесть в выполнении этой задачи переложена государством на плечи мелкой местной промышленности, выпускающей в основном простые сельскохозяйственные орудия. В начале 70-х годов примерно три четверти сельскохозяйственного оборудования составляли простые мелкие сельскохозяйственные орудия.

Удельный вес сельскохозяйственных машин в структуре производства небольших местных предприятий в связи с их технической отсталостью

²⁴ «Жэньминь жибао», 11.VII.1977, 29.VIII.1977.

²⁵ Там же, 4.I.1977.

²⁶ Там же, 11.X.1977, 7.III.1978. "China Reconstructs", 1977, № 4; "Peking Review", 1977, № 37—39.

²⁷ Там же, 30.XI.1976.

невелик; себестоимость и цена их высоки, качество низкое. Другими словами, основная часть капиталовложений в развитие сельского хозяйства представляет собой ручной труд крестьян. Это значит, что органическое строение сельскохозяйственного производства, характер труда крестьянства воспроизводятся в значительной степени в неизменной форме.

Перспективы социально-экономического развития китайского крестьянства неразрывно связаны с проблемой механизации в сельском хозяйстве, модернизацией характера труда крестьянства, усилением элементов реального обобществления в коллективной собственности.

Однако указания по распространению опыта Дачжая по-прежнему связывают механизацию сельского хозяйства с курсом «опоры на собственные силы», с деятельностью мелких предприятий уездов и коммун.

Китайское крестьянство в основной своей массе остается по степени социально-экономической зрелости разьединенной, раздробленной структурой первичных социальных ячеек в лице производственных бригад, ведущих при помощи кооперации простых орудий и ручного труда свое изолированное, автаркическое хозяйство; причем большая часть производимой продукции идет на потребление. В результате роста населения примерно на треть с 1957 г. при очень медленном увеличении поголовья тяглового скота (при остающейся в целом неизменной площади пашни) доля животного тягла в энергетической структуре сельского хозяйства снизилась, основная часть сельского хозяйства в еще большей мере стала опираться на ручной труд²⁸. В реальные планы пекинских руководителей, по-прежнему призывающих крестьян «не бояться страданий и трудностей», входит прежде всего укрепление круглогодичной системы эксплуатации ручного труда крестьян на полевых сельскохозяйственных работах и капитальном строительстве на полях, а не коренное оздоровление отсталой технической базы деревни, которое потребовало бы принципиально иного подхода к распределению капиталовложений и отказа от политики милитаризации. Реальная практика «уменьшения различий между рабочими и крестьянами», «крестьянами и кустарями» в «многоотраслевом хозяйстве» народных коммун во многом сводится к использованию традиционных форм занятости в слаборасчлененной аграрно-кустарной экономике. Полевые работы (пахота, сев, уборка урожая), переноска воды и полив пашни, транспортировка сельскохозяйственной продукции, ирригационные работы, сбор и доставка органических удобрений на поля, подсобные промыслы образуют широкий круг производственных функций современного крестьянства КНР, выполнение которых обеспечивается при весьма незначительных специализации и разделении труда под контролем местных властей и военных органов. В Пекине уже не раз старались публично откеститься от открыто паразитических взглядов на эксплуатацию крестьянского труда, которые каждый раз приписывались подвергавшимся в данный момент разоблачению смещенным деятелям верхушки. — «в Китае населения много, а земли мало, поэтому механизация не нужна». «люди народятся, для чего же выпускать тракторы?». Нынешние усилены пекинского руководства сосредоточиваются на том, чтобы раскрестить «капиталистические тенденции» в крестьянстве, «упорядочить» коммуны, «возвращать рабочую силу в бригады, гужевого транспорт на поля, а сердца

²⁸ Расчет по данным и оценкам. Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 году. М., 1975, стр. 161—162; National Council for U.S. — China Trade, November 1976; Quarterly Economic Review. Annual Supplement, 1976.

людей обращать к сельскому хозяйству» коммун²⁹. Речь идет о применении жестких административных мер для пресечения центробежных тенденций в бригадах, а также о начале очередного этапа сокращения чрезмерно разбухшей мелкой промышленности коммун и уездов, отвлекающей крестьян от сельского хозяйства.

Несмотря на признаваемый застой и даже спад в сельском хозяйстве в последние годы, пекинские власти полагают, что в эти же годы деревня оставляла себе слишком много, требуют увеличивать поставки и еще более уменьшить количество оставляемого крестьянам зерна³⁰. В условиях очередного снижения продовольственных норм весной 1977 г. все более осязательным источником продовольственного снабжения для членов коммун становится так называемый «малый осенний урожай», иначе говоря, дикорастущие травы, «которые могут заменить зерно и масло»³¹.

Так называемые модернизация и механизация на деле протекают как очаговый процесс вытягивания из отсталости небольших сельскохозяйственных зон, тяготеющих к районам сосредоточения современной промышленности. Анализ официальной информации об урожайности говорит о том, что показатели 12-летнего плана превышаются прежде всего в районах промышленных очагов. Излюбленным примером успехов сельского хозяйства в китайской печати является дельта Янцзы, район Шанхая и юга Цзянсу, дающие более четверти всей валовой промышленной продукции страны.

Не чем иным, как товарными зонами сельского хозяйства, являются, по-видимому, 20% (400) уездов «дачжайского типа». Витрина ускоренного сельского развития «в опоре на собственные силы» — Дачжайская большая бригада и уезд Сиян, судя по ряду признаний самой пекинской печати, на деле пользовались серьезной материально-технической поддержкой государства и НОАК, помогавших осуществлять капитальное строительство на полях, поставлявших технику и удобрения, подводивших электроэнергию. Неслучайно, видимо, и то, что рядом с Сяном находится одно из крупнейших в Китае предприятий по добыче угля и антрацита — Янцюаньские шахты, снабжающие важные промышленные районы страны. В связи с этим нетрудно понять, почему так медленно, судя по материалам печати, продвигается в масштабе страны «учеба у Дачжая».

В условиях сосредоточения основных материальных и финансовых ресурсов страны в сфере милитаризации модернизация сельскохозяйственного труда в КНР характеризуется не только небольшим масштабом охватываемых площадей, но и невысоким качественным уровнем. Как признавалось на III Всекитайском совещании по механизации сельского хозяйства в январе 1978 г., производство сельскохозяйственной техники в КНР находится на уровне 40—50-х годов³². Выставка сельскохозяйственных машин, состоявшаяся в КНР в сентябре 1977 г., по мнению присутствовавших американских экспертов, демонстрировала образцы, применявшиеся в США до второй мировой войны. Анализ китайской информации показывает, что на площадях так называемой «механизированной обработки» и площадях «высоких и стабильных урожаев», составляющих, исходя из китайских данных, 20% пашни, помимо современных, широко применяются «механизированные» орудия местных кустарных образцов, спроектированные и изготовленные в сельских районах, сохраняется высокий удельный вес крестьянского ручного труда. В сель-

²⁹ «Жэньминь жибао», 8.VIII.1977, 25.X.1977.

³⁰ Там же, 20.X.1977, 22.X.1977.

³¹ Там же, 28.IX.1977.

³² Там же, 29.I.1978.

скохозяйственном производстве 400 уездов «дачжайского типа» (около пятой части всех уездов) проведение определенных технических преобразований тесно сочетается с интенсивным использованием ручного труда.

Не считаясь с повсеместной депрессией, а во многих местах и падением отсталого сельскохозяйственного производства, пекинское руководство все более сужает и без того узкие реальные рамки модернизации сельскохозяйственного труда. Уездов — основных поставщиков товарного зерна, — по официальным данным, вдвое меньше, чем дачжайских уездов, чьи темпы роста до последних лет превышали 7% в год, — меньше вчетверо³³. Как показали III Всекитайское совещание по механизации в январе 1978 г. и I сессия ВСНП 5 созыва в марте, центральным звеном сельскохозяйственной политики Пекина являются немногочисленные и наиболее важные товарные базы, пользующиеся приоритетом в капиталовложениях и при распределении техники. Низкоурожайные районы призываются обеспечивать себя самостоятельно, помощь бедным коммунам и бригадам ограничивается туманными заявлениями.

Курс «учиться у Дачжая» на деле означает различные пути развития двух групп сельских районов Китая. Преобладающая часть китайской деревни, учась у Дачжая духу аскетизма и «опоры на собственные силы», должна вести отчаянную и в то же время малоэффективную борьбу за поддержание воспроизводства хотя бы на самом минимальном уровне. Небольшая и внутренне неоднородная группа сельских районов «изучает» другую сторону Дачжайского опыта — при поддержке промышленных центров и в целях их обслуживания она получает определенные перспективы для постепенного технико-экономического прогресса. Подобный узкопрагматический подход китайского руководства к проблеме модернизации сельскохозяйственного труда, обусловленный общей направленностью его политики в сторону милитаризации, препятствует радикальному изменению отсталого социально-экономического облика крестьянства, тормозит преобразование остающейся в целом аграрной структуры экономики страны.

Важным социальным образованием в социально-классовой структуре КНР являются служащие. Эта социальная группа далеко не однородна по месту в системе общественного производства, по распоряжению различными формами собственности и, главное, по роли в общественной организации труда.

Большую роль в социально-экономической структуре КНР играет часть социальной группы служащих — так называемые «ганьбу», которые занимаются организаторским трудом и сосредоточены преимущественно в сферах деятельности, обеспечивающей определенный контроль над важнейшими функциями государства.

Усиление роли армии в политической структуре Китая после «культурной революции», разрушившей конституционную систему органов власти и управления, привело к формированию в стране правящей военно-бюрократической прослойки. Она сосредоточила в своих руках одновременно руководящие военные, партийные и административные посты на самых различных уровнях.

Процессы усиления бюрократизации власти и управления, концентрации власти на местах в руках немногих «ганьбу» означали дальнейшее наступление на права трудящихся, усиление военизации и принуждения к труду. Вместе с тем образование местных военно-партийно-бюрократических групп усиливает местничество и анархию в развитии на-

³³ «Жэньминь жибао», 21.XII.1977.

родного хозяйства страны, способствует дальнейшему углублению кризисных проблем, создаваемых осуществлением маоистской политики. Проведение маоистского курса на закрепление за армией несвойственных ей социальных функций гражданского управления, введение ее в состав административно-управленческого аппарата оказалось в глубоком противоречии с требованиями объективной экономической действительности, с интересами трудящихся страны.

Рост после «культурной революции» прослойки «ганьбу» произошел прежде всего за счет ее сельской категории, занятой в низовых ревкомах, в местных системах управления мелкой промышленностью и сельским хозяйством. По различным подсчетам, на начало 70-х годов их насчитывалось примерно 25—35 млн. человек.

Кадровые работники в деревне — это в основном председатели коммун и начальники отделов. На них распространяется система государственных окладов, но они должны провести значительную часть года на полевых или других сельскохозяйственных работах. Остальные служащие в народных коммунах являются руководителями производственных бригад различных уровней, а также работниками низовых организаций в системе сельского хозяйства, финансов, торговли, здравоохранения и просвещения, подчиненных народным коммунам. Зарплата этих служащих и доходы руководителей бригад поставлены в прямую зависимость от их участия в сельскохозяйственном производстве народных коммун.

В последние годы, несмотря на создание так называемых «школ 7 мая», где заставляли «ганьбу» различных уровней управления заниматься физическим трудом, эта социальная группа постепенно стала превращаться в некую социальную категорию, стоящую над обществом, что оказывало неблагоприятное влияние на трудовую активность и настроение масс.

Что касается остальных групп служащих, представляющих китайскую интеллигенцию, то, где бы они ни были сосредоточены — в области культуры, здравоохранения, промышленности, транспорта или сельского хозяйства, — все они, за исключением связанных с ракетно-ядерной и другими отраслями военной промышленности, до недавнего времени являлись объектом наибольших гонений.

Научно-техническую интеллигенцию принуждали к «сращиванию», «слиянию», с крестьянством. В результате люди, на профессиональную подготовку которых государство затратило немало средств, вынуждены были заниматься простым, неквалифицированным трудом.

Такое пренебрежение к профессиональным знаниям научно-технической интеллигенции проявлялось неоднократно — в годы «большого скачка», в период «культурной революции». Известно, что Мао Цзэ-дун пытался свести к минимуму роль профессиональной подготовки и специальных знаний научно-технической интеллигенции. Он говорил: «Кое-кто выступает за то, чтобы прежде всего быть «квалифицированными» и лишь во вторую очередь «красными». Это чуждая нам буржуазная точка зрения»³⁴. Под словами «быть красным» в первую очередь понималось «быть приверженным идеям Мао Цзэ-дуна».

Пренебрежительное отношение маоистов к научно-технической интеллигенции выражалось также и в том, что до недавнего времени, начиная с периода «большого скачка», в КНР инженерно-технические работники на промышленных предприятиях были включены в состав не производственного, а обслуживающего персонала. В то же время в Китае замет-

³⁴ Цит. по: С. Д. Маркова. Маоизм и интеллигенция. М., 1975, стр. 105.

на значительная нехватка инженерно-технических работников и специалистов, занимающихся умственным трудом, причем за последние годы дефицит научно-технической интеллигенции в КНР еще более увеличился. По данным американских экономистов Чэнь Най-жуна и В. Галенсона за 1957 г., общая численность занятых умственным трудом в КНР составляла 4,417 млн. человек³⁵. Еще в те годы в стране не хватало специалистов с высшим образованием: китайские экономисты рассчитали, что на 1956—1967 гг. народному хозяйству потребуется 8—10 млн. новых специалистов с высшим и средним специальным образованием, в том числе примерно 3 млн. инженерно-технических работников и 1,15 млн. агротехников для работы в народных коммунах и производственных бригадах³⁶. Этот план выполнен не был. Непосредственно перед «культурной революцией» отнюдь не на каждом предприятии были работники с высшим и средним специальным образованием. К тому же, начиная с периода «большого скачка», большая часть выпускников высших учебных заведений в КНР приходилась на технические специальности. В частности, в 1956—1957 гг. в КНР насчитывалось 17162 выпускника технических вузов (31% всех выпускников вузов в КНР), а в 1962—1963 гг. — уже 77 тыс. (38%)³⁷. Худшее положение наблюдалось среди специалистов в других отраслях народного хозяйства.

Во время «культурной революции» был нарушен нормальный процесс обучения студентов. «Культурная революция» стоила четырех-пяти выпусков всех вузов КНР. Если взять за основу данные по общей численности студентов дневного обучения на середину 60-х годов, то окажется, что за годы «культурной революции» страна недополучила примерно 1 млн. специалистов с высшим образованием³⁸.

После «культурной революции» положение со специалистами с высшим и средним специальным образованием еще больше ухудшилось, поскольку на протяжении 60-х годов большие группы образованной молодежи, закончившей полный курс начальной (6-летней) и средней (12-летней) школы, переселяли в деревню на постоянное жительство. К началу 1964 г. в деревню в организованном порядке было переселено более 40 млн. юношей и девушек, в том числе 30 млн. с образованием в объеме шести классов³⁹. За последние десять с лишним лет, как сообщает китайская печать, в горные и сельские районы отправлено более 16 млн. грамотной молодежи⁴⁰.

В годы «культурной революции» и позднее категория работников умственного труда в значительной мере пополнялась рабочими и крестьянами, которые не кончали средних специальных учебных заведений, зато, по мнению китайской пропаганды, «обладали производственным практическим опытом». В частности, инженерно-технический персонал на промышленных предприятиях широко пополнялся рабочими, которые, однако, не имели достаточно технических знаний и в лучшем случае прошли ускоренные курсы по повышению квалификации на своем предприятии, названные «университетом 21 июля». Был выдвинут лозунг: «Выдвигать технический персонал из рабочих — таков путь под-

³⁵ Cheng Nai-ruenn, W. Galenson. The Chinese Economy under Communism. Chicago, 1969, p. 146.

³⁶ «Хунань», 1960, № 3, стр. 11.

³⁷ Cheng Chu-yuan. Scientific and Engineering Manpower in Communist China 1949—1963. Wash., 1965, p. 78.

³⁸ Например, Cheng Chu-yuan, op. cit., p. 74; B. Richman. Industrial Society in Communist China. Random House, 1970, p. 164.

³⁹ «Китай сегодня». М., 1969, стр. 113.

⁴⁰ «Жэньминь жибао», 25.1.1978.

готовки пролетарских ИТР»⁴¹. На Шанхайском станкостроительном заводе № 3 к концу «культурной революции» 45% ИТР составляли выдвинутыми из рабочих, причем часть из них не имела никакого специального образования⁴². К тому же в вечернем институте при предприятии, где обучались эти рабочие, большая часть времени отводилась на изучение «идей Мао Цзэ-дуна».

По окончании этого курса обучения они в большинстве случаев продолжали работать на своем рабочем месте; на более мелких предприятиях эти рабочие получали инженерную должность и переходили в управленческий аппарат. Излишне говорить, что качество подготовки таких инженеров оставляет желать лучшего как из-за недостаточного срока подготовки, так и из-за низкой квалификации преподавателей.

Такой низкий уровень подготовки специалистов с высшим образованием начал тревожить наиболее прагматически настроенных китайских руководителей. Еще в 1973—1975 гг., когда «четверка» прочно находилась у власти, Дэн Сяо-пин говорил, что лозунг «рабочие, крестьяне и солдаты руководят образованием, наукой и техникой и во всей сфере надстройки» означает «снижение роли отряда специалистов», а лозунги «быть и красным и специалистом», «соединение теории с практикой» приводят к тому, что люди «не смеют изучать технику вглубь», «не смеют читать на иностранных языках», «не смеют читать книги по специальности»⁴³.

После смерти Мао Цзэ-дуна китайские руководители, сваливая всю вину на «четверку», были вынуждены признать острую нехватку и низкую квалификацию научно-технической интеллигенции. В выступлении Хуа Го-фэна на I сессии ВСНП 5 созыва открыто признавалось: «Сократившееся ранее отставание нашей страны от передового уровня мировой науки и техники за последние годы снова возросло. Качество обучения в учебных заведениях резко снизилось. На всех участках работы ощущается нехватка молодых кадров со специальными знаниями»⁴⁴.

Весной 1978 г. состоялось Всекитайское совещание по науке и технике, на котором признавалась необходимость готовить специалистов с высшим и средним специальным образованием. Но необходимо отметить, что такая «забота» китайских руководителей об интеллигенции во многом объясняется нехваткой кадров для наращивания военного потенциала и для использования новейшей зарубежной технологии.

Именно этим объясняется тот факт, что китайское руководство в сфере образования начало осуществлять некоторые мероприятия, направленные на повышение роли высшей школы в подготовке интеллигенции. В октябре 1977 г. состоялось рабочее совещание по набору студентов в вузы. На нем были введены новые правила приема в вузы, согласно которым повысились требования к уровню образования абитуриентов, отменен обязательный двухгодичный стаж работы на предприятии или в народной коммуне и восстановлена система вступительных экзаменов⁴⁵. Тем не менее необходимо отметить, что одним из основных критериев при приеме в вузы КНР был и остается принцип следования «идеям Мао Цзэ-дуна». Также сохранилась малочисленность набора в вузы и в связи с этим чрезвычайно большой конкурс (около 30 человек на место). До сих пор общая численность студентов в вузах КНР не до-

⁴¹ «Встать на путь Шанхайского станкостроительного завода, который готовит техперсонал из среды рабочих». Пекин, 1968, стр. 12.

⁴² Там же, стр. 18.

⁴³ «Сюэси юй липань», 1976. № 4, стр. 21.

⁴⁴ «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

⁴⁵ Там же, 21.IX.1977.

стигла уровня 1966 г. (800 тыс. человек)⁴⁶. Поэтому по-прежнему продолжает иметь место практика подготовки специалистов посредством других форм образования, таких, как курсы «босоногих врачей», «университеты 21 июля» и т. д. В частности, на Всекитайском совещании по распространению передового опыта Дацина в 1977 г. было провозглашено, что необходимо продолжить курс на подготовку инженерно-технического персонала через «университеты 21 июля»⁴⁷. Подчеркивалось, что «рабочие и служащие должны быть «и красными и квалифицированными», необходимо повышать их технический и политический уровень, готовить своих пролетарских инженеров и техников и создавать «университеты 21 июля»⁴⁸.

Часть специалистов подготавливается через высшую школу и проходит тщательный всесторонний отбор, после окончания вуза они направляются на предприятия центрального подчинения и в те научно-исследовательские учреждения, которые служат интересам развития военно-промышленного комплекса КНР. В то же время специалисты, которые получают профессиональную подготовку через другие формы образования, в основном заняты в местной хозяйственной системе. В результате получается большой разрыв между подготовкой специалистов в двух сферах народного хозяйства КНР, что способствует расколу китайской интеллигенции.

Большую группу служащих составляют работники обслуживания, так называемые работники массовых профессий, — продавцы, бухгалтеры, учетчики, уборщицы, почтальоны и т. д. Часть этой группы в КНР занята в отраслях народного хозяйства, в основном обслуживающих центральную хозяйственную систему и весь государственный аппарат страны.

Проводивший до сих пор курс на снижение темпов роста служащих, не занятых непосредственно в производстве, сохраняется и в настоящее время. На Всекитайском совещании по распространению передового опыта Дацина в мае 1977 г. указывалось: «Аппарат предприятий должен быть компактным и оперативным. Лишних работников отдела необходимо направить в низы. Непроизводственный персонал, как правило, не должен превышать 18% общей численности рабочих и служащих. Лишнюю часть нужно сократить»⁴⁹.

Социально-экономическая политика китайского руководства за прошедшие годы привела к снижению темпов роста служащих. Если общая численность служащих в 1974 г. увеличилась почти в 1,5 раза по сравнению с 1957 г., то доля служащих в экономически активном населении страны за этот период практически не возросла и рост численности служащих достигается в основном не столько за счет роста численности научно-технической интеллигенции, сколько за счет «ганьбу».

Особое место в социально-классовой структуре китайского общества занимает бывшая национальная буржуазия. После победы революции стало изменяться ее место в системе общественного производства. В результате поотраслевого преобразования с фактическим уничтожением частной собственности на средства производства, основа существования буржуазии как класса была подорвана.

Национальная буржуазия перестала быть классом в строгом смысле этого слова. Но тем не менее после сплошного поотраслевого преобразования она сохранила ряд признаков, позволяющих выделить ее в

⁴⁶ В. Richman. Industrial Society in Communist China. Random House, 1970, p. 164.

⁴⁷ «Жэньминь жибао», 8.V.1977.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

особый социальный слой. Представители национальной буржуазии продолжали получать нетрудовые доходы в виде фиксированных 5% на вложенный капитал ежегодно, вне зависимости от хозяйственных результатов деятельности предприятий. В 1957 г. насчитывался 1,14 млн. человек, получающих этот процент и поэтому включенных в состав национальной буржуазии⁵⁰. При этом большую часть национальной буржуазии нельзя было назвать капиталистами в полном смысле этого слова, поскольку их сумма капитала не превышала 2 тыс. юаней⁵¹. В частности, в промышленности 81,71% представителей промышленной национальной буржуазии располагали капиталом менее 2 тыс. юаней каждый⁵². Разрешалось наследование, дарение и передача права на получение фиксированного процента. Хотя общая сумма выплаченного представителям национальной буржуазии фиксированного процента уже превысила оценочную стоимость принадлежащего им капитала, эта выплата продлена на неопределенный срок.

Помимо фиксированного процента, некоторые представители национальной буржуазии получают также должностные оклады, значительно превышающие высшие ставки научно-технической интеллигенции, в связи с тем, что им были предоставлены административные посты на тех предприятиях, которыми они ранее владели, такие, как, например, директор предприятия, главный инженер и т. п. Это в основном относится к тем, кто владел сравнительно крупными предприятиями и имел высокий уровень образования. Остальная часть национальной буржуазии в основном находилась на должностях, не требовавших высокого уровня образования (среднее и низшее управленческие звенья и т. п.). Политика нынешнего пекинского руководства направлена на сохранение прежнего положения представителей национальной буржуазии, получающих нетрудовые доходы и даже участвующих в деятельности органов власти. Сохранение по сей день бывшей национальной буржуазии в качестве привилегированной социальной прослойки объясняется внешнеполитическими и внешнеэкономическими установками пекинского руководства. Оно рассчитывает таким способом привлечь на свою сторону зарубежную китайскую буржуазию стран Юго-Восточной Азии и получать значительные политические и экономические выгоды.

В целом положение отдельных классов и социальных групп КНР отражает крайнюю политическую неустойчивость в стране и неурегулированность отношений между отдельными классами, прежде всего основными трудовыми классами — рабочим классом и крестьянством.

Социально-экономическая политика китайского руководства препятствует осуществлению ведущей роли рабочего класса КНР в развитии общества. Создание двух хозяйственных систем и контрактация рабочей силы приводят к возникновению социальных перегородок в рабочем классе, а курс на повсеместное внедрение дацинского и дачжайского «образцов», представляющих собой замкнутые хозяйственные единицы, в корне противоречит экономической основе союза рабочих и крестьян — обмену продукции между городом и деревней. Иными словами, серьезнейшим образом подрывается связь рабочего класса и крестьянства. В результате слабой поддержки государством процесса материально-технического преобразования в сельском хозяйстве группы крестьянского

⁵⁰ «Народный Китай», 1957, № 3, стр. 11.

⁵¹ Деньги превращаются в капитал только при определенных условиях, то есть необходимо такое количество денег, которое позволило бы купить средства производства и рабочую силу. В соответствии с конкретной обстановкой в КНР эта граница была установлена в 2 тыс. юаней.

⁵² В. И. Ванин. Государственный капитализм в КНР. М., 1974, стр. 263.

населения, связанные с механизированными формами сельскохозяйственного труда, составляют ничтожный процент во всем крестьянстве. Слабость кооперативного строя в деревне обуславливает действие подрывающих его стихийных центробежных сил.

Медленными темпами развивается социальная прослойка научно-технических работников, сосредоточенная в основном в центральном хозяйственном секторе. Местная хозяйственная система лишена возможности использовать научно-технические кадры, роль интеллигенции в ней сведена к минимуму. Усиление в социальной пирамиде военно-бюрократического аппарата «ганьбу» приводит к бюрократизации всей социально-экономической системы, к отрыву китайского руководства от основных классов общества — рабочего класса и крестьянства.

Прогрессивные перспективы в развитии социально-классовой структуры современного Китая осуществимы лишь на путях последовательной реализации объективно заложенных в экономике КНР основ социалистического базиса, усиления влияния фабрично-заводского рабочего класса на развитие всей экономики страны, отказа от обанкротившегося маоистского курса пекинского руководства, на путях радикальных изменений в экономической политике нынешнего руководства КНР.

Незабываемое

*П. И. Сакин,
Начальник Главного управления МВТ СССР*

В июле 1978 г. исполнилось 25 лет с тех пор, как были прекращены военные действия на Корейском полуострове, спровоцированные Пентагоном и кликой Ли Сын Мана. 25 июня 1950 г. войска южнокорейских марионеток по приказу американских империалистов перешли границу Корейской Народно-Демократической Республики и начали против нее военные действия. Так началась корейская война. Народная армия КНДР сразу нанесла сокрушительный удар южнокорейским войскам, и правительство США, видя падение реакционного режима Ли Сын Мана, начало открытую агрессию против корейского народа. В длившейся более трех лет войне корейский народ одержал знаменательную победу, защитил свою Родину от посягательств интервентов, сорвал далеко идущие агрессивные планы американских империалистов поработить Корею и подавить прогрессивное движение народов Азии и бассейна Тихого океана по пути национальной свободы и независимости.

В период военных действий на Корейском полуострове и затем еще несколько лет во время восстановления разрушенной войной экономики я работал в Корейской Народно-Демократической Республике торговым представителем нашей страны. Воспоминания об этой войне возвращают меня к тем суровым и тяжелым годам, которые пережили вместе с корейским народом мы, советские люди, находившиеся в КНДР. Но с другой стороны, это время осталось в памяти и как время массового героизма корейского народа, сумевшего в освободительной отечественной войне победить агрессоров, вооруженных самой современной военной техникой, и вписавшего этим замечательную новую страницу в историю освободительной борьбы.

В августе 1945 года Советская Армия, уничтожив военный плацдарм Японии в Маньчжурии и на Корейском полуострове, освободила Корею от многолетнего господства в этой стране японского империализма. Страна получила национальную независимость и условия для демократических преобразований. В то время в зоне ответственности Советского командования — Северной Корее были созданы все возможности для народовластия и осуществления глубоких демократических преобразований в интересах народа.

Советское командование в Северной Корее по поручению своего правительства передало безвозмездно в собственность корейского народа землю, банки, железные дороги, все предприятия и другие объекты, ранее принадлежавшие японским монополиям, содействовало восстановлению разрушенной войной экономики, а также ликвидации диспропорций в народном хозяйстве, возникшим в связи с разделением страны.

Уже в конце 40-х годов завязались прочные советско-корейские торгово-экономические связи. Из года в год объем советско-корейской торговли увеличивался: в 1947 г. товарооборот составил 21,5 млн. руб., в 1948 г. — 48,4 млн. руб., в 1949 г. — 132,6 млн. руб., в 1950 г. предусмат-

ривался дальнейший рост товарооборота, но война помешала достижению намеченного уровня, и он составил только 101,4 млн. рублей. Советский Союз поставлял КНДР товары, жизненно необходимые для ее народного хозяйства. Примерно 70% всего корейского импорта из СССР составляли машины и оборудование. В связи с развернувшимся в 1948—1949 гг. в стране строительством важную роль в советских поставках заняло комплексное оборудование промышленных предприятий. В феврале 1950 г. в КНДР впервые были созданы машинопрокатные станции, которые были оснащены машинами и сельскохозяйственными орудиями, присланными из Советского Союза. Военная интервенция в КНДР в 1950 г. американской и лисынмановской армий прервала мирный созидательный труд корейского народа.

Встретив в начавшейся войне упорное сопротивление корейского народа, американские интервенты в Корее отличались не только самой крайней жестокостью, но и совершенно бессмысленным варварством. Их военная авиация обстреливала, бомбила, поливала напалмом, сравнивала с землей деревни и города, разрушала школы и больницы, уничтожала мирное население. Американской авиацией были разрушены множество плотин и водохранилищ, быстрыми и разрушительными потоками которых сносились расположенные в долинах города, деревни и уничтожалось все живое на протяжении до 30—40 км.

В небе, в установленных квадратах, постоянно кружили вражеские самолеты, которые охотились за каждой автомашиной и каждым видом транспорта. Во время одной из поездок по стране я был очевидцем того, как американский самолет в бреющем полете обстреливал крестьянина, который сохой обрабатывал рисовое поле. Летчик, увлекшись этой «охотой», врезался в дерево и разбился. Американским командованием в Корее была установлена «такса-прейскурант» оплаты летчикам в зависимости от степени злодеяния, совершенного при каждом вылете. Во время частых служебных поездок по стране мы видели в красивом ландшафте Северной Кореи черные пятна разрушенных и сожженных городов и поселений, лысые, выжженные до камня напалмом сопки, горящие рисовые поля, валяющиеся на дорогах разбитые вагоны, паровозы, автомашины, разрушенные фабрики, заводы, сожженные школы и больницы. Однажды мы стали очевидцами гнуснейшего злодеяния американской военщины — истребления американской авиацией сотен людей и полного уничтожения города, в котором не было ни промышленных предприятий, ни воинских частей.

Проехав город Хамхын, в то время систематически обстреливавшийся с моря артиллерией американских военных кораблей, мы провели ночь в городе Пэнсан, в нескольких часах езды от берега моря, расположенном в живописной долине между сопками. Пэнсан тогда еще не был задет бомбардировками. Это было величайшей редкостью, так как большинство городов и деревень к этому времени уже были сожжены и разрушены.

Мы остановились в семье учителей местной школы. В этой семье мы увидели восемь мальчиков и девочек, из которых, как выяснилось, трое были взяты нашими хозяевами на воспитание. Родители этих детей погибли во время налета американской авиации.

Нам в этой семье были очень рады, нас приютили, и, несмотря на большую усталость, мы беседовали почти до рассвета и утром расстались большими друзьями. На обратном пути, когда мы приблизились к этому городу, мы увидели вместо города пожарище, оставшееся от домов обгорелые дымовые трубы и изрытую большими перекрывающимися воронками землю. На месте дома, где мы ночевали, зияла десятимет-

ровая воронка. Нам рассказали, что все, кто в этом доме жил, прошлой ночью погибли.

Несли тяжелые потери и советские представительства в КНДР. Помню, как в одну из октябрьских ночей в 1952 году американские тяжелые бомбардировщики-«крепости» Б-29 варварски бомбили и поливали напалмом в течение более трех часов, ритмично через каждые полчаса, долину Сапхо, в 10 км от Пхеньяна, где в то время были расположены рабочие и жилые помещения советского посольства и торгового представительства СССР. Бомбежка была специально начата в 2 часа ночи, для того чтобы застигнуть людей спящими. Более чем триста тяжелых и средних бомб было сброшено на территорию в 1,5—2 км², с расчетом не оставить на этом месте ничего живого. В советских представительствах и среди обслуживавшего нас корейского персонала были убитые и раненые.

Американская военщина пыталась «вернуть» КНДР в «каменный век». Систематически в Северной Корее подвергались обстрелу с моря и воздуха заводы и фабрики, электростанции, рудники, железнодорожные станции, склады, пути и подвижной состав. Однако героическими усилиями народа разрушенные объекты восстанавливались, строились подземные заводы, промышленное производство некоторых товаров, изготовление патронов, мин, снарядов, вооружения в стране не только не приостанавливалось, но и увеличивалось. Трудолюбие, патриотизм, готовность перенести лишения, самоотверженность, любовь к своей Родине и беззаветное служение ей — это те характерные черты корейцев, которые особенно раскрылись в войне и помогли корейскому народу одолеть сильного и коварного врага.

Советский народ, сам только что переживший все ужасы фашистского нашествия, предоставлял КНДР всестороннюю помощь. Из СССР в КНДР в годы войны безвозмездно поставлялись военные самолеты, танки, пушки, боеприпасы и другие виды вооружения и военной амуниции. Поставлялись грузовые автомашины и другие транспортные средства, металлорежущие станки и многие виды машин и оборудования, топливо, черные и цветные металлы, химические товары, удобрения, зерно и продовольствие, медицинское оборудование, инструменты и медикаменты для комплектного оборудования военных госпиталей и больниц, а также многие другие товары. КНДР поставляла в эти годы СССР в основном руды и концентраты цветных металлов на сумму примерно 25 млн. руб. в год.

Советскими боевыми реактивными самолетами, танками и другим советским вооружением и боеприпасами были оснащены также китайские добровольцы, которые воевали в Корее против американских империалистов.

В КНДР во время войны по просьбе ее правительства усердно трудились вместе с корейцами многие советские специалисты и специалисты других социалистических стран. Они работали советниками на многих предприятиях, в министерствах, Госплане, в учебных и медицинских заведениях, оказывали содействие и помощь в организации и управлении производством, планировании, материально-техническом снабжении фронта и тыла.

Заслуги советских людей, работавших в то время в КНДР, были отмечены высокими правительственными наградами этой страны.

Председатель Президиума Народного собрания КНДР Цой Эп Ген при вручении орденов и медалей группе работников советского посольства и торгпредства СССР, в числе которых был и я, с большой теплотой и сердечностью поблагодарил от имени корейского народа советское

правительство за вложенный советским народом большой вклад в ускорение победы в войне корейского народа против американского агрессора.

Много лет прошло с тех пор, но и сейчас, когда встречаешься с корейцами, которые в то время работали вместе с нашими специалистами, они с благодарностью вспоминают о работе советских специалистов П. Н. Кораблева, Н. И. Малова, М. И. Ивлиева, И. Н. Радько и многих других. Советский архитектор Радько вместе с корейскими архитекторами еще задолго до окончания войны трудился над разработкой проектов восстановления Пхеньяна и других корейских городов.

С большой любовью к своему делу, с мыслями о созидании, когда еще американская авиация продолжала бомбить и разрушать города, они обсуждали проекты лучшей планировки улиц и городов, о строительстве в столице театра на горе Моранбон, метрополитена, о возведении мостов через реку Тэдонган и о том, чтобы ее, строптивую во время паводков, сковать в выложенных гранитом берегах. Целый ряд проектов, на основе которых после войны восстанавливались корейские города, были разработаны еще до наступления перемирия.

Во время корейской войны нам, советским представителям, приходилось тесно, практически почти ежедневно общаться не только с руководителями КНДР, но и с командованием китайских народных добровольцев в Корее. Весной 1953 г. посол СССР в КНДР С. П. Суздаев и я по приглашению Пэн Дэ-хуая, командующего китайскими народными добровольцами в Корее, посетили его штаб, который в то время располагался в одной из выработанных шахт медного рудника, вблизи 38-й параллели. Случилось так, что из-за приступа малярии я пробыл там около недели. Пэн Дэ-хуай каждый день навещал меня, интересовался моим здоровьем и часто подолгу беседовал со мной. Он очень тепло отзывался о дружбе китайского и советского народов, о плодотворности сотрудничества во всех областях КНР с Советским Союзом, об эффективности советского вооружения, которым оснащались китайские добровольцы в Корее.

Последние дни перед подписанием перемирия запомнились тем, что американская авиация особо свирепствовала, стараясь, по-видимому, «напоследок» нанести еще больший ущерб корейскому народу. Систематически подвергались обстрелу и бомбардировкам Пхеньян, Синьйчжу, Хыннам, Хамхын и другие города, главным образом промышленные центры страны. Однако это не оставалось безнаказанным. В эти дни немало американских стервятников было сбито зенитной артиллерией и истребителями ПВО. Корейские летчики и зенитчики хорошо овладели советской военной техникой и в боях с врагом смело и искусно ее использовали.

Но наконец наступил и день, когда после подписания в Панмынчжоне соглашения о перемирии военные действия прекратились.

Наступившая тишина, завоеванная корейским народом после 1129 кровопролитных дней, была большой радостью для корейцев и нас, советских людей, находившихся в КНДР. Много было у нас в те дни братских сердечных встреч с корейцами, они благодарили советских людей за помощь, которая была оказана КНДР Советским Союзом в этой войне.

Война в Корее причинила огромный ущерб народному хозяйству страны и принесла неисчислимые бедствия населению. После подписания соглашения о перемирии в Корее в июле 1953 г. корейский народ с большим подъемом приступил к восстановлению и развитию разрушенного войной народного хозяйства. Большую помощь в послевоенном вос-

становлении и развитии экономики КНДР вновь оказали социалистические страны.

Советское правительство уже в августе 1953 г. безвозмездно выделило Корейской Народно-Демократической Республике для нужд восстановления разрушенного войной народного хозяйства один миллиард рублей. Эти средства были предназначены для восстановления и строительства промышленных и других объектов, составляющих основу экономики КНДР.

Советский Союз принял на себя обязательство и в течение 1953—1956 гг. выполнил его, поставив в КНДР в счет выделенных средств оборудование и материалы для восстановления железнодорожного транспорта, связи, жилищно-коммунального хозяйства, больниц и учебных заведений, а также рыболовные суда, тракторы, сельскохозяйственные машины, минеральные удобрения, лошадей, племенной скот и товары народного потребления. Советское правительство отсрочило платежи по всем кредитам, ранее предоставленным правительству КНДР, и предоставило новые, более льготные условия их погашения.

В результате советско-корейских переговоров, закончившихся в сентябре 1953 г., было подписано соглашение об оказании Советским Союзом помощи Корейской Народно-Демократической Республике в восстановлении и строительстве ряда крупных предприятий. Соглашением было предусмотрено, что помощь в восстановлении и строительстве этих предприятий будет производиться путем выполнения советскими организациями проектных работ, поставок комплектного оборудования и материалов, оказания технического содействия в процессе восстановления и строительства, передачи лицензий и технической документации для организации производства, а также путем подготовки национальных кадров для восстанавливаемых и строящихся предприятий. Эти советско-корейские переговоры проходили 11—19 сентября 1953 г. в Москве в обстановке сердечности и полного понимания значения дальнейшего укрепления дружественных отношений между СССР и КНДР. Мне пришлось тогда сопровождать возглавлявшего правительственную делегацию КНДР товарища Ким Ир Сена в поездке по нашей стране. Я наблюдал трогательные братские встречи товарища Ким Ир Сена с советскими людьми, которые с большой теплотой и сердечностью отзывались о героическом корейском народе, подчеркивая, что слово «кореец» стало символом благородного и самоотверженного служения делу свободы и независимости Родины.

Пекин и его американское лобби

А. С. Титов

30 апреля 1978 г. в Китай прибыла группа американцев, бывших сотрудников разведслужбы США (военной, госдепартамента и др.), входивших в состав так называемой миссии наблюдателей американской армии или «союзнической миссии наблюдателей» (неофициальное кодовое название «миссия Дикси»), которая находилась в Особом районе Китая в Яньани с 22 июля 1944 г. по март 1945 г. В 1944 г. до поездки в Яньань они работали или в аппарате американского генерала Стилуэлла, который являлся начальником штаба Чан Кай-ши и командующим союзными войсками на китайско-бирманско-индийском театре военных действий, или в посольстве США в Чунцине. Некоторые из них, в частности Джон Стюарт Сервис¹, который прибыл в КНР в составе вышеуказанной группы, а также Джон Дэвис, Раймонд Лудден и другие, в 1944 г., являясь политическими советниками или офицерами связи при генерале Стилуэлле, одновременно работали вторыми секретарями посольства США в Чунцине, считаясь дипломатами. Многие из них работали в качестве военных советников США при гоминьдановской армии Чан Кай-ши. Они прибыли летом 1944 г. в Яньань, даже не сняв специальные нашивки на своей форме (в виде флажка, верхняя часть которого — многолучевая гоминьдановская звезда в соседстве с американской, а нижняя — сине-белые продольные полосы)², свидетельствующие о их причастности к армии Чан Кай-ши. Несмотря на это, когда они прибыли в Яньань летом 1944 г., им был оказан радушный и теплый прием, так как Мао Цзэ-дун и его окружение возлагали на них очень большие надежды, рассчитывая получить вооружение и поддержку со стороны правящих кругов США. Им были созданы благоприятные условия для деятельности, в частности для ознакомления с положением в Особом районе Шэньси — Ганьсу — Нинся и антияпонских партизанских баз в Северном Китае, находившихся под контролем КПК, а также для сбора разведывательных и других данных. По словам Джона Сервиса, их, американцев, «не ограничивали ни в чем». Они имели возможность общаться не только с руководящей верхушкой (Мао Цзэ-дуном, Чжоу Энь-лаем и др.), но и с низами, могли поехать в любой район, находившийся под контролем КПК, знакомиться там с обстановкой, изучать состояние вооруженных сил КПК, их взаимоотношения с населением и т. д. «Несмотря на ограниченные возможности китайских коммунистов, — писал позднее Джон Сервис, — они с огромным энтузиазмом и

¹ Джон Стюарт Сервис родился в 1909 г. в Китае в городе Чэнду (провинция Сычуань) в семье американского миссионера. В совершенстве изучил китайский язык; в 1933 г. поступил на службу в американское консульство в Куньмине, затем работал в Пекине, Шанхае и посольстве США в Чунцине вначале третьим, а потом вторым секретарем посольства. Состоял в штате разведслужбы госдепартамента США. Был ведущим работником «миссии Дикси», занимался политической разведкой.

² См.: П. П. Владимиров, *Особый район Китая 1942—1945*. М., 1973, стр. 307.

быстро оказывали нам эффективное содействие в таких областях, как разведка, метеорология, спасение американских летчиков, приобретение японских публикаций, допросы пленных, данные об объектах бомбежки. Они охотно откликались на наши просьбы относительно предоставления информации по различным вопросам: о численном составе, вооружении, методах подготовки и боеспособности их войск, о работе среди японских пленных, о методах психологической войны против японцев и марионеток, о политических организациях, экономических данных и т. п. Информация, которую они нам передавали, являлась реалистичной и надежной. Мы никогда не получали от них отказа, и они не требовали от нас никакой компенсации... Но наиболее впечатляющей была атмосфера открытой и искренней дружбы в отношении США и их представителей»³.

Такое внимание и отношение Мао Цзэ-дуна и его окружения к американцам пленило работников «миссии Дикси». Ничего подобного они не встречали со стороны Чан Кай-ши, который упорно добивался отъезда из Китая их шефа генерала Стилуэлла, считая, что он бесцеремонно вмешивается во внутренние дела Китая и стремится прибрать к своим рукам китайскую армию.

В составе «миссии Дикси» были закоренелые антикоммунисты и антисоветчики. Такой настрой являлся необходимым профессиональным качеством для работников разведслужб США. Поэтому они быстро нашли общий язык с Мао Цзэ-дуном, который дал им понять, что он не возлагает никаких надежд на Советский Союз и стремится к сотрудничеству с США не только в войне с Японией, но и после ее окончания. Однако работники разведслужб США, входившие в «миссию Дикси», не смогли разобраться тогда в действительной обстановке в Особом районе и в истинных намерениях Мао Цзэ-дуна и его окружения. Они не поняли, что переданная им информация о численном составе вооруженных сил КПК и их боевых действиях против японских захватчиков была сфабрикована и не являлась «реалистичной и надежной», что все то, что им показывали и разрешали обследовать, было хорошо подготовленной декорацией. Они не смогли понять того, что Мао Цзэ-дун был противником активных боевых действий вооруженных сил КПК против японских оккупантов, что все его устремления были направлены на сохранение вооруженных сил для борьбы с гоминьданом за власть в Китае. Оружие, которое Мао Цзэ-дун просил у США, ему было нужно именно для этих целей. Джон Сервис, который был ведущим работником «миссии Дикси» и отвечал за политическую разведку, позднее признал, что у руководства КПК, возглавляемого Мао Цзэ-дуном, отсутствовало желание сражаться ради интересов антифашистской коалиции и что главной целью Мао Цзэ-дуна и его приверженцев тогда был захват власти в стране⁴.

Кроме того, Джон Сервис и его коллеги по «миссии Дикси» настолько были ослеплены векселями, которые выдал им Мао Цзэ-дун, что просмотрели объективный ход событий, революционный подъем в Китае, а также наличие интернационалистских сил в Коммунистической партии Китая, которые не могли допустить, и фактически не допустили, чтобы флирт Мао Цзэ-дуна с американцами закончился в ущерб коренным интересам китайского народа и китайской революции. Вслед за Эдгаром Сноу, воспевающим национализм Мао Цзэ-дуна, они увидели тог-

³ J. Service. The Amerasia Papers. Some Problems in the History of US — China Relations. Wash., 1971, p. 117.

⁴ См.: В. Б. Воронцов. Дело «Амерэйша». Политические столкновения в США по проблемам Китая. М., 1974, стр. 175.

да лишь то, что Мао Цзэ-дун и его приверженцы являются националистами, маскирующимися под марксизм. Исходя из этих оценок, ведущие работники «миссии Дикси» (Джон Стюарт, Джон Дэвис, Дэвид Баррет и др.) пытались убедить свое правительство в целесообразности пойти на более широкие и тесные контакты с Мао Цзэ-дуном, предоставив ему оружие, даже в ущерб американским связям с Чан Кай-ши. Однако американская администрация в Вашингтоне не хотела тогда рвать с гоминьдановским антикоммунистическим режимом, считая его своей основной опорой.

Американский журналист и писатель Эдгар Сноу, которого трижды принимал президент США Ф. Рузвельт (24 февраля 1942 г., 26 мая 1944 г. и 3 марта 1945 г.) как «личного друга» Мао Цзэ-дуна и знатка «китайского коммунизма», позднее писал, что президент Рузвельт «не имел намерения отречься от режима Чан Кай-ши и, возможно, рассматривал сотрудничество с красными просто как полезную часть военной целесообразности. У меня создалось впечатление, что он, видимо, рассматривал красных как средство оказания давления на Чан Кай-ши, чтобы убедить его в необходимости продолжения модернизации своего собственного правительства как центра... объединенного Китая»⁵.

По словам Э. Сноу, Рузвельт хотел, чтобы Китай был единым в борьбе против Японии. Поэтому он рекомендовал Чан Кай-ши во время встречи в Канре в 1943 г. «что-то сделать, чтобы прийти к соглашению с красными»⁶.

Неприятнь Мао Цзэ-дуна и его приверженцев к Советскому Союзу, высказанная в беседах с сотрудниками «миссии Дикси», была воспринята правящими кругами США как тактическая уловка. В марте 1945 г. сотрудники «миссии Дикси» были отозваны из Яньани, и, хотя флирт США с Мао Цзэ-дуном продолжался, в конечном итоге он не дал желаемых результатов ни той ни другой стороне.

В период маккартизма в США некоторые сотрудники «миссии Дикси» (Джон Стюарт, Джон Дэвис и др.) подверглись гонениям, их обвинили в прокоммунистических симпатиях и нанесении ущерба политике США в Китае. Однако в 60-х годах, когда маоисты открыто встали на позиции антисоветизма и отхода от международного коммунистического движения, Джон Стюарт и его коллеги по «миссии Дикси» не только полностью были реабилитированы, но и стали «героями», «дальновидными политиками», якобы предвидевшими такой поворот событий еще в 40-е годы. Их помощь потребовалась для разработки и осуществления новой политики правящих кругов США в отношении Китая. Они стали основными советниками и консультантами Белого дома.

Вспомнили о них и в Пекине, так как они были известны в свое время симпатиями к Мао Цзэ-дуну и его приверженцам, восхваляли националистические и антисоветские тенденции в руководство КПК, были сторонниками блокирования правящих кругов США с маоистским руководством и т. д. В 1971 г. Джон Сервис был приглашен в КНР. Его принял Чжоу Энь-лай и имел с ним «дружескую беседу». После возвращения в США Джон Сервис с новой энергией стал воздавать хвалу Мао Цзэ-дуну и его окружению, называя Мао Цзэ-дуна «необычной личностью», «отцом успехов китайских коммунистов» и т. д. и т. п., активно пропагандировал идеи общности американско-китайских интересов на пути противостояния Советскому Союзу и мировой социалистической

⁵ Snow E. *Random Notes on Red China (1936—1945)*. Cambridge, 1957, p. 126.

⁶ *Ibid.*, p. 126—127.

системе⁷. Джон Стюарт и его коллеги по «миссии Дикси», имевшие опыт контактов с яньаньским руководством КПК в период антияпонской войны 40-х годов, стали посредниками в диалоге между Вашингтоном и Пекином.

Семь лет спустя после поездки Джона Сервиса в КНР нынешние последователи Мао Цзэ-дуна в Пекине пригласили прибыть в Китай «с дружеским визитом» почти всех оставшихся в живых бывших сотрудников «миссии Дикси» вместе с женами. Они прихватили с собой еще трех «молодых» американцев, не входивших в состав «миссии Дикси», и 30 апреля 1978 г. прибыли в КНР группой в количестве 40 человек. О прибытии их в КНР длительное время умалчивалось. Только 18 мая, за два дня до прибытия в Пекин помощника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского, «Жэньминь жибао» опубликовала сообщение агентства Синьхуа о банкете, данном 16 мая 1978 г. в зале ВСНП китайским народным обществом дружественных связей с заграницей в честь делегации бывших сотрудников миссии наблюдателей американской армии в Яньани во главе с Полем Домке. На банкете присутствовали министр иностранных дел КНР Хуан Хуа, председатель китайского народного общества дружественных связей с заграницей Ван Бин-нань, заместитель министра иностранных дел Чжан Вэнь-цзинь и др. Во время банкета Ван Бин-нань и Поль Домке обменялись речами. Ван Бин-нань, в частности, сказал, что «китайский народ никогда не забудет старых друзей, которые в тяжелое и трудное для него время приложили немало усилий, чтобы помочь китайскому народу», и поэтому он «питает к ним чувства симпатии и благодарности». «Многие американские друзья, — продолжал он, — внесли большой вклад в дружбу между китайским и американским народами. Мы желаем вместе с вами, друзья, приложить совместные усилия для дальнейшего развития взаимопонимания и дружбы между китайским и американским народами и на основе шанхайского коммюнике⁸ осуществить нормализацию отношений между двумя странами»⁹.

Что касается утверждений Ван Бин-наня о «большом вкладе» бывших американских разведчиков в дружбу между китайским и американским народами, то из вышеизложенного видно, в чем она заключалась. Как в прошлом, так и теперь усилия «старых американских друзей» направлены против коренных интересов китайского народа.

Поль Домке в своем выступлении на банкете подчеркнул, что они, бывшие работники «миссии Дикси», в течение последних тридцати с лишним лет с неослабным вниманием и восхищением следили за развитием Китая, что они прибыли в КНР, чтобы посетить «старые места» и лучше понять Китай. «Мы очень рады тому, — продолжал он, — что сегодня вместе с вами смогли вспомнить нашу дружбу, заложенную тридцать с лишним лет тому назад. Мы уверены, что эта дружба непременно получит дальнейшее развитие»¹⁰.

По сообщению агентства Синьхуа, на банкете царила атмосфера дружбы и радости, участники банкета собирались группами по 3—5 человек и вспоминали о старой дружбе¹¹.

⁷ См.: China and United States: Today and Yesterday. Hearings before the Committee on Foreign Relations. United States Senate, 92 d. Cong., 2 sess., February 7 and 8, 1972. Wash., 1972, p. 45—50, 81—82.

⁸ Шанхайское коммюнике было подписано Чжоу Энь-лаем и президентом США Никсоном во время пребывания последнего в КНР в феврале 1972 г.

⁹ «Жэньминь жибао», 18.V.1978.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

19 мая группу бывших сотрудников «миссии Дикси» принял председатель постоянного комитета ВСНП Е Цзянь-ин и его заместитель Не Жун-чжэнь. На приеме присутствовали: вдова Чжоу Энь-лая — Дэн Ин-чао и вдова Чжу Дэ — Кан Кэ-цин. Сообщение об этой встрече вместе с фотографией всех ее участников появилось в «Жэньминь жибао» 20 мая, в день прибытия в Пекин Бжезинского.

Как явствует из кратких сообщений агентства Синьхуа, группу бывших работников американских разведслужб приняли в Пекине очень радушно, желая продемонстрировать уважение к гостям за их непримиримый антисоветизм и апологетику маоизма, активными пропагандистами которых они были и остаются. Во время встреч с ними возникала атмосфера «трогательных воспоминаний» и «доверительных бесед». Воспоминания приобрели актуальный характер. Так называемые старые американские друзья нужны нынешним пекинским руководителям как пропагандисты и пособники их антисоветской, авантюристической политики. Обоюдный антисоветизм лежит в основе их «старой дружбы» и взаимопонимания.

34 года тому назад, когда сотрудники «миссии Дикси» прибыли в Яньань, Мао Цзэ-дун и его окружение были крайне заинтересованы в получении от США прежде всего вооружения, и отнюдь не для использования его в борьбе против японских захватчиков. Военный корреспондент ТАСС в Яньани П. П. Владимиров, очевидец флирта Мао Цзэ-дуна с американцами во время пребывания «миссии Дикси» в Особом районе Китая, записал в своем дневнике: «У руководства КПК и американцев — «медовый месяц». Те и другие усердно обхаживают друг друга... В конце концов, все равно, признают ли американцы или нет КПК ведущей силой Китая (именно таким было настроение Мао Цзэ-дуна накануне), главное — заполучить оружие, побольше оружия! А как обращаться с оружием, председатель ЦК КПК знал и знает — власть захватывают силой...»¹² Тогда американская администрация отказалась предоставить вооружение Мао Цзэ-дуну, опасаясь, что оно будет использовано в ущерб интересам США в Китае.

Ныне наследники Мао Цзэ-дуна в Пекине также стремятся заполучить оружие на Западе, в том числе и в США, для модернизации своей армии. По сведениям зарубежной печати, во время переговоров Бжезинского с пекинскими лидерами, проходивших в обстановке большой секретности, обсуждался и данный вопрос. На этот раз представитель американской администрации, подстрекаемый, видимо, пропекинским лобби, обещал оказать Пекину помощь для модернизации НОАК.

Маневры и внешнеполитические комбинации наиболее реакционных кругов США и китайских руководителей, выступающих против разрядки международной напряженности и разоружения, направлены не только против СССР и всех прогрессивных государств, но и против самих жизненных интересов народов Китая и Соединенных Штатов. «Долговременные интересы народов, в том числе народов КНР и США, — писала в свое время газета «Правда», — требуют решений, укрепляющих дело мира и международной безопасности. Что касается внешнеполитических комбинаций, направленных против других государств, то они в конечном итоге неминуемо оборачиваются против их инициаторов»¹³.

¹² П. П. Владимиров. Особый район Китая, стр. 316, 307.

¹³ «Правда», 27.VII.1971.

ИДЕОЛОГИЯ

Современная модификация маоистской концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата»

*А. П. Булкин,
кандидат исторических наук*

В течение последних 10 лет маоистская пропаганда превозносит маоцзэдуновскую концепцию «продолжения революции» в условиях социализма как «великий вклад в марксизм-ленинизм». На самом деле в ней под видом творческого подхода грубо ревизуются открытые основоположниками научного коммунизма и подтвержденные практикой социалистических стран общие закономерности социалистической революции и социалистического строительства.

Концепция «продолжения революции при диктатуре пролетариата» служит маоистам для оправдания их контрреволюционной деятельности внутри страны и великодержавно-шовинистического курса на международной арене. Прикрываясь ее псевдонаучными положениями, маоистская группировка предприняла «крестовый поход» против КПСС, международного коммунистического движения, Советского Союза и содружества социалистических стран в целом.

Формирование этой концепции неотделимо от борьбы двух линий в КПК и того острого социально-экономического кризиса, к которому привела страну политика «трех красных знамен». Наталкиваясь на недовольство народных масс и противодействие своей политике со стороны части партийного и государственного аппарата, маоистское руководство КПК начало изыскивать новые формы для теоретического облачения своих установок. В 1962 г. на X пленуме ЦК КПК восьмого созыва Мао Цзэ-дун объявил «классовую борьбу» против «буржуазии» движущей силой социалистического общества. Впоследствии это положение легло в основу концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата».

Первое развернутое изложение концепции появилось в разгар «культурной революции» в статье трех редакций, приуроченной к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции; здесь же был введен в оборот термин «продолжение революции при диктатуре пролетариата»¹. Через два года был опубликован расширенный вариант изложения концепции под названием «Председатель Мао о продолжении революции при диктатуре пролетариата»². Текст расширенного варианта состоит из указаний Мао Цзэ-дуна, публиковавшихся в период «культурной революции» в материалах IX съезда КПК, пленумов ЦК КПК и на страницах китайской печати, а также из соответствующим образом подобранных цитат из его ранних работ, как-то: «Относительно практики»,

¹ «Хунци», 1967, № 16, стр. 11—17.

² "Peking Review", 1969, № 39, стр. 3—10.

«Относительно противоречия», «О новой демократии», «О демократической диктатуре народа», «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа».

В этих материалах концепция «продолжения революции при диктатуре пролетариата» представлена в виде совокупности социально-политических взглядов, содержание которых сводится к следующему:

— социалистическое общество есть общество переходного периода, оно наполнено «противоречиями и борьбой»;

— в социалистическом обществе сохраняются антагонистические классы, и, следовательно, на весь период социализма сохраняется диктатура пролетариата;

— классовая борьба в социалистическом обществе ведется за захват власти;

— классовая борьба своим острием направлена против представителей эксплуататорских классов, «буржуазии» в партии;

— основной вопрос революции — вопрос о власти — находит свое разрешение в практике «культурной революции».

Становление и развитие социалистического общества Мао Цзэ-дун рассматривал через призму антагонистического противоречия, — «противоречия между рабочим классом и буржуазией», которое он возводил в ранг основного противоречия социализма, сохраняющегося вплоть до построения высшей фазы коммунизма.

Отрицая социализм как первую фазу коммунизма, Мао Цзэ-дун распространял на него закономерности переходного периода от капитализма к социализму, и прежде всего классовую борьбу и диктатуру пролетариата. Определяющей чертой социалистического общества он считал неразрешенность при социализме вопроса «кто кого».

Мао Цзэ-дун извращал реальные социальные отношения первой фазы коммунизма. Марксизм-ленинизм исходит из того, что в условиях социализма существуют дружественные классы и социальные группы — рабочий класс, крестьянство, трудовая интеллигенция, интересы которых в основном совпадают. Согласно же маоистской схеме, социалистическое общество расколото на две противостоящие группировки: «врагов народа» в лице буржуазии (старой и «новой»), помещиков, кулаков и различных антисоциальных элементов и «народ», в который включаются рабочие, крестьяне, интеллигенция и другие трудящиеся массы. Мао Цзэ-дун представлял социалистическое общество в клубке острых классовых противоречий, которые действуют до высшей фазы коммунизма.

Политическая направленность подобных взглядов ясна: они служили теоретическим обоснованием и оправданием расправы органов маоистской диктатуры с социальной оппозицией против курса и «идей» Мао Цзэ-дуна, то есть «продолжения революции».

Согласно взглядам Мао Цзэ-дуна, существуют также и внешние причины для «продолжения революции» — это угроза агрессии и подрывная деятельность со стороны империализма и «социал-империализма», под которым подразумевается Советский Союз.

Характерной чертой концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата» является гипертрофирование роли насилия, что связано с отрицанием созидательного начала в революции, с извращенным толкованием целей и содержания социалистической революции и диктатуры пролетариата. В диктатуре пролетариата Мао Цзэ-дун выделял лишь две функции: насилие над эксплуататорскими классами и оборона страны. Важнейшая функция диктатуры пролетариата — созидательная — в маоистской схеме приглушена.

Классовая борьба при социализме, по утверждению Мао Цзэ-дуна, по-прежнему ведется вокруг основного вопроса всякой революции — вопроса о политической власти, а конкретной ареной этой борьбы является коммунистическая партия, поскольку в ней якобы происходит ревизионистское перерождение руководящих работников, которые «захватывают власть и идут по капиталистическому пути». Чтобы сохранить политическую власть, пролетариат должен «продолжать революцию», то есть непрерывно проводить «чистки» в форме политических кампаний по типу «культурной революции».

В итоговом виде концепция «продолжения революции при диктатуре пролетариата» выглядит следующим образом: лишенные политической власти в результате победоносной социалистической революции враждебные пролетариату классы являются тем не менее той социальной базой, на которой рождается новый «классовый враг», действующий в рядах коммунистической партии и органов государственной власти в качестве агента свергнутых классов. Новый «классовый враг» постепенно захватывает власть и пытается реставрировать капитализм. Поэтому перед рабочим классом и другими революционными силами на первый план выдвигается задача «отобрать у него власть», что значит вновь разрешить основной вопрос революции — вопрос о власти. Поскольку же эксплуататорские классы, согласно «идеям» Мао Цзэ-дуна, будут существовать в течение нескольких столетий, и все это время будет происходить ревизионистское перерождение руководящих работников партии и государства, постольку «вопрос о власти по-прежнему будет в центре борьбы»³.

Идейно-теоретическое содержание и политическая направленность концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата» с первого упоминания в 1967 г. и до смерти Мао Цзэ-дуна в конце 1976 г. оставались неизменными. В то же время в отдельные периоды внутриполитической борьбы маоисты «развивали» ее отдельные элементы, приспособлявая их к задачам текущего момента. Так было во время кампании «изучения теории диктатуры пролетариата», в ходе которой под видом борьбы с так называемым «буржуазным правом» Мао Цзэ-дун расширил рамки «новой буржуазии», включив в нее широкие слои населения Китая. Так было во время кампании «борьбы с правоуклонистским поветрием пересмотра правильных выводов», в ходе которой Мао Цзэ-дун причислил старые партийные, военные и государственные кадры к «демократам», которые, мол, все еще идеологически остаются на этапе демократической революции и противятся социалистическим преобразованиям, и выдвинул положение о том, что в коммунистической партии существует «класс буржуазии».

К моменту смерти Мао Цзэ-дуна концепция «продолжения революции при диктатуре пролетариата» представляла quintэссенцию его социально-политических взглядов.

Мао Цзэ-дун, кроме своих «идей» и общей гегемонистской задачи — создания «великого Китая», — оставил своим преемникам тяжелое экономическое положение страны, острое социальное недовольство, фракционную борьбу в партии и множество других неразрешенных проблем. Поэтому пришедшая к власти группировка Хуа Го-фэна вынуждена совмещать несовместимое, что вылилось в крайне непоследовательную и противоречивую «корректировку» идейно-теоретических установок Мао Цзэ-дуна. Основные усилия обновленного китайского руководства в идеологической сфере направлены на выработку своей идейно-теоре-

³ IX Всекитайский съезд КПК. Документы. Пекин, 1969, стр. 23.

тической платформы, фундамент которой составляет концепция Мао Цзэ-дуна «о продолжении революции при диктатуре пролетариата».

Прежде всего необходимо отметить, что «уточнение» концепции идет по двум направлениям: первое — расширение сферы ее приложения путем включения в нее наряду с надстройкой и экономического базиса; второе — «иное» столкновение ее отдельных элементов. Все это преподносится как восстановление истинного содержания концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата», якобы искаженной «группой четырех».

Выход 5-го тома «Избранных произведений Мао Цзэ-дуна» положил начало очередному туру фальсификации истории КПК и КНР в целях возвеличивания Мао Цзэ-дуна и его концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата». В первую очередь фальсифицируется время выработки Мао Цзэ-дуном этой концепции. В «Предисловии» к тому указывается, что в вошедших в него работах периода с сентября 1949 г. по 1957 г. Мао Цзэ-дун, «систематически обобщив исторический опыт диктатуры пролетариата в нашей стране и за рубежом», «проанализировав противоречия, классы и классовую борьбу в социалистическом обществе, раскрыл закон развития социалистического общества и создал великую теорию о продолжении революции при диктатуре пролетариата»⁴. Более категорично сказано в статье Хуа Го-фэна, посвященной 5-му тому сочинений Мао: «Основная мысль, проходящая через пятый том «Избранных произведений Мао Цзэ-дуна», состоит в решительном отстаивании и развитии марксистского положения о непрерывной революции, в немедленном переходе, после захвата пролетариатом власти, от демократической революции к социалистической, в продолжении социалистической революции при диктатуре пролетариата»⁵. Однако факты свидетельствуют о том, что начало разработки Мао Цзэ-дуном концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата» относится ко времени работы X пленума ЦК КПК восьмого созыва (1962 г.); а первое упоминание о ней — к «культурной революции».

В докладе Хуа Го-фэна на XI съезде КПК было заявлено: «Великая теория председателя Мао Цзэ-дуна о продолжении революции при диктатуре пролетариата занимает особо важное место в истории развития марксизма»⁶. В чем же заключается это «особо важное место»? Оказывается, в том, что эта «теория» перечеркивает, снимает, отрицает, уничтожает весь опыт социалистических преобразований в СССР, накопленный после победы Октября. Ныне эта «теория» преподносится не просто как «вклад в марксизм-ленинизм», как результат «соединения всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции», а как теоретическое обобщение всей практики прогрессивных сил всех стран по революционному переустройству мира, которое якобы раскрывает общие закономерности социалистической революции

⁴ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 5. Пекин, 1977, стр. 1 (на кит. яз.).

⁵ Хуа Го-фэн. «Довести до конца дело продолжения революции при диктатуре пролетариата. К выходу пятого тома «Избранных произведений Мао Цзэ-дуна». — «Хунци», 1977, № 5, стр. 4. Необходимо подчеркнуть, что в материалах IX съезда КПК выработка данной концепции связывается исключительно с работой Мао Цзэ-дуна 1957 г. «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», где якобы «председатель Мао Цзэ-дун всесторонне разработал учение о противоречиях, классах и классовой борьбе в условиях диктатуры пролетариата, учение о существующих в социалистическом обществе двух типах, неодинаковых по своему характеру противоречий — противоречий между нами и нашими врагами и противоречий внутри народа, — создал великую теорию о продолжении революции при диктатуре пролетариата» («IX Всекитайский съезд КПК. Документы», стр. 5).

⁶ «Хунци», 1977, № 9, стр. 9.

и социалистического строительства. Об этом прямо было заявлено Хуа Го-фэном на XI съезде КПК: «Если крупнейший вклад Ленина в теорию пролетарской революции и диктатуры пролетариата заключается в том, что он раскрыл закономерности развития империализма, как последней стадии капитализма, и создал великую теорию о возможности победы пролетарской революции и построения социализма в одной, отдельно взятой стране, являющейся самым слабым звеном империалистического фронта, то крупнейший вклад председателя Мао Цзэ-дуна в теорию пролетарской революции и диктатуры пролетариата состоит в том, что он обобщил исторический опыт диктатуры пролетариата послеленинского периода, унаследовал, отстоял и развил идеи Маркса и Ленина, раскрыл закономерности развития социалистического общества и создал великую теорию о продолжении революции при диктатуре пролетариата, указав коренной путь укрепления диктатуры пролетариата, предотвращения реставрации капитализма и строительства социализма в стране, завоевавшей победу в пролетарской революции. Это — самое важное достижение марксизма в современную эпоху»⁷.

Рассмотрим, как формулируется концепция «продолжения революции при диктатуре пролетариата» в материалах XI съезда КПК, каковы ее задачи, что нового появилось в ее трактовке. В докладе Хуа Го-фэна сказано: «Эта великая теория председателя Мао Цзэ-дуна... указывает, что социалистическое общество охватывает довольно длительный исторический период и что в этот исторический период социализма от начала до конца существуют классы, классовые противоречия и классовая борьба, существует борьба между двумя путями — социалистическим и капиталистическим, — существует опасность реставрации капитализма, а также существует угроза подрыва и агрессии со стороны империализма и социал-империализма, указывает, что в социалистическом обществе между производственными отношениями и производительными силами, между надстройкой и экономическим базисом существует и соответствие и противоречие»⁸.

Формулировка «теории» распадается на две части. Первая часть — традиционная формулировка, раскатыченные слова Мао Цзэ-дуна с определением «основной линии партии», сказанные им в 1962 г. Вторая часть впервые включена в формулировку «теории». Соответственно определены и задачи — «традиционные» и новые: «необходимо продолжать революцию в области надстройки, укреплять и усиливать диктатуру пролетариата в области надстройки, в том числе и во всех сферах культуры, с тем чтобы надстройка соответствовала социалистическому экономическому базису», «необходимо продолжать революцию в области производственных отношений, укреплять и развивать социалистическую общественную собственность и другие аспекты социалистических производственных отношений с тем, чтобы эти производственные отношения соответствовали потребностям развития производительных сил»⁹.

При жизни Мао Цзэ-дуна рамки «продолжения революции» ограничивались исключительно надстройкой¹⁰. Надстройка, учит марксизм-ленинизм, — это совокупность общественных идей, учреждений и отношений, возникающих на основе данного экономического базиса. «...Экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту

⁷ «Хунци», 1977, № 9, стр. 9.

⁸ Там же, стр. 9—10.

⁹ Там же, стр. 10.

¹⁰ В 1967 г. Мао Цзэ-дун писал: «Чтобы свергнуть режим, мы должны прежде всего взять контроль над надстройкой, идеологией путем подготовки общественного мнения» («Жэньминь жибао», 8 февраля 1967 г.).

реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода»¹¹. Специфика социалистической надстройки в том, что она выступает, с одной стороны, как орудие создания социалистического базиса, а с другой — она основывается на нем, развивается и совершенствуется вместе с ним.

Маоистская же «революция в сфере надстройки» означает, что политические, правовые и другие учреждения пролетариата, а также его идеи и отношения, утвердившиеся на основе социалистического экономического базиса, должны быть разрушены и заменены иными, непролетарскими учреждениями, идеями и отношениями. В такой трактовке, а она именно такова и не может быть иной, «революция в сфере надстройки» оборачивается контрреволюцией. Так оно и было. В ходе практики «продолжения революции» — «великой пролетарской культурной революции» — маоисты, «решая» вопрос о власти, основной удар нанесли прежде всего по авангарду рабочего класса — коммунистической партии. КПК была, по существу, дезорганизована и парализована. К началу 1969 г. более двух третей членов ЦК, три четверти секретариата и более половины членов Политбюро ЦК КПК были репрессированы. В ходе «культурной революции» подверглись репрессиям, включая и физическое уничтожение, свыше пяти миллионов китайских коммунистов. В стране не осталось ни одного функционирующего парткома в провинциях, уездах, городах и на предприятиях¹².

Вместо разгромленных партийных, государственных и общественных организаций маоисты создали новые партийные организации, новые органы власти — ревкомы и новые массовые общественные организации, руководствующиеся в своей деятельности «идеями» Мао Цзэ-дуна.

Результатом практического воплощения концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата» явилась ликвидация социалистической надстройки и серьезная деформация социалистического базиса.

«Культурная революция» до конца обнажила антипролетарскую направленность этой концепции, вскрыла ее вульгарно-прагматический характер, показала, что она в руках маоистов не более, чем идеологический инструмент антисоциалистической политики.

Обновленное руководство КПК, положив концепцию «продолжения революции при диктатуре пролетариата» в основу своей идейно-политической платформы, пытается «очистить» ее от наиболее однозвучных элементов, закамуфлировать ее реакционную сущность, «дотянуть» ее до уровня теории.

Прежде всего оно включило, как уже отмечалось, в ее рамки «область производственных отношений». Это действительно новый аспект. Но он, даже будучи наполнен конкретной экономической программой (так называемые «четыре модернизации»), а также определенными мероприятиями в сферах производства, распределения, обмена и т. д., является не более чем ширмой, так как пока перед «продолжением революции» ставится цель проведения «революции в сфере надстройки», расширение ее рамок означает лишь попытки спрятать ее реакционную сущность. Выбросить же «революцию в сфере надстройки» из арсенала маоизма — значит отбросить основу основ маоизма, признать его теоретическую и политическую несостоятельность.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 26

¹² См. О. Борисов, М. Ильин. Маоистская «культурная революция». — В сб. «Опасный курс». Вып. 5, М., 1974, стр. 117.

Современное китайское руководство показало себя достойным наследником «великого кормчего»: оно взяло на вооружение испытанный маоцзедуновский прием шельмования своих политических противников — когда все отрицательное вменяется им в вину, все положительное — приписывается себе.

Рассмотрим примечательный отрывок из статьи У Цзяна «Великие задачи продолжения революции при диктатуре пролетариата», опубликованной через месяц после завершения работы XI съезда КПК. «В области пропаганды, — говорится в нем, — «четверка» всегда твердила лишь о «революции в области надстройки» и ни словом не упоминала о вопросах борьбы за производство»¹³.

Напомним, что «четверка» лишь повторяла слова Мао Цзэ-дуна и установки IX и X партийных съездов. В материалах этих съездов не содержалось никакой экономической программы, более того, на X съезде КПК Линь Бяо обвинили в том, что он выступал «против продолжения революции при диктатуре пролетариата, считая, что главной задачей после IX съезда должно быть развитие производства»¹⁴. Это квалифицировалось «как переиздание в новой обстановке нелепой ревизионистской теории» VIII съезда КПК, его курса на укрепление и расширение экономических основ социализма как главного направления общественного развития страны.

«Четверка, — говорится далее в статье У Цзяна, — безоговорочно выдвигала на первое место обратное воздействие надстройки, раздувая его до положения решающего фактора во всем историческом процессе развития общества. То есть она утверждала, что не состояние производительных сил и производственных отношений оказывает определяющее воздействие на общество и его развитие, а, напротив, надстройка (минуя производительные силы и производственные отношения) оказывает решающее воздействие на общественное развитие»¹⁵. Политика четверки оказывалась своего рода инструментом диктата в отношении общества, тем самым как бы полностью списывались со счетов закономерности экономических процессов»¹⁶.

Таким образом, китайская пропаганда фактически признает, что «культурная революция» была не более чем беспринципной борьбой за власть¹⁷, а теоретические положения о «революции в области надстройки» — «инструментом диктата» правящей группировки.

Что же это означает — отказ от одного из основополагающих постулатов Мао Цзэ-дуна «политика — это командная сила» или же переориентация на вопросы развития производства в ущерб «классовой борьбе»? Думается, что это — очередное свидетельство перманентного кризиса маоизма как политической теории и практики, а также свидетельство напряженной внутрипартийной борьбы, отражение попыток выработать приемлемую для всех противоборствующих группировок идейно-политическую платформу, своего рода компромиссный вариант. Наиболее общие основы этой платформы зафиксированы в документах XI съезда

¹³ «Жэньминь жибао», 17.IX.1977.

¹⁴ «Хунци», 1973, № 9, стр. 6.

¹⁵ Но ведь сам Мао-Цзэ-дун утверждал, что «...в определенных условиях... теория и надстройка в свою очередь выступают в главной, решающей роли» (Мао Цзэ-дун. Избр. произ., т. 2, М., 1953, стр. 449).

¹⁶ «Жэньминь жибао», 17.IX.1977.

¹⁷ В статье Хуа Го-фэна «Довести до конца дело продолжения революции при диктатуре пролетариата» также содержится подобное признание: «Великая пролетарская культурная революция, говоря в целом, есть борьба пролетариата и широких революционных масс против внутрипартийных каплутистов» («Хунци», 1977, № 5, стр. 12).

КПК. Послесъездовские материалы китайской печати в определенной мере дополняют и развивают их, в отдельных же случаях по-иному представляют акценты.

Попытка обновленного руководства Китая подлакировать концепцию «продолжения революции при диктатуре пролетариата», задрапировать ее в марксистские одежды затронула и «культурную революцию», которая ранее изображалась единственной формой реализации этой концепции. В цитируемой статье «Жэньминь жибао» говорится, что «культурная революция» является «важной, но не единственной формой продолжения революции при диктатуре пролетариата». Далее следуют разъяснения: «Даже если отбросить в сторону революцию в экономической сфере и говорить только о классовой борьбе в сфере надстройки, и то форм классовой борьбы будет множество, а не одна»²⁰. Только каких — в статье не указывается. Утверждение о множественности форм реализации концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата» свидетельствует о гибкости руководства Хуа Го-фэна в применении идейного наследия Мао Цзэ-дуна. Однако специфическая функция концепции как идейно-теоретического оправдания насилия над трудящимися, обоснования политических расправ над людьми, неугодными маоизму, не изменилась, поскольку «культурная революция» по-прежнему провозглашается важнейшей формой ее реализации. Поэтому можно утверждать, что в нынешних условиях наиболее вероятное направление развития «теории» — это искусственное соединение «классовой борьбы» в маоистской трактовке как универсального идеологического средства политического маневрирования с разработанной экономической программой. В этом случае маоистская концепция «продолжения революции при диктатуре пролетариата» будет продолжать служить и использоваться как идеологический инструмент великодержавного, шовинистического курса маоистов, как инструмент «обоснования» оголтелого антисоветизма.

Основополагающим элементом социально-политических взглядов Мао Цзэ-дуна является его «идея» о длительном существовании и взаимной борьбе антагонистических классов в социалистическом обществе. В ее основе лежит антимарксистская трактовка категории «класс», согласно которой классовая принадлежность индивида определяется двумя классообразующими признаками: 1) уровень доходов человека и 2) его идейная и политическая позиция. Для Мао Цзэ-дуна понятие «класс» — не социально-экономическая, а имущественная, идеологическая и политическая категория.

Китайская пропаганда, основываясь на «идеях» Мао Цзэ-дуна, в свое время дала развернутое определение класса: «Класс — это понятие не только экономическое, но и прежде всего понятие политическое. В ходе многотысячелетнего господства эксплуататорские классы занимали господствующее положение не только в экономике, но и в политической, идеологической и культурной областях. Поэтому существование классов зависит не только от их экономического положения, здесь доминирующую и воздействующую роль играет также их политическое сознание и идейная тенденция»²¹.

Маоистское определение класса несостоятельно как в теоретическом, так и в политическом отношениях. Исторический материализм как методология научного исследования общественной жизни требует при изучении социальных явлений из многообразия общественных отношений в

²⁰ «Жэньминь жибао», 17.IX.1977.

²¹ «Жэньминь жибао», 26.VIII.1967.

качестве определяющих выделить экономические отношения. Исходя из этого, при выявлении действительного положения и роли того или иного класса в жизни общества следует проанализировать его место в экономической структуре данного общества. В классовом обществе руководство общественным производством находится, как правило, в руках того класса, который владеет средствами производства. К. Маркс отмечал: «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»²².

Сопоставляя марксистско-ленинский и маоистский подходы к изучению классов и их роли в жизни общества, мы видим, что марксизм-ленинизм основывается на научном анализе социальных процессов, маоизм же — на самом беспринципном субъективизме и волюнтаризме, открывающих широкие возможности для политического маневрирования.

В 1975 г. маоистское руководство КПК предприняло наступление на жизненные интересы китайского народа, пытаясь путем широкого использования административно-принудительных методов стимулировать трудовую активность населения и максимально ограничить потребление. Идеино-теоретическую подоплеку этого наступления составила кампания борьбы с «буржуазным правом» в сфере распределения. Сигналом, как обычно, послужило очередное указание Мао Цзэ-дуна: «Китай принадлежит к числу социалистических стран. До освобождения он мало чем отличался от капитализма. В настоящее время все еще осуществляются 8-разрядная система заработной платы; распределение по труду и обмен посредством денег. Все это мало чем отличается от того, что было в старом обществе. Разница лишь в том, что изменилась форма собственности»²³.

В приведенном же «указании» Мао Цзэ-дун разрывает систему производственных отношений, концентрирует внимание на распределении и обмене.

Вся эта псевдотеоретическая мешанина должна была послужить доказательством правильности «идеи» Мао Цзэ-дуна о классовой поляризации социалистического общества, в данном случае как следствии осуществления социалистического принципа распределения по труду, якобы ведущего к обуржуазиванию отдельных слоев трудящихся. На практике это вылилось в очередное наступление на жизненный уровень трудящихся Китая, проповеди мелкобуржуазного уравнилельного распределения с одновременной квалификацией социального недовольства политикой маоистов как происков «классовых врагов», как угрозу капиталистической реставрации.

На страницах китайской печати развернулась своеобразная дискуссия о «буржуазном праве». По этому поводу опубликованы десятки статей. В центр обсуждения поставлен вопрос о том, является ли принцип распределения по труду экономической базой, порождающей новую буржуазию. В середине августа 1977 г. газета «Гуанмин жибао» опублико-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 344.

²³ Цит. по «Хунци», 1975, № 3, стр. 3—4. В 1975 г. Мао Цзэ-дун высказывал мысли, раскритикованные К. Марксом столетием раньше в работе «Критика Готской программы»: «Вульгарный социализм... перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм прращается преимущественно вокруг вопросов распределения (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 20).

вала информацию о состоянии обсуждения этой темы, в которой указывалось, что в ходе обсуждения выявилось около десятка точек зрения на проблему. Итоговой статьей по данной «дискуссии» можно считать статью в газете «Жэньминь жибао»²⁵. В этой статье на фоне критики «группы четырех», которая якобы запутала этот вопрос, дается его «позитивное изложение».

Давая ответ на вопрос, поставленный в заголовке статьи, автор пишет, что «распределение по труду является социалистическим принципом, характерным для экономической системы социализма. Это совершенно четко подтверждено всем, начиная от основных положений марксизма до политики КПК, включая нашу социалистическую конституцию»²⁶. Признание, содержащееся в первой ее части, противоречит «духу и букве» ортодоксального маоизма. Этот факт сам по себе примечателен.

В этой статье, как в зеркале, отражается противоречивая идеологическая политика нынешнего руководства КПК, которая, как уже отмечалось, заключается в том, чтобы, с одной стороны, очистить «идеи» Мао Цзэ-дуна от наиболее бросающихся в глаза несовместимых с марксизмом-ленинизмом положений, с другой — сохранить маоизм как идейную основу деятельности партии и государства. Поэтому в статье сочетаются отдельные правильные марксистские положения с догмами маоизма. Например, в статье говорится: «Утверждение, что распределение по труду является экономической основой зарождения буржуазии, представляет собой еще одно странное и чудовищное рассуждение «четверки», созданное для нападок на социалистический строй. Она говорит, что после завершения социалистических преобразований в области собственности на средства производства «буржуазное право» (то есть распределение по труду) является «почвой», порождающей буржуазию. То есть при осуществлении распределения по труду люди со сравнительно большим доходом превращаются в новую буржуазию. Это — большая ревизия марксизма, большое извращение социалистического строя»²⁷. «В социалистическом обществе существуют классы и классовая борьба, существует буржуазия, — продолжает автор статьи. — Но какую это имеет связь с распределением по труду? Непременной предпосылкой распределения по труду является общественная собственность на средства производства. При этом условии доход каждого трудящегося независимо от того, больше он или меньше, создан его собственным трудом, никто не имеет права присваивать труд других людей; как же при таком способе распределения может «рождаться» буржуазия?»²⁸ Как видим, в статье содержатся положения, противоречащие «указанию» Мао о природе «буржуазного права» при социализме, под коим понимается принцип распределения по труду.

Статья, по существу, перечеркивает первый классовообразующий признак, выработанный Мао Цзэ-дуном, — уровень доходов человека, как одну из основ классово-антагонистической дифференциации социалистического общества. Тем самым как бы отбрасывается «экономический» аспект маоистской трактовки понятия «класс». В то же время статья повторяет маоцзэдуновский тезис о том, что «в социалистическом обществе существуют классы и классовая борьба, существует буржуазия», пере-

²⁵ См. Ли Хун-минь. Является ли распределение по труду социалистическим или капиталистическим принципом? — «Жэньминь жибао», 27.IX.1977.

²⁶ Там же.

²⁷ «Жэньминь жибао», 27.IX.1977.

²⁸ Там же.

нося «обоснованне» этого положения вновь в сферу надстройки, идейно-политических отношений в обществе.

Таким образом, корректировка данного элемента маоистской концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата», не затрагивая существа проблемы, касается лишь формы его облачения.

То же самое относится и к другому целенаправленному элементу концепции — «каппутистам» в коммунистической партии, как объекту «продолжения революции при диктатуре пролетариата».

Согласно концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата», конкретной сферой классовой борьбы в разрешении вопроса о власти при социализме является коммунистическая партия. В связи с этим в период «культурной революции» китайская печать широко пропагандировала тезис Мао Цзэ-дуна из его работы «Относительно противоречия», который гласит, что «противоположность и борьба различных взглядов в партии возникают постоянно, и это является отражением в партии существующих в обществе классовых противоречий»²⁹. Этот тезис приводил маоистов к отождествлению различий во мнениях среди членов партии с классовой борьбой. На практике это вело к свертыванию внутрипартийной демократии, насаждению бюрократизма и, что главное, любое критическое замечание в адрес вышестоящего руководителя рассматривалось как «классовая борьба». В соответствии с этим тезисом в стан «классовых врагов» были зачислены Гао Ган, Жао Шу-ши, Пэн Дэ-хуай и другие видные руководители партии и государства, выступавшие против маоистских авантюр во внутренней и внешней политике.

К началу 1976 г. внутривластное положение в КНР характеризовалось нарастанием напряженности в борьбе вокруг вопроса о методах осуществления экономической программы и пятилетнего плана на 1976—1980 гг. После смерти Чжоу Энь-лая фракционная борьба в КПК между «леваками» (выдвиженцы «культурной революции») и «прагматиками» (старые партийные, государственные и военные кадры) развернулась с особой силой, вылившись в кампанию «борьбы против правоуклонистского поветрия пересмотра правильных выводов». Начало этой кампании, как и всех предыдущих, положил ряд указаний Мао Цзэ-Дуна о том, что «После демократической революции рабочие, крестьяне-бедняки и низшие середняки не остановились на месте, они хотят революции. Но часть коммунистов не желает продвигаться вперед, а кое-кто повернул вспять, стал выступать против революции. Почему? Потому что они сделались большими чинами и стремятся защищать интересы им подобных»³⁰.

«Демократы» приравнивались к «каппутистам», то есть старые кадровые работники объявлялись объектом «продолжения революции».

«Венцом» взглядов Мао Цзэ-дуна о «внутрипартийной борьбе в период социализма» явилось утверждение о наличии класса буржуазии внутри самой коммунистической партии. Мао Цзэ-дун заявлял: «Вести социа-

²⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 1, Пекин, 1967, стр. 407. «Ревизионистов» в партии Мао Цзэ-дун характеризовал как «представителей буржуазии», назвав их «каппутистами», то есть «лицами, стоящими у власти в партии и илущими по капиталистическому пути». В материалах X съезда КПК особо подчеркнуто: «Внутренние и внешние враги понимают, что крепость легче всего взять изнутри. Подорвать диктатуру пролетариата легче всего пролезшим в партию элементам, облеченным властью и идущим по капиталистическому пути, чем самим помещикам и капиталистам, особенно когда последние уже крайне дискредитированы в обществе» («Хунци», 1973, № 9, стр. 10).

³⁰ Цит по «Хунци», 1976, № 6, стр. 9. В это же время китайская печать широко цитировала слова Мао Цзэ-дуна, сказанные им в 1964 г.: «Класс бюрократов, с одной стороны, и рабочий класс вместе с крестьянами-бедняками и низшими середняками — с другой, — это два противостоящих класса». (Цит. по «Хунци», 1976, № 7, стр. 6.)

листическую революцию и не знать, где буржуазия? Она как раз внутри самой коммунистической партии, это лица в партии, облеченные властью и идущие по капиталистическому пути»³¹.

Методологической базой этой «идеи» назывался закон «раздвоения единого», распространяемый на коммунистическую партию как авангард пролетариата. Особенностью «внутрипартийной буржуазии» объявлялось то обстоятельство, что она появляется лишь в коммунистической партии, вставшей у власти в результате победы социалистической революции, поскольку до победы революции буржуазия держала власть в своих руках и ее штаб находился вне коммунистической партии. После же победы революции «при изменившемся соотношении классовых сил классовая борьба между пролетариатом и буржуазией все глубже и явственнее проявляется внутри партии»³² и «буржуазия в партии» якобы становится ядром всей буржуазии и главной опасностью для диктатуры пролетариата³³.

Этот «теоретический вывод» Мао Цзэ-дуна китайская печать преподнесла как обобщение «практики великой борьбы социалистической революции на протяжении 20 с лишним лет» в КНР, а также как «научное обобщение закономерностей классовой борьбы на международной арене», в котором Мао «отстоял и развил марксизм-ленинизм»³⁴.

В тезисе о «буржуазии в партии» Мао Цзэ-дун отошел от своей прежней концепции, трактовавшей борьбу в партии как «отражение борьбы в обществе». Внутрипартийная борьба стала прямо рассматриваться как борьба классовая, направленная против буржуазии непосредственно.

«Идея» Мао Цзэ-дуна о «внутрипартийной буржуазии», по существу, блокировала какие-либо попытки достижения единства партии, отрицала саму возможность политической стабилизации в стране. Поэтому современное руководство КПК, выдвинув задачу «установления всеобщего порядка в стране», прежде всего ополчилось на положение о «внутрипартийной буржуазии», которое стало изображаться как результат «антипартийной деятельности» «четверки». В отчетном докладе на XI съезде КПК значительное место было уделено этой теме. Хуа Го-фэн подчеркнул, что «четверка», «полностью ревизовав великую теорию Мао Цзэ-дуна о продолжении революции при диктатуре пролетариата... нагло извратила идеи председателя Мао Цзэ-дуна, особенно в вопросе о внутрипартийных каппутистах, и вызвала большую путаницу»³⁵. Далее Хуа Го-фэн разъясняет позицию Мао Цзэ-дуна в этом вопросе: оказывается, Мао Цзэ-дун всегда говорил исключительно о «каппутистах» как представителей буржуазии, но не о «классе буржуазии» в партии: «Говоря, что буржуазия находится внутри самой коммунистической партии, председатель Мао Цзэ-дун имел в виду лиц в партии, облеченных властью и идущих по капиталистическому пути, а вовсе не то, что внутри нашей партии существует класс буржуазии»³⁶.

«Четверка» же в своих карьеристских целях якобы выдвинула «контрреволюционную политическую программу, согласно которой старые кадры приравнивались к «демократам», а «демократы» — к «каппутистам», и клеветнически обвиняла эти старые кадры в том, что они образовали внутри нашей партии «класс буржуазии»³⁷.

³¹ «Жэньминь жибао», 10.III.1976.

³² «Хунци», 1976, № 6, стр. 16.

³³ См. там же.

³⁴ «Жэньминь жибао», 26.III.1976.

³⁵ «Хунци», 1977, № 9, стр. 10—11.

³⁶ Там же, стр. 12.

³⁷ См. там же, стр. 12.

Таким образом, «идеи» Мао Цзэ-дуна о «демократах» и «внутрипартийной буржуазии» представляются ныне пекинской пропагандой как измышления «четверки», а «внутрипартийная борьба» вновь рассматривается как «отражение в партии» классовой борьбы в обществе.

В этой фразеологической эквилибристике самым важным является то, что нынешнее руководство КПК не только не меняет антипартийной направленности указаний Мао Цзэ-дуна о «каппутистах», а, наоборот, еще раз подчеркивает ее: «каппутисты внутри партии действительно представляют главную опасность реставрации капитализма»³⁸. Отсюда видно, что «уточнения» этих «идей» Мао Цзэ-дуна носят чисто тактический характер, ни в коей мере не затрагивая ни их сущности, ни сущности самой концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата».

Подводя общий итог, можно констатировать, что маоистская концепция «продолжения революции при диктатуре пролетариата», составляющая фундамент идейно-политического курса современного руководства КПК и КНР, облекается в новые формы, не затрагивающие ее содержания. Она по-прежнему остается глубоко враждебной марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму, используется как идеологический инструмент антипролетарской политики, продолжает служить нынешнему китайскому руководству средством оправдания контрреволюционной деятельности внутри страны и великодержавно-шовинистического курса на международной арене.

³⁸ «Хунци», 1977, № 9, стр. 11.

К истории установления советско-японских отношений

А. Ф. Никитин,
кандидат исторических наук

Неизменно миролюбивый курс внешней политики СССР, направленный на устранение угрозы войн между народами, на развитие и упрочение разрядки напряженности в международных отношениях, на развитие мировых экономических, политических и культурных связей, с каждым годом находит все более широкое признание. Настойчивые усилия, предпринимаемые для осуществления этого курса Советским Союзом, странами социалистического содружества, всеми прогрессивными силами мира, приносят свои плоды. Улучшается взаимопонимание и углубляется доверие между народами стран различных социальных систем, развиваются международные взаимовыгодные контакты. Как о весьма показательных примерах этого процесса можно говорить о тех положительных сдвигах, которые произошли в последние годы в отношениях между СССР и рядом крупных капиталистических государств, в том числе Японией. На качественно новую ступень развития вступили торгово-экономические связи Советского Союза и Японии, значительно расширился научно-технический и культурный обмен, расширяются связи по линии общественных организаций двух стран. Происшедшие изменения вселяют надежду на успех дальнейшего расширения и укрепления взаимовыгодного сотрудничества между СССР и Японией.

Советский Союз неуклонно выступает за такие формы отношений между странами с различным социальным строем, которые обязательно предполагают равенство, взаимную выгоду и невмешательство во внутренние дела друг друга. Правительство СССР неизменно придерживается курса на обеспечение добрососедских взаимовыгодных связей, проявляет искреннее стремление к достижению взаимоприемлемых соглашений, в максимальной степени учитывает интересы своих партнеров.

Большие сдвиги, которые отмечаются в развитии советско-японских торгово-экономических, научно-технических и культурных связей в настоящее время,— это результат взаимопонимания, достигнутого между двумя государствами на основе реалистичной оценки современной международной обстановки и реалистичного подхода к проблемам международного сотрудничества. Они с большим удовлетворением воспринимаются общественностью обеих стран и являются хорошей базой для последующего еще более широкого взаимовыгодного сотрудничества. С точки зрения советских людей не существует препятствий для того, чтобы еще лучше использовать в развитии взаимовыгодного сотрудничества СССР и Японии исключительно благоприятные естественные факторы — непосредственное соседство и экономическую заинтересо-

ванность друг в друге. Мнение «относительно хороших перспектив развития японо-советских торгово-экономических отношений» еще раз подтвердил в своих ответах на вопросы главного редактора газеты «Асахи» С. Хата Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в июне 1977 г.¹ К сожалению, и на современном этапе советско-японских отношений время от времени в некоторых общественных сферах Японии проявляются тенденции, мешающие укреплению доверия между советским и японским народами и развитию на этой основе взаимовыгодного сотрудничества. Все еще, видимо, дают о себе знать политические позиции, свойственные прошлым временам и не учитывающие ни исторический опыт, ни те огромные изменения, которые произошли в мировом развитии в последние десятилетия. Отвечая главному редактору газеты «Асахи», Л. И. Брежнев говорил: «В последнее время не все складывалось в наших отношениях так, как нам этого хотелось, как этого, по нашему мнению, требуют интересы Советского Союза и Японии. Я бы сказал, что мы с вами пережили недавно довольно тяжелый момент, когда приходилось решать — в каком направлении будут развиваться далее советско-японские отношения: пойдут ли они по пути добрососедства и сотрудничества или же неизбежно их дальнейшее обострение. Как мне представляется, усилиями обеих сторон был сделан единственно правильный выбор — выбор в пользу дальнейшего развития сотрудничества. Этот факт сам по себе является обнадеживающим и дает основания надеяться, что наши отношения будут впредь строиться не с позиций прошлого, а с мыслью о будущем»².

Сейчас, когда уже имеется многолетний опыт сотрудничества между обеими странами, обращение к истории установления советско-японских отношений невольно обостряет парадоксальность того факта, что когда-то серьезно оспаривалась идея возможности и целесообразности для Японии широкого делового сотрудничества с социалистическим государством.

С первых же месяцев появления первого в мире государства рабочих и крестьян перед правящими кругами капиталистических стран возникла дилемма по поводу характера будущих отношений с государством неэксплуататорской системы: путь мирного сосуществования или путь конфронтации. Руководители ряда капиталистических государств, трезво оценивавшие изменения, происходившие в мире, сравнительно недолго испытывали колебания в выборе альтернативы — иметь или не иметь отношения с социалистическим государством. Одни из них несколько раньше, другие несколько позже осознали, что крайне неразумно упускать любые возможности установления деловых международных связей, которые являли бы собой важный рычаг поддержания на должном уровне общественного производства в их странах. В ряде капиталистических стран, руководители которых проявляли длительные колебания в деле установления торгово-экономических связей с Советской Россией, инициативу в свои руки брали сами предприниматели, не желавшие позволить конкурентам из других стран воспользоваться более благоприятными возможностями при заключении экономических соглашений с советскими организациями. Советское правительство со своей стороны шло навстречу тем представителям капиталистического мира, которые изъявляли готовность сотрудничать с хозяйственными организациями Республики Советов.

¹ «Коммунист», № 9, июнь 1977, стр. 15.

² Там же, стр. 17.

Японское правительство в тот период заняло непримиримую позицию по отношению к провозглашенному Страной Советов курсу установления нормальных отношений с государствами капиталистического строя на основе принципов мирного сосуществования. Японские войска, вторгшиеся в советские дальневосточные земли в апреле 1918 г., упорно продолжали расширять военный конфликт с Советской Россией. Попытки Советского правительства добиться ликвидации войны с Японией на мирной основе не приносили успеха³. Правительство Японии не удостоивало ответа мирные инициативы руководителей Советского государства.

Не будучи в то время в состоянии оказать должное военное сопротивление Японии, Советское государство в силу сложившихся условий не могло не прибегнуть к поискам союзников с целью отражения японской агрессии. Искать себе союзников единственная в мире социалистическая страна, естественно, вынуждена была в среде самого капиталистического лагеря. Существование сильной экономической заинтересованности других капиталистических государств в доступе к природным богатствам советского Дальнего Востока и Сибири, наличие постоянного соперничества между капиталистическими странами в борьбе за внешние рынки обуславливали возможность такого компромисса.

В 20-х годах между Японией и США разгоралась острая конкурентная борьба за влияние в бассейне Тихого океана. Дальневосточный регион в послевоенный период в связи с начавшимся бурным хозяйственным ростом тихоокеанских стран и развитием торговли между ними превращался в один из первостепенно важных в мировой политике. Здесь поэтому значительно усилились межимпериалистические противоречия.

Советское правительство четко и откровенно выразило свою принципиальную позицию: с выступающими за войну с нами мы будем бороться всеми доступными средствами, выступающим за мир и сотрудничество предлагаем выгодные деловые контакты. Поскольку Япония отказывалась от делового сотрудничества с Советским государством, правительство РСФСР предпочло наладить деловые связи с предпринимателями США, а также и других стран. В этот период многие американские капиталисты, обеспокоенные захватами Японии на Дальнем Востоке и вытеснением оттуда американского капитала, засыпали Госдепартамент требованиями оградить в этом районе интересы Соединенных Штатов⁴. Действия японской военщины по захвату территорий советского Дальнего Востока вызывали недовольство и в правительственных кругах США. После образования ДВР решимость Соединенных Штатов воспрепятствовать военной экспансии своего тихоокеанского конкурента еще более усилилась. Этому способствовало давление со стороны ряда американских компаний, стремившихся использовать открывшиеся перспективы для предпринимательской деятельности в Сибири и российских районах Дальнего Востока. Имело определенное значение и то обстоятельство, что все большую деловую активность с целью участия в разработке естественных богатств Сибири и Дальне-

³ Советское правительство обращалось к правительству Японии с предложением нормализовать отношения между обоими государствами многократно начиная с декабря 1917 г. и в течение 1918—1920 гг. См. «Документы Внешней политики СССР» (далее ДВП СССР), т. II, док. 252, М., 1958, стр. 388—389.

⁴ «Дальневосточная республика», 14.VI.1920.

го Востока стали проявлять бизнесмены и других капиталистических стран, которых японская интервенция лишала здесь искомым выгодных рынков. Сразу же после образования Дальневосточной Республики ее правительство начало получать множество заявлений от соискателей концессий из различных стран: Англии, Бельгии, Германии и других, и, конечно, прежде всего от капиталистов США⁵.

Крупные компании США разработали специальный план участия американского капитала в развитии Восточной Сибири и Приамурского края. Планом предусматривалась постройка морской базы возле Петропавловска-на-Камчатке, крупного порта на Охотском море в районе Аяна, здесь же планировалась постройка железной дороги, которая связала бы Аян с центром Якутской области. Американские монополии добивались концессий в районе озер Кизи и Кади, намереваясь прорыть канал для соединения через эти озера реки Амур с Татарским проливом и затем построить на озере удобную гавань⁶. В середине 1920 г. правительство ДВР получило запрос относительно возможности приобретения в концессию нефтеносных участков на Северном Сахалине от крупной американской нефтяной компании «Синклер ойл корпорейшн»⁷. К правительству РСФСР от имени влиятельных финансово-промышленных кругов США обратился известный финансист В. Вандерлип с просьбой предоставить американскому капиталу концессии «на эксплуатацию нефти, угля и рыболовства Приморской области и Камчатки на площади в 6000 кв. верст»⁸. В январе 1921 г. правительству ДВР направила концессионное предложение компания «Юба констракшн», ходатайствовавшая о получении концессионных прав на разведку драгоценных металлов и других полезных ископаемых на территории Амурской, Забайкальской, Приморской и Якутской областей⁹. Весной 1921 г. другая американская компания «М. Вульфсон и К^о» попыталась добиться от правительства Дальневосточной Республики разрешения на монопольную закупку пушнины в пределах ДВР, а также некоторых льгот для осуществления вывоза различного сырья. В июне 1922 г. американская «Транспортно-торгово-промышленная компания по развитию Сибири» предложила правительству ДВР сдать ей в концессию на 99 лет для эксплуатации территории между 50 и 60 градусами северной широты и 130 и 140 градусами восточной долготы. Компания собиралась развернуть на этой обширной территории добычу угля, золота и других полезных ископаемых, построить заводы, фабрики, торговые предприятия¹⁰.

Аналогичные предложения поступали и от многих других американских компаний. В целях оказания необходимой финансовой поддержки американским предпринимателям, начинавшим разворачивать концессионную и торговую деятельность в Дальневосточной Республике, финансовые корпорации Соединенных Штатов проектировали создание специальных банков.

Было очевидно, сколь далеко идущие цели вынашивали американские капиталисты. Однако правительства РСФСР и ДВР, не колеблясь, шли на рассмотрение их предложений, предоставляли им право наибольшего благоприятствования. Эти предложения предполагали

⁵ «Амурская правда», 27.VIII.1921; «Дальневосточная правда», 29.IX.1921.

⁶ М. И. Губельман. Борьба за Советский Дальний Восток. 1918—1922. М., 1958, стр. 217.

⁷ «ДВП СССР», т. V, прим. 27, стр. 722—723.

⁸ Там же, т. III, док. 29, стр. 70—71.

⁹ «Амурская правда», 27.IX.1921.

¹⁰ М. И. Губельман. Указ. соч., стр. 217.

борьбу между двумя антагонистическими системами, но борьбу на принципах мирного сосуществования. Более того, классовая борьба, которая велась бы в рамках юридически оформленных мирных деловых международных контактов между Советским государством и любым из капиталистических государств, была твердо определенной целью внешнеполитического курса Страны Советов.

Деловой мир Японии довольно скоро начал осознавать возможные весьма ущербные для японского капитала последствия широких советско-американских деловых контактов. Переговоры между советскими представителями и представителями американского бизнеса серьезно обеспокоили правящие круги Японии. И небезосновательно. К примеру, за прибывшим в сентябре 1920 г. в Москву на переговоры с Советским правительством В. Вандерлипом стояли не только финансово-промышленные, но также и официальные правительственные круги Соединенных Штатов.

Для ведения переговоров с Вандерлипом Советское правительство образовало межведомственную комиссию из представителей ВСНХ, НКВД и НКВТ. По окончательно выработанному к концу октября проекту концессионного договора синдикату Вандерлипа предоставлялась сроком на 60 лет концессия на эксплуатацию рыбных промыслов, на разведку и добычу нефти и угля на Камчатке и в части Восточной Сибири, лежащей к востоку от 160-го меридиана¹¹. Экономически условия концессии были взаимовыгодны, причем контроль за сдаваемой в концессию территорией оставался целиком в руках Советского правительства. Наряду с проектом концессионного договора стороны согласовали проект специального соглашения, предусматривавший условия передачи концессии синдикатом правительству США.

Политическое значение этого соглашения в случае его осуществления состояло в том, что оно не только предполагало установление сотрудничества с американскими деловыми кругами, но и нормализацию отношений с США. В письме народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина, направленном синдикату Вандерлипа 1 ноября 1920 г. вместе с проектами концессионного договора и специального соглашения, указывалось: «Независимо от подписания концессионного договора, Правительство РСФСР подразумевает, что договор вступает в силу лишь по восстановлении между Российским Правительством и Правительством Соединенных Штатов нормальных отношений де-факто и при условии, что таковые сношения будут установлены до 1 июля 1921 года»¹². В опубликованном в печати интервью Вандерлип заявил, что кабинет президента Гардинга решительно изменит курс по отношению к Советской России¹³. Еще до приезда в Москву для ведения переговоров с Советским правительством Вандерлип во время встречи с М. М. Литвиновым в Копенгагене в июле 1920 г. подчеркивал недовольство США продолжающейся интервенцией Японии на советском Дальнем Востоке. Он говорил о намерении правительства Соединенных Штатов оказать Советскому правительству поддержку в решении этой проблемы как о само собой разумеющемся мотиве. На вопрос о том, может ли он обеспечить немедленную дипломатическую поддержку против японской агрессии, Вандерлип от имени финансово-промышленных кругов заявил, что «по подписании договора они в этом направле-

¹¹ «ДВП СССР», т. III, прим. 19, стр. 665.

¹² Там же.

¹³ «Правда», 4.III.1921.

нии немедленно начнут кампанию и что Америка не допустит между Россией и Западной Америкой буферных государств»¹⁴.

Достигнутое с Вандерлипом соглашение так и не было проведено в жизнь. Слишком сильным оставалось в США влияние антисоветски настроенных империалистических кругов. Правительство Гардинга, сменившее в марте 1921 г. администрацию Вильсона, не осмелилось изменить прежней официальной линии в отношении Советской России. Гардинг счел необходимым отмежеваться от Вандерлипа. Когда стало совершенно очевидным, что Вандерлип перестал пользоваться поддержкой официальных правительственных кругов и влиятельных финансовых и промышленных групп Соединенных Штатов, то есть стало нереальным выполнение основного условия концессионного соглашения, Советское правительство сочло целесообразным уведомить синдикат Вандерлипа об аннулировании договора¹⁵. Однако сам факт переговоров с Вандерлипом сыграл большую роль. В явном замешательстве японское правительство опубликовало специальную декларацию, пытаясь опротестовать достижение соглашения между Советским правительством и синдикатом Вандерлипа. Оно заявило, что, если соглашение между Советской Россией и США и будет достигнуто, Япония не признает концесий, которые получают Соединенные Штаты¹⁶.

Наряду с переговорами о камчатской концессии, которые вело Советское правительство с Вандерлипом, правительство ДВР летом 1920 г. начало переговоры с другой крупной американской фирмой — нефтяной компанией «Синклер ойл корпорейшн» о сдаче в концессию нефтяных участков на Северном Сахалине. К маю 1921 г. были выработаны в основном условия будущего договора. Компании Синклера предоставлялась концессия на территории Северного Сахалина размером «до 1000 кв. верст для добычи нефти сроком на 36 лет, естественных газов и смол». Компания также получала право строительства на Сахалине «двух портов, железных дорог, телеграфных и телефонных линий, электростанций, линий передач»¹⁷. Концессионный договор был подписан обеими сторонами 7 января 1922 г.

По подписанному одновременно с основным дополнительному договору определялись права правительства ДВР на расторжение концессионного соглашения. Правительство ДВР получало основания для отказа от соглашения в случае, если последнее станет угрожать «неприкосновенности территории или суверенитета ДВР или РСФСР» или если «к концу пятого года со дня подписания сего дополнительного договора не будет установлено нормальных официальных отношений между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Дальневосточной Республикой в виде юридического признания *recognition de jure* Правительства Дальневосточной Республики со стороны Правительства Северо-Американских Соединенных Штатов»¹⁸. Последнее условие, таким образом, предусматривало расширение экономических контактов на сферу политических взаимоотношений между ДВР и США, а затем и нормализацию отношений между ними.

Заинтересованность Соединенных Штатов в возможности получения права использования нефтяных богатств Сахалина, а тем более сахалинских портов побудила правительство США поддержать такое соглашение. В данном случае сказались и его более положительная по-

¹⁴ «ДВП СССР», т. III, док. 29, стр. 71.

¹⁵ «ДВП СССР», т. III, прим. 58, стр. 677.

¹⁶ «Бюллетень НКВД», № 66, 1921, стр. 35.

¹⁷ «ДВП СССР» т. V, прим. 27, стр. 722.

¹⁸ Там же.

зия в отношении правительства ДВР. Государственный департамент США принял решение активно противодействовать экспансионистским устремлениям Японии. 6 апреля 1921 г. на совещании представителей государственного департамента и военного министерства было решено направить в ДВР американскую «экономическую миссию» с целью изучения обстановки, сбора информации о положении в ДВР, а также о действиях и планах Японии на Дальнем Востоке. С этого времени, несмотря на отказ правительства США официально признать Дальневосточную Республику, его представитель постоянно находился в ДВР с задачей поддерживать «неофициальные связи с местными властями»¹⁹.

Правительство США не ограничилось направлением полуофициальной миссии в ДВР. В мае 1921 г. оно выступило с заявлением протеста правительству Японии против продолжающейся оккупации Восточной Сибири и Сахалина как акта, противоречащего совместной договоренности обеих держав и законам международного права. Конечно, не гуманные чувства защиты суверенитета и независимости Дальневосточной Республики руководили поступками правящих кругов Соединенных Штатов — они действовали в своих интересах. Но факт выступления США против экспансионистских устремлений Японии на советском Дальнем Востоке нельзя не расценить как весьма показательный для взаимоотношений империалистических государств, где правило соблюдения собственной выгоды всегда проявляется в качестве нерушимого и освященного принципа. С учетом этого постоянно существующего фактора советская дипломатия находила возможности заключения компромиссных обоюдовыгодных соглашений с отдельными государствами соперничающих капиталистических группировок.

Серьезно обеспокоенные активной деятельностью американского бизнеса по налаживанию экономического сотрудничества с ДВР, а вместе с тем и разочарованные близорукой политикой собственного правительства, японские промышленники стали пытаться на собственный страх и риск искать пути для заключения с правительством ДВР концессионных соглашений²⁰. Часть командования интервенционистских войск также склонялась к поддержке кампании японских предпринимателей за начало мирных переговоров с ДВР и Советской Россией. Тем не менее японские милитаристы не желали оставить оккупированных районов, не добившись осуществления хотя бы части своих притязаний. В противном случае теряла всякий смысл затеянная военщиной «сибирская экспедиция», поглотившая много денег и жизней. Японское командование искало более или менее достойный выход из создавшегося положения. Получение концессий на материке на выгодных условиях представляло в этом отношении вполне приемлемый путь для осуществления «непозорного отступления». Такое мнение не разделяла другая часть милитаристских кругов Японии, всячески стремившаяся воспрепятствовать выведению японских войск с советского Дальнего Востока. Отдельные влиятельные военные группировки по-прежнему продолжали вынашивать планы закрепления Японии на захваченных территориях исключительно военными методами. Этой наиболее реакционной части японской военщины удалось склонить правительство Японии к продолжению интервенции на Дальнем Востоке.

¹⁹ «ДВП СССР», т. V, прим. 12, стр. 716.

²⁰ «Дальневосточная правда», 8.V.1921; А. С. Леонов. Дальний Восток и новая экономическая политика. Харбин, 1923, стр. 25.

Японские милитаристы еще раз попытались силой добиться своих экспансионистских целей на советском Дальнем Востоке, организовав так называемый «меркуловский переворот» во Владивостоке. У власти были поставлены японские марионетки братья Меркуловы. Однако созданное таким образом «правительство Приморья», влияние которого фактически распространялось лишь на Владивосток и некоторые близлежащие пункты, где располагались белогвардейские гарнизоны, не в состоянии было выполнить возлагавшиеся на него Японией надежды. Против его создания выступили и Соединенные Штаты. Государственный департамент прекрасно понимал, что это «правительство» — лишь ширма для установления японской гегемонии на Дальнем Востоке. 31 мая 1921 г. правительство США направило японскому правительству ноту, в которой заявило о том, что оно не признает никаких договоров, заключенных в условиях японской оккупации Приморья²¹.

Авантюра с белогвардейским переворотом несколько не укрепила позиции сторонников продолжения японской интервенции. Дни ее были сочтены. В этот период (май 1921 г.) Советское правительство, верное своей политической линии, снова предложило японскому правительству нормализовать отношения между обеими странами путем переговоров²². Но, как и прежде, это предложение осталось без ответа. Лишь в связи с приближением Вашингтонской конференции, созывавшейся по инициативе Соединенных Штатов, правительство Японии пошло на начало переговоров с ДВР. Оно было уверено, что решения Вашингтонской конференции будут далеко не в пользу Японии, и спешило навязать ДВР до открытия этой конференции кабальный договор.

Встреча представителей правительств ДВР и Японии в г. Дайрене (г. Дальний, 26 авг. 1921 — 16 апр. 1922 г.) окончилась безрезультатно, поскольку оказалось, что японские правители все еще питают иллюзии относительно возможности отторжения некоторых районов советского Дальнего Востока. После Дайренской конференции Япония пыталась продолжать военными действиями оказывать давление на ДВР. Японское военное командование снова стало следовать курсом на аннексию Приморья, хотя осуществить это было делом нереальным. К лету 1922 г. обстановка изменилась не в пользу японской женщины. Заключение советско-германского договора в Рапалло, неудача с организацией общего капиталистического фронта против Советской страны в Генуе повысили международный престиж РСФСР. Успехи советской внешней политики не могли не оказать влияния и на внешнеполитический курс Японии. В Японии все более настойчиво звучали заявления о необходимости экономического проникновения в Сибирь взамен военного вторжения. Японская пресса стала требовать пересмотра политики Японии в отношении Советской России. Усилились разногласия и между группировками военных деятелей, что, естественно, приводило к усилению буржуазной оппозиции, требовавшей прекращения интервенции в Сибири.

Учитывая сложившуюся ситуацию, министерство иностранных дел Японии во второй половине 1922 г. обратилось к правительству ДВР с предложением возобновить переговоры. Согласившись на переговоры, правительство ДВР обусловило участие в них представителей РСФСР. Вторая конференция приступила к работе 4 сентября 1922 г. в городе Чанчуне. Позиция Японии на Чанчуньской конференции сводилась к

²¹ Л. М. Папин. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной Республики. М., 1957, стр. 218.

²² «ДВП СССР», т. IV, прим. 36, стр. 776.

тому, чтобы обеспечить себе привилегированное положение в отношениях с ДВР и сохранить за собой право владения Северным Сахалином. В ходе переговоров японцы согласились на определение сроков вывода своих войск с материка, но отказались от компромиссного решения вопроса о Северном Сахалине.

Объединенная делегация правительств РСФСР и ДВР, настаивая на решении проблемы Северного Сахалина, попыталась достигнуть соглашения на концессионной основе. Представителям Японии в неофициальном порядке было заявлено о том, что интересы Японии на Сахалине Советская Россия готова «удовлетворить путем предоставления ей там экономических концессий»²³. Японская делегация и на этот раз отказалась от обсуждения вопроса на концессионных началах. «...Когда и это не привело к соглашению,— писал глава советской делегации А. А. Иоффе,— произошел разрыв»²⁴. Ровно через месяц после окончания Чанчуньской конференции Япония под натиском Народно-освободительной армии ДВР, а также благодаря умелым действиям советской дипломатии была вынуждена полностью убрать свои войска с континента. В руках японской военщины продолжал оставаться Северный Сахалин, но было ясно, что японская интервенция потерпела провал. Тем не менее установление нормальных политических и экономических отношений с Японией все еще оставалось одной из центральных задач советской дипломатии. Эта задача теперь в значительной степени облегчалась. Прежде всего потому, что позиции Советского Союза в мире укрепились. Япония, потерпевшая на проходившей под эгидой США Вашингтонской конференции дипломатическое поражение, лишенная исключительных привилегий в Китае, утратившая союз с Англией, сдававшая одну за другой позиции своему американскому конкуренту на тихоокеанской арене, вынуждена была в такой неблагоприятной для себя ситуации рассматривать СССР не только как государство, способное в большой мере удовлетворить экономические интересы Японии, но и как страну, сотрудничество с которой играло бы для Японии роль определенного противовеса давлению, которое она испытывала со стороны капиталистических соперников.

В декабре 1922 г. в Японию «для лечения» был приглашен советский дипломат А. А. Иоффе. С его приездом японскими политиками связывалась перспектива обсудить вопрос о продаже Японии Северного Сахалина. Почти одновременно японский посланник в Польше Каваками посетил в Москве наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина также с целью зондажа позиции Советского правительства о продаже Северного Сахалина. Правительство СССР заявило Японии об абсолютной неприемлемости предложения о продаже какой бы то ни было части советской территории²⁵. На неофициальных переговорах в Токио, начавшихся 24 апреля 1923 г., японское правительство предлагало два варианта: либо продажа русской части Северного Сахалина Японии за 150 млн. нен, либо предоставление долгосрочных концессий на эксплуатацию нефтяных, угольных и лесных богатств острова, а также железных дорог сроком на 55—99 лет. Выдвигалось требование о предоставлении концессий и в других местах советского Дальнего Востока. А. А. Иоффе в принципе признал второй вариант приемлемым для достижения соглашения²⁶. Но и на этот раз правительство Японии

²³ А. Иоффе. Россия и Япония. «Новый Восток», 1923, № 4, стр. 10.

²⁴ Там же.

²⁵ Л. Н. Кутаков. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962, стр. 18.

²⁶ Там же.

не пошло на окончательное урегулирование отношений с СССР. Одной из причин этого являлось давление, оказывавшееся на него внутри страны некоторыми влиятельными группами в сугубо узких клановых интересах. Военное министерство Японии, вложившее более миллиона иен в нефтеразведку на Северном Сахалине, упорно противилось возвращению его СССР. Влиятельный в определении политического курса страны концерн Мицубиси, захвативший в свои руки разработку северо-сахалинского угля, также не желал терять неограниченные права на угольные богатства Северного Сахалина. В эксплуатации недр советской части Сахалина участвовали также такие крупнейшие монополии, как Мицубиси, Окура, Таката и другие, отнюдь не склонявшиеся к «уступке» северной части острова его законному владельцу²⁷. Возглавлявший в то время правительство представитель военщины адмирал Ямамото отрицательно относился к необходимости урегулирования отношений с СССР.

Однако другая, более представительная часть деловых кругов, а главное широкие трудящиеся массы Японии, остро ощущавшие на себе результаты близорукой политики японских правителей, настоятельно требовали нормализации отношений с СССР. Игнорировать эти требования японское правительство далее уже не могло. На правящие группировки Японии большое влияние оказывало и то обстоятельство, что по мере укрепления Советской власти на Дальнем Востоке многочисленные иностранные фирмы начали осаждать Советское правительство предложениями об экономическом сотрудничестве, и в первую очередь о сдаче в концессию различных участков в Забайкалье и на Дальнем Востоке: на нефтеразведку и нефтеразработку, на заготовку пушнины, на рыбную ловлю, на постройку консервных заводов, на лесоразработку, на золотодобычу и т. д. Лишь за период с начала 1923 и по май 1924 г. в Главный концессионный комитет и дальневосточные правительственные органы поступило от иностранных соискателей концессий более 50 предложений²⁸. В числе соискателей концессий больше других находилось предпринимателей из Соединенных Штатов и Англии. Очень сильный эффект на японскую общественность произвело сообщение об утверждении 7 января 1923 г. Советским правительством концессионного соглашения с уже упоминавшейся американской компанией «Синклер ойл корпорейши» относительно ее деятельности на Северном Сахалине.

У японских промышленников, испытывавших острый недостаток в сырье, которое имелось рядом и могло оказаться доступным, иссякало терпение в ожидании заключения общего соглашения между правительствами СССР и Японии. Наибольшие трудности от сложившихся отношений между двумя странами испытывали японские рыбопромышленники. Аренда рыбалок в советских дальневосточных водах составляла важную статью их доходов. Не дожидаясь улучшения межправительственных отношений СССР и Японии, японские предприниматели старались по собственной инициативе изыскивать пути сближения с Советской страной. В своих попытках установления торгово-экономических контактов с советскими органами (а количество обращавшихся было значительно, причем особенно много заявлений поступало относи-

²⁷ Л. Н. Кудашев. Установление дипломатических отношений между СССР и Японией в 1925 г. — «Вопросы истории», 1960, № 1, стр. 129.

²⁸ «Что сделала Советская власть ДВО за год». Краткий отчет Дальревкома за 1923—1924 гг., Хабаровск, 1924, стр. 62.

тельно концессионных форм сотрудничества²⁹ японские предприниматели постоянно получали ответ, что успеху соглашений мешает общая неурегулированность отношений между обоими государствами³⁰. Предпринимателям ничего не оставалось, как добиваться содействия своего правительства. Сила подобного нажима на правительство со стороны японских капиталистов, заинтересованных в связях с Советским Союзом, быстро увеличивалась, поскольку все новые и новые группы их включались в движение за нормализацию отношений с СССР. Как ни прочны были позиции японской военщины и монополий, выступавших против переговоров с Советским Союзом, влияние приверженцев нормализации отношений с государством трудящихся оказалось сильнее. 19 марта 1924 г. японский посланник в Пекине Иосадзава информировал советского полномочного представителя в Китае Л. М. Карахана о том, что японское правительство решило признать правительство СССР и поручило ему приступить к переговорам.

Официальные переговоры об установлении нормальных отношений между СССР и Японией начались 14 мая 1924 г. в Пекине. Центром переговоров по-прежнему оставался Северный Сахалин. Правительство Японии, понимая бесполезность каких бы то ни было условий, предполагавших дальнейшее удержание советской части острова, стремилось добиться предоставления Японии на Северном Сахалине концессий на таких условиях, которые были бы чрезвычайно выгодны лишь японской стороне. Этим оно пыталось в какой-то мере компенсировать свой престижный и хозяйственный урон от бесславно закончившейся сибирской интервенции. Вести переговоры на таких началах Советское правительство, конечно, не могло.

Советский полпред на переговорах Л. М. Карахан в беседе с японскими журналистами 12 июня и 31 июля 1924 г. заявил по поводу претензий Японии, что в восстановлении нормальных сношений заинтересованы в равной степени обе страны; следовательно, если одна из сторон желает признать другую, то этот факт нельзя рассматривать как «огромную услугу» и требовать за это материальных компенсаций. «Япония ставит вопрос о концессиях таким образом,— говорил Л. М. Карахан,— как если бы мы должны были ее компенсировать за что-либо. Это мы отклонили. Мы согласны предоставить концессии Японии, но с точки зрения взаимных выгод и в интересах развития экономических сношений, но не ради каких-либо других соображений»³¹.

В конце концов восторжествовал разумный подход к жизненно важной для Японии проблеме. Японское правительство согласилось с советскими предложениями, учитывавшими интересы обеих сторон. 20 января 1925 г. переговоры окончились подписанием соглашения — Конвенции об основных принципах взаимоотношений (вступила в силу с 26 февраля 1925 г.). Советско-японское соглашение явилось чрезвычайно важным положительным политическим событием не только для обеих стран, но и для всего дальневосточного региона. СССР и Япония провозгласили желание жить в мире и дружбе, обязались исходить в своих взаимоотношениях из принципа невмешательства во внутренние дела друг друга и воздерживаться от всякой скрытой или открытой враждебной деятельности друг против друга. Этим основным своим со-

²⁹ Читинский областной государственный архив (далее — ЧОГА), ф. 1657, оп. 1, д. 4, л. 16; д. 9, л. 168; д. 25, лл. 2—3, 7; д. 40, л. 3; д. 41, лл. 4—5; д. 64, лл. 2—6.

³⁰ ЧОГА, ф. 1657, оп. 1, д. 4, л. 16; д. 9, л. 168; д. 25, лл. 2—3, 7; д. 40, л. 3; д. 41, лл. 4—5; д. 64, лл. 2—6; д. 41, л. 4.

³¹ «ДВП СССР», т. VII, док. 168, стр. 373.

держанием советско-японское соглашение создавало благоприятные перспективы для всестороннего развития добрососедских связей между Советским Союзом и Японией. Соглашение способствовало укреплению международных позиций как СССР, так и Японии. Оно оказывало объективное воздействие на создание мирной деловой атмосферы в международных отношениях на Тихом океане и Дальнем Востоке. Будучи инициатором соглашения, Советское правительство еще раз продемонстрировало искреннее стремление Советского государства к миру, к взаимопониманию и взаимовыгодному сотрудничеству между всеми странами.

Достижение советско-японского соглашения в то же время убедительно подтвердило истину, что при любых обстоятельствах можно найти точки соприкосновения интересов заинтересованных сторон и найти мирные способы обоюдого выгоды решения спора.

После второй мировой войны Япония, как известно, оказалась на положении полузависимой страны и в политическом, и в экономическом отношениях. Соглашения, навязанные Японии правящими кругами Соединенных Штатов, лишили ее суверенитета и национальной независимости. Проводя в то время близорукую политику «холодной войны» по отношению к Советскому Союзу, правительство США долгое время не позволяло Японии вступать в широкие контакты с СССР. Это отрицательно сказывалось не только на экономике страны и материальном положении японского народа, но также и на международном положении Японии.

Объективные процессы развития японского общества заставили правящие круги Японии избавиться от слишком жесткой «опеки» со стороны американского империализма. Правительство Итиро Хатояма, пришедшее к власти в стране в декабре 1954 г., круто изменило внешнеполитический курс. Несмотря на «предостережения», последовавшие из-за океана, оно пошло на нормализацию японо-советских отношений. Этот внешнеполитический курс японского правительства был поддержан всеми прогрессивными силами в стране. В июне 1955 г. начались переговоры между представителями СССР и Японии с целью решения проблем, связанных с восстановлением нормальных отношений между двумя странами. 19 октября 1956 г. была подписана Совместная декларация Советского Союза и Японии.

Декларация провозгласила прекращение состояния войны и восстановление нормальных добрососедских советско-японских отношений. Стороны подтвердили решимость в своих отношениях руководствоваться принципами Устава ООН, принципами мирного сосуществования. Большое значение имели положения Декларации относительно развития экономических связей между обоими государствами. Их конкретный характер и формы были зафиксированы в подписанном одновременно с Декларацией протоколе о развитии между СССР и Японией торговли и взаимном предоставлении режима наиболее благоприятствующей нации.

Нормализация советско-японских отношений явилась чрезвычайно важным фактором, оказавшим стимулирующее воздействие на процесс оздоровления обстановки как в обширном районе Дальнего Востока, так и во всем мире. Для Японии в результате этого акта открылась благоприятная перспектива проведения независимой внешней политики и укрепления своего национального суверенитета. Декларация положила начало новому этапу отношений между двумя государствами. Установленный характер взаимоотношений между двумя соседними странами,

основанный на принципах равенства, добрососедства и взаимной выгоды, предопределил развитие советско-японского сотрудничества.

Ряд договоров и соглашений, подписанных после заключения Совместной декларации, закрепил новую основу взаимоотношений между СССР и Японией.

В настоящее время советско-японские отношения достигли высокого уровня развития. В первую очередь это относится к области торгово-экономических связей. С большим удовлетворением Л. И. Брежнев констатировал в своих ответах главному редактору газеты «Асахи», что за последние двадцать лет «товарооборот между нашими странами вырос более чем в 70 раз» и что Япония «вошла в тройку крупнейших торговых партнеров СССР из числа развитых капиталистических стран»³².

Но не только рост количественных показателей взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества характерен для отношений СССР и Японии на современном этапе. Экономическое сотрудничество между двумя государствами ныне перешло на качественно новую ступень. Оно осуществляется на долговременной основе и в крупных масштабах. В практику входят новые, более эффективные формы деловых связей — формы производственного сотрудничества, которые отвечают современному высокому уровню развития общественного производства в обеих странах.

В отношениях между СССР и Японией в этом направлении не использованы еще очень большие резервы. Самым существенным из них является, конечно, то, что до сих пор между двумя государствами не заключен мирный договор. Позиция Советского Союза по вопросу о возможности и целесообразности продолжения плодотворных переговоров и заключения мирного договора между двумя странами хорошо известна. Она еще раз была четко выражена в ответах Л. И. Брежнева главному редактору газеты «Асахи» в июне 1977 г. «Советский Союз готов,— указывал Л. И. Брежнев,— если, разумеется, с японской стороны не будет выдвигаться заведомо неприемлемых условий, довести это важное для наших стран дело до конца. При трезвом подходе японской стороны к реальностям, сложившимся в итоге второй мировой войны, это можно было бы сделать — и сделать быстро. ...Если мы правильно понимаем, Япония пока не готова пойти на заключение мирного договора. С учетом этого мы высказали предложение, не прекращая переговоров по мирному договору, обменяться мнениями и подписать договор о добрососедстве и сотрудничестве, который охватывал бы те области наших отношений, которые уже созрели для того, чтобы поставить их на прочную договорную основу. По нашему убеждению, этим был бы сделан крутой поворот в сторону преодоления остатков недоверия и надежного развития взаимовыгодного сотрудничества во всех направлениях»³³.

г. Фрунзе

³² «Коммунист», № 9, июнь 1977, стр. 15.

³³ Там же.

БОРЦЫ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

Пламенный интернационалист, вождь Кантонской коммуны

[к 80-летию со дня рождения Чжан Тай-лэя]

*М. Ф. Юрьев,
доктор исторических наук*

Среди славных имен героев китайской революции одно из достойных мест занимает имя руководителя восстания рабочих и солдат в декабре 1927 г. в Гуанчжоу (Кантонской коммуны) Чжан Тай-лэя. Его недолгий жизненный путь (он погиб в 29 лет) типичен для первого поколения китайских коммунистов. Биография Чжан Тай-лэя неразрывно связана с освободительной борьбой китайского народа в первое десятилетие новой, послеоктябрьской эпохи.

За восемь лет революционной деятельности Чжан Тай-лэй сумел оставить глубокий след в истории изучения и распространения в Китае марксизма-ленинизма, в истории антиимпериалистического движения, единого фронта, рабочего движения, строительства КПК, подготовки ее кадров, организации молодежи, вооруженной борьбы с реакцией. Наконец, он был одним из активнейших сторонников дружбы китайского народа с народом Советского Союза. Где бы он ни был, где бы ни работал — в Тяньцзине или Пекине, в Гуанчжоу или Ухани, в Иркутске или Москве, — он оставался настоящим коммунистом-интернационалистом.

Чжан Тай-лэй родился в 1898 г. в уезде Чанчжоу провинции Цзянсу в семье мелкого торговца или торгового служащего. Кстати, в этом же уезде родился и Цюй Цю-бо, с которым Чжан Тай-лэй учился в одной школе — 5-й средней школе провинции Цзянсу. Первое имя Чжан Тай-лэя было Тай-лай («Благополучный приход»), второе имя Чунь-му («Весеннее дерево»). Имя Тай-лэй («Великий гром») он взял, когда включился в революционное движение¹.

Хотя семья жила очень трудно (отец умер, когда Тай-лэю было 10 лет), ему удалось поступить на юридический факультет Бэйянского университета в Тяньцзине. В это время Северный, а затем и Центральный Китай были охвачены антиимпериалистическим движением 4 Мая» 1919 г. Чжан Тай-лэй, как и многие другие студенты, принял в нем активное участие.

В эти годы благодаря усилиям таких деятелей, как Ли Да-чжао, в Китае начинают пропагандироваться и популяризоваться идеи марксизма. Под влиянием этих идей Чжан Тай-лэй утверждает на позициях научного социализма и энергично включается в практическую революционную деятельность. В августе 1920 г. он основал первую организацию Социалистического союза молодежи в Тяньцзине, присоединился к коммунистической группе, в том же году стал одним из создателей Социалистического союза молодежи Китая. Поскольку союз работал в полуполюгальных условиях, коммунисты использовали его, ведя агитацию и пропаганду и организаторскую работу среди рабочих, студентов и интеллигенции.

С организацией в июле 1921 г. Коммунистической партии Китая Чжан Тай-лэй стал одним из первых ее членов. Еще до создания КПК он активно включился в работу

¹ Здесь и далее использованы следующие источники: Ван И-чжи. Вспоминаю Тай-лэя. — «Хунци ляоляо», № 5, Пекин, 15.XII.1957, стр. 13—19; Цюй Цю-бо. Памяти Чжан Тай-лэя. Кантонская коммуна. К 40-летию восстания в Гуанчжоу. М., 1967, стр. 131—133 (перепечатана из журнала «Буэрсэвэйкэ», 1927, № 12); Б. З. Шумяцкий. Из истории комсомола и Компартии Китая (памяти одного из организаторов комсомола и Компартии Китая тов. Чжан Тай-лэя). — «Революционный Восток» 1928, № 4—5; С. А. Далин. Китайские мемуары. 1921—1927. М., 1975; А. Н. Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., 1976; В. В. Вишняков-Акимов а. Два года в восставшем Китае. 1925—1927. М., 1965, а также некоторые другие материалы.

Коммунистического Интернационала: с марта 1921 г. по начало 1922 г. работал секретарем китайской секции находившегося в Иркутске Дальневосточного секретариата Коминтерна; был делегатом III Конгресса Коминтерна (июнь — июль 1921 г.), на котором 12 июля выступил с кратким сообщением от имени китайской делегации (полный текст его доклада был опубликован в журнале Дальневосточного секретариата Коминтерна «Народы Дальнего Востока» (1921, № 3, с. 321—336). О содержании доклада дают представления названия разделов: I. Политическое положение Китая; II. Экономическое положение; III. Интеллигенция; IV. Социалистическое движение; V. Женское движение; VI. Положение рабочих и крестьян; VII. Рабочее движение; VIII. Коммунистическое движение в Китае; IX. Наши перспективы.

Чжан Тай-лэй выступал в восточной комиссии III Конгресса Коминтерна, поддерживая позицию В. И. Ленина по национально-колониальному вопросу. Он представлял также Социалистический союз молодежи Китая (ССМК) на проходившем одновременно II Конгрессе Коммунистического интернационала молодежи. На III Конгрессе КИМ (ноябрь 1922 г.) он был избран членом ИККИМ. Чжан Тай-лэй был одним из активных участников съезда народов Дальнего Востока в Москве в январе 1922 г.

По возвращении в 1922 г. в Китай Чжан Тай-лэй становится секретарем Шанхайского горкома КПК, руководя одновременно шанхайской организацией ССМК. В это время ССМК развернул кампанию против проимпериалистического «Христианского союза молодых людей». Для руководства этой кампанией Чжан Тай-лэй выезжал из Шанхая в Пекин. Возвратившись в Шанхай, он вместе с представителем ИККИМ С. А. Далиным и Цюй Цю-бо вошел в комиссию по выработке программы и устава ССМК. Закончили они эту работу в Шаньтоу и, как вспоминает С. А. Далин, на радостях запели «Интернационал» по-русски, по-китайски и по-английски. 5 мая 1922 г. в Гуанчжоу открылся I съезд ССМК, в подготовке документов которого Чжан Тай-лэй принял активное участие. На съезде он был избран секретарем ЦК ССМК.

В Шанхае Чжан Тай-лэй вел большую организационную и пропагандистско-агитационную работу: выступал с рассказами о Советской России в женской средней школе, негласно руководимой коммунистами, читал лекции и доклады в Шанхайском университете, также созданном КПК с целью подготовки кадров. Он активно включился в движение за созыв Национального собрания, которое получило большой импульс в связи с поездкой Сунь Ят-сена в конце 1924 г. из Гуанчжоу на Север, в Пекин. Целью этой поездки была мобилизация всех патриотических сил для борьбы против империалистического господства в Китае, против милитаристских клик, за демократическое объединение страны. А. Г. Крымов (Тин Шэн) вспоминает в связи с поездкой Сунь Ят-сена на Север о собрании преподавателей и студентов Шанхайского университета, состоявшемся в декабре 1924 г. На этом собрании видные коммунисты, в том числе Чжан Тай-лэй, заявили, что компартия будет всячески поддерживать прогрессивные начинания Сунь Ят-сена, не отказываясь при этом от своих взглядов и предложений. Они высказались за немедленный созыв гоминьданом подготовительной конференции из представителей демократических массовых организаций, которая избрала бы временное правительство для созыва Национального собрания. Главная задача момента, говорили коммунисты, заключается, во-первых, в том, чтобы передать власть из рук милитаристских клик в руки демократической общественности, во-вторых, в том, чтобы объединив Китай под властью единого демократического гражданского правительства, сорвать планы расчленения страны между различными империалистическими группировками — «проект совместного управления Китаем» со стороны империалистов. В то же время Чжан Тай-лэй и другие коммунисты заявили, что не питают иллюзий о возможности создания в ближайшее время всекитайского левого или центристского гоминьдановского правительства, но заверили, что если такое правительство будет создано, то окажут ему всяческую поддержку в борьбе против империалистов и милитаристов².

Такая позиция Чжан Тай-лэя соответствовала его взглядам по вопросу о едином национально-революционном фронте и сотрудничестве между КПК и руководимым Сунь Ят-сеном гоминьданом. На III съезде КПК (Гуанчжоу, июнь 1923 г.) он отстаивал предложения Коминтерна о создании единого фронта на основе сотрудничества с гоминьданом, выступая против сектантских взглядов. С. А. Далин вспоминает, что на расширенном заседании ЦК КПК, состоявшемся в конце апреля — начале мая 1922 г. в Гуанчжоу, наиболее правильной позиции по вопросу о едином фронте придерживались Чжан Тай-лэй и Цюй Цю-бо. «Они выступали за вхождение коммунистов в гоминьдан на условиях сохранения политической и организационной самостоятельности коммунистической партии»³. Чжан Тай-лэй был одним из тех коммунистов, которые много сделали для реорганизации гоминьдана. Редактируя шанхайскую газету гоминьдана «Миньго жибао», Чжан Тай-лэй пропагандировал идеи единого национально-революционного фронта.

² А. Г. Крымов. (Тин Шэн). Последняя поездка Сунь Ят-сена. — Сунь Ят-сен. 1866—1966. К столетию со дня рождения. М., 1966, стр. 302—303.

³ Сунь Ят-сен. 1866—1966. К столетию со дня рождения, стр. 267.

Большое место в жизни Чжан Тай-лэя заняла работа с представителем Коминтерна в Китае и главным советником гоминьдана и национального правительства М. М. Бородиным. В успешном выполнении этого ответственного поручения ему помогло то обстоятельство, что он уже имел опыт помощи работникам Коминтерна в их контактах с Сунь Ят-сеном. В начале 1922 г. Чжан Тай-лэй участвовал во встрече представителя Коминтерна Г. Маринга (Снефлита) с Сунь Ят-сеном, ставка которого в то время находилась в Гуйлине. В апреле — мае 1922 г. он вместе с Цюй Цю-бо помогал С. А. Далину вести беседы с Сунь Ят-сеном, возглавившим правительство Южного Китая в Гуанчжоу.

Особо важное значение имел тот факт, что Сунь Ят-сен включил Чжан Тай-лэя в состав военной делегации (во главе с Чан Кай-ши), направленной им в Советский Союз. Делегация прибыла в Москву 2 сентября 1923 г. и в течение трех месяцев (по конец ноября) знакомилась с работой партийных и советских органов, посещала воинские части и промышленные предприятия, встречалась с руководящими партийными и военными деятелями: председателем ЦИК СССР М. И. Калининым, секретарем РКП(б) Я. Э. Рудзутаком, наркомом по иностранным делам Г. В. Чичериным, наркомом просвещения А. В. Луначарским. Участвовавший в этих встречах Чжан Тай-лэй высказал сотруднику НКВД мнение, что поездка делегации Сунь Ят-сена в СССР и полученные ею советы будут иметь чрезвычайно важное значение для партии гоминьдан. «Огромная политическая работа, которую ведет РКП, — сказал он, — заставила членов делегации убедиться в том, что военным действиям должна предшествовать большая политическая подготовка»⁴. Однако по возвращении в Китай Чан Кай-ши выступил против сближения правительства Сунь Ят-сена с СССР, утверждая, что Советский Союз якобы имеет агрессивные замыслы. Чжан Тай-лэй, как подлинный интернационалист, в своем докладе Сунь Ят-сену выступил в поддержку курса на дружбу с СССР — опорой освободительной борьбы китайского народа⁵.

Чжай Тай-лэй оставался активным строителем международного коммунистического молодежного движения. Он выступал на IV конгрессе КИМ (июль 1924 г.). Как вспоминает С. А. Далин, Чжан Тай-лэй, «говоря о необходимости активного участия комсомола в национально-революционном движении, подчеркнул важность сохранения комсомола в колониальных и полуколониальных странах как самостоятельной организации. Чжан Тай-лэй всегда стоял на позициях Коминтерна. По образу мышления, по своему духу Чжан Тай-лэй был подлинным интернационалистом»⁶.

В свете этих фактов направление весной 1925 г. Чжан Тай-лэя в помощь М. М. Бородину было вполне понятным и обоснованным. Вдова Чжан Тай-лэя Ван И-чжи так описывает обстановку, в которой они жили в Гуанчжоу: «Мы жили в доме, который занимал советник Бородин. Служебный кабинет Бородина помещался на 2-м этаже. Его жена с двумя детьми тоже жила на 2-м этаже. Мы помещались на 1-м этаже. Там же находилось бюро переводов, несколько переводчиков специально для Бородина ежедневно переводили сообщения газет, издававшихся в разных местах, по политическим и военным вопросам. Бюро переводов также возглавлял Чжан Тай-лэй. Работа Чжан Тай-лэя стала еще напряженнее. Каждый день к Бородину шел поток руководящих военных и политических деятелей гоминьдана, чтобы обсудить с ним различные вопросы, еженедельно эти военные и политические руководители проводили несколько совещаний у Бородина. Все это переводил Чжан Тай-лэй. Когда Бородин отправлялся выступать с докладом или лекцией, Чжан Тай-лэй, конечно, отправлялся с ним. В общем, деятельность Бородина неотделима от деятельности Чжан Тай-лэя. Он готовил мероприятия и приводил в порядок дела после их завершения. Кроме того, он постоянно выступал на собраниях членов КПК с докладами на общеполитические темы и по вопросам конкретной политики, информировал партию о проделанной работе. Секретарь Гуандунского комитета КПК тов. Чэнь Янь-нянь также часто приходил, чтобы обсудить обстановку, обменяться мнениями. Эта работа превышала всякую меру. Но Чжан Тай-лэй еще выкраивал время, чтобы каждую неделю писать статьи и выступать с докладами или лекциями. Он настаивал, чтобы и я писала статьи и выступала с докладами, говоря: „Кисть и язык для нас, революционеров, — это боевое политическое оружие, надо его постоянно применять“»⁷.

В. В. Вишнякова-Акимова, работавшая переводчицей в аппарате М. М. Бородина, вспоминает: «Особенно близкие отношения были у Бородина с Чжан Тай-лэем, кандидатом в члены ЦК КПК. С 1925 г. он был прикреплен к Бородину для помощи, с тех пор они не расставались, даже жили в одном доме. Только ему доверял Бородин перевод своих выступлений, с ним ездил на заседания Политбюро ЦИК гоминьдана, его приглашали, когда встречался с членами гоминьдановского правительства. Чжан

⁴ А. И. Картунова. В. К. Блюхер в Китае 1924—1927 гг. М., 1970, стр. 13—20.

⁵ М. С. Капца. Советско-китайские отношения, М., 1958, стр. 97—98.

⁶ С. А. Далин. Китайские мемуары. 1921—1927. М., 1975, стр. 166.

⁷ Ван И-чжи. Вспоминаю Тай-лэя. — «Хунци пяопао», № 5, Пекин, 15.XII.1957, стр. 15—16.

Тай-лэй был секретарем, консультантом и личным переводчиком Бородина. Они очень любили друг друга, несмотря на разницу в возрасте. Семья Бородина относилась к Чжан Тай-лэю как к близкому, родному человеку.

Молодой, высокий с длинными зачесанными назад волосами, Чжан Тай-лэй смотрел смело, прямо в глаза собеседнику умным, твердым взглядом, часто улыбался широкой белозубой улыбкой, жил и одевался очень скромно, обычно носил светлый серый китайский халат...

Работа с Бородиным требовала уйму времени, и все же Чжан Тай-лэй находил возможность еще заведовать агитпропотделом в Гуандунском комитете КПК, редактировать журнал «Народный еженедельник» и вообще вести большую партийную работу...

Чжан Тай-лэй работал за простым некрашеным столом, заваленным книгами, газетами, рукописями на китайской, в крупную клетку, бумаге. Тут же стояла его квадратная китайская кровать под белоснежным москитником. Когда ни зайдешь, он всегда погружен в работу»⁸. Военный советник А. И. Черепанов назвал Чжан Тай-лэя «одним из самых замечательных руководителей китайских коммунистов того времени»⁹.

Начавшаяся весной 1925 г. национально-демократическая революция сделала возможным осуществление Северного похода и освобождение Южного и Центрального Китая. В конце 1926 г. резиденцией национального правительства и ЦИК гоминьдана становится город Ухань. Туда переезжают М. М. Бородин и Чжан Тай-лэй, который занял пост секретаря Хубэйского провинциального комитета КПК и был избран на V съезде партии (апрель — май 1927 г.) членом ЦК КПК.

После измены в апреле 1927 г. правого крыла гоминьдана во главе с Чан Кай-ши обстановка в Уханьском районе сильно обострилась. Вместе с другими руководящими работниками КПК Чжан Тай-лэй ищет выход из создавшегося критического положения. Отстаивая право рабочих и крестьян на решительную борьбу против угнетателей, он пишет в органе ЦК КПК: «Революционная дисциплина нужна не для подавления масс, а для укрепления массового движения»¹⁰.

Однако контрреволюционные силы оказались сильнее: они захватили инициативу и совершили реакционный переворот в Ухани. Ван И-чжи вспоминает, что Чжан Тай-лэй не испытывал в этот трудный момент растерянности, подавленности, а лишь гнев и презрение к изменникам, решимость продолжать борьбу. Он говорил: «Как бы то ни было, окончательная победа будет за нами. Мы должны изменить методы борьбы»¹¹.

Ответом на открытое выступление руководителей гоминьдана и Национально-революционной армии против КПК, против рабочих и крестьянских организаций и их активы было возглавленное коммунистами военное восстание 1 августа 1927 г. в Наньчане. Чжан Тай-лэй, вошедший в эти критические дни во Временное Политбюро ЦК КПК, участвовал в разработке плана восстания, а затем в Расширенном совещании Политбюро ЦК КПК 7 августа 1927 г. Партия направила его секретарем Гуандунского комитета и Южного бюро ЦК КПК.

Находясь на подпольной работе в Гуанчжоу, Чжан Тай-лэй возглавил работу по подготовке восстания рабочих и солдат против гоминьдановской власти. 15 октября 1927 г. он выступил на объединенном заседании провинциальных комитетов Южного бюро ЦК КПК с докладом, посвященным анализу уроков Наньчанского восстания. Намечая план дальнейших действий, Чжан Тай-лэй высказался за переход к партизанской войне, за создание из солдат — участников Наньчанского восстания «подвижных групп политических агитаторов», «за то, чтобы помогать крестьянам подниматься на организацию»¹². Это еще одно свидетельство того, что переход к новым формам борьбы после контрреволюционных переворотов 1927 г. выработывался коллективно, с участием многих деятелей КПК, с помощью Коминтерна.

Наньчанское восстание было первым контрударом КПК по наступающим силам реакции. За ним последовали восстание «осеннего урожая» в ряде провинций и прогремевшее на весь мир рабоче-солдатское восстание в Гуанчжоу в декабре 1927 г. Выдающуюся роль в его организации сыграл Чжан Тай-лэй.

Во второй половине 1927 г. обстановка в стране, особенно в долине Янцзы и на юге страны, оставалась напряженной. Шла борьба — политическая и военная — между новыми, гоминьдановскими милитаристами. Происходили революционные выступления. В Гуанчжоу рабочие выступали против разгона организации участников Гонконг-Гуанчжоуской забастовки, против увольнений. В ноябре начались военные действия между группировками Чжан Фа-куя (гуандунцы) и Ли Цзи-шэня (гуансийцы), боровшимися за контроль над Гуанчжоу.

⁸ В. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае, 1925—1927. Воспоминания. М., 1965, стр. 255—256.

⁹ А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., 1976, стр. 401.

¹⁰ «Сяндао», № 197, 8.VI.1927.

¹¹ Ван И-чжи. Указ. соч. стр. 18.

¹² Чжан Тай-лэй. Причины поражения в августовских событиях и некоторые выводы. — «Чжунъян гуань», № 7, 30.X.1927.

В этих условиях ЦК КПК принял решение об организации в Гуанчжоу вооруженного восстания рабочих и солдат учебно-инструкторского полка, среди которых были распространены революционные настроения. Получив директивы ЦК от 18 ноября, Гуандунский комитет во главе с Чжан Тай-лэем 26 ноября разработал план подготовки восстания, включавший выработку программы восстания: проведение военной подготовки; создание органа власти восстания — Гуанчжоуского совета; мобилизацию рабочих при помощи красных профсоюзов; усиление работы среди солдат; установление контакта с крестьянством и подготовку крестьян к участию в восстании. 28 ноября Гуандунский комитет КПК обратился к рабочим, крестьянам и солдатам с призывом к свержению контрреволюционной власти гоминьдана и осуществлению революции под лозунгом Советов. По решению Гуандунского комитета Чжан Тай-лэй возглавил Военно-революционный комитет. Были образованы военный штаб и семь отрядов Красной гвардии (две тысячи бойцов), а также боевые группы специального назначения, усилена работа в учебно-инструкторском и гарнизонном полках. Комитет КПК установил связь с отрядами участников Наньчанского восстания (в северном Гуандуне) и с крестьянскими вооруженными отрядами на востоке провинции — в Хайлуфэне, а также на юге (вдоль Гуанчжоу — Цзюлунской ж. д.) и в пригородах Гуанчжоу¹³.

Вот что писал Цюй Цю-бо о роли Чжан Тай-лэя в подготовке восстания: «В течение нескольких дней до восстания тов. Чжан Тай-лэй каждый вечер лично проводил тайные совещания с революционными солдатами, делал доклады, организовывал солдат»¹⁴.

Восстание началось 11 декабря в 3 ч. 30 мин. За 20 мин. до этого Чжан Тай-лэй отправился в казармы учебно-инструкторского полка, произнес речь перед солдатами и офицерами и зачитал приказ Военно-революционного комитета о боевой мобилизации. Под красным флагом с изображением серпа и надписью: «восстание» полк отправился в город.

В результате решительных действий красногвардейцев и революционных солдат к утру 11 декабря большая часть города была занята повстанцами. К ним присоединились тысячи рабочих и освобожденных политзаключенных. Вечером было объявлено о создании Совета народных комиссаров, в котором Чжан Тай-лэй исполнял обязанности председателя и был назначен наркомом по военным и морским делам¹⁵.

Руководя военными действиями, Чжан Тай-лэй в то же время уделял огромное внимание массово-политической работе. Он председательствовал на общегородском митинге, состоявшемся днем 12 декабря и утвердившем состав Совета народных комиссаров. Затем он руководил другим митингом (у парта Сигуаюань). Возвращаясь 12 декабря в 2 ч. дня в автомашине, он был убит гоминьдановцами.

Это была огромная потеря для восстания, крайне тяжело отразившаяся на его исходе. Главком Е Тин, прибывший в Гуанчжоу всего лишь за шесть часов до начала восстания, плохо ориентировался в обстановке, не имел опыта уличных боев и, несмотря на большую личную храбрость, не мог заменить Чжан Тай-лэя.

Гибель Чжан Тай-лэя была столь же героической, как и его жизнь. Он разделил судьбу тысяч гуанчжоуских рабочих, судьбу пяти сотрудников советского консульства, убитых контрреволюционерами в дни Кантонской коммуны. Чтя память этого выдающегося деятеля коммунистического движения в Китае, пламенного интернационалиста, верного друга Советского Союза, мы выражаем свое уважение славным революционным традициям китайского народа.

¹³ А. Г. Афанасьев. Героическое восстание пролетариата Гуанчжоу 11—13 декабря 1927 г. Кантонская коммуна. К сорокалетию восстания в Гуанчжоу. М., 1967, стр. 9—11.

¹⁴ Цюй Цю-бо. Памяти Чжан Тай-лэя. Кантонская коммуна. К сорокалетию со дня восстания в Гуанчжоу, стр. 131.

¹⁵ А. Г. Афанасьев. Указ. соч., стр. 14—16.

О политике КНР в национально- языковом вопросе

А. А. Москалев,
кандидат филологических наук

Языковая политика в многонациональном государстве — один из важных компонентов его национальной политики. Регулируя характер языковой жизни общества, в частности формы и условия существования языков, сферы их общественного использования, влияя на их структурную сторону¹, языковая политика оказывает целенаправленное воздействие на языковую ситуацию в стране.

В Китае, где насчитывается более 70 неханьских (некитайских) языков², в основном бесписьменных, политика государства в национально-языковом вопросе является весьма существенным фактором в жизни многочисленных неханьских национальностей. После образования КНР настоятельная необходимость срочного решения национально-языковых проблем диктовалась не только задачами подъема культуры неханьских народов, но и потребностями их экономического и общественного развития. Достаточно сказать, что, например, в кооперативах ряда национальных районов провинций Гуйчжоу и Юньнань даже в начале второй половины 50-х годов ввиду отсутствия письменности все еще приходилось прибегать к таким крайне примитивным способам учета проделанной работы, распределения продуктов и т. п., как завязывание узелков на веревках, зарубки на деревянных планках, ломка рисовой соломы или откладывание бобов разного цвета³. В этих условиях от выработки правильного курса языковой политики, от ее стратегических целей и тактической линии зависели судьбы многих десятков национальных языков Китая, дело развития культуры неханьских народов в целом.

¹ См. В. А. Аврорин. Проблемы изучения функциональной стороны языка. (К вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.

² См. Обзор языков и письменностей национальных меньшинств Китая. Пекин, 1954, стр. 1 (на кит. яз.).

³ «Жэньминь жибао», 3.II.1956.

Первые годы национально-языкового строительства

Обстановка, сложившаяся в КНР в первой половине 50-х годов, как известно, благоприятствовала развитию Китая в социалистическом направлении. В свою очередь это способствовало разворачиванию в стране национально-языковой работы, использованию богатого опыта СССР в решении национально-языковых проблем.

Первым законодательным документом, в котором провозглашалось, что «все национальные меньшинства пользуются свободой развития своего языка и письменности»⁴, стала «Общая программа» Народного Политического консультативного совета Китая, принятая накануне образования КНР. В 1952 г. в КНР был обнародован ряд законодательных актов по национальному вопросу⁵, в отдельных статьях и положениях которых регулировался правовой статус языков и письменностей, определялись отдельные аспекты деятельности правительственных органов в области национальных языков. Этими актами, в частности, провозглашалось право органов самоуправления национальных автономных районов использовать местные языки и письменности «в качестве важнейшего средства осуществления власти»: всем неханьским национальностям предоставлялось право вести судебные дела на родном языке; в обязанность комитетов по делам национальностей вменялось оказание помощи неханьским национальностям «в деле изучения языков и письменности». Несколько позже Конституция КНР (1954 г.) закрепила право всех национальностей страны свободно использовать и развивать свой родной язык и письменность. Органы самоуправления автономных районов, округов и уездов, как гласила ст. 71 Конституции, «при исполнении своих функций пользуются одним или несколькими языками и письменностями, распространенными среди национальностей данной

⁴ Законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1952, стр. 64.

⁵ «Основные принципы осуществления местной национальной автономии в Китайской Народной Республике»; «Постановление Государственного Административного Совета о порядке образования местных объединенных демократических правительств различных национальностей»; «Правила об организации (в порядке опыта) комитетов по делам национальностей при народных правительствах всех ступеней» и др.

местности». Конституция также подтвердила право граждан всех национальностей «пользоваться в процессе судопроизводства своим родным языком и письменностью»⁶.

Перечисленные положения китайского законодательства создавали предпосылки для установления в Китае языкового равноправия. По сравнению с прошлым, когда в Китае большинство носителей национальных языков не имело возможности свободно пользоваться ими, это был действительно значительный прогресс. Однако то, что большинство неханьских языков оставались бесписьменными или же располагали несовершенной письменностью, становилось тормозом для всестороннего развития неханьских национальностей. Это серьезно препятствовало ликвидации их фактического неравенства в различных областях, мешало активному включению в строительство нового общества.

Чтобы устранить эти препятствия и постепенно изменить языковую ситуацию у неханьских народов в направлении, обеспечивающем реальное языковое равноправие, функциональное развитие всех национальных языков, были предприняты конкретные меры по оказанию помощи неханьским народам в деле создания, реформирования или усовершенствования национальных письменностей.

С самого начала, однако, национально-языковая работа в КНР столкнулась со многими трудностями. Помимо трудностей объективных (отсутствие данных о языковой ситуации у многих народностей, слабая изученность большинства национальных языков, нехватка специалистов-языковедов и т. д.), имелись и серьезные трудности субъективного порядка, в частности укоренившиеся в китайском обществе взгляды на китайский как на «единый» язык Среднего государства, а на неханьские — как на «примитивные», «бесперспективные» языки. С подобными проявлениями великоханьской идеологии требовалось проведение систематической, принципиальной борьбы.

Определенный вклад в это внес журнал «Чжунго юйвэнь» («Языки и письменности Китая»). Так, в первом же номере «Чжунго юйвэнь» подчеркивалось, что если в Китае будут продолжаться попытки «направить языки национальных меньшинств на путь «ассимиляции» их китайским языком», а последний будет по-прежнему считаться «привилегированным», «единым языком», то «это сможет вызвать целый ряд ошибок»⁷. В другом номере того же журнала разъяснялось, что «у нас не может быть каких-либо оснований и какого-либо права навязывать любой национальности исполь-

зование какого-то определенного языка или письменности или принуждать ее к отказу от того или иного языка или письменности». И далее: «Какую бы письменность они (то есть неханьские народы. — А. М.) ни предпочли, они сами имеют полную свободу выбора; все должно основываться на их самостоятельном волеизъявлении»⁸.

Такая позиция, такие взгляды, безусловно, вполне отвечали подлинным интересам неханьских национальностей КНР. Но для проведения их в жизнь требовалась упорная повседневная борьба с великоханьским шовинизмом, который, как показали обследования, стал в то время «главной опасностью для национальных отношений и национальной работы в масштабах всей страны». Призывая к борьбе с этой опасной ситуацией, «Жэньминь жибао» писала, что преодоление великоханьского шовинизма — центральное звено всей работы в области межнациональных отношений⁹.

Несмотря на все трудности, к середине 50-х годов усилия работников национально-языкового фронта стали приносить первые плоды. Были обследованы многие национальные языки Китая. Были подготовлены предварительные проекты алфавитного письма (на латинской графике) для народа чжуан — самого многочисленного из неханьских народов Китая (около 10 млн. человек), а также для части народа и (в провинции Сычуань). Народу тай (провинция Юньнань) была оказана помощь в подготовке предварительных проектов усовершенствования его письменности.

Ряд народов Китая, выступив в эти годы за демократизацию своей письменности посредством перехода на новую графику, высказался за создание новых национальных алфавитов на основе кириллицы. Так, Народный Комитет Автономного района Внутренняя Монголия принял, по словам журнала «Чжунго юйвэнь», важное решение о введении для монгольского языка письменности (кириллической), применяемой в Монгольской Народной Республике. Как отмечалось в журнале, переход монголов автономного района на новую письменность должен был способствовать активизации культурных связей между Внутренней Монголией и МНР. Народный комитет автономного района планировал осуществить полный переход на новую письменность в течение шестилетнего периода (начиная со второй половины 1955 г.)¹⁰. Изъявили желание перейти на кириллическую графику также уйгуры, казахи, узбеки, татары, сиби и киргизы Синьцзяна. Таким образом, часть неханьских народностей КНР планировали реформировать свою письменность с учетом исторически сложившихся культурных и прочих связей с населением (как правило, тех же на-

⁶ «Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики». М., 1955, стр. 100, 107, 115, 111, 31, 48—49.

⁷ «Чжунго юйвэнь», 1952, июль, стр. 17.

⁸ Там же, август, стр. 21.

⁹ «Жэньминь жибао», 10.X.1953.

¹⁰ «Чжунго юйвэнь», 1955. № 9. стр. 3—5.

циональностей) соседних социалистических государств — Советского Союза и МНР.

Большой интерес в эти годы был проявлен языковедами Китая (в том числе представителями неханьских национальностей) к изучению опыта СССР в деле национально-языкового строительства. О ценности для Китая теории и практики СССР в национально-языковом строительстве не раз говорили китайские специалисты. О необходимости «изучать передовой советский опыт» в национально-языковой работе писала в редакционной статье «Жэньминь жибао»¹¹.

Высокую оценку получила в Китае деятельность советских специалистов-языковедов, приглашенных на работу в КНР. По словам директора Института языка АН Китая Ло Чан-пэя, профессор Г. П. Сердюченко (советник по вопросам языкознания) помог своим китайским коллегам в организации работы по обследованию национальных языков, в работе по созданию национальных письменностей, выборе опорного диалекта для ряда неханьских языков, в подготовке кадров специалистов в области национальных языков¹².

Несмотря на определенные недостатки в национально-языковой работе¹³, ее стратегия в те годы в целом отвечала интересам развития языков всех неханьских народностей Китая, в чем была непосредственная заслуга марксистско-ленинских сил в КПК. По словам «Жэньминь жибао», планировалось создание в ближайшие годы национальной письменности практически «для всех национальностей страны». Такие планы можно было только приветствовать.

Недостатки в национально-языковой ра-

¹¹ См., например, «Чжунго юйвэнь», 1952, декабрь, стр. 33; 1953, № 2, стр. 28; «Кэсюэ тунбао», 1952, июль, стр. 430—432; см. также «Обзор языков и письменностей национальных меньшинств Китая», стр. 23—28 (на кит. яз.); «Жэньминь жибао», 3.II.1956.

¹² «Чжунго юйвэнь», 1957, № 11, стр. 10. В КНР работали также советские языковеды — специалисты по различным языкам неханьских народов Китая Т. Н. Пахалина, Э. Р. Тенишев и Б. Х. Тодаева.

¹³ «Жэньминь жибао» (3.II.1956) отмечала, что вследствие «консервативных взглядов», нерешительности в использовании имеющихся возможностей помощь, оказываемая неханьским народам в создании письменности, еще не отвечает потребностям государственного строительства, «она не может также удовлетворять требованиям национальных меньшинств». Среди прочих причин, «препятствовавших развертыванию работы», газета указывала на малую осведомленность местных кадров (по-видимому, ханьских) относительно значения национально-языкового строительства, вследствие чего эта работа не получала с их стороны необходимой поддержки.

боте, отсутствие «действенной практической поддержки» работе по созданию и распространению национальной письменности отмечались на VIII съезде КПК (1956). На съезде было вновь повторено, что национальные языки и письменность «следует уважать». Съезд указал на необходимость «активно помогать» бесписьменным неханьским народам в создании национальной письменности и реформировании письменностей несовершенных. Данный пункт был включен в предложения съезда по второму пятилетнему плану¹⁴.

Решения VIII съезда КПК обещали стать залогом серьезного улучшения работы в области национальных языков. В целях расширения научно-теоретической базы в изучении языков и письменности неханьских народов КНР в системе Академии наук Китая был создан (в декабре 1956 г.) Институт языков национальных меньшинств. Ранее в том же году в районы проживания неханьских национальностей были направлены семь обследовательских лингвистических экспедиций с общим числом работников свыше 700 человек. Расширилось издательское дело на языках неханьских народов. Одно центральное и десять местных национальных издательств выпускали к концу 1957 г. печатную продукцию на 18 неханьских языках.

Великоханьские установки маоистов

Однако вскоре после VIII съезда в направлении и методах национально-языкового строительства стали происходить кардинальные перемены, что было связано с попыткой маоистов повернуть Китай на «особый» путь развития. Эти перемены выражались прежде всего в волюнтаризме, отходе от демократизма, в нарастающих великоханьских шовинистических тенденций, в частности в подходе к определению путей развития национальных языков, характера их взаимоотношений с китайским языком.

Состоявшаяся в Пекине в марте — апреле 1958 г. конференция по национальным языкам, проходившая в духе развернувшейся в стране кампании по «исправлению стиля», в полной мере продемонстрировала антидемократический характер и псевдонаучное существо маоистских установок, намерение маоистов покончить с использованием советского опыта в национально-языковой работе.

Одним из лейтмотивов конференции стал лозунг «политика — командная сила». Острые маоистской критики обратилось на так называемые «три тенденции» в работе по

¹⁴ См. «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая», М., 1956, стр. 155, 234.

национальным языкам, якобы «вредившие сплочению национальностей» и являвшиеся выражением «идей буржуазной науки». К числу этих тенденций были отнесены «преувеличение различий» (между диалектами, языками), «пристрастие к членению» (например, выделение «чрезмерного» числа диалектов) и «излишнее внимание к чистоте» языка (фактически — стремление носителей некоторых национальных языков несколько ограничить наплыв китайских заимствований).

Что представляет собой так называемое «преувеличение различий», может пояснить вопрос об отношениях между языками цзинпо и цзайва, затрагивавшийся на конференции. Следует заметить, что на основании лингвистического обследования цзинпо и цзайва были отнесены первый — к группе цзинпо, а второй — к бирманской группе тибето-бирманских языков¹⁵. Однако такое решение, обоснованное наличием значительных лексических, а также определенных грамматических различий между обоими языками, было квалифицировано как вредящий делу сплочения «отрыв от политики». Вторичное обследование цзинпо и цзайва было организовано таким образом, что тот же лингвистический материал якобы показал преобладание «сходства» между обоими языками. В результате цзайва был признан «диалектом» языка цзинпо¹⁶.

Подобные «волевые» методы решения проблемы «язык — диалект» стали широко практиковаться в КНР. Это ущемляло интересы носителей неханьских языков хотя бы потому, что, будучи «приписанными» к иноязычному коллективу, они уже не могли рассчитывать на получение собственного письма¹⁷ (или, как в случае с цзайва, на использование или усовершенствование уже имевшейся письменности¹⁸).

¹⁵ См. Ло Чан-пэй, Фу Мао-цзи. Обзор языков и письменностей национальных меньшинств Китая. — «Чжунго юйвэнь» 1954, № 3.

¹⁶ См. «Чжунго юйвэнь», 1958, № 5, стр. 227. Численность носителей цзайва в КНР (этот язык распространен также в Бирме) превышала в 50-х годах 50 тыс. человек (см. «Чжунго юйвэнь», 1956, № 11, стр. 41).

¹⁷ Что касается принципа создания нескольких письменностей для языков с резкими диалектными различиями, то установка на борьбу с «пристрастием к членению» сводила на нет возможность его практической реализации (ранее несколько проектов письменности было подготовлено лишь для мяо).

¹⁸ Заметим, что для цзайва в прошлом была разработана самостоятельная письменность на основе латинской графики (см. «Обзор языков и письменностей национальных меньшинств Китая», Пекин, 1954, стр. 139).

Борьба против принципа «чистоты языка», или так называемых «пуристических» тенденций в национально-языковой работе (проводившаяся в связи с кампанией против «правых» еще в 1957 г.), показала недифференцированность подхода к неханьским языкам. С маоистских позиций были подвергнуты резкой критике те работавшие в области языкового строительства представители неханьских национальностей (в частности, в Синьцзяне, в Яньбянь-Корейском автономном округе и других национальных районах), которые сочли возможным поставить заимствование китайской лексики как способ пополнения словаря не на первое, а лишь на третье место. Особым нападкам стали подвергаться попытки заимствования слов из «зарубежных языков» (то есть языков, на которых говорят представители тех же национальностей за пределами КНР)¹⁹. Отставание корейцами (Яньбянь-Корейский автономный округ) собственных путей образования новых слов было официально расценено как «конкретное проявление местного национализма в вопросе национальных языков»²⁰.

Тогда же обязательное заимствование новых слов только из китайского языка было объявлено «объективным законом развития национальных языков» (якобы вытекающим из «фактов исторического развития»), а всякое отклонение от этого «закона» — грубой ошибкой. Одновременно давалась категорическая установка: при отсутствии необходимых слов и терминов «в языках всех братских национальностей» следует использовать китайские заимствования²¹. Заметим, что в условиях административного нажима китайцами стала заменяться и уже утвердившаяся в национальных языках интернациональная лексика, а также слова исконной части словаря²². Игнорировались словообразовательные возможности самих национальных языков²³.

В 1957 г. Комитетом по реформе китайской письменности была сформулирована новая установка, устранявшая возможность выбора формы графики при создании национальных письменностей. Хотя доклад Комитета по вопросам реформы письменности, переданный на утверждение Госсовета КНР, касался реформирования письменности ханьцев, тем не менее в него был включен специальный раздел, в кото-

¹⁹ См. «Миньцзу туаньцзе», 1958, № 12, стр. 12.

²⁰ См. «Чжунго юйвэнь», 1958, № 3, стр. 139.

²¹ «Миньцзу туаньцзе», 1958, № 12, стр. 14. См. также «Чжунго юйвэнь», 1958, № 6, стр. 251—253.

²² Т. Рахимов. Китайские элементы в современном уйгурском языке. Словарь. М., 1970, стр. 7.

²³ См. Ю. М. Парфионович. Тибетский письменный язык. М., 1970, стр. 17.

ром весьма категорично излагались «принципы разработки алфавитов в проектах письменности для нацменьшинств». Первый принцип, в частности, определял, что «при создании письменности для нацменьшинства следует брать за основу латинский алфавит», то есть графику китайского транскрипционного алфавита пиньинь. Латинскую графику надлежало использовать и в случаях реформирования письменности. Решением Госсовета КНР (10 декабря 1957 г.) по данному докладу устанавливалось, что «впредь при разработке проектов письменности для нацменьшинств следует руководствоваться этими принципами»²⁴. Все это, очевидно, преследовало одну цель: облегчить ввод китайской лексики в национальные языки. Постановления и планы, касавшиеся введения новых уйгурского, казахского и монгольского алфавитов, были отменены. В результате, как известно, во Внутренней Монголии осталось старомонгольское письмо, а для уйгуров и казахов были разработаны новые алфавиты на основе латинской графики.

Насколько интенсивным стал процесс ввода китайской лексики в национальные языки, можно судить по печатной продукции национальных издательств, в особенности начиная с периода «большого скачка». Поскольку издания этих лет составляли в основном переводы с китайского, это облегчало насыщение их китанизмами. Объем китайских заимствований в таких изданиях порой настолько возрастал, что у работников в области национальных языков — представителей неханьских национальностей — возникали обоснованные опасения относительно самой возможности понимания «переведенных» текстов носителями того или иного языка.

По мере расширявшегося насаждения китайского языка среди неханьского населения игнорирование национальных языков и их специфики усиливалось. Это находило выражение, в частности, в ограничении или свертывании обучения на родном языке в национальных школах. Так, в ежегоднике «Юйянь яньцзю» отмечались фактически как положительные такие явления, когда в некоторых национальных районах даже в национальных школах «обучение ведется исключительно по учебникам на китайском языке»²⁵. Подобная

политика, по существу, представляет собой именно то «вколачивание» всем национальностям страны обязательного государственного языка, против чего всегда выступал В. И. Ленин.

Появившаяся в «Чжунго юйвэнь» в 1961 г. статья Юй Ши-чана, посвященная китайскому влиянию на языки неханьских народов, явилась концентрированным выражением маоистской позиции в отношении национальных языков.

По мнению автора статьи, «обогащение» национальных языков, выражающееся в их все большем уподоблении китайскому языку на всех языковых уровнях, якобы является основным содержанием развития неханьских языков. Автор намечает три ступени «развития» неханьских языков на пути их все большего уподобления китайскому. В начале 60-х годов, как писал Юй Ши-чан, «подавляющее большинство» неханьских языков уже находилось на «второй ступени»; на «третьей ступени», согласно его же расчетам, должен произойти окончательный «поворот к сродству» национальных языков с китайским в области фонетики, лексики и грамматики²⁶.

Совершенно очевидно, что рассмотренные маоистские установки, явно переоценивающие роль языка ханьцев и ущемляющие права носителей неханьских языков, враждебны ленинским принципам языковой политики²⁷. Выступая за равноправие всех наций и народностей, поддерживая их право на самоопределение, В. И. Ленин требовал полного равноправия и для всех языков. «Тот не марксист, тот даже не демократ, — писал В. И. Ленин, — кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом или неравноправием»²⁸. В. И. Ленин категорически отвергал любые привилегии какого-либо одного языка в государстве²⁹, отстаивал принцип последовательного демократизма в национально-языковом вопросе. Понимая прогрессивную роль языка межнационального общения во многонациональном государстве в деле сближения между всеми народами страны (это естественно при социализме), В. И. Ленин, однако, всегда выступал про-

му), вполне понятно, что «большой упор на современность» использовался как своего рода «обоснование» необходимости китанизации неханьских языков (см. «Юйянь яньцзю», 1959, № 4, стр. 1—3).

²⁶ «Чжунго юйвэнь», 1961, № 12, стр. 16—22.

²⁷ Подробный анализ взглядов В. И. Ленина по национально-языковым проблемам см., например: И. К. Белодед. Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе. М., 1972.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 125.

²⁹ Там же, т. 25, стр. 71—72.

²⁴ См. «Документы по национальной политике», ч. 3, Пекин, 1960, стр. 86—89 (на кит. яз.).

²⁵ См. «Юйянь яньцзю», 1959, № 4, стр. 1—3, 5—6. Показательна в данной связи борьба с так называемым «увлечением древностью и пренебрежением современностью» в национально-языковой работе. Поскольку исконное в национальных языках было приравнено к «старому» (якобы «отжившему»), а китайские заимствования — к «новому» (то есть «перспективно-

тив «элемента *принудительности*»³⁰, навязывания языка большинства носителям национальных языков.

Принципиально важными для дела национально-языкового строительства при социализме явились также положения об устойчивости национальных различий, высказанные В. И. Лениным в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Как известно, В. И. Ленин подчеркивал в данной работе, что «эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе». Этот вывод требовал от коммунистов «не устранения разнообразия, но уничтожения национальных различий»³¹ (включая, конечно, и языковые различия), а активного государственного содействия всестороннему развитию культуры всех национальностей, развития всех национальных языков.

Предпринимаемые время от времени в КНР попытки искусственно форсировать процесс «слияния языков» не только противоречат марксизму, но и свидетельствуют о шовинизме в языковой политике, поскольку навязывание китайского языка и китайской иероглифики неханьским народам сопровождается принижением и дискриминацией их родных языков.

«Большой скачок», объявленный маоистами и в национально-языковом строительстве, способствовал его дезорганизации. Низведение ответственной и долгосрочной работы по национальным языкам до уровня одной «ударной кампании» способствовало распространению иллюзий о том, что за «три года тяжелой борьбы» можно решить все основные проблемы. Нереальность этих планов привела в первой половине 60-х годов к серьезному кризису в национально-языковой работе. Ввод ряда новых письменностей не пошел далее стадии экспериментальной проверки среди ограниченной части неханьского населения. В годы, последовавшие за «большим скачком», не появилось ни одного нового проекта национальной письменности. Обращает на себя внимание и тот факт, что в начале 60-х годов был закрыт Институт языков национальных меньшинств АН Китая. Это свидетельствовало о явной тенденции к свертыванию национально-языковой работы.

Однако в период «скачка» и последующие годы (до «культурной революции») национально-языковая работа в какой-то мере продолжала осуществление мероприятий, начало которым было положено еще в середине 50-х годов, и в этой работе имелись также и определенные положительные элементы. Обобщались результаты деятельности исследовательских лингвистических экспедиций, было издано

несколько национально-китайских словарей, опубликованы отдельные отчеты по обследованию национальных языков и др. Но вскоре и эта работа была прекращена.

«Культурная революция» и судьбы национальных языков

«Культурная революция» в КНР явилась не только прямой противоположностью того, чем является подлинная культурная революция, но, более того, «культурная революция» в Китае стала средством подавления национальных культур, в том числе неханьских языков и письменностей. «Культурная революция» полностью прервала какую бы то ни было работу в области национально-языкового строительства. Начались репрессии против тех национальных деятелей, которые в свое время выступали в защиту национальных языков, ратовали за их равноправное развитие.

В хунвэйбинновских изданиях периода «культурной революции» неоднократно подвергались глумлению основы языковой политики, проводившейся в КНР в первые годы после ее образования. Так, в статье (21.III.1967), призывавшей разгромить «черную ревизионистскую программу» Лю Шаоци по национальному вопросу, помощь государства в разработке письменности для бесписьменных народов Китая расценивалась как своего рода «ревизионизм». Этот «ревизионизм», как подчеркивалось в статье, «необходимо обезвредить и искоренить».

И маоисты действительно не только «искореняли» достижения 50-х годов в области национально-языкового строительства, но и пошли дальше. Как явствует из высказываний представителей самих неханьских национальностей, в период «культурной революции» проводилась политика «удушения национальных языков», неханьским национальностям запрещалось не только пользоваться своей письменностью, но и говорить на родном языке, национальные языки искоренялись, как якобы относящиеся к сфере так называемых «четыре старых»³².

Ликвидация в национальных районах конституционных органов самоуправления, разгон парткомов, прекращение издания литературы, газет и журналов на национальных языках, закрытие учебных заведений и т. д. резко ограничили рамки функционирования этих языков. Такая политика нанесла колоссальный урон делу развития культуры неханьских национальностей КНР.

Некоторые тактические особенности, проявившиеся в национальной политике китайского руководства в первой половине

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 295.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77.

³² «Гуанмин жибао», 25.III.1977.

70-х годов³³, определенным образом отразились и на его политике в отношении языков неханьских народов. Были возобновлены разговоры о необходимости «уважать» права и обычаи неханьских национальностей, в том числе и их языки. Практически это привело к установлению узкого круга языков, которые могли ограниченно использоваться в письменной форме. В данный круг вошло лишь пять языков: монгольский, тибетский, уйгурский, казахский и корейский. Использование прочих национальных письменностей, как правило, не допускалось, о чем были даны соответствующие указания высокопоставленных представителей маонистского руководства. Так, Чжан Чунь-цяо, в частности, указывал, что об использовании национальных письменностей, помимо упомянутых, «не может быть и речи».

Хотя школы национальных районов ощущали острую нехватку учителей коренных национальностей, тем не менее в начале 70-х годов все еще оставались закрытыми те немногие учебные заведения, которые предназначались для подготовки учителей из неханьских национальностей. В крупнейшем по численности неханьского населения Гуанси-Чжуанском автономном районе несколько национальных педучилищ начали работу лишь в конце 1973 г.³⁴ Заметим в данной связи, что в условиях запрета на использование национальной письменности, как, например, чжуанской, подготовка учителей-неханьцев осуществляется не с целью организации обучения на национальных языках, а лишь для облегчения процесса преподавания на китайском языке.

В начале 70-х годов китайское руководство приняло ряд новых мер для более активного воздействия на языковую ситуацию в «стратегических» национальных районах с целью усилить внедрение китайского языка среди неханьского населения. Так, в Тибетский автономный район по решению Госсовета КНР в 1974 г. были направлены сотни «революционных китайских учителей» для проведения там «революционной линии председателя Мао». Многие школы в Тибете создавались и контролировались непосредственно силами армейских частей, дислоцированных в этом автономном районе³⁵.

Еще более активная деятельность развернулась в Синьцзяне. Здесь была форсирована реформа уйгурской и казахской письменности. Разработанные еще в период «большого скачка» и унифицированные с китайским транскрипционным алфавитом пиньинь проекты уйгурского и казахского письма в 1976 г. были введены в Синьцзя-

не в повсеместное употребление (вместо прежней арабской графики). Как подчеркивала китайская печать, эти новые алфавиты «способствуют непрерывному росту общих элементов (то есть китаизмов. — А. М.) в национальных языках». При этом маонисты, не скрывая антисоветской направленности реформы уйгурского и казахского письма, призывали народы Синьцзяна «соединять изучение новой письменности с критикой ревизионизма»³⁶. Радио Урумчи в своих передачах прямо подчеркивало, что переход на новую графику «диктуется стремлением усилить борьбу против Советского Союза». Одновременно изучение китайского языка солдатами неханьских национальностей в Синьцзяне облекалось маонистами в форму принятия своего рода «обязательств» по «усилению подготовки к войне»³⁷.

В 1975 г. в связи с опубликованием Конституции КНР в китайской печати впервые после 10-летнего перерыва появились материалы по национальным языкам. Эти материалы, однако, носили сугубо пропагандистский характер. В них всячески поддерживались те меры, которые в период «культурной революции» привели к полному свертыванию национально-языкового строительства. Комментируя положение этой конституции о том, что «все национальности пользуются свободой употребления своего языка и письменности», «Гуанмин жибао» заявляла тогда, что данная формулировка будто бы «полностью отражает общие чаяния всех национальностей»³⁸ и является «развитием» соответствующего положения Конституции 1954 г. В действительности новая редакция данного положения закрепляла отказ руководства КНР от осуществления тех мер (создания национальных письменностей, развития национальных литературных языков), которые в 50-е годы рассматривались в Китае как органическая часть программы подъема культуры неханьских народов. Весьма показательно то, что из текста Конституции 1975 г. были изъяты положения об использовании национальных языков и письменности органами самоуправления национальных районов, а также положение о праве граждан всех национальностей «пользоваться в процессе судопроизводства своим родным языком и письменностью»³⁹. Фактически органы управления национальных районов повсюду перешли исключительно на китайский язык⁴⁰.

³⁶ «Гуанмин жибао», 10.X.1975.

³⁷ «Жэньминь жибао», 1.X.1975.

³⁸ Конституция КНР 1954 г. провозглашала свободу всех национальностей Китая использовать и развивать свой язык и письменность; из текста Конституции 1975 г. слово «развивать» было исключено.

³⁹ «Конституция и основные законодательные акты КНР», стр. 49.

⁴⁰ «Гуанмин жибао», 30.I.1978.

³³ См. Китайская Народная Республика. Политическое и экономическое развитие в 1973 году. М., 1975, стр. 245.

³⁴ «Гуанмин жибао», 11.XII. 1973.

³⁵ «Жэньминь жибао», 3. VIII.1974; 19.IX.1973.

Кампания критики «группы четырех» затронула и национально-языковую сферу. Вся ответственность за проводившуюся годами политику искоренения национальных языков стала возлагаться на деятелей «четверки», особенно на Цзян Цин и Чжан Чунь-цяо. Руководство во главе с Хуа Го-фэном начало отмежевываться от наиболее однозвучных проявлений великоханьского шовинизма в национально-языковом вопросе. Как заявил в докладе на I сессии ВСНП 5-го созыва Хуа Го-фэн, следует «поднять на должную высоту работу национальных учебных заведений, уделить серьезное внимание применению и развитию национальных языков и письменности»⁴¹. С аналогичными заявлениями выступили и некоторые ханьские руководители автономных районов. Ю Тай-чжун (Внутренняя Монголия) отметил необходимость активизировать работу по монгольскому языку. В тексте Конституции КНР 1978 г. восстановлен ряд формулировок и положений, касающихся политики в области национальных языков, которые содержались в Конституции 1954 г., но были изъяты из текста Конституции 1975 г.⁴² Появились сообщения о восстановлении работы по национальным языкам в Институте национальностей, входящем теперь в систему Академии общественных наук КНР. На состоявшемся в марте 1978 г. совещании работников этого института рассматривались планы и «предварительные наброски» работы по национальным языкам на предстоящие восемь лет⁴³.

Таким образом, китайское руководство сегодня как будто бы стремится показать свою приверженность некоторым принципам языковой политики периода до «культурной революции». Несомненно, что такой поворот обусловлен не только обстоятельствами борьбы с «четверкой», но и прежде всего тем широким недовольством, которое вызывает среди неханьских народов политика языковой дискриминации. В то же время хорошо известно, что провозглашение в прошлом принципов «положительного» решения национально-языковых проблем не мешало маоистскому руководству КНР не только систематически нарушать и даже полностью игнорировать эти принципы, но и активно подавлять языки неханьских народов Китая. Ясно также, что высказы-

вания китайского руководства в пользу восстановления национально-языковой работы сами по себе еще ничего не говорят о том, в какой мере эта работа сможет удовлетворить подлинные интересы неханьских национальностей. Все зависит от того, в каком направлении будет развиваться национально-языковая работа, каким целям будет служить национально-языковое строительство. Однако амбициозный характер внутригосударственных планов китайского руководства, делающего особый упор на дальнейшее усиление «великой сплоченности всех национальностей страны», порождает сомнения в том, насколько будут соблюдаться языковые права и интересы неханьцев. В прошлом, как известно, подобные планы и акценты в политике маоистов приводили к ущемлению интересов и прав неханьских национальностей, в том числе и в области языков.

Призывая к «укреплению сплоченности» и указывая в связи с этим на необходимость еще глубже разоблачать и критиковать «контрреволюционные преступления группы четырех», китайское руководство тем не менее проявляет и определенную солидарность с «четверкой», продолжая нападки на языковую политику КПСС. Политика Советского государства в национально-языковом вопросе клеветнически приравнивается Пекином к языковой политике «четверки».

Реальное состояние национально-языковой работы в КНР сегодня определяется главным образом тем, что она все еще не оправилась от пагубных последствий «культурной революции»: утрачены ценные кадры работников и специалистов в области национальных языков, сократились возможности обучения на национальных языках. Сфера функционирования неханьских языков остается искусственно суженной. Все это и ряд других отрицательных моментов — результаты не преодоленной еще политики дискриминации языков неханьских народов, проводившейся руководством КНР на протяжении многих лет. Судя, однако, по бурному протесту, который вызывает в национальных районах КНР подобная политика (см., например, информацию о совещании работников в области монгольского языка в газете «Гуанмин жибао», 11.II.1977, а также статьи в той же газете от 25.III и 15.VII.1977), неханьские народы, глубоко возмущенные неравноправным положением своих языков и письменности, никогда не мирятся с этим и продолжают упорно отстаивать свое право говорить и писать на родном языке, развивать его, обучать на нем своих детей, издавать национальную литературу.

⁴¹ «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

⁴² Не было восстановлено положение Конституции 1954 г. об использовании национальных языков в процессе судопроизводства.

⁴³ «Гуанмин жибао», 26.III.1978.

Китайская литература в 1977 г.

М. Г. Теплицкий

На фоне множества политических кампаний в КНР заметно некоторое оживление в культурной жизни. Однако происходящие перемены носят лишь количественный характер и свидетельствуют о невозможности держать великий китайский народ на скудном духовном пайке времен «культурной революции». «Сегодня, когда уже разгромлена антипартийная группировка Ваня — Чжана — Цзян — Яо, совершенно преобразилась столичная сцена, за сверкав красками цветущей весны», — читаем мы в одной из корреспонденций¹. В подобных выражениях составлено подавляющее большинство сообщений о переменах в области культуры, науки, искусства, образования.

Положение в китайской литературе тоже не осталось неизменным. Прежде всего следует отметить, что почти все литературно-художественные и литературно-критические журналы — центральные и провинциальные, прекратившие свое существование с началом «культурной революции», — стали издаваться вновь. Правда, публикуемые на их страницах произведения прозы, поэзии и драматургии явно не отличаются высокими художественными достоинствами и продолжают создаваться в рамках маонистских установлений и схем, на уровне набивших оскомину «документальных очерков» периода «культурной революции». Однако круг авторов заметно расширился, главным образом за счет тех видных профессиональных писателей, которые замолчали более двенадцати лет тому назад и о судьбе которых долгие годы не поступало никаких известий. Теперь о многих из них мы снова узнаем из китайской печати.

Широко известный в Китае и за его пределами прозаик старшего поколения Ба Цзинь, выступая на совещании работников литературы и искусства, состоявшемся в Шанхае летом 1977 г., сказал: «Я никогда не мечтал, что перо, которого меня лишила «четверка», снова вернется ко мне. У меня такое ощущение, будто я переживаю освобождение во второй раз... Я снова взялся за перо и буду отдавать всю свою энергию и силы нашей великой эпохе и героиче-

ческому народу»². 9 августа того же года Ба Цзинь написал заметку, в которой благодарит ЦК КПК во главе с председателем Хуа Го-фэном за «разгром четверки и спасение дела литературы и искусства в Китае», что сделало, в частности, возможным переиздание его романа «Семья»³. Та же газета сообщала, что в настоящее время Ба Цзинь работает над переводом на китайский язык воспоминаний А. И. Герцена «Былое и думы»⁴.

Имя другого видного прозаика старшего поколения Оуян Шаня было упомянуто китайской печатью в другой связи. Он назван председателем восстановленной в начале декабря 1977 г. Ассоциации деятелей литературы и искусства провинции Гуандун. В редакционном комментарии газеты «Жэньминь жибао» говорится, что сейчас деятельность творческих союзов возобновляется по всей стране, но тут же перед творческими работниками выдвигается требование следовать указаниям Мао Цзэ-дуна в вопросах литературы и искусства и «прилагать усилия к перестройке своего мировоззрения»⁵. Напомним, что все без исключения творческие союзы в Китае были разгромлены и разогнаны более двенадцати лет тому назад, в самом начале «культурной революции». Поступили сведения и о том, что известный писатель Лю Бай-юй, подвергавшийся гонениям, как сообщала китайская печать, назначен начальником Отдела культуры Главного политического управления НОАК⁶.

В редакции журнала «Жэньминь вэньсюэ» состоялось собеседование по проблемам написания рассказов. В нем приняли участие группа непрофессиональных авторов и двадцать профессиональных литераторов, среди которых названы известные в прошлом писатели Чжан Гуан-нянь, Лю Бай-юй, Чжоу Ли-бо, Ша Тин, Ван Чао-вэнь, Ма Фэн, Ли Чжунь и другие⁷.

На страницах периодической печати стал часто выступать один из старейших ветеранов китайской литературы Мао Дунь. В статье «Надежды старого бойца» он заявляет, что из-за «четверки» он, как и другие писатели и критики, долгое время не работал, не имел возможности выступать по проблемам литературы. Сейчас, продолжает автор статьи, настало время, когда «всерьез осуществляется курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Однако до сих пор сохранилась

¹ «Китай», 1977, № 2—3, стр. 39.

² «Chinese Literature», № 10, 1977, p. 122.

³ «Жэньминь жибао», 13.XI.1977.

⁴ Там же, 19.XI.1977.

⁵ Там же, 24.XII.1977.

⁶ Там же, 8.XII.1977.

⁷ Там же, 19.XI.1977.

привычка молчать, не высказывать своего мнения». И Мао Дунь выражает надежду, что китайские литераторы сумеют преодолеть эту привычку⁸.

На собраниях, посвященных очередной годовщине выступлений Мао Цзэ-дуна по вопросам литературы и искусства в Яньани в 1942 г., участвовали писательницы старшего поколения Цао Мин и Ян Мо. Сообщается о переиздании широко известного в Китае и за рубежом в конце 50-х годов романа Ян Мо «Песнь молодости» о революционно-патриотическом движении пекинских студентов в начале 30-х годов, а также о переиздании романа «Через леса и снега» Цюй Бо⁹ (в русском переводе роман был опубликован под названием «В логове Черного Коршуна») о боевых действиях отряда НОАК против гоминьдановских банд в таежных районах Северо-Востока Китая. Как пишут в китайской прессе, Цюй Бо тяжело болел из-за нападков на него и преследований со стороны «четверки». Но, даже будучи больным, он продолжал писать, создал повесть о тыловом госпитале в годы войны Сопrotивления японским захватчикам¹⁰, а недавно вышел в свет его большой роман «Бурные горы и моря», также посвященный событиям антияпонской войны¹¹.

Вернулись к творческой деятельности и такие известные в прошлом поэты, как Тянь Цзянь, Ли Цзи, Хэ Цзин-чжи, Фэн Чжи, Хэ Ци-фан (скончался летом 1977 г.) и другие. Правда, в китайских газетах и журналах по-прежнему печатается главным образом поэтическая продукция поэтов-непрофессионалов. Выходят также сборники народных песен — под такими, например, названиями, как «Вперед, под водительством председателя Хуа» или же «Красные сердца навсегда повернуты к председателю Хуа»¹². В отличие от недавнего времени теперь в Китае издаются сборники стихотворений, написанных не только Мао Цзэ-дунем, но и Чжу Дэ, Дун Би-у, Чэнь И и другими ныне покойными ветеранами китайской революции. Продолжает вместе с тем выходить множество сборников стихотворений памяти Мао Цзэ-дуна и премьера Чжоу Энь-лая. В очерках, статьях и даже в книжках-картинках весьма высоко оценивается революционный дух, воздается должное боевым подвигам Чжоу Энь-лая, Чжу Дэ, Чэнь И и Хэ Луна.

Понемногу начинает снова выходить в Китае и иностранная литература — переизданы «Мать» М. Горького, поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Как закалялась сталь» Н. Островского. Характерно, однако, что даже переиздание произ-

ведения советской классики используется пекинской пропагандой для извращения современной советской действительности. Так, в статье некоего Чжоу Чжэна о романе Н. Островского содержатся злобные антисоветские измышления¹³. В КНР готовятся издания новых переводов из Шекспира, Сервантеса, Гейне. В переводе на китайский язык вышел роман Р. Джованьоли «Спартак».

Очевидно стремление преодолеть царивший в стране нигилизм по отношению к зарубежному и национальному культурному наследию. О конфуцианстве теперь говорят более сдержанно, чем это было совсем недавно. Его идеи, утверждается сейчас, оказались «широкие и весьма сложное влияние на всю литературу Древнего Китая», на таких ее корифеев, как Цюй Юань, Ли Бо, Цао Сюэ-цин и другие¹⁴.

Здесь же упомянуты основоположник китайской историографии и прозы Сыма Цянь, великие поэты Тао Юань-мин и Бо Цзюй-и, драматурги Гуань Хань-цин и Ван Ши-фу, которые по праву названы авторами выдающихся творений. Вышел в свет сборник стихотворений и эссе поэта Лу Ю (1125—1210), переиздан сатирический роман У Цзин-цзы «Неофициальная история конфуцианцев» (XVIII в.). По утверждениям современной китайской критики, именно «четверка», а не кто-либо иной, виновата в том, что плодила «малообразованных молодых людей», так как студенты гуманитарных вузов не знали Гёте и Шиллера, не слышали о крупнейших китайских поэтах Ли Бо и Ду Фу, будущие драматурги никогда не читали Шекспира, не имели представления о современных литературах других стран¹⁵. Далее автор этой заметки отстаивает линию на «критическое освоение» лучших образцов литературного наследия как китайского, так и зарубежного, но при этом строго предупреждает, что при осуществлении такой линии ни в коем случае нельзя «захваливать старое и отрицать современное» и «превозносить гнилые произведения эксплуататорских классов».

Обвинения, выдвинутые против «четверки», направлены не совсем по адресу. Всем еще памятна весенняя и летние дни 1966 г., когда в Китае запылало пламя «культурной революции», и превосходно известно, что инициатором «коренной ломки» и «революции в образовании» был Мао Цзэ-дун.

Однако, несмотря на строжайшие запреты читать какие-либо книги, кроме «творений великого кормчего», у китайских читателей за время «культурной революции» не пропал интерес к подлинной литературе. В последнее время активизировала свою работу Пекинская государственная библиотека, залы которой вновь открыты для уче-

⁸ «Гуанмин жибао», 12.XI.1977.

⁹ «Chinese Literature», № 9, 1977, p. 110, 112.

¹⁰ Там же, № 10, стр. 123.

¹¹ Там же, № 11, стр. 129.

¹² Там же, № 9, стр. 111.

¹³ См.: «Гуанмин жибао», 19.XI.1977.

¹⁴ Там же, 2.VII.1977.

¹⁵ Там же, 22.XII.1977.

ных, преподавателей, студентов, технических и кадровых работников. В корреспонденции, помещенной в «Жэньминь жибао», отмечается, что «некоторые читатели работают без перерыва», а далее приводится список книг, имеющих наибольший спрос. Среди них — «Евгений Онегин», «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение»¹⁶.

Что касается новых китайских романов, повестей, рассказов и очерков, то число их все нарастает, но, как и раньше, в своем подавляющем большинстве — это примитивные поделки, населенные набившими оскомину стереотипами, ходульными образами-схемами, героями — «винтиками», «преданными учениками и бойцами председателя Мао». На страницах подобной книжной продукции по-прежнему воспеваются пресловутые «блистательные победы линии Мао Цзэ-дуна».

В целом можно сказать, что литература КНР не является одной из форм социалистического общественного сознания с присущими ей специфическими чертами и особенностями, призванными воздействовать на разум и чувства людей, принести им эстетическое наслаждение, звать их к высоким идеалам. Она продолжает оставаться рупором маоистской политики и пропаганды.

Таков, к примеру, объемистый, почти в семьсот страниц, роман некоего Шань Сюэ-эна «Буря в горах Яньшань», изданный в начале 1977 года. В нем описываются события, относящиеся ко времени X пленума ЦК КПК 8-го созыва (сентябрь 1962 г.), на котором Мао Цзэ-дун выдвинул свой антимарксистский тезис о «длительной, сложной и острой» классово-борьбе при социализме. В одном из горных районов Северного Китая бригада лесоводов ведет ожесточенную борьбу «двух классов, двух линий». В романе налицо «пролетарский героический образ» руководителя бригады Гэн Хун-шаня, а также образы представителей молодого поколения, бедняков и низших середняков...

В еще большей степени сказанное относится к тому, что обычно принято называть литературно-художественной критикой. Для нынешней китайской действительности этот термин может быть применен весьма условно, так как литературно-художественной критики в подлинном понимании не существует. Она подчинена единственной задаче — разоблачению злодеяний «четверки», доказательству непогрешимости Мао, возвышению развязанной им «культурной революции». С учетом этих оговорок в современной китайской критике можно выделить несколько основных направлений. Это, прежде всего, безмерное восхваление литературной продукции, создаваемой в точном соответствии с маоистскими рецептами и предписаниями; затем это — начавшаяся недавно реабилитация якобы оклеветанной

«четверкой» литературы первых семнадцати лет существования КНР; отставание вновь выдвинутого летом 1977 г. курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», попытки предать дело так, будто теперь с нигилизмом по отношению к культурному наследию как отечественному, так и зарубежному покончено; фальсификация наследия Лу Синя; клеветнические выпады против советской литературы, в частности против произведений военной-патриотической и производственной тематики и др.

Остановимся лишь на некоторых из обозначенных направлений. Прежде всего, на тенденции во что бы то ни стало отстоять и прославить курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Он непосредственно связан с выходом в свет V тома «Избранных произведений» Мао Цзэ-дуна, где опубликованы, в частности, выступления Мао, в которых обосновывается этот курс и которые применяются теперь в ходе критики «группы четырех». Особенно четко эта тенденция проявилась в двух статьях, помещенных некоторое время тому назад в китайской печати. Первая из них, подписанная коллективным автором — «группой критики министерства культуры», озаглавлена так: «Защитим курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Критика абсолютизма «группы четырех» в области культуры»¹⁷. Вторая написана неким Чжан Энь-цзы, так сказать, в философско-теоретическом плане и называется: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» — курс, соответствующий диалектическому методу»¹⁸.

В названных статьях, как, впрочем, и во всех остальных публикациях на эту тему в китайской прессе, «четверка» обвиняется в извращении курса «ста цветов», в полном отходе от него. В ее руках этот курс якобы превращался то в средство буржуазной либерализации, то в орудие установления абсолютистского режима, «подлинной фашистской диктатуры» в области культуры. Но главное то, как подчеркивается в первой статье, что «они всегда затаптывали социалистические цветы и всячески способствовали расцвету буржуазных ядовитых трав». Теперь оказывается, что именно «четверка» препятствовала существованию многообразия стилей, жанров и форм, свободному выбору проблематики художественных произведений, «ратовала за контрреволюционное окрашивание всего в один цвет», навязывала всем раз и навсегда установленные трафареты и штампы, всячески препятствовала выявлению индивидуальности писателя, мешала ему в выработке своего собственного стиля. Оказывается также, что царивший долгое время в Китае нигилизм по отношению к культурному наследию — тоже дело рук злочест-

¹⁶ «Жэньминь жибао», 7.I.1978.

¹⁷ «Гуанмин жибао», 22.IV.1977.

¹⁸ Там же, 3.V.1977.

ной «четверки», якобы закрывшей китайскому народу доступ к сокровищнице национальной и зарубежной литературы и искусства. «Четверка» обвиняется и в отказе от метода убеждения и свободных дискуссий по спорным проблемам в кругах деятелей культуры и науки. Это они, члены «четверки», как пытаются доказать теперь в Китае, прибегали к грубому административному нажиму, расправлялись с несогласными путем навешивания политических ярлыков, посредством заговоров, репрессий и насилия. Подобное могло произойти якобы только потому, что «мелкобуржуазные интриганы и заговорщики», «поборники метафизики» Ван, Чжан, Цзян и Яо напрочь отвергли курс «ста цветов», разработанный и выдвинутый Мао.

Далее в этих статьях на все лады расхваливается курс «ста цветов» и его творец. Оказывается, что «история за двадцать один год полностью подтвердила (словно и в помине не было ни «культурной революции», ни других катаклизмов, сотрясавших китайское общество! — М. Т.): курс «ста цветов» является единственно верным направлением и средством развития социалистической литературы и искусства». Курс этот, уверяют авторы из «Гуанмин жибао», хорош тем, что он поощряет свободное развитие разных форм и жанров в искусстве, свободное соперничество разных школ в науке.

Более того, курс «ста цветов», продолжают пекинские пропагандисты, обеспечивает якобы свободу выбора тематики, многообразие жанров, форм и стилей в художественном творчестве («ведь сама по себе боевая, революционная жизнь так сложна и многообразна», — поясняют авторы первой статьи). Вместе с тем этот курс решительно противоречит голому администрированию и какому бы то ни было нажиму и насилью.

Но ведь и раньше неоднократно раздавались подобные же посулы на право свободно творить в условиях многообразия форм, жанров и стилей, без навязывания тематики произведений, право вести свободные дискуссии по проблемам науки и искусства, не опасаясь быть подвергнутым политическим гонениям и репрессиям, громкие обещания полностью устранить порочные методы административного вмешательства в творческий процесс. Еще летом 1956 г. от имени Мао был провозглашен курс «ста цветов». Он оказался на поверку очередной маоистской провокацией. И сам Мао Цзэ-дун не делал из этого секрета. После всех призывов «высказываться смелее» он в одном из своих выступлений в апреле 1957 г. угрожающе произнес: «Пусть вся нечисть выползет на поверхность и пошумит немного»¹⁹.

Теперь, как и двадцать два года тому

назад, проповедники курса «ста цветов» призывают ученых, писателей, всех работников культуры и искусства свободно творить, свободно дискутировать, не бояться высказывать свое мнение и т. д. Но всем памятно, к чему привели подобные попытки и что стало с теми, кто поддался на маоистскую провокацию. Тогда, вскоре за провозглашением лозунга «ста цветов», с июня 1957 г. в КНР развернулась кампания борьбы с так называемыми «буржуазными правыми элементами». Все недавние посулы и громкие обещания были преданы забвению, на творческую интеллигенцию обрушился шквал брани и политических преследований. В результате были оклеветаны, отстранены от общественной и творческой деятельности, а затем и репрессированы многие ученые, художники, писатели, актеры, и в первую очередь коммунисты-интернационалисты, такие, как известная писательница Дин Лин и выдающийся поэт Ай Цин, чья дальнейшая судьба до сих пор так и остается неизвестной.

Однако по своим масштабам, по степени ущерба, нанесенного китайской культуре, эта кампания не идет ни в какое сравнение с пресловутой «культурной революцией», признанным вдохновителем и руководителем которой в Китае всегда почитался «великий кормчий». Это снова подтверждается, например, в редакционной статье журнала «Хунци» и газет «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао»: «Председатель Мао лично развернул и лично руководил блистательно осуществленным им на практике продолжением революции при диктатуре пролетариата — великой пролетарской культурной революцией»²⁰.

И вот теперь в Китае из небытия снова извлечен курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Слов нет, очень бы хотелось, чтобы история не повторилась. Хотелось бы, конечно, чтобы китайские писатели, художники, все творческие работники могли создавать полнокровные художественные произведения, верные правде жизни, на радость своему народу.

Но никаких оснований для оптимизма в этом отношении, к сожалению, нет. И дело здесь вовсе не в том, что курс «ста цветов» стали оживлять в Китае совсем недавно и он-де еще не принес обильного урожая «благоухающих цветов», а совсем в ином. По-прежнему действуют строжайшие регламентации разного рода, определяющие, что и как изображать. Деятелям культуры по-прежнему предписывается следовать указаниям Мао Цзэ-дуна в области литературы и искусства. Да и о каких вообще радужных перспективах оживления культурной жизни КНР может идти речь, если вспомнить требования XI съезда КПК (август 1977 г.) продолжать проверочную работу, если учесть, что до сих пор в Ки-

¹⁹ Цит. по: С. Д. Маркова. Маоизм и интеллигенция. Проблемы и события (1956—1973 гг.). М., 1975, стр. 77.

²⁰ «Жэньминь жибао», 7.XI.1977.

тае не прекращаются судебные расправы, смертные приговоры и казни.

Наблюдая происходящее в китайской литературной критике, нельзя не отметить следующего. Стало уже дурной традицией каждое произведение литературы и искусства связывать с оценкой его тем или иным лицом. Если, например, какой-нибудь политический деятель, подвергнувшийся в данный момент гонениям, высказался о произведении неодобрительно, то оно тут же начинает превозноситься официальной критикой. И наоборот, если лицо, подвергнувшееся ранее критике, реабилитировано, то критиковавшееся им произведение тут же объявляется «реакционным», «ревизионистским», «контрреволюционным», «ядовитой травой». Вот что произошло, например, с кинофильмом «Весенние всходы», который на протяжении всего 1976 г. почитался лучшим произведением китайской кинематографии и в одной из статей был даже назван «гимном победе пролетарских революционеров над каппутистами»²¹. Находившийся тогда в опале Дэн Сяо-пин высказал о фильме критическое суждение. Но едва только Дэн Сяо-пина реабилитировали, как нашумевший кинофильм о «босоногих врачах» тут же объявили «ядовитой травой», взращенной «группой четырех». «Весенние всходы» оказались вытоптанными, не успев расцвести и превратиться в «благоухающие цветы».

И еще одно замечание в связи с происходящей в Китае «реанимацией» курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Помимо воли нынешних поборников «курса Мао» в литературе рикшешом критике подвергается сам Мао Цзэ-дун, его пресловутые «идеи» — маонизм. Известно, кто в действительности был инициатором и руководителем очернения литературы первых лет КНР. Вывод о том, что нынешние маонисты навешивают ярлык антимаонизма на низвергнутых маонистов, напрашивается также в связи с реабилитацией в китайской печати литературы первых семнадцати лет существования КНР. О важности этого направления в китайской литературной критике свидетельствует обилие материалов на эту тему в газетах и журналах начиная со второй половины ноября 1977 г. Признанием того, что оценка первого семнадцатилетия является острым внутриполитическим вопросом в Китае наших дней, явилось опубликование на страницах «Жэньминь жибао»²² отчета о собеседовании видных деятелей китайской литературы и искусства, состоявшемся в редакции этой газеты. Участники собеседования, как сообщается в отчете, подвергли критике тезис о существовании «диктатуры черной линии» в области литературы и искусства», якобы выдвинутый Цзян Цин в сговоре с Линь Бяо. В отчете

те указывается, что тезис о «диктатуре черной линии» в литературе и искусстве» не только отравил сознание некоторых деятелей культуры, но и одурманил немало кадровых работников, включая некоторых руководителей, и представителей масс. Особенно широко он распространился среди молодежи и школьников. По вине «четверки» многие теперь не в состоянии отличить социализм от капитализма, марксизм от ревизионизма, красную линию от черной, успешные произведения от плохих. Именно так, утверждает газета, оценивали участники собеседования результаты влияния «тезиса Цзян Цин и Линь Бяо» на сознание китайского населения.

В редакционном примечании к отчету об этом собеседовании подчеркивается, что тезис о «черной линии» стал как бы ножом в руках «четверки», средством отрицания успехов, достигнутых в литературе и искусстве за семнадцать лет до «культурной революции». Участники собеседования выразили мнение, что названный тезис должен был, по замыслу «четверки», стать «теоретической опорой отрицания главенствующего положения революционной линии Мао Цзэ-дуна в литературе и искусстве», и призывали отвергнуть наветы и клевету «четверки» на работников литературы и искусства. По этому вопросу высказался и Хэ Цзин-чжи — в прошлом видный китайский поэт, один из создателей известной драмы «Седая девушка», который более десятилетия был обречен на молчание, неизвестно где находился и только недавно вновь вернулся к прежней деятельности. В своем выступлении, опубликованном в центральной китайской газете²³, Хэ Цзин-чжи опровергает утверждение «четверки» о том, что в первое семнадцатилетие существования КНР в литературе и искусстве господствовала «черная линия». Он настаивает на том, что все это время в данной области доминировала «линия Мао Цзэ-дуна», но наблюдалось и вмешательство со стороны «ревизионистской линии Лю Шао-ци». По мнению Хэ Цзин-чжи, работники литературы и искусства в этот период были «хорошими» или «сравнительно хорошими», однако были и затесавшиеся в их ряды «плохие люди». Далее Хэ Цзин-чжи заявляет, что в ходе ряда кампаний борьбы в течение первого семнадцатилетия существования КНР и особенно в ходе «культурной революции» были «вычищены плохие люди». А те, кто совершал ошибки, исправили их и повысили свою сознательность. Таким образом, Хэ Цзин-чжи высказывает, как видно, официальную точку зрения: результаты маонистских идеологических кампаний 50—60-х годов, направленных против негодных Мао и его окружению видных представителей творческой интеллигенции, пересмотру не подлежат и судьба жертв этих кампаний продолжает оставаться

²¹ «Китай», № 8, 1976.

²² «Жэньминь жибао», 25.XI.1977.

²³ Там же, 2.XII.1977.

ся большей частью неизвестной, что лишь раз подтверждает полную преемственность режима, существовавшего при жизни Мао Цзэ-дуна, и того, что существует в Китае в настоящее время.

В особое направление современной китайской литературной критики выделилась также проблема фальсификации наследия Лу Синя. Но и здесь, в процессе разного рода спекуляций вокруг имени основоположника современной китайской литературы, попыток явно извращенно, в угодном маоистам свете трактовать личность и наследие великого художника слова и обстановку в литературе его времени отчетливо прослеживается та же тенденция — доказать полную справедливость инспирированных Мао Цзэ-дуном еще до «культурной революции» кампаний против китайской творческой интеллигенции, не допустить пересмотра их результатов.

Примером попытки «подтянуть» Лу Синя к маоистским оценкам деятелей китайской культуры и литературы недавнего прошлого, заставить его задним числом «подыграть» идеологическим кампаниям маоистов по разгрому творческой интеллигенции может послужить статья, подписанная одним из старейших китайских писателей Мао Дунем, «Мое скромное суждение по поводу изучения Лу Синя»²⁴. Судя по всему, Мао Дуню было поручено разъяснить сегодняшней китайской молодежи, почему Лу Синь не смог распознать «подлинного лица» одного из ближайших своих боевых соратников середины 30-х годов Ху Фэна, объявленного позже, в 1954 г., по прямому указанию Мао Цзэ-дуна «главарем контрреволюционной банды», «гоминьдановским агентом» и затем репрессированного. Между тем хорошо известно, что Ху Фэн стал негодным Мао Цзэ-дуну и его окружению, в частности, из-за весьма самостоятельных и критических высказываний по поводу порочной, антимарксистской политики маоистов в области культуры.

То, каким образом Мао Дунь пытается решить поставленную перед ним весьма нелегкую и столь же неблагоприятную задачу, лучше всего проследить по самой статье. Но нам хотелось бы отметить лишь следующее. Безусловно, не может не радовать, что старейший деятель китайской культуры и литературы Мао Дунь в последнее время все чаще и чаще выступает в печати после длительного молчания. Жаль только, что его знания и авторитет уважаемого писателя используются маоистами для утверждения антинаучного и явно искаженного взгляда на историю идейной борьбы в китайской литературе и искусстве последних двух с половиной десятилетий, когда Мао Цзэ-дун и его окружение расправлялись со всеми негодными им людьми. А еще хуже то, что при помощи Мао Дуя маоисты внедряют эти совершенно неверные взгляды и представления в сознание

мало что знающей современной китайской молодежи.

И наконец, еще одно направление критики в КНР, к которому хотелось бы привлечь внимание. Речь идет о публикациях, призванных создать впечатление, будто с отрицанием культурного наследия после разгрома «четверки» раз и навсегда покончено. Очень характерна в этом отношении статья некоего Лю Мин-цзю «Реакционный подход «группы четырех» к нашему культурному наследию»²⁵, рассчитанная на зарубежного читателя. Автор не утруждает себя созданием стройной системы доказательств выдвинутых им положений, а строит свою статью по общепринятой сейчас в КНР схеме: Мао Цзэ-дун во всем прав, а вся вина за отрицание национального и зарубежного культурного наследия целиком и полностью лежит на «четверке». Для «подтверждения» правоты Мао приводятся одни подобающие случаю цитаты из его трудов и замалчиваются другие, те, которые могли бы опровергнуть или раскрыть подлинный смысл первых. Суть обвинений Лю Мин-цзю в адрес «четверки» состоит в том, что она «не только пыталась отрицать всю старую культуру, но отвергала даже революционную культуру пролетариата, тем самым разоружая его в культурном отношении». «Попытка участников «четверки» саботировать нашу социалистическую культуру, — нагнетает свои обвинения автор статьи, — дала возможность нашим врагам в Китае и за его пределами утверждать, что культурная революция „разрушила культуру“» (стр. 106). Думается, однако, что все основания для подобных утверждений были. Да и сама китайская печать, хочет она того или нет, по сути дела полностью подтверждает непреклонный факт разрушения китайской культуры, когда без устали твердит о необходимости вывести науку, искусство и образование, в целом всю культуру из тотупника, в котором они оказались в результате «культурной революции» и других маоистских авантюр.

Автор статьи не устает обвинять «четверку» в полном забвении ею известных высказываний Маркса, Энгельса и Ленина о классическом наследии — о европейском Возрождении, о великих французских просветителях, о европейской литературе критического реализма XIX в. (стр. 104). Но, скажем, прямо, ничего нового в этот вопрос статья Лю Мин-цзю не вносит. Дело в том, что советские исследователи современной китайской литературы не раз подвергали критике маоистов во главе с самим Мао за полный отход от марксистско-ленинского учения о культурном наследии²⁶.

В статье Лю Мин-цзю привлекает внимание еще одно место, где на «четверку»

²⁵ "Chinese Literature", № 8, 1977, p. 101.

²⁶ См., например: И. М. Надеев. «Культурная революция» и судьба китайской литературы, М., 1969.

²⁴ «Жэньминь жибао», 19.X.1977.

возлагается вина за пренебрежение к известной ленинской оценке творчества Максима Горького. И здесь автор дает нам повод уличить его в явной неискренности, в тщетных попытках всячески выгородить и обелить Мао Цзэ-дуна, который более, чем кто бы то ни было другой, виновен в пренебрежительном и даже нигилистическом отношении к творчеству основоположника мировой пролетарской литературы.

Мао, как известно, принадлежит всего лишь два высказывания о М. Горьком, но весьма примечательных. Первое из них относится к февралю 1964 г., когда на беседе во время Праздника Весны Мао Цзэ-дун сказал: «Горький учился всего два года. Все свои знания он приобрел самостоятельной учебой». Ссылка на Горького понадобилась Мао для того, чтобы обосновать бредовую идею, приведшую к развалу всей системы образования в Китае, чтобы обосновать необходимость, как он выразился, «курса наук... срезать напополам». Небезынтересно также, что упоминанию имени Горького предшествовала сентенция: «Нужно выдворить из городов оперных певцов, поэтов, драматургов, деятелей литературы и искусства и всех их отправить в деревню...»²⁷ Таким образом, в данном случае имя М. Горького, достигшего вершин знания, всего себя отдавшего строительству новой, социалистической культуры, было использовано Мао Цзэ-дуном, в сущности, для оправдания бескультурья, для обоснования массовых гонений на китайскую творческую интеллигенцию.

Второе высказывание Мао Цзэ-дуна о М. Горьком зафиксировано в книге А. Мальро «Антимемуары». Французскому обществу деятелю и литератору, посетившему Китай, 3 июля 1965 г. довелось встретиться с китайскими руководителями. Во время беседы, которую с китайской стороны поддерживал, разумеется, один только Мао Цзэ-дун, он, между прочим, заявил, что «Горький, великий поэт-бродяга... ничего не понимал в крестьянах». Так, А. М. Горький — великий пролетарский писатель, который, по словам В. И. Ленина, «крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира»²⁸, был объявлен Мао Цзэ-дуном «бродягой», деклассированным элементом. Сказано это было походя, как нечто само собой разумеющееся. А дальше в адрес художника, в произведениях которого нашли глубочайшее осмысление и подлинно художественное воплощение различные стороны русской народной жизни, последовало обвинение в полном непонимании крестьянства. «Высочайшие указания» и на сей раз не

остались без последствий. Сначала китайские литературоведы-маонисты попытались фальсифицировать наследие великого пролетарского писателя, а когда началась «культурная революция», то книги Горького, как и многие другие, полетели в хунвэйбиновские костры. Теперь же во всем этом виноват только «четверку».

И наконец, последнее замечание в связи со статьей Лю Мин-цзю. Он утверждает, что «идеи Мао Цзэ-дуна» знаменуют собой истинную победу марксизма. Исходя из этого, обвинив «четверку» в отступничестве от этих «идей», он приводит известные слова В. И. Ленина из его работы «Исторические судьбы учения Карла Маркса» о том, что «теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переходить* к марксизму»²⁹. Думается, однако, что это меткое ленинское высказывание следует отнести не столько к «четверке», сколько прежде всего к самому Мао Цзэ-дуну, который, будучи врагом марксизма, всегда стремился рядиться под марксиста. Относится это и к его преемникам, в основном и основным неукоснительно следующим его «идеям», в том числе и в сфере культуры.

Что же касается некоторого оживления, наметившегося в китайской культуре, науке, литературе, искусстве и образовании, то этому обстоятельству можно, пожалуй, дать такое объяснение. Будучи по своей сути и духу последовательными маонистами, пекинские руководители осознают, что их великодержавная, гегемонистская политика нуждается в большем политическом и интеллектуальном капитале, в элементарном признании социальной роли культуры в расширении социальной базы маонистской политики и в системе духовных ценностей, разрушенных самим же Мао. Как уже отмечалось выше, современная литературная продукция в Китае полностью утратила свойства специфической формы общественного сознания и источника эстетических и нравственных ценностей. Переродившись в некую разновидность извращенной политики и примитивной пропаганды, такая литература не в состоянии выполнять даже необходимые маонистам функции. Очевидно, не в последнюю очередь по этой причине нынешним пекинским лидерам пришлось пойти на переиздание в Китае (разумеется, с особым отбором) национальных и зарубежных классиков, некоторых произведений современной зарубежной литературы, а также книг китайских писателей, созданных до «культурной революции». Но очевидно и то, что подлинная культура не может быть подспорьем авантюристической политики, которая находится в вопиющем противоречии с достижениями человеческой цивилизации, с интересами борьбы за коммунизм.

²⁷ Цит. по листовке хунвэйбинов Харбинского строительного института (декабрь 1966 г.).

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 153.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 3.

Моя жизнь в кино*

Мэй Лань-фан

Встречи с Чаплином

Вечером того же дня, когда мы прибыли из Сан-Франциско в Лос-Анджелес, директор театра пригласил меня зайти в ночной клуб, где собирались деятели литературы и искусства, в том числе и кинематографисты. Я надел китайский национальный синий халат, короткую черную кофту и только вошел, как сразу приковал к себе всеобщее внимание, дирижер немедленно дал оркестру знак прекратить музыку, и из репродуктора раздалось: «К нам пожаловал деятель искусства Востока господин Мэй Лань-фан, приветствуем его». Весь зал разразился аплодисментами, оркестр заиграл приветственный марш.

Директор сказал мне: «Удачно, что сегодня здесь немало кинозвезд, сценаристов, режиссеров первой величины, я их всех сейчас же вам представлю».

Только мы сели, как вдруг входит человек в темной одежде, не толстый и не худой, среднего роста, сдержанный, в расцвете лет, мне он показался чем-то, словно в каком-то воспоминании, знакомым. Директор встал и представил его мне: «Господин Чаплин». И меня ему: «Господин Мэй Лань-фан». Мы с Чаплином крепко пожали руки друг другу, и он начал с такой фразы: «Ваше имя я слышал давно, но до сего дня не имел счастья познакомиться. Никогда бы не подумал, что вы так молоды!» Я ответил: «Более десяти лет назад я видел вас на экране, и ваши трость, котелок, большие кожаные ботинки, маленькие усики — все было так нарочито, что, увидев вас сейчас, я не узнал вас. Ваш модный вид и фарсовый облик на экране словно два разных человека».

«Я еще не видел ваших спектаклей, — сказал Чаплин, — но завтра как раз у меня будет возможность увидеть на сцене игру талантливого артиста, с таким успехом представляющего китайский театр и заслужившего аплодисменты всего мира».

Мы пили вино и очень живо беседовали. Он рассказал мне, что когда-то давно выступал в театре, а затем перешел в кинематограф. Беседа перескочила на манеру игры в амплуа комика в китайском театре, и я сказал: «Амплуа комика в китайском театре занимает важное место, это роль не только комедии, их немало и в трагедиях, но, к сожалению, в репертуаре, который мы привезли сюда, таких ролей немного, и поэтому мы не пригласили в труппу известных комиков. Вот, пожалуй, только в «Мести рыбака» есть один учитель, взявшийся охранять тирана, — его исполняют в амплуа комика».

В конце разговора я спросил его: «Может ли звуковой фильм передать театральный спектакль?» Он ответил на это: «Природа кино и театра разная, хотя оба они принадлежат к синтетическому искусству, но в кино главное — выразительность лица и движения, а театр должен уделять внимание в первую очередь музыке, танцу и пению. При инсценировке фильма или экранизации спектакля можно нарушить принципы этих искусств. Все это требует тщательного изучения».

В тот вечер мы фотографировались дважды. На одной фотографии мы с господином Чаплином, на другой — группа из шести человек. Эти фотографии я храню до сих пор.

В Голливуде мы побывали на десяти с лишним крупных и мелких киностудиях, хозяева всюду сердечно принимали нас, подробно расспрашивали, и все это было весьма трогательно.

В нашу честь кинематографисты Голливуда устроили прием, мы встретились на нем со звездами, которых до того видели на экране, фамилии некоторых я вспоминаю легко, от других в памяти остались только лица. Чаплин в тот вечер пришел довольно поздно, но только он вошел в зал, как все внимание сосредоточилось на нем,

* Из книги воспоминаний. Русский перевод выполнен по тексту, опубликованному в журнале «Дяньин ишу», 1959, № 3, 6.

и раздались возгласы: «Чаплин пришел». Это говорит о его авторитете в Голливуде... Девятого февраля 1936 г. путешествовавший по Востоку Чаплин прибыл в Шанхай. На приеме в его честь, устроенном шанхайскими художественными кругами в Международном ресторане, мы с ним встретились, и он, положив обе руки мне на плечи, произнес: «Помню, во время нашей встречи в Лос-Анджелесе шесть лет назад наши головы были черными, а теперь — взгляните! — моя голова наполовину побелела, а у вас не найти ни одного седого волоска — ведь это же величайшая несправедливость!» На лице у него при этих словах была улыбка, но по грустным интонациям можно было догадаться, что в последние годы судьба оказалась не слишком милостива к нему. Я крепко пожал Чаплину руку и ответил: «Вам труднее, чем мне, в каждом фильме вы и сценарист, и режиссер, и актер — все делаете сами. Это ведь такое напряжение для мозга! Надеюсь, что вы сохраните здоровье». Затем Чаплин представил мне госпожу Полетт Годдар и ее мать. Госпожа Годдар играла главную роль в фильме Чаплина «Новые времена».

После ужина я повел Чаплина и госпожу Годдар с матерью в театр «Общественная сцена» около «Большого мира»¹ посмотреть популярную тогда в Шанхае серийную пьесу. Перед ложей, где они сидели, поставили корзину с цветами, на которой было написано: «Привет Чаплину». Я заметил, как заинтересовался Чаплин 12 приемами защиты военного героя² и другими сальто. Вскоре мы ушли из «Общественной сцены» и так же вместе отправились в большой театр «Синьгуан» на улице Нинболу смотреть «Кумирный Фамэнь» с Ма Лянь-ланом. Мы вошли в театр как раз во время сцены «В дороге», в зале не раздавалось ни звука, зрители замерли, слушая мелодию сипи³, которую пел Ма Лянь-лан: «На коне из уезда Мэй в уезд У, сердце не успокою...». Чаплин осторожно сел и стал внимательно вслушиваться в звуки пения и хуциня⁴, левой рукой легонько отстукивая такт на колене, и с увлечением заметил: «Китайская и западная музыка характерны каждая по-своему, но я несколько не сомневаюсь в том, что они с одинаковой силой способны передать любое чувство». По окончании спектакля Чаплин и госпожа Годдар поднялись на сцену к Ма Лянь-лану, и Чаплин с Ма Лянь-ланом сфотографировались на память. Ма Лянь-лан, в тот вечер игравший начальника уезда Чжао Ляня, был одет в синие одежды чиновника минской эпохи с шапкой из сетчатой ткани, а на Чаплине был европейский костюм. Я невольно вспомнил, как в 1930 г. в Голливуде мы фотографировались с Мери Пикфорд. На ней тогда были западные древние одежды, а на мне халат и короткая кофта. Весьма знаменательным оказалось это последовательное двойное переплетение дружбы и культур двух эпох и двух народов.

На следующий день рано утром Чаплин сел на пароход и продолжил путешествие по Востоку. В Шанхае он в этот раз задержался только на день, но все же успел присутствовать на нескольких приемах в его честь, познакомиться со многими представителями художественных кругов, да еще посмотреть спектакль пекинской музыкальной драмы — можно сказать, удачно использовал время, и надо было видеть, какой огромный интерес он проявил к восточной культуре.

Осенью 1937 г., после оккупации Шанхая японскими милитаристами, сэттльмент** превратился в «одинокий остров». В этот-то момент гонконгский театр «Ли утай» пригласил меня выступить со своими спектаклями, и весной 1938 г. я без семьи прибыл в Гонконг на почтовом судне из Шанхая. В «Ли утай» мы выступали 20 дней, потом товарищи по труппе вернулись в Пекин, а я, согласно предварительной договоренности, остался жить в Гонконге.

Весной 1941 г. в Гонконге собирались показать сделанный Чаплином большой антифашистский фильм «Великий диктатор» (The Great Dictator), в котором он сам сыграл главную роль, и три кинотеатра: «Хуанхоу», «Юйлэ», «Ли утай» — боролись за право на премьеру. Директор «Ли утай» пришел ко мне за советом: «Из трех борющихся друг с другом кинотеатров у меня меньше всех шансов, поскольку те два — только кинотеатры, где демонстрируются только фильмы, а у нас — театр, в котором фильмы показываются дополнительно. Поэтому мне пришла в голову мысль попросить вас послать Чаплину телеграмму — возможно, так удастся заполучить право на премьеру». В «Ли утай» три года назад выступала наша труппа, все у нас прошло без трений, и поэтому я согласился послать Чаплину телеграмму примерно такого содержания: «Великий диктатор» прибывает в Гонконг, местный «Ли утай» надеется первым показать это большое произведение. В этом театре я недавно выступал, в чем и ставлю вас в известность». Очень быстро был получен его ответ — он уже телеграфировал своему представителю, сопровождающему фильм, поступить соответствующим

¹ Центр развлечений Шанхая.

² В китайских военных пьесах существуют различные приемы, «12 приемов защиты» — один из приемов схватки. Прим. автора.

³ Сипи — одна из двух разновидностей мелодий пекинской музыкальной драмы.

⁴ Хуцинь — национальный струнный инструмент.

** Район проживания иностранцев в старом Шанхае, не подчиненный китайской юрисдикции.

образом. Через несколько дней радостно возбужденный директор «Ли утай» прибежал ко мне: завтра премьера «Великого диктатора». Я был взволнован. Время было трудное, моих соотечественников топтала железная пята японских фашистов-милитаристов; внутри страны патриоты с истинно могучим боевым духом оказывали героическое сопротивление агрессору. Я, один из тех, кого занесло за границу, мог получить теплый дружеский привет от старого друга, отделенного тысячами ли, и невольно ощутил, что «и в родной стране знают, и край света словно бы недалек».

Фильм «Великий диктатор» я смотрел в Гонконге семь раз, и раз за разом глубина его мысли и искусства открывались все больше. Чаплин исполнял в фильме две роли — великого диктатора Гитлера (под именем Хинкеля) и доброго маленького человечка, парикмахера Чарли. В своей обычной комедийной манере, весьма выразительно Чаплин остротами вскрывал неизбежность поражения диктаторов, бряцающих оружием.

Долго не выходила у меня из памяти сцена с глобусом. Игру Гитлера с глобусом Чаплин в этой сцене организовал предельно четко. Первый шаг в раскрытии образа — он смотрит на глобус. Обходит вокруг него, в остеклевших глазах блуждает мысль, ищет, куда бы сунуть руку. Второй шаг — танцует с глобусом. Сначала он берет глобус в руки, чтобы танцевать с ним. В тот момент я подумал, что сейчас он яростными, резкими движениями покажет алчные стремления этого диктатора к покорению мира. Но он, наоборот, стал делать мягкие, изящные танцевальные движения — двигал глобус, поднимал, крутил. После некоторого раздумья до меня дошел его замысел. В руках-то у него был воздушный шар — яростные движения тут не гармонировали бы. Это во-первых. Но важнее было то, что Чаплин, показывая бешеную алчность диктатора Гитлера, очень удачно уловил ситуацию «опьянения» — я почувствовал, как этот диктатор погряз в дурманящих его химерах самодовольства и самоуверенности. Он долго танцевал с глобусом, затем вдруг одним прыжком вскочил на стол, упруго и гибко, тело стало легким, как у ласточки, показывая, что Чаплин достиг поразительного уровня тренированности. Третий шаг — разрушение глобуса. Он танцует, танцует, и вдруг воздушный шар взрывается — и великий диктатор, только что такой самодовольный и самоуверенный, вдруг становится унылым, скорбным и потерявшим надежду, заканчивая сцену рыданием на столе. И это навело меня на мысль, что Гитлеру, как бешеному, потерявшему надежду загнанному зверю, обложенному охотниками, видящему врагов со всех сторон, не спастись от гибели.

О тонкой игре Чаплина в «Великом диктаторе» всего не рассказать и в книге такого объема. Сцена танца с глобусом — это всего лишь одна из нескольких наиболее ярких, наиболее удачных сцен.

Не легко пришли к Чаплину все эти отточенные движения и тонкие эмоции. Каждое движение и эмоция есть результат тщательного отбора, детального продумывания, потому-то всюду присутствующий двойной смысл и стал насмешкой и сатирическим выпадом, остро направленным против планов и действий Гитлера и разного рода противоречий и слабостей фашистского режима.

«Великий диктатор» снимался и демонстрировался в самый разгар второй мировой войны — время еще самодовольства и самоуверенности для Гитлера, но Чаплин от начала до конца занимал суровую и справедлившую позицию, бесстрашно встречая все угрозы и запугивания, прозревая будущее с чувством ответственности, адресуя свою кисть летописца всем народам мира, он выносил Гитлеру и фашизму в целом смертный приговор.

«Великий диктатор» завершается волнующей речью парикмахера Чарли. Содержащие речи — гневное осуждение приспешников фашизма. Он говорил, что ненасытная алчность этой группки людей, их попытки сеять враждебность среди человечества, провоцировать войны ведет человечество к лишениям и гибели. И в то же время он обратился ко всем народам мира с громким призывом — не терять надежды, утверждая, что враждебность между людьми исчезнет и диктаторы в конце концов непременно будут уничтожены. И призвал бойцов восстать против порабощающих войн, бороться за свободу!

До «Великого диктатора» Чаплин не снимал звуковых фильмов, считая, что звучащие диалоги могут разрушить юмор немых драм. В «Великом диктаторе» он впервые заговорил. Ведь ему необходимо было с экрана обратиться ко всему прогрессивному человечеству с призывом подняться на борьбу с фашизмом.

Некоторые утверждают, что омерзительность и ничтожность Гитлера, натужные воззвания Геббельса далеко отстоят от чаплиновского шаржирования и беспощадной сатиры на экране, оставляющих глубокое впечатление. Нарисовать портрет человека комическими средствами — это всегда было искусством высокой идеи и обладало особенной силой воздействия.

Ясное, сильное антифашистское содержание и тонкое актерское мастерство Чаплина придали «Великому диктатору» особый ореол и, вне всякого сомнения, помогли фильму сыграть значительную роль в период второй мировой войны. Он и до сих пор не потерял своего действенного значения, поскольку старая группировка фашистов разгромлена, но новые фашистские элементы пытаются возродиться из пепла. И мне

бы хотелось, чтобы этот фильм вновь был показан во всем мире. Думаю, это будет иметь большое актуальное значение.

Я смотрел почти все фильмы Чаплина, демонстрировавшиеся в Китае. Всем хорошо уже знакомые рваный котелок, трость, большие башмаки стали специфическим нарядом Чаплина. Сначала я был привлечен фарсовой манерой игры. Затем, по мере расширения знакомства с фильмами, я почувствовал глубину исполнительского мастерства Чаплина, мысль и обаяние сценариев, совершенную непохожесть на рядовых комиков, у которых смех служит лишь средством завоевать зрителя. Фильмы Чаплина полностью отличались и от распространенных в то время так называемых мелодрам, хэппи-эндом завоевывавших рынок, — он разбил эти пустые жанровые рамки. Все его роли были комедийны по форме и трагедийны по характеру, многим напоминая жалкие существа типа А-Q, вышедшего из-под пера Лу Синя. Немало чаплиновских фильмов, которые я видел, завершались одинокой, отчужденной фигурой, удаляющейся в неизвестность. После его фильмов у меня на душе было горько, вокруг улыбались, а мне хотелось плакать. Но зачем ему нужно было создавать именно такое? Играть именно так? В то время я не мог до конца разобраться в этом. Позже постепенно понял, что Чаплин — страстный человек, возмущенный людской несправедливостью, и оружием кино бичует пороки капиталистического общества, выплескивая все, что накопилось в душе.

В исполнительском искусстве Чаплина меня больше всего покоряют сдержанность и юмор. У него на экране почти нет сцен веселья, громкого смеха, самое большее — это язвительная ухмылка или страдальческая усмешка. Его внутренний мир запрятан глубоко, и в него нелегко проникнуть. Полная поэтического чувства и намека мысль, подобная скрывающим луну тучкам или прячущим яркого попугая веткам ивы, без конца рождает в людях ответный отклик.

В китайском театре пекинской музыкальной драмы есть несколько комиков старшего поколения: Лю Гань-сань, Ло Бай-суй и другие, достоинство которых тоже определяется словом «сдержанность». Я играл на сцене с Ло Бай-суй, он тоже легко сдерживал смех, но зрители не могли не смеяться, глядя на него. Порой он произносил фразу, которая могла сразу и не возыметь никакого эффекта, но через минуту до зрителей доходила ее суть, и они разражались хохотом. Все это помогло мне понять, что всякое значительное искусство — древнее, современное, китайское, иностранное — разными путями идет к одной цели, должно быть воспринято всеми.

Мы расстались с Чаплином более 20 лет назад, но я до сих пор храню память о нем. Несколько лет назад один знакомый, вернувшись из-за границы, рассказал мне, что видел его в Швейцарии и что он вполне здоров. Меня это чрезвычайно обрадовало. Я бы приветствовал, если бы Чаплин еще раз приехал в Китай посмотреть, как мы строим, а я бы с наслаждением побеседовал с Чаплином после стольких лет разлуки.

Наконец, я сообщил бы ему новость: и в моей голове появилась седина! Но я вовсе не чувствую себя старым, регулярно, как и в молодые годы, я выхожу на сцену и встречаюсь со зрителями, а недавно поставил новый спектакль «Му Гуй-ин возглавляет войска», и это еще одна причина, почему я мечтаю о новом приезде Чаплина в Китай, — он посмотрит мои спектакли и сравнит их с тем, что было 29 лет назад.

Фербенкс гостит в Пекине

В Голливуде Фербенкс со своей женой Мери Пикфорд тепло принимали меня, и по возвращении я послал им благодарственное письмо. А в январе 1931 г. получил от Фербенкса телеграмму, в которой он сообщал, что вновь собирается в поездку по Китаю. Я немедленно телеграфировал, что буду встречать его, и начал приготовления к приему: с одной стороны, чтобы отблагодарить его за ту доброту, которую они с женой выказали мне на «вилле Ферфорд», а с другой — показать наш традиционный китайский дух гостеприимства.

В надвигающихся сумерках четвертого февраля 1931 г. я отправился на вокзал Цяньмэнь встречать Фербенкса. Члены труппы Мэй Лань-фана тоже выстроились вдоль перрона, приветственно вздымая фонари. Поезд из г. Циньхуандао медленно подошел к Пекинскому вокзалу, с подножки прыгнул улыбающийся Фербенкс, раздался приветственные возгласы встречающих, затем я взял его под руку и повел к выходу, где мы сели в автомобиль и поехали в дом Ли в переулке Дафанцзя. Это комфортабельное здание, вполне представляющее архитектурный стиль Пекина, я заблаговременно арендовал у хозяина и полностью обставил. В гостиной и кабинете была коричневая резная мебель из сандалового дерева минской и цинской эпох, на стенах висели гобелены с цветами и птицами, минские и цинские каллиграфические надписи, на «этажерке сокровищ»⁵ стоял цветной и глазурованный цинский фарфор времен Канси, Юнчжэн, Цяньлун.

⁵ «Этажерка сокровищ» (добаогэ) — специальная этажерка для старинных вещей, в основном резных, из благородных пород деревьев или инкрустированных. — Прим. автора.

На следующий день, пятого февраля, после полудня, я устроил в честь Фербенкса чайный прием в доме в переулке Улян дажэнь. Приглашены были преимущественно люди искусства. Мои коллеги — Юй Шу-янь, Чэн Янь-цю, Шан Сяо-юнь, Сюнь Хуй-шэн — все пришли вовремя: они видели фильмы Фербенкса и испытывали интерес к этому зарубежному «ушэну» киноэкрана⁶.

Я разослал около 300 пригласительных карточек, пришло же еще множество незваных гостей, прознавших про прием, так что количество их вдвое превысило запланированное, и, хотя дом был довольно просторен, в итоге в нем оказалось трудно повернуться. Для приглашенных были приготовлены три зала: «Сокровища Аланья» в южной гостиной, «Яшмовая беседка» в восточной гостиной и еще северная «Башня горы сокровищ». Обставлены все они были примерно так же, как дом Ли в переулке Дафанцзя, только я еще добавил несколько работ современных каллиграфов: У Чан-шо, Линь Цинь-нань (Линь Шу, известный китайский переводчик), Ци Бай-ши и других, — а также портреты актеров предшествовавших поколений и свою собственную сценическую фотографию.

В пять часов Фербенкс и Виктор Флеминг, известный режиссер кинокомпании «Парамаунт», после прогулки по парку Ихэюань прибыли на наш прием, и Фербенкс вырвался из объятий толпы фоторепортеров и кинооператоров прямо к нам в «Сокровища Аланья». Я представил Фербенксу мою жену Фу Чжи-фан и двух сыновей, он сказал нам: «Дела не позволили моей жене Мери Пикфорд приехать сюда, и она поручила мне передать привет мэтру Мэю и его супруге». В этот момент нас пятерых сфотографировали. Фербенкса обступили мужчины и женщины из числа гостей, просили автографы, и я выручил его из этого окружения, уведя в «Яшмовую беседку».

В «Яшмовой беседке» собрались преимущественно коллеги по театру. Представляя Чэн Янь-цю, я сказал Фербенксу: «Господин Чэн — актер театра пекинской музыкальной драмы, он мастер исполнения батальных сцен». Фербенкс обратился к Чэн Янь-цю: «Почему я не в силах стать таким же грациозным, как вы? А то мы смогли бы вместе сыграть в спектакле».

«Если бы вы могли произносить тексты по-китайски, — сказал я Фербенксу, — непременно стали бы выдающимся ушэном. Мастерство владения оружием, которое вы показываете в приключенческих фильмах, восхищает наших ушэнов». «Мое военное искусство в кино, — рассмеялся он, — во многом — ловкость операторов. За месяц, прожитый в Голливуде, вы, должно быть, уже проникли в тайны киносъемки!» В ответ раздался смех присутствовавших.

Шестого февраля я выступал в театре «Каймин» (в районе Чжушикоу, сейчас называется Демократическим театром) в спектакле «Убийство тигра» и пригласил Фербенкса в театр. После окончания спектакля он вышел на сцену и обратился к зрителям. Суть его выступления сводилась к тому, что во время этой поездки по стране он познакомился с высокой культурой Китая, а сегодня испытал наслаждение, посмотрев известный спектакль господина Мэй Лань-фана. Зрители откликнулись бурной овацией.

Эти дни в Пекине были холодными, но пол дома в переулке Дафанцзя был устлан квадратными кирпичами, под которыми находились топки для угля, и так в доме поддерживалось ровное тепло. Фербенкс заинтересовался этим. Он увидел, что голубые кирпичи, натертые воском, такие чистые, что отражают изображения людей, и тогда Фербенкс снял с кровати одеяло из верблюжьей шерсти, постелил на пол и спал там. Это, видимо, и стало причиной жара, а на следующий день у него кружилась голова, но живший вместе с ним врач западной медицины Чжэн, специально приставленный для заботы о его здоровье, успокоил его: «Не стоит глотать лекарства, это не болезнь, надо подышать во дворе холодным воздухом, и все будет в порядке». Врач вывел его из дома и велел пробежать 30 кругов по двору. «У вас какой-то необычный метод лечения, — сказал Фербенкс врачу, — я уже вспотел и чувствую, как голова проясняется, болезнь уходит».

После двух часов я пришел в переулок Дафанцзя провести его и предложил сняться вместе в звуковом отрывке на киноплёнку. Фербенкс с воодушевлением согласился, Виктор Флеминг взялся режиссировать, и приехавшие с Фербенксом два оператора и слуга-японец начали съемку.

В первой сцене мы засняли кадры нашей с Фербенксом встречи. Сначала на не слишком беглом английском языке я произнес несколько элементарных приветственных фраз. Фербенкс ответил по-китайски только что выученными фразами: «Господин Мэй, Пекин очень хорош, в будущем году мы вновь приедем».

Во второй сцене были кадры с Фербенксом, одетым в принесенный мной для него театралный костюм У Суна из спектакля «Хребет Угунлин»: золотой обруч на взлохмаченной голове, темно-синий атласный боевой костюм из кофты и штанов, на ногах атласные туфли на толстой подошве, к поясу приторочен поясной меч, в руках мето-

⁶ «Ушэн» — амплуа военного героя в китайском театре, примерно соответствует по характеру киногероям Фербенкса в военно-приключенческих фильмах.

лочка⁷. В его облике явно было что-то от У Суна — ведь Фербенкс и сам был прямым человеком открытого склада.

В спектакле «У Сун убивает тигра» У Сун одет в черную шапку из сетчатой ткани, темно-синий облегающий костюм, широкий пояс на талии, в руках палица. Но мне казалось, что костюм из «Хребта Угунлин» лучше выражает особенности китайского театра, поэтому я и принес именно его.

Мы научили Фербенкса некоторым жестам, движениям и статуарно-фиксированным позам, и он скопировал очень похоже.

Много лет назад Фербенкс упал с лошади и повредил левую ногу, она была слегка искривлена, и поэтому он не мог принять нормальную позу, что наносило ущерб общему эстетическому впечатлению. Но вообще для иностранного артиста весьма трудно суметь так скопировать движения китайского театра. Дело, думаю, в том, что физическими данными для фехтования Фербенкс обладал, и хотя методы и порядок тренировки отличались от наших, но работа, в конце концов, есть работа, и от этой основы ни в Китае, ни за рубежом, ни в древности, ни сейчас отойти нельзя.

Вечером того же дня я устроил для Фербенкса в переулке Дафанцзя прощальный ужин из блюд шаньдунской кухни из ресторана Дунсинлоу (открытого в том году на улице Дунхуамэнь дацзе, сейчас его уже не существует). После трех тостов Фербенкс поднял чашу и обратился ко мне: «На пути из Циньхуандао в Пекин я видел из окна вагона тучную землю и трудолюбивых крестьян и подумал о материальном обилии и чистосердечном народе; в Пекине я обрел друзей в художественных кругах, что помогло мне за сравнительно короткий срок познакомиться с непреходящей культурой и благородством традиций Китая». И еще он сказал: «Когда я в трех залах дворца Гугун осматривал тонкую гравировку более чем трехтысячелетних бронзовых изделий, знаменитый фарфор и знаменитые картины, начиная с танской и сунской эпох, я почувствовал, какой великий вклад для человечества внесла китайская культура». Он остановился и после небольшой паузы продолжал: «Господин Мэй в прошлом году выступал в Америке, но я в это время был в Англии и только вчера смог увидеть спектакль господина Мэя и насладиться его искусством. Театральное искусство Китая имеет две особенности — оно в высшей степени отточено и богато, классический театр Китая вполне может соперничать с театром Шекспира и Древней Греции. Я надеюсь, что присущие китайскому театру особенности будут храниться вечно и величие его будет расти непрерывно».

Я тоже выступил, сказав в основном вот что: «Наши выступления в прошлом году в Америке встретили горячий прием американских зрителей и поддержку в художественных кругах, за что я преисполнен благодарности. Особенно же я тронут скрупулезной заботой со стороны уважаемых супругов⁸. Наш прием господина Фербенкса в этот его приезд в Китай далеко не так тщателен. К сожалению, господин Фербенкс пробыл с нами очень недолго, иначе он смог бы гораздо лучше познакомиться с разнообразием вкуса китайской кухни, почувствовать красоту природы». Он тут же вставил: «За эти несколько дней я получил самые разнообразные жизненные наслаждения». Взял в руки стакан с миндальным молоком и сказал: «Ничего с таким чудным вкусом за пределами Китая не отведаешь».

Выйдя из-за стола, я проводил его в спальню, где мы разговорились за чаем. «Господин Мэй, — сказал он мне, — я и прежде приезжал в Китай, но ничего тут не понял. Только в этот раз я познакомился с ним довольно глубоко. В фильмах, в которых я снимался, возможно, встречалось недостаточное уважение к вашему народу, я только актер, многое лежит на совести сценаристов и режиссеров, но и я не должен снимать с себя вину. Надеюсь, что через Вас я смогу выразить вашему народу свое сожаление».

«Не ведающий — не виновен, — ответил я. — Я передам вашу мысль деятелям искусства, и это станет большим вкладом в дело развития дружбы народов Китая и Америки».

В его фильме «Багдадский вор» есть некоторые кадры, весьма смущавшие китайцев, и Фербенкс, возможно, как раз их-то и имел в виду.

Фербенкс пробыл в Пекине всего четыре дня — с четвертого по восьмое февраля. Перед отъездом я подарил ему китайские письменные принадлежности и комплект национальной одежды — короткая кофта из черного камчатного атласа с круглыми медальонами и халат на подкладке из синего камчатного атласа с круглыми медальонами, а Мери послал «порхающую одежду» из розового атласа и коричневое покрывало с изображением играющих детей, но Фербенкс, кажется, больше всего был рад полному реквизиту У Суна.

*Публикация и перевод с китайского
С. А. Торонцева*

⁷ Сценический атрибут святого.

⁸ Мэй Лань-фан имел в виду Фербенкса и Пикфорд, гостеприимно принимавших его у себя во время гастролей труппы Мэй Лань-фана в Лос-Анджелесе.

О воспоминаниях Мэй Лань-фана

Р. С. Белоусов

В числе книг, написанных выдающимся китайским артистом Мэй Лань-фаном, есть его воспоминания «Моя жизнь в кино». И хотя Мэй Лань-фан не был, как известно, профессиональным киноактером, но за долгую свою жизнь ему не раз приходилось играть перед киноаппаратом. Великий актер пекинской музыкальной драмы выходил на съемочную площадку ради того, чтобы сделать искусство китайского театра доступным миллионам соотечественников, желая «подарить его жителям китайских окраин, чтобы они могли наслаждаться классическим театром своей родины». Ведь один актер, пишет Мэй Лань-фан, за все отпущенные ему годы не сумеет показать свое искусство на всей территории Китая¹. Возможно это лишь с помощью кино. Благодаря этому искусство удивительного мастера китайской сцены, или, как его называли, «волшебника Грушевого сада», сохранилось не только в памяти современников и на фотографиях, но и запечатленным на киноплёнку.

Работа в кино помогала Мэй Лань-фану и в собственно театральной деятельности. Кинематограф обогащал его сценическое искусство. «Особенно, мне кажется, — пишет он, — это развивало мимику лица. Поэтому во мне и пробуждался интерес к работе в кино». Поясняя свою мысль, Мэй Лань-фан говорит: «Театральный актер, выступающий на сцене, не в состоянии увидеть своего спектакля, и это весьма досадно. Свою игру можно посмотреть с экрана, увидеть свои достижения и промахи и что-то осудить, а чем-то в исполнении насладиться. Кино словно особое зеркало, способное показать тебе твой собственный живой облик».

Не причисляя, однако, себя к профессиональным киноактерам, Мэй Лань-фан скромно называет себя «любителем кино» и признается, что в молодости бывал частым гостем кинотеатров, наблюдал развитие кино от немого к звуковому, от черно-белого к цветному и широкоэкранному. Надо ли говорить, сколько впечатлений вобрала за этот немалый срок память актера, сколько довелось ему повидать, с какими людьми встречаться. Столь богатая событиями и впечатлениями жизнь китайского актера и запечатлена на страницах книги «Моя жизнь в кино».

Помимо рассказа о развитии национального китайского кинематографа (автор увязывает этот процесс с общей историей развития мирового киноискусства), книга Мэй Лань-фана содержит интереснейшие записи о выдающихся деятелях зарубежного кино. Важное место на страницах книги Мэй Лань-фана занимают воспоминания о его встречах с Чарли Чаплином, Дугласом Фербенксом, Мери Пикфорд и другими.

Во время пребывания в США в 1930 г. Мэй Лань-фан гастролировал в Нью-Йорке, Вашингтоне, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе. Побывал он и в Голливуде, встречаясь с работниками кино и театра, снялся в звуковом (первом в его жизни) фильме «Убийство тигра». Отмечая достижения отдельных видных деятелей искусства США, китайский артист увидел и те негативные стороны, которые были характерны для американского искусства в целом. «Американский театр, — заявил, в частности, Мэй Лань-фан, — находится под влиянием общеэкономического и культурного кризиса, переживаемого этой страной»².

Воспоминания Мэй Лань-фана о Чарли Чаплине и других актерах, впервые публикуемые на русском языке в этом номере журнала, представляют несомненный интерес. И потому, что в них немало тонких замечаний об искусстве Чарли Чаплина — великого актера кино, и потому, что содержатся сведения о подробности из его жизни, до того неизвестные, но и потому, что мы встречаемся с раздумьями и оценками самого Мэй Лань-фана.

Особый интерес, конечно, в этом смысле представляют его впечатления от антифашистского фильма «Великий диктатор», где, как известно, Чарли Чаплин играет сразу две роли — фашистского диктатора и простого парикмахера.

Мэй Лань-фан справедливо замечает, что сильное антифашистское содержание и тонкое актерское мастерство Чаплина поставили этот фильм в один ряд с шедеврами мирового киноискусства, помогли кинокартине сыграть значительную роль в период второй мировой войны.

Не менее верно и, можно сказать, прозорливо замечание китайского артиста и о том, что этот фильм не потерял своего значения и сегодня, поскольку фашизм пытается поднять голову в разных странах, хотя подчас и меняет одеяния и выступает в новом обличье.

¹ «Дяньин ишу», 1959, № 1, стр. 80.

² «Советское искусство», 17.III.1935.

Участник Всемирного конгресса мира в Вене (1952), Мэй Лань-фан всегда осуждал диктаторов, бряцающих оружием, призывал соотечественников на борьбу с фашизмом внутри страны и за ее пределами. Так было во время второй мировой войны, когда японские фашисты-милитаристы маршировали по китайской земле, так было и после войны, когда неофашизм начал поднимать голову. Великий китайский актер-гуманист был беспощаден к любого рода узурпаторам и диктаторам и так же, как герой чаплинского фильма парикмахер Чарли, ненавидел тех, кто пытался сеять вражду среди людей, провоцировать войны, тех, кто ведет человечество к лишениям и гибели.

Мэй Лань-фан хорошо помнил и свято выполнял слова, записанные в параграфе 4-третьего пункта устава Всекитайской ассоциации работников театра³. Там говорилось, что актеры должны «активно участвовать в борьбе за обеспечение мира во всем мире»⁴.

В книгу воспоминаний Мэй Лань-фана входят, как говорилось, ряд глав, посвященных встречам с зарубежными кинодеятелями.

Особая страница этих воспоминаний — гастроль Мэй Лань-фана в Советском Союзе и его знакомство с Сергеем Эйзенштейном.

Впервые Мэй Лань-фан отправился в заграничное турне в 1918 г. Тогда это была Япония, куда знаменитый артист прибыл на гастроль по приглашению японского императорского театра. Надо сказать, что это был первый случай в истории Китая, когда актера пригласили на гастроль за границу. Впоследствии Мэй Лань-фан дважды побывал в Японии, последний раз в 1956 г. Об этой поездке, о выступлениях и встречах он рассказал в своей книге «Записки о поездке на Восток»⁵.

Между первой и последней поездкой в Японию китайский артист совершил несколько гастрольных поездок на Запад. Его искусством наслаждались зрители США и Европы. О нем справедливо писали, что он был первым, кто вынес прекрасное искусство китайского театра за пределы родины и сделал его достойным многих стран мира. Можно сказать, что Мэй Лань-фан пробил брешь в стене из вопросительных и восклицательных знаков, которая окружала до того китайский национальный театр. И это действительно было так. Ведь Мэй Лань-фану пришлось во время зарубежных гастролей разбить стену предубеждений, преодолевать подчас предвзятое отношение западного зрителя к самобытному искусству Востока.

Как бы введя китайский театр в сокровищницу мирового искусства, Мэй Лань-фан и сам занял в ней место рядом с такими корифеями национальной культуры, как Лу Синь, Ци Бай-ши, Сюй Бэй-хун и другими мастерами, теми, кто составляет гордость и славу китайцев.

До поездки Мэй Лань-фана в нашу страну мы знали о нем лишь по беглому упоминанию в очерках советских журналистов и писателей, побывавших в Пекине. В частности, о китайском артисте писали и Сергей Третьяков, преподававший в Пекинском университете, и Зинаида Рихтер, которая в 1925 г. оказалась в Пекине как участница Великого перелета шести самолетов, на крыльях которых наши летчики во главе с М. М. Громовым принесли борющемуся китайскому народу привет и сочувствие народов Советского Союза.

Потом появилась книга Веры Юреновой «Мои записки о китайском театре»⁶, в которой на основе личных впечатлений от игры Мэй Лань-фана в главе «Вершина» впервые подробно рассказывалось о его актерском искусстве.

И вот настал 1935 г. — год непосредственного знакомства нашего зрителя с Мэй Лань-фаном. В творческой биографии китайского артиста поездка в СССР занимает особо важное место.

Китайская пресса оживленно обсуждала предстоящие гастроль Мэй Лань-фана и его театра в Москве. Нашлись и противники поездки. Они пытались доказать, что высокое искусство Мэй Лань-фана и его театра будет принято как некое экзотическое варьете, что советские зрители не увидят в китайском театре большого национального воспитанного веками искусства⁷. Как бы отвечая на эти прогнозы, известный советский китаевед Б. Васильев писал, что «мы можем и умеем объективно и реально оценивать и понимать культурное наследие любой страны, в том числе и нашего великого 400-миллионного соседа Китая, и не только понимать, но и уважать»⁸. Одним словом, предсказания пессимистов не суждено было сбыться. И на этот раз наши зрители показали, что они любят и уважают национальное искусство любого народа, любой страны.

³ Эта творческая организация, как и другие творческие ассоциации и союзы, была разогнана во время «культурной революции».

⁴ «Синьхуа юэбао», 1953, № 11, стр. 228.

⁵ Мэй Лань-фан. Записки о поездке на Восток. Пекин, 1957. Мэй Лань-фан является также автором известной книги воспоминаний, изданной на русском языке. См. Мэй Лань-фан. Сорок лет на сцене. М., 1963.

⁶ Вера Юренова. Мои записки о китайском театре. М., 1928.

⁷ См. «Советское искусство», 2.III.1935.

⁸ Б. Васильев. Китайский классический театр. На спектаклях Мэй Лань-фана. — «Рабочий и театр», 1935, № 8, стр. 5.

По случаю приезда Мэй Лань-фана и его труппы в Москве был организован комитет по приему китайских артистов. В его состав вошли К. С. Станиславский, Вл. И. Немирович-Данченко, С. М. Эйзенштейн, А. Я. Таиров. В приветствии ВОКС говорилось, что приезд Мэй Лань-фана в СССР — событие выдающегося значения в истории культурных связей двух народов.

Журнал «Рабочий и театр» видел в этом событии «факт все более и более укрепляющихся дружественных взаимоотношений Китая и СССР не только в политическом и экономическом, но и в культурном аспекте»⁹. По словам журнала, гастроли Мэй Лань-фана в Москве и Ленинграде должны были «стать новым звеном в деле культурной связи между Китаем и СССР»¹⁰.

Важное значение придавал своим гастролям и Мэй Лань-фан. «Я надеюсь, — заявил он в интервью газете «Советское искусство», — что взаимное ознакомление китайского и советского театров послужит общему культурному сближению народов Китая и СССР»¹¹.

Выступления артистов китайского классического театра были встречены с огромным интересом зрителями Москвы и Ленинграда. Газета «Советское искусство» писала, что «художественная общность Москвы горячо приняла выступления китайского театра, в которых поражает высокое искусство пластичности, сочетающееся с тонким психологическим рисунком, и своеобразная сценическая техника актерской игры»¹².

Наша театральная критика, отмечая многогранность таланта Мэй Лань-фана, подчеркивала его огромный вклад в развитие всего искусства китайского театра, называла китайского артиста реформатором, смелым, подлинным новатором, всегда, однако, помнящим о великих традициях прошлого. К художественному наследию Мэй Лань-фан относился с глубоким почтением, бережно его хранил и творчески обогащал. Искусство Мэй Лань-фана построено на глубоком и исчерпывающем изучении того, что оно изображает. Иначе говоря, на изучении традиций и современности, без чего немислим подлинный творец¹³. Сам Мэй Лань-фан прекрасно понимал, что художник, порвавший с наследием прошлого и огульно отвергающий его, обречен на бесплодие, на умирание. В этом случае художник неизменно окажется, как говорил Лу Синь, предостерегая в свое время молодого Мэй Лань-фана, «под стеклянным колпаком на подставке из сандалового дерева».

Поездка в СССР познакомила Мэй Лань-фана с достижениями передового советского искусства. До этого ему приходилось, как он заметил, знакомиться с советским театром исключительно теоретически — по литературе и фотографиям. Отмечая важность для себя этой поездки, Мэй Лань-фан сказал: «Мой приезд в СССР имеет для меня большое творческое значение»¹⁴.

В Москве Мэй Лань-фан посетил А. М. Горького и подарил ему свой портрет; беседовал с писателями, режиссерами, актерами — А. Н. Толстым, С. М. Третьяковым, В. Э. Мейерхольдом, Ю. А. Завадским. Неоднократно встречался с К. С. Станиславским, который высоко ценил Мэй Лань-фана и до последних дней своей жизни не переставал восхищаться его искусством. Во время бесед двух корифеев советского и китайского театров родилась искренняя и сердечная дружба между ними. К. С. Станиславский, глубоко уважавший искусство других народов, считал Мэй Лань-фана одним из величайших современных актеров. В свою очередь Мэй Лань-фан писал: «Станиславский глубоко врезался в мою память, он оказал огромное влияние на развитие моего искусства»¹⁵.

Впоследствии, в разные годы, китайский артист часто обращался к трудам К. С. Станиславского, вновь и вновь перечитывал их. Проникновение в мысли гениального реформатора сцены помогало ему, по его словам, яснее и глубже осознать законы актерского мастерства. «Необходимо еще глубже изучать этого великого мастера», — непрерывно говорил Мэй Лань-фан с тех пор, как в мае 1937 г. впервые познакомился с печатными работами К. С. Станиславского. Тогда же в письме к Станиславскому он писал: «Недавно я получил Вашу книгу «Работа актера над собой». Это, конечно, великий труд, и я не сомневаюсь, что он станет весьма ценным руководством не только для меня, но и для всех людей моей профессии»¹⁶.

Достижения советского театра всегда оставались для Мэй Лань-фана источником богатейшего опыта. На одной из встреч с советскими артистами, гастролировавшими в Пекине, Мэй Лань-фан, выразив желание вновь посетить со своим театром Советский Союз, сказал: «Мы хотим опыт и мастерство нашей старой классической оперы использовать в новом репертуаре, отражающем жизнь нового Китая. Ваше же искусство,

⁹ «Рабочий и театр», 1935, № 8.

¹⁰ Там же, № 6.

¹¹ Мэй Лань-фан. Привет собратям. — «Советское искусство», 17.III.1935.

¹² «Советское искусство», 23.III.1935.

¹³ «Советское искусство», 29.III.1935.

¹⁴ «Советское искусство», 17.III.1935.

¹⁵ «Вэнь бао», 1953, № 2, стр. 36.

¹⁶ Там же.

выпестованное великими реалистами сцены Станиславским и Немировичем-Данченко, оставило у нас глубокий след. И за это вам большое, сердечное спасибо»¹⁷.

Во время гастролей Мэй Лань-фана в Советском Союзе состоялась его встреча и с С. М. Эйзенштейном. О беседах с мастером советского кино, о совместной работе и творческом общении Мэй Лань-фан пишет в одной из глав своей книги «Моя жизнь в кино»¹⁸.

Рассказывая о своей дружбе с С. М. Эйзенштейном, Мэй Лань-фан сообщает интересные подробности, приводит высказывания советского кинорежиссера, говорит о его отношении к китайскому театру. В воспоминаниях китайского артиста подмечены многие своеобразные черты С. М. Эйзенштейна, дополняющие для нас облик большого художника, классика советской кинематографии.

В своей книге Мэй Лань-фан приводит содержание интервью с С. М. Эйзенштейном корреспондента одной из китайских газет, взятое накануне приезда китайских артистов в Советский Союз. На вопрос корреспондента о том, проявит ли массовый советский зритель такое же внимание и интерес к китайскому театру, какие проявляют специалисты, деятели искусства, С. М. Эйзенштейн ответил: «Язык вовсе не преграда для того, чтобы наши зрители могли насладиться искусством Мэй Лань-фана». Советский кинорежиссер считал, что театр великого народа заслуживает того, чтобы вдуматься в него поглубже и понять источник той притягательной силы, которая сделала Мэй Лань-фана известным далеко за пределами Китая.

Питая огромный интерес к искусству китайского театра и желая, чтобы с ним познакомились зрители всей нашей страны, С. М. Эйзенштейн решил запечатлеть Мэй Лань-фана и его труппу на киноплёнке. На его предложение снять фильм с участием Мэй Лань-фана, китайский артист ответил согласием. «Съёмки, — пишет Мэй Лань-фан, — проходили на Мосфильме в ночные часы. Главная цель, которую преследовал С. М. Эйзенштейн, состояла в том, чтобы «правдиво отразить особенности китайского театра».

Работа над фильмом еще более сблизила двух мастеров, помогла лучше понять друг друга. По свидетельству Мэй Лань-фана, оценка С. М. Эйзенштейном искусства китайских артистов была ясной и верной. «И сегодня, спустя много лет, — пишет Мэй Лань-фан в своей книге, — его мысли часто помогают мне разрешать наши практические задачи, указывают направление дальнейших усилий. Сергея Эйзенштейна нет в живых, но, когда я пишу эти строки, передо мной стоит его образ, я вспоминаю каждую минуту нашего общения с удовольствием. Мы встречались всего месяц, но наша дружба была крепкой, а мое к нему уважение — безграничным»¹⁹.

Воспоминания Мэй Лань-фана о его работе в кино, о встречах с выдающимися деятелями экрана — документ, имеющий немаловажное значение для изучения жизни и творчества великого китайского артиста. И мы вновь убеждаемся в том, что подлинный художник-творец никогда не замыкается в узконациональных рамках, его искусство питает не только родная почва, оно обогащается и опытом прогрессивных зарубежных мастеров. «Выдающиеся успехи Мэй Лань-фана в искусстве, — справедливо отмечал театровед Ма Шао-бо, — оказались возможны потому, что он в своей художественной практике развил лучшие реалистические традиции национального театрального искусства»²⁰. Но следовало бы добавить, отчасти и благодаря тому, что Мэй Лань-фан умел творчески воспринимать достижения актеров и режиссеров других стран, своих друзей и коллег.

Незадолго до смерти Мэй Лань-фан произнес слова надежды о том, что «искусство Китая будет жить»²¹. Актер не дождал до того дня, когда театр, которому он отдал всю жизнь, это чудо и гордость китайцев, оказался ввергнутым в разрушительный водоворот хунвэйбинновских бесчинств, надругательств и унижения, когда великое наследие подвергли гонению, а новое предстало в виде «образцовых революционных пьес». Но искусство великого актера, запечатленное на киноплёнку, его книги, сама память о нем нельзя предать забвению. Настанет день, и начнется второе рождение китайского театра. И тогда вернется к китайцам и Мэй Лань-фан, «сын простого народа», как назвал его Лу Синь, чье искусство вечно будет жить в памяти людской.

¹⁷ «Московская правда», 5.II.1955.

¹⁸ «Дяньин ишу», 1959, № 5, стр. 85—88. На русском языке в моем переводе эта глава опубликована в сборнике «Эйзенштейн в воспоминаниях современников». М., 1974, стр. 258, 261.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Чжунго циннянь бао», 9.IV.1955.

²¹ «Правда», 29.IX.1954.

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

Перспективы алфавитного письма в Китае

*М. В. Софронов,
доктор филологических наук*

Несмотря на общепризнанную трудность усвоения и неудобство использования иероглифической письменности, переход к более легкой и эффективной алфавитной письменности до сих пор остается проблемой будущего. Трудности, которые возникают при попытке воспользоваться алфавитным письмом для китайского языка, ведут к некоторым фундаментальным проблемам китайского языка и культуры.

При создании алфавита немедленно возникает проблема различения на письме омонимов и проблема количества алфавитов, которые следует создать для многодиалектного Китая. Китайская иероглифическая письменность составляет одну из важнейших составных частей китайской культуры. В Китае она является предметом гордости даже тех, кто ею не владеет. Переход от иероглифов к алфавитному письму означает существенную перестройку китайской культуры, к которой в настоящее время готовы немногие.

Китайская иероглифическая письменность связана также и с национальными чувствами. Замена национальной иероглифической письменности алфавитным письмом иностранного происхождения представляется некоторым изменением национальной культуры. Все проекты алфавитного письма в Китае рассматриваются с точки зрения проблемы национального единства. Роль иероглифической письменности в формировании национального единства известна достаточно хорошо. Предложения о создании одного алфавита для национального языка и о создании нескольких алфавитов — один для национального языка и нескольких для диалектов — отражают различные взгляды на проблему национального единства. Поэтому дискуссия между различными направлениями решения проблем китайской алфавитной письменности отражает столкновения между различными подходами к проблеме национальной консолидации и национального единства в Китае.

Проблемы письменного выражения китайского языка

Знак китайской письменности является графическим изображением морфемы, которая может представлять собой целое односложное слово, значимую — знаменательную или служебную — часть слова, слог, не имеющий собственного значения, например, звукоподражательный. Для того чтобы иероглифы могли бы выполнять свою функцию письменного выражения китайского языка, необходимо поставить в соответствие каждой слоговой морфеме определенный письменный знак. Однако существует непреодолимый разрыв между бесконечно большим количеством слоговых морфем китайского языка и оптимальным числом знаков, которые могут быть практически удержаны в человеческой памяти. Поэтому связи между китайским языком и китайской иероглифической письменностью довольно сложны. Однозначное соответствие слоговой морфемы и письменного знака встречается не всегда. Один и тот же знак может быть использован для передачи двух и большего числа слов.

Даже в тех случаях, когда налицо однозначное соответствие морфемы живого языка и письменного знака, произношение морфемы в разговорном языке может отличаться от чтения иероглифа, который ее обозначает. В этих случаях говорят о наличии литературного и разговорного чтений одного и того же иероглифа. Произношение иероглифов еще в конце прошлого века определялось не по тому, как произносятся в разговорном языке соответствующие морфемы, а по фонетическим словарям, указывающим чтения конца VI в. Поэтому чтения письменных знаков, особенно тех, которым нет соответствующих морфем в современном языке, часто бывают условными. Они могли в большей

или меньшей степени совпадать с реальным произношением соответствующих морфем в разговорном языке на каком-нибудь диалекте, но источником этих чтений был не разговорный язык, а фонетические словари.

Таким образом, китайская иероглифическая письменность представляет собой достаточно самостоятельную графическую структуру, сохраняющую определенную независимость от разговорного языка. Однако, будучи мало связанной с китайским языком, иероглифическая письменность предъявляет к нему свои собственные требования. Как уже указывалось, общее число слоговых морфем, встречающихся в многочисленных диалектах китайского языка, практически нечислимо, поэтому китайская иероглифическая письменность всегда требовала на основании определенных временных или пространственных критериев отбора из общего множества тех морфем, которые должны были получить графическое выражение. Так иероглифическая письменность способствовала созданию достаточно условного языка — языка письменной культуры. Исторический опыт функционирования такого языка на протяжении многих столетий свидетельствует о том, что запас слов и письменных знаков не был рассчитан прежде всего на тексты письменной культуры, но не на запись разговорного языка. В истории Китая известны два письменных языка: *вэньян*, основанный на древнекитайском языке, и *байхуа*, основанный на разговорном языке северных диалектов XVI—XVIII вв.

Китайская иероглифическая письменность и письменный язык представляли собой комплекс средств выражения, предназначенный для создания текстов китайской культуры. С помощью этого комплекса преодолевались некоторые трудности письменного выражения китайского языка. Одной из таких трудностей является наличие значительного количества омонимов — лексических единиц с одинаковым произношением, но с различным значением. Иероглифическая письменность, предлагающая индивидуальное графическое обозначение для каждой морфемы, легко решает проблему различения омонимов на письме, которая решается с трудом при других способах письма.

Лексика диалектов современного китайского языка в значительной мере является общим наследием, полученным от древнекитайского языка. Поэтому в диалектах имеется значительное количество слов, связанных между собой фонетическими соответствиями, которые далеко не всегда бывают достаточно явными. Письменный знак способствует отождествлению соответствующего слова в различных диалектах независимо от его произношения.

Таким образом, китайская иероглифическая письменность на протяжении многих веков выполняла две важные лингвистические функции: функцию различения омонимов на письме и функцию отождествления лингвистических единиц в различных диалектах китайского языка. Поэтому иероглифическая письменность по праву рассматривается как важный фактор культурного и лингвистического единства Китая.

Однако оборотной стороной указанных достоинств китайской иероглифической письменности является крайне слабая восприимчивость ко всему тому, что лежит за пределами письменного языка: к диалектам и иностранным языкам.

Диалекты и диалектная лексика обычно не использовались в текстах общекитайской письменной культуры. Однако наряду с общекитайской культурой в Китае существовали также и достаточно развитые локальные культуры, представленные различными жанрами фольклора. Большая часть произведений локальных культур существовала в устной форме, но иногда их записывали на местных диалектах. В этих случаях для обозначения чисто диалектной лексики создавались местные диалектные знаки, которые обычно не использовались в текстах общекитайской письменной культуры. За последние десятилетия лишь несколько диалектных слов получили распространение по всей стране.

Иероглифическая письменность создает трудности при адаптации иностранной лексики в китайском языке. Китайская письменность, предназначенная для языка со слоговыми морфемами, может быть лишь с большим трудом приспособлена для передачи слов языков с многосложными морфемами. Исследование функций заимствованных слов в разговорной и письменной форме китайского языка показало, что китайцы без труда пользуются в устной речи многосложными иностранными словами, заимствованными в устной форме, однако использование иностранных слов, заимствованных в письменной форме, всегда встречает препятствия из-за громоздкости заимствованных слов в передаче средствами китайского письма¹. Из-за этих трудностей наиболее распространенной формой заимствования является перевод иностранных слов и терминов на китайский язык.

Однако иностранные географические названия и имена собственные, которые составляют значительную часть заимствованной лексики, не могут быть переведены на китайский язык. Отдельные исключения из этого правила, вроде *Бай гун* «Белый дом» или *Гунчэн ху* «Лейк Саксесс» и т. п., не меняют его существа. Большинство современ-

¹ А. Г. Шпринцин. О заимствовании китайской речью русской лексики. — «Страны и народы Востока». Вып. XIII. М., 1972, стр. 186—188.

ных географических названий представляет собой прямые заимствования. В письменной форме они разбиваются на слоги, не всегда соответствующие исходному слогоделению, читаются на разных диалектах и поэтому, как правило, теряют сходство с оригиналом.

Таким образом, китайская иероглифическая письменность является удобным средством письма на строго регламентированном письменном языке. Китайская письменность в принципе допускает возможность появления в письменном языке слов из диалектов китайского языка, но крайне затрудняет заимствование слов из иностранных языков.

В эпоху ограниченных связей с внешним миром эта особенность китайской письменности не имела существенного значения для развития китайского языка и китайской культуры. Однако в новое время возникает настоятельная необходимость в более удобной алфавитной письменности, которая открывает возможность писать на живом разговорном языке, свободно привлекая лексику диалектов, и облегчает доступ в китайский язык иностранной лексике, сближающей его с другими языками мира.

Первые опыты китайского алфавитного письма. Чжунинь цзыму

Первые попытки создания алфавитной письменности для китайского языка были предприняты христианскими миссионерами, озабоченными неграмотностью основной массы китайского населения, к которому была обращена их проповедь². Однако эти попытки обычно успеха не имели, за исключением алфавита, созданного для диалекта Амоя. Этот алфавит получил широкое распространение в провинции Фуцзянь и на Тайване, где число владеющих этим алфавитом исчислялось сотнями тысяч³.

В конце прошлого века начинают появляться проекты алфавитного письма, предложенные китайскими филологами. Первым был проект Лу Чжуан-чжана, предложенный в 1892 г. В первоначальном виде он представлял собой алфавит, предназначенный для диалектов Амоя, Чжанчжоу, Цюаньчжоу, разработанный на основе латинской графики. С 1892 г. по 1913 г. было предложено значительное число проектов китайской алфавитной письменности, которые были разработаны на различной графической основе. Среди них имеются проекты, основанные на латинской графике, на базе арабских цифр, на базе произвольных знаков, на базе китайской графики⁴. Проекты, основанные на арабских цифрах, вероятно, останутся научным курьезом, идеи всех остальных проектов в той или иной форме нашли свое применение в различных сферах приложения языка. Идеи использования латинской и китайской графики нашли свое воплощение в более совершенных проектах китайского письма, разработанных позднее, идеи, предложенные в проектах с произвольными знаками, нашли воплощение в различных системах китайской стенографии.

Наибольшее распространение получили проекты известных китайских филологов Ван Чжао и Лао Най-сюаня, основанные на китайской графике. Оба проекта имеют много общего в технике образования письменных знаков и в орфографии, однако резко различались по самому подходу к проблеме алфавитного письма для Китая.

Как известно, китайский язык представляет собой совокупность диалектов, которые в некоторых случаях настолько различны, что взаимное понимание между говорящими на диалектах оказывается невозможным. Поэтому первой проблемой, которая возникает при создании китайского алфавита, является проблема выбора — для скольких диалектов следует разрабатывать алфавит? Это имеет существенное значение, потому что при существующих различиях между диалектами алфавит, пригодный для одного из них, может оказаться непригодным для многих других.

На этот вопрос были даны два противоположных ответа. Ван Чжао считал, что задачи лингвистического, культурного и политического единства требуют создания алфавита для одного диалекта китайского языка — гуаньхуа, который вместе с алфавитом должны освоить все те, кто хочет обучиться грамоте на новом алфавите. Ван Чжао получил поддержку правительства и примерно десять лет распространял свой алфавит в 13 провинциях Китая. Он организовал публикацию книг и газеты на своем алфавите, открыл школы, где преподавался его алфавит.

Лао Най-сюань считал, что задачи алфавита скромны — он должен дать тем, кто не владеет иероглифической письменностью в полном объеме, средство, с помощью которого они могли бы делать необходимые записи для собственных нужд, писать письма

² J. DeFrancis. *Nationalism and Language reform in China*. N. Y., 1972, p. 14—28.

³ Хуан Дянь-чен. Преимущества алфавитного письма на примере байхуа цзы на юге Фуцзяни. — «Чжунго юйвэнь», 1953, № 13, стр. 16.

⁴ Чжоу Ю-гуан. Очерки реформы китайской письменности. Пекин, 1964, стр. 54—57.

родным и знакомым, черпать полезные сведения из популярной литературы и периодики. Для этого он предлагал создать алфавит не для одного диалекта, а для нескольких, с тем чтобы грамота не связывалась бы с одновременным изучением национального языка, а была бы грамотой на родном диалекте. Он понимал также, что создание алфавитов для каждого отдельного диалекта невозможно, поэтому предлагал разработать четыре алфавита для основных диалектных ареалов: гуаньхуа, Нанкин, Сучжоу, диалект провинций Фуцзянь и Гуандун. Проект Лао Най-сюаня имел успех главным образом на юге, где его алфавиты преподавались около шести лет.

На упреки Ван Чжао в попытках децентрализовать развитие китайского языка Лао Най-сюань отвечал следующим образом. Он говорил, что он точно так же, как и Ван Чжао, стоит за единый китайский язык, но этот единый язык должен сформироваться на основании слияния диалектов естественным образом. Соответственно он не верил в то, что проект Ван Чжао распространить гуаньхуа по всей стране может принести быстрый успех, и считал, что естественное формирование единого китайского языка может занять примерно столько же времени, сколько потребует распространение гуаньхуа, но не будет связано с усвоением чужого диалекта⁵. В этой ограниченной дискуссии по поводу первых вариантов китайского алфавита заложено зерно будущих дискуссий по этим проблемам, которые велись в 20—40-х годах.

Характерной чертой ранних проектов алфавитов для китайского языка является то, что ни один из них не ставил своей целью заменить китайскую иероглифическую письменность. По мысли авторов всех проектов, алфавитное письмо было нужно прежде всего для ликвидации неграмотности широких масс китайского народа, которые не могут получить образования, но тем не менее нуждаются в удовлетворении элементарных культурных и эстетических потребностей.

Наряду с другими насущными общественными проблемами лингвистические проблемы активно обсуждались в периодике начала века. Для передовых мыслителей того времени была ясна зависимость, существующая между легким для усвоения алфавитным письмом и всеобщей грамотностью⁶. Однако ликвидацию китайской письменности и немедленный переход на язык эсперанто предлагали только анархисты. Возражая против их безумного предложения, Чжан Тай-янь высказал мысль, которая в дальнейшем была подхвачена многими деятелями китайского алфавитного письма: использовать алфавитное письмо для исправления наиболее явных недостатков иероглифической письменности. Например, с помощью алфавита указывать современные чтения иероглифов и тем самым отказаться от устарелых фаньце, передавать иностранные имена, географические названия и т. п.⁷

В декабре 1912 г. министерство просвещения Китайской республики постановило созвать комитет по унификации чтения иероглифов, которому было поручено определение унифицированного чтения иероглифов и создание алфавита для записи этого унифицированного чтения. Председателем комитета был назначен У Цзин-хэн, вице-председателем — Ван Чжао.

Работа Комитета началась 15 февраля 1913 г. Дискуссия по проблемам алфавита проходила весьма остро. Основная проблема, которая стояла перед членами комитета, заключалась в том, какие звуки, имеющиеся в различных диалектах китайского языка, следует отразить в национальном алфавите. Разногласия возникли по поводу звонких согласных и конечного сонанта — *m*. Как известно, эти звуки присутствуют в южных диалектах, поэтому представители южных провинций настаивали на включении их в алфавит, между тем как северяне решительно возражали против этого предложения.

После ожесточенной дискуссии победа осталась за представителями северных провинций, которые отстаивали алфавит в такой форме, в которой его можно использовать прежде всего для северных диалектов. Однако в этом алфавите предоставлялись также возможности использовать его для любого диалекта — не только северного, но и южного с помощью диакритических знаков для обозначения звонких начальных согласных и конечного — *m*⁸.

Новый алфавит получил название *чжуннь цзыму* — алфавит для указания произношения. Предлагалось, что обучение этому алфавиту должно начаться немедленно, однако проект, разработанный комитетом по унификации произношения, шесть лет ждал утверждения в министерстве просвещения и был введен в действие 16 апреля 1919 г., незадолго до событий 4 мая, которые дали новый толчок исследованиям проблемы китайского алфавита⁹.

⁵ Ли Цзинь - сн. Очерки истории движения за национальный язык. Т. I, Шанхай, 1934, стр. 23—48.

⁶ Лиан Ци - чао. Предисловие к книге Шэнь Сюэ «Изначальные звуки, благодетельствующие миру». Пекин, 1956, стр. 3.

⁷ Чжан Би - линь. Против теории использования эсперанто в Китае. Чжан Тай-янь, Тань Сы-тун вэньцзи. 1910, т. III, стр. 20—33.

⁸ Ли Цзинь - сн. Указ. соч., стр. 49—54.

⁹ Чжоу Ю - гуан. Указ. соч. стр. 34.

Романизированный и латинизированный алфавит

В ходе революционно-демократического движения «4 мая» наряду с общественно-политическими, культурными и литературными проблемами, обсуждалась и реформа китайской письменности. Для выступлений в журналах «Синь циннянь» и «Синчао» были характерны радикальные выступления, призывавшие к замене иероглифов алфавитным письмом. «Необходимо ли заменить китайское письмо алфавитом? — спрашивал Фу Сы-нянь и отвечал на свой вопрос: — Абсолютно необходимо»¹⁰.

Однако профессиональные филологи включились в дискуссию об алфавитном письме для китайского языка несколько позднее. В 1923 г. Цянь Сюань-тун опубликовал программную статью об алфавитном письме для китайского языка, которая по аналогии с известной статьей Чэнь Ду-сю о литературной революции называлась «Революция китайской письменности». Цянь Сюань-тун указал на принципиальное отличие нынешней дискуссии об алфавитном письме от всех предшествующих. До сих пор алфавитное письмо предлагалось использовать в качестве вспомогательного средства при иероглифической письменности, теперь же речь идет о создании такого алфавитного письма, которое должно заменить китайскую иероглифическую письменность¹¹.

Цянь Сюань-тун не только призвал к революции китайской письменности, но также и доказал ее неизбежность. Для этого он кратко изложил историю китайского письма и показал, что китайская иероглифическая письменность развивалась от пиктограмм к созданию знаков фонетической категории. Как он полагал, в эпоху Цинь китайскую письменность лишь один шаг отделял от превращения в алфавитную. Поэтому в рамках его концепции переход от иероглифов к алфавитному письму является лишь естественным завершением эволюции китайского письма¹².

Новый национальный алфавит чжунь цзыму не удовлетворял Цянь Сюань-туна, потому что он не соответствовал стандартам современной мировой культуры. Для того чтобы облегчить связи современной культуры Китая с мировой культурой, он предлагал воспользоваться мировой письменностью — алфавитом типа латинского. Первоначально он предлагал воспользоваться знаками международной фонетической транскрипции, потому что с их помощью можно наиболее точно записывать звуки речи, но в дальнейшем обратился к более практичным обыкновенным знакам латинского алфавита. Цянь Сюань-тун достаточно ясно сознавал сложность проблем, возникающих при создании алфавитного письма для китайского языка. Особенно его волновала проблема различения омонимов. Уже в этой статье он высказался за обязательное обозначение тонов на письме и за необходимость придания различного графического облика одинаковым словам, произносимым под разными тонами. Так родилась основная идея романизированного алфавита китайского языка¹³.

В том же 1923 г. подготовительный комитет единства национального языка сформировал исследовательский комитет из 11 человек для разработки латинского алфавита для национального языка, однако по разным причинам этот комитет оказался нежизнеспособным. На следующий год в Пекине был сформирован общественный комитет, который занялся разработкой латинского алфавита. Он получил название «Комитет нескольких». В 1926 г. работа над алфавитом была завершена, а в 1928 г. с большими трудностями он был официально опубликован министерством просвещения как «второй вариант национального алфавита»¹⁴.

Алфавит, разработанный «Комитетом нескольких», получил название романизированного алфавита. Он был предназначен для того, чтобы писать на пекинском диалекте, который к тому времени уже был рекомендован в качестве нормы для китайского национального языка, и был практически непригоден для письма на других диалектах. Его наиболее примечательной особенностью является строчное изображение тона с помощью дополнительных букв или изменения начертания гласного. Этот алфавит обеспечивал максимально возможную индивидуализацию графического облика слов китайского языка, однако орфографические правила, которые предусматривались этим алфавитом, были слишком сложны. Поэтому романизированный алфавит не получил широкого распространения в Китае и использовался главным образом за его пределами для преподавания китайского языка иностранцам.

В 1928 г. в Москве Цюй Цю-бо приступил к разработке латинского алфавита для китайского языка. Этот алфавит был предназначен для ликвидации неграмотности ки-

¹⁰ Фу Сы-нянь. Предварительное обсуждение вопроса о замене китайского письма на алфавит. Вэньцзы лишн гуань юй гэмин лунь. Бэйпин, 1936, стр. 276.

¹¹ Цянь Сюань-тун. Революция китайской письменности. Вэньцзы лишн гуань юй гэмин лунь. Бэйпин, 1936, стр. 143—144.

¹² Цянь Сюань-тун. Указ. соч., стр. 147, 161—162.

¹³ Цянь Сюань-тун. Указ. соч., стр. 170.

¹⁴ Чжоу Ю-гуан. Цит. соч., стр. 41—42.

тайцев, проживавших на территории Советского Союза, однако Цюй Цю-бо создавал, что он может быть также применен и в Китае. В 1929 г. Цюй Цю-бо опубликовал «Проект китайского алфавита на латинизированной основе», за которым в 1930 г. последовала «Китайская латинизированная азбука»¹⁵. Эти первоначальные проекты были положены в основу для работы специальной комиссии, в которую входили В. М. Алексеев и А. А. Драгунов. Новый проект алфавита, разработанный комиссией по латинизации китайской письменности, был утвержден Центральным комитетом Нового Алфавита и рекомендован для распространения среди китайцев, проживавших в СССР¹⁶. В сентябре 1931 г. во Владивостоке I конференция по латинизации китайской письменности приняла алфавит и правила орфографии. Этот алфавит получил название латинизированного алфавита китайского языка. Он был предназначен для практических целей обучения письму неграмотных¹⁷.

Основная идея, которая была положена в основу латинизированного алфавита, состояла в том, чтобы с его помощью писать на различных диалектах китайского языка. Для того чтобы сделать алфавит максимально гибким и легко приспособляемым к различным диалектам, было принято решение не пользоваться специальными знаками для обозначения тонов¹⁸. Опыт применения латинизированного письма для ликвидации неграмотности китайского населения советского Дальнего Востока показал, что с его помощью проблемы ликвидации неграмотности могут быть решены в короткий срок. В работе по распространению латинизированного алфавита на советском Дальнем Востоке активное участие принимали видные китайские революционеры У Юй-чжан, Линь Бо-цзюй, Ван Сян-бао и другие.

Первые сведения о латинизированном алфавите достигли Китая в 1932 г. В это время в периодической печати велась дискуссия о «языке масс». Идея «языка масс» оказалась прочно связанными с «новой письменностью» — так был назван в Китае латинизированный алфавит. В прогрессивной печати новый алфавит пропагандировали Цюй Цю-бо, Лу Синь и многие их соратники по «Левой лиге», руководимой КПК. Новая письменность встретила поддержку и в более широких демократических кругах. В 1935 г. открытое письмо в поддержку новой письменности подписали Цай Юань-пэй, Лу Синь, Го Мо-жо и несколько сот других прогрессивных деятелей китайской культуры¹⁹.

С 1934 г. по всему Китаю стали образовываться добровольные организации, целью которых была пропаганда и практическое распространение новой письменности. Известно о существовании свыше двадцати таких организаций в разных частях Китая. Японская агрессия замедлила распространение новой письменности. Оно активно продолжалось в Шанхае, где в годы войны действовало свыше ста учебных пунктов ликвидации неграмотности для беженцев. В несколько меньших масштабах обучение новой письменности проводилось в Кантоне и Гонконге²⁰.

Опыт распространения новой письменности в Китае показал, что даже при самых благоприятных условиях переход к алфавитному письму потребует огромных усилий и времени. Этот опыт отразился в манифесте «Общества новой письменности пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся», созданного в 1940 г., где говорилось, что в настоящее время следует пользоваться новым письмом главным образом для того, чтобы изучать китайскую неероглифическую письменность, но при этом знание новой письменности нужно доводить до такого уровня, на котором учащиеся смогли бы самостоятельно пользоваться алфавитом как независимым средством письма. Среди организаторов общества, подписавших манифест, были Линь Бо-цзюй, У Юй-чжан, Сюй Тэ-ли, Се Цзяо-цзай и другие, среди подписавших этот манифест в знак одобрения были Мао Цзэ-дун, Чжу Дэ, Жэнь Би-ши и другие²¹.

В работе Мао Цзэ-дуна «О новой демократии» говорится, что «письменность должна быть при определенных условиях реформирована, язык должен быть приближен к народным массам»²². Это высказывание считается его основной установкой по вопросам китайской письменности и языка. Непосредственным источником этого указания

¹⁵ А. Г. Шприцен. Об одной малоизвестной работе Цюй Цю-бо. — «Проблемы востоковедения», 1960, № 6.

¹⁶ Комиссия по латинизации китайской письменности. К вопросу о латинизации китайской письменности. «Записки Института востоковедения АН СССР», т. 1. Л., 1932, стр. 35—36, 47—48.

¹⁷ Э. Сяо. Латинизация китайской письменности. «Литература мировой революции», 1931, № 11—12, стр. 149.

¹⁸ Цюй Вэй-то. Китайская латинизированная азбука. — «Проблемы Китая», 1930, № 2, стр. 137.

¹⁹ Ни Хай-шу. История движения за алфавитное письмо в Китае. Шанхай, 1948, стр. 138—141.

²⁰ J. De Francis. Op. cit., p. 109—135.

²¹ Ни Хай-шу. Указ. соч., стр. 166.

²² Мао Цзэ-дун. Избр. соч. М., 1950, т. 3, стр. 273.

является политика КПК в области реформы китайской письменности и создания литературы на «языке масс». Таким образом, к началу 40-х годов стало очевидно, что два основных проекта китайского алфавита предлагают два взаимоисключающих пути развития китайского алфавитного письма.

Пиньинь цзыму

После победы народной революции и образования КНР были устранены политические препятствия на пути реформы иероглифической письменности и распространения латинизированного алфавита. В это время у старых деятелей движения за реформу китайской письменности возникло опасение, что в ближайшее время в повестку дня встанет радикальная реформа китайского письма. Это опасение отчетливо проглядывается в речи Ли Цзинь-си, которую он подготовил к учредительному заседанию «Общества реформы китайской письменности», состоявшемуся в октябре 1949 г. Не защищая иероглифическую письменность, Ли Цзинь-си тем не менее доказывал, что с практической точки зрения ликвидация китайской иероглифической письменности не только невозможна, потому что немедленная отмена старой письменности приведет к тому, что Китай станет страной поголовной неграмотности, но и не нужна, потому что, несмотря на свои недостатки, она выполняет свои функции и сможет их выполнять еще долго²³.

Эти опасения оказались напрасными, потому что сторонники новой письменности, которые встали во главе учреждений, занимавшихся проблемами реформы китайского письма, начали проявлять большую осторожность в высказываниях о будущем китайской письменности. Всем было ясно, что ликвидация китайской иероглифической письменности станет возможной весьма не скоро, однако по вопросам программы практической деятельности завязалась дискуссия.

Никто из участников дискуссии о судьбах китайского письма начала 50-х годов не сомневался в том, что в сложившейся ситуации наряду с иероглифическим письмом должен существовать алфавит, который со временем придет на смену иероглифам. Проблема состояла в том, каким должен быть этот алфавит — официально принятый чжунь цзыму, не принятый официально латинизированный алфавит или какое-то новое алфавитное письмо, которое нужно было не теряя времени разработать. Сторонники новой письменности, опиравшиеся на старые, еще довоенные учреждения, начали активную разработку и распространение проектов алфавитов для различных диалектов китайского языка. Однако политическое руководство КНР не скрывало своего сдержанного отношения к укреплению позиций диалектов. «...В будущем в Китае обязательно будет единый язык и единая письменность, стандартом для этого языка и письменности должны сделаться наиболее широко распространенные северные диалекты, нужно направить к единству развитие языка и письменности всей страны. Можно писать латинизированным алфавитом на местных диалектах, однако не следует особенно поощрять это» — так писал У Юй-чжан в начале мая 1950 г.²⁴.

Разработка проблем китайской письменности на уровне государственных органов началась после того, как Государственный совет 26 декабря 1951 г. принял решение создать «Исследовательский комитет по реформе китайской письменности». Официальное открытие комитета состоялось 5 февраля 1952 г. На открытии сопредседательствовали Ма Сю-лунь и У Юй-чжан. В их выступлениях содержался рассказ о событиях, предшествовавших созданию комитета.

«Ввиду того, что реформа письменности представляет собой великое свершение в области культурного строительства в нашей стране, — сказал Ма Сю-лунь, — в прошлом году мы обратились к председателю Мао Цзэ-дуну с просьбой об указаниях, и председатель дал нам указание изучить эту проблему. Три-четыре месяца назад председатель снова дал нам указание: «письменность должна быть реформирована, она должна пойти по общему для всех письменностей мира пути алфавитного письма; ее форма должна быть национальной — алфавит и проект должны быть созданы на основе ныне существующих знаков китайской письменности»²⁵.

В речи У Юй-чжана также содержится упоминание об отдельной встрече с Мао Цзэ-дуном. «В июне прошлого года, — сказал он, — председатель Мао имел беседу со мной. Он сказал, что прежде всего следует провести упрощение китайских иероглифов, а в вопросах реформы письменности не следует отрываться от действительности»²⁶.

²³ Ли Цзинь-си. О новой письменности для национального языка. Пекин, 1949, стр. 9—10.

²⁴ Г-н У Юй-чжан о проблеме единого языка и диалектов. «1950 нянь Чжунго юйвэнь вэньти луньвэнь цзяю», сост. Ду Цзы-цинъ. Пекин, 1952, стр. 204.

²⁵ Ма Сю-лунь. Вступительная речь на учредительном заседании исследовательского комитета по реформе китайской письменности. «Чжунго юйвэнь», 1952, № 1, стр. 4.

²⁶ У Юй-чжан. Выступление на учредительном заседании исследовательского комитета по реформе китайской письменности. Там же, стр. 5.

Сведения, сообщенные Ма Сю-лунем и У Юй-чжаном, говорят о том, что в 1951 г. на уровне высшего политического руководства решались стратегические проблемы реформы китайской письменности. Указание Мао Цзэ-дуна в том виде, в котором оно было приведено в речи Ма Сю-луня, цитировалось сравнительно недолго. Его заключительная часть относительно национальной формы китайской алфавитной письменности вскоре была опущена.

Исследовательский комитет по реформе китайской письменности был организационно подчинен министерству просвещения КНР. Как отметил в дальнейшем У Юй-чжан, с 1952 по 1954 г. он занимался главным образом разработкой проекта китайского алфавита на основе китайской графики. Это послужило одной из причин того, что в октябре 1954 г. Исследовательский комитет был реорганизован и на смену ему был создан Комитет по реформе письменности непосредственно при Государственном совете КНР. Председателем комитета был назначен ветеран движения за латинизированный алфавит У Юй-чжан. В феврале 1955 г. комитет организовал специальную комиссию для практической разработки алфавита. Ее главной задачей было создание алфавита на латинской графике. В феврале 1956 г. Комитет по реформе письменности опубликовал для широкого обсуждения проект алфавитного письма на латинской основе. Примечательной особенностью этого проекта было наличие диакритических знаков, заимствованных из научной фонетической транскрипции.

После широкого обсуждения, продолжавшегося до августа 1956 г., комиссия разработала два варианта алфавита и представила их на рассмотрение Государственного совета. В октябре Государственный совет организовал специальную комиссию, которая должна была создать окончательный проект алфавита. Через год работы — в октябре 1957 г. — появился «Исправленный проект», который утратил черты фонетической транскрипции и приобрел явное сходство с латинизированным алфавитом. Принципиально новой чертой, отличавшей его от старого латинизированного алфавита, явилось обозначение тонов с помощью надстрочных диакритических знаков. 1 ноября 1957 г. Государственный совет утвердил «Исправленный проект» и передал его на обсуждение Всекитайского собрания народных представителей²⁷. 11 февраля 1958 г. проект был утвержден как официальный алфавит для китайского языка. Он получил название пиньинь цзыму — фонетический алфавит.

Пиньинь цзыму является прямым наследником латинизированного алфавита, разработанного в начале 30-х годов. Наиболее существенным отличием этого латинизированного алфавита второго поколения является обязательное обозначение тона, что связывает его с северными диалектами, однако диакритические надстрочные изображения тонов более гибки по сравнению со строчными указаниями тона романизированного алфавита и позволяют ему с меньшими трудностями служить для записи речи на диалектах.

Функции фонетического алфавита

За месяц до того, как Всекитайское собрание народных представителей приняло новый алфавит, 10 января 1958 г. Всекитайский комитет Национального политического консультативного совета Китая провел собрание, на котором выступил с речью Чжоу Энь-лай. Цель этого собрания состояла в том, чтобы дать официальные разъяснения по поводу решений правительства по проблемам языка и письменности перед представителями различных общественных группировок, объединенных НПКСК.

В своей речи «Задачи реформы письменности в настоящее время» Чжоу Энь-лай специально подчеркнул, что назначение нового алфавита состоит в том, чтобы транскрибировать чтения китайских иероглифов при их изучении, в том, чтобы использовать его для распространения путунхуа. Этот алфавит не предназначен для того, чтобы заменить существующую китайскую иероглифическую письменность. Его назначение состоит в том, чтобы служить вспомогательным средством при изучении иероглифической письменности в школах и на курсах ликвидации неграмотности. Этот алфавит может быть использован также при преподавании национального языка путунхуа²⁸.

Китай — многонациональное государство, объединяющее свыше пятидесяти различных национальностей. Большинство народов Китая говорят на языках, не имеющих письменностей. Создание письменностей для бесписьменных народов Китая является основной задачей повышения уровня их экономического и культурного развития. Гра-

²⁷ У Юй-чжан. Доклад о работе по реформе письменности в настоящее время и о системе фонетической транскрипции ханьского языка. — «О реформе китайской письменности». Пекин, 1958, стр. 43—55.

²⁸ Чжоу Энь-лай. Задачи реформы письменности в настоящее время. — «О реформе китайской письменности». Пекин, 1958, стр. 13.

фика письменностей народов Китая должна быть единой, что создаст больше удобства для функционирования алфавита в многонациональном государстве. Как сообщил в своей речи Чжоу Энь-лай, несколько лет назад можно было встретить нерешительность относительно того, каким должен быть алфавит для китайского языка, и это отразилось на темпах работы над алфавитами для языков народов Китая. В настоящее время окончательно решено, что китайский алфавит строится на латинской графике. Это означает, что и алфавиты для языков народов Китая должны строиться на латинской основе²⁹.

Новый алфавит может быть использован для преподавания китайского языка иностранцам вместо различных национальных систем транскрипций, применяемых в разных странах. Он может быть использован для транскрипции китайских и иностранных собственных имен, географических названий, при составлении каталогов и указателей и т. п.³⁰.

Переходя к проблеме связи китайской письменности с национальной культурой, Чжоу Энь-лай напомнил, что китайский алфавит на латинской основе не является чем-то совершенно новым для Китая. История китайского алфавита на латинской основе началась с опыта католического миссионера Маттео Риччи в XVII в., а в 20-х и 30-х годах нашего века китайские ученые разработали романнизированный и латиннизированный алфавит китайского языка. Подготовив таким образом почву для окончательного вывода, он задал вопрос, не пойдет ли использование алфавита на латинской графике вразрез с патриотическими чувствами нашего народа? Нет, отвечал он, использование латинского алфавита не означает, что мы отказались от нашей собственной письменности и приняли алфавит иностранного государства. «Мы используем его, — продолжал он. — чтобы он служил нам точно так же, как мы используем паровозы, пароходы, автомобили и самолеты (по происхождению все это — иностранное). ... Поэтому он нисколько не повредит нашим патриотическим чувствам»³¹.

По поводу будущего китайской иероглифической письменности Чжоу Энь-лай решительно заявил, что этот вопрос не входит в рамки задач реформы письменности в настоящее время. Он подчеркнул исторические заслуги китайской иероглифической письменности и заявил, что китайская письменность будет изменяться, как она изменялась в прошлом. Однако направление этих изменений, по его мнению, в настоящее время предсказать невозможно, поэтому не следует спешить с выводами по этим вопросам³².

Эта речь Чжоу Энь-лая рассеяла сомнения тех, кто опасался радикальной реформы китайского письма, и показала, что правительство КНР не намерено ее проводить по крайней мере в обозримом будущем. Речь Чжоу Энь-лая показала также, что значительные массы китайского народа вполне удовлетворены своей иероглифической письменностью и отнюдь не спешат заменить ее более простым и совершенным алфавитным письмом. Поэтому в заключение своей речи Чжоу Энь-лай напомнил о необходимости пропаганды реформы письменности, «потому что многие не понимают ее и даже есть немало недоразумений»³³.

После того как 11 февраля 1958 г. ВСНП приняло китайский фонетический алфавит, начался ответственный период его практического применения. Он перестал быть предметом обсуждения специалистов-филологов и заинтересованных лиц и был передан на суд широких народных масс, которые должны были сказать свое слово относительно его практической пригодности. Дальнейшая судьба алфавита переходила в руки работников просвещения, которые могли одобрить и использовать его в своей практической работе, но могли и отвергнуть его, признав непригодным. Опыт предшествующих алфавитов говорил о том, что алфавит, принятый и рекомендованный к практическому использованию, тем не менее может и не войти в практику народного образования. Пиньинь цзыму должен был теперь доказать свою жизнеспособность.

По приказу министерства просвещения в учебниках первого класса транскрипция иероглифов, которая проводилась до сих пор на чжунинь цзыму, была повсеместно изменена на пиньинь цзыму. Проблема учебных пособий для изучения нового алфавита была решена без особых осложнений. Для того чтобы организовать обучение алфавиту, потребовалась подготовка учителей начальной школы к преподаванию нового алфавита и создание методов его преподавания. В условиях Китая эти мероприятия потребовали значительных и длительных усилий со стороны органов просвещения³⁴. Далекое не везде обучение преподавателей новому алфавиту было проведено достаточно основа-

²⁹ Чжоу Энь-лай. Указ. соч., стр. 16—17.

³⁰ Там же, стр. 19.

³¹ Там же, стр. 24—25.

³² Там же, стр. 25—26.

³³ Там же, стр. 27.

³⁴ У Юй-чжан и Ли Цзинь-си. Итоги шестидесятилетней работы китайского народа в области создания транскрипционного алфавита ханьского языка. — «О реформе китайской письменности». Пекин, 1958, стр. 72—73.

тельно, поэтому часть преподавателей не усвоила его или усвоила поверхностно. К серьезному изучению нового алфавита не побуждала сама программа обучения китайскому языку, где использование алфавита для указания чтений иероглифов предусматривалось только в первом классе, после чего учащиеся обычно забывали его. Осенью 1958 г. в школе при пекинском пединституте был проведен опыт преподавания алфавита перед введением иероглифов в первой четверти первого года обучения. Результаты опыта оказались обнадеживающими, однако через год эксперимент был прерван³⁵. Все это означает, что министерство просвещения было склонно считать новый алфавит лишь новым вариантом чжунинь цзыму и не думало о том, чтобы дать учащимся средней школы прочные знания алфавита и навыки его самостоятельного использования.

В области ликвидации неграмотности были сделаны попытки более широкого использования нового алфавита. Эксперимент обучения неграмотных алфавиту был начат в Пиньюане провинции Шаньдун и Динсяне провинции Хэбэй, а затем продолжен в нескольких провинциях долины Хуанхэ и на Северо-Востоке, однако, как писал Чжоу Ю-гуан, эти первые эксперименты проводились слишком робко и поэтому не дали достаточно явных результатов³⁶. Более успешным оказался эксперимент в уезде Ваньжун провинции Шаньси. Основой этого эксперимента явилось основательное изучение алфавита и закрепление знаний с помощью чтения текстов на алфавите с тем, чтобы знания алфавита не утрачивались при последующем обучении иероглифам. Этот принцип назывался «сначала чтение — потом иероглифы». Другой основой было смешанное письмо. Учащимся предлагали записывать песни, стихи, сказки, автобиографические рассказы с условием, что вместо неизвестных иероглифов они будут писать соответствующие слова с помощью алфавита. Этот принцип назывался «сначала стихи — потом проза»³⁷.

Опыт уезда Ваньжун показал, что изучение алфавита требует от 20 до 30 часов. Крестьяне, основательно выучившие алфавит и владеющие техникой смешанного письма, за 120—150 часов усваивали 1,5 тыс. иероглифов, что считается достаточным для ликвидации неграмотности³⁸. 22 апреля 1960 г. ЦК КПК опубликовал «Указание о распространении изучения иероглифов с помощью алфавита», в котором одобрялись результаты работы по изучению алфавита в уезде Ваньжун и содержалась рекомендация распространить этот опыт на большинство провинций³⁹. Однако в начале 60-х годов эксперимент в Ваньжуне был прекращен. Глухой намек на него содержится в брошюре Го Мо-жо, изданной в 1964 г. Он писал, что овладение иероглифической письменностью сопряжено с большими трудностями. При проверке результатов ликвидации неграмотности в начале 60-х годов выяснилось, что уезды сплошной грамотности в действительности таковыми не оказались⁴⁰. Не ясно, кем и как были подведены итоги эксперимента в Ваньжуне. Однако сторонники этого метода не согласились с официальной оценкой его результатов. «Ваньжунский подъем уже стал достоянием истории, — писал в 1964 г. Чжоу Ю-гуан, — однако семена цветов Ваньжуна уже рассеяны по всей стране. В соответствующей почве они ждут соответствующей погоды с тем, чтобы в свое время снова раскрыть цветы Ваньжуна»⁴¹.

Новая перспектива

События «культурной революции» отодвинули на задний план проблемы реформы китайской письменности. Возобновление работы в этой области относится к концу 1972 г., когда вновь началась деятельность Комитета по реформе китайской письменности. С 15 мая 1973 г. в газете «Гуанмин жибао» регулярно печатаются материалы по проблемам реформы письменности, важную часть которых составляют материалы по распространению алфавита, позволяющие составить достаточно ясное впечатление о том, как в КНР функционирует алфавитное письмо.

В материалах, присылаемых в «Гуанмин жибао», встречается критика министерства просвещения КНР, которое в начале 60-х годов дало установку изучать алфавит только в 1 и 2 классах как вспомогательное средство при изучении иероглифической письменности. В 3 и 4 классах алфавиту уже не уделялось должного внимания, а в

³⁵ Чжоу Ю-гуан. Ханьцзы гайгэ гайлунь. Пекин, 1964, стр. 354—355.

³⁶ Там же, стр. 351.

³⁷ Там же, стр. 352.

³⁸ Там же.

³⁹ Указание ЦК КПК относительно распространения обучения грамоте с помощью алфавита. — «Чжунго юйвэнь». 1960, № 6, стр. 251.

⁴⁰ Го Мо-жо. Реформа китайской письменности в Японии и механизация письма. Пекин, 1964, стр. 12—13.

⁴¹ Чжоу Ю-гуан. Указ. соч., стр. 353.

5 классе он уже выветривался из памяти учеников, которые к тому времени достаточно владели иероглифической письменностью⁴². Однако и это описание распространения алфавита в средней школе следует считать смягченным. В действительности и в начале 60-х годов в школах было много учителей, не знавших алфавита. Учитель Дин Фу-цзэн пишет, что работает в школе восемь лет, то есть в школу он пришел в 1965 г. Он рассказывает, что, приступая к работе, он не знал алфавита и стал преподавать его по просьбе своих учеников⁴³.

Материалы, опубликованные в современной прессе, позволяют сделать некоторые наблюдения относительно организационных мероприятий по распространению алфавита. В редакционной статье газеты «Жэньминь жибао» 17 декабря 1973 г. было рассказано об опыте организации обучения алфавиту в уезде Усянь провинции Цзянсу. В статье специально указывалось, что под влиянием «мошенников типа Лю Шао-ци» в 60-х годах обучение алфавиту и путунхуа было ослаблено, а в некоторых школах эта работа просто игнорировалась. Однако в 1972 г. обстановка изменилась. В июне 1972 г. ответственные работники уезда на совещании директоров начальных и средних школ потребовали, чтобы в первых двух классах начальной школы преподавался алфавит. Это требование было нелегким для исполнения, потому что после «культурной революции» состав преподавателей значительно изменился — среди них появилось много молодежи и демобилизованных военных, которые либо забыли алфавит, либо вообще не были знакомы с ним. Для того чтобы дать соответствующие знания учителям, летом 1972 и 1973 гг. в уезде действовали курсы для обучения учителей алфавиту и национальному языку путунхуа⁴⁴. Очевидно, что статья в «Жэньминь жибао» опубликована в связи с мероприятием, проводимым по всей стране, и указывала на уезд Усянь как на передовика этой кампании.

Мероприятия на местах были поддержаны в общегосударственном масштабе. В целях пропаганды алфавита Комитет по реформе письменности и Центральная народная радиостанция с 15 марта по 3 апреля провели девять тридцатиминутных лекций для изучающих алфавит. К этой передаче было выпущено учебное пособие «Радиолекции по китайскому алфавиту». 14 июля 1975 г. эти лекции были вторично переданы центральным радиовещанием⁴⁵.

Преимущества китайского алфавитного письма широко известны. Главным является возможность писать тексты любого содержания, содержащие слова, иероглифы для которых неизвестны пишущему. Поэтому учителя, присылающие свои статьи в «Гуанмин жибао», отмечают возрастающую активность учащихся начальной школы, которые уже в первом классе получают возможность читать и писать на алфавите тексты любого содержания. В корреспонденции из Кайфэна рассказывается об опыте использования алфавита во внешкольной работе учащихся. Летом 1974 г. в школе была создана группа пропагандистов истории борьбы конфуцианства и легизма. В этой группе находились также и младшие школьники, которые знали мало иероглифов. Однако им были вручены тексты в алфавитной записи. По этим текстам они заучили свою роль и смогли принять участие в выступлениях бригады пропагандистов. Так использование алфавита ускоряет приобщение детей, которые еще не могут читать тексты, написанные иероглифами, к чтению общественно-исторической и политической литературы.

В сфере ликвидации неграмотности алфавит также завоевывает новые позиции. Таким образом, Комитет по реформе китайской письменности продолжает свою борьбу за те цели, которые были провозглашены в яньаньском манифесте — не отменяя иероглифическую письменность, сделать алфавит полноправным средством письма на китайском языке.

⁴² «Гуанмин жибао», 5.VIII.1973.

⁴³ Там же, 10.IX.1973.

⁴⁴ «Жэньминь жибао», 17.XII.1973.

⁴⁵ Там же, 13.III.1974; «Гуанмин жибао», 10.VIII.1975.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бесценное завоевание социализма

Советская литература по вопросам развития национальных отношений при социализме пополнилась еще одним интересным изданием. Вышла в свет монография первого секретаря ЦК КП Киргизии Турдакуна Усубалиевича Усубалиева¹. Живое свидетельство очевидца и непосредственного участника многосторонней деятельности народов нашей страны, под руководством ленинской партии строящих новые общественные отношения, сочетается в работе Т. У. Усубалиева с глубоким теоретическим обобщением, фундаментальный научный подход — со страстностью гражданина и публициста. В итоге читатель приобрел убедительное свидетельство практики социалистического интернационализма, новых отношений дружбы народов, значение которых было вновь подчеркнуто в материалах XXV съезда КПСС.

Прежде всего обращает на себя внимание само построение этой большой работы. Автор посвящает первую главу рассмотрению прежде всего социально-политических основ дружбы народов. Тем самым обнаруживается и обосновывается, пожалуй, самое существенное в авторской позиции — мысль о том, что социалистические национальные отношения следует рассматривать не как «автоматический» результат, не как вторичное производное экономических процессов и отношений, но как целостность, как продукт активного и всестороннего социального творчества народов нашей страны, творчества, вдохновенного и организованного всей системой нашей общественной жизни, воплощаемого в политике Коммунистической партии Советского Союза.

В последующих главах автор раскрывает на опыте советских социалистических наций, и прежде всего — Киргизской ССР, определяющую роль экономического сотрудничества в укреплении и совершенствовании межнациональных отношений, а так-

же национальный аспект культурного строительства, обобщает практику плодотворного взаимодействия национального и интернационального в развитии социалистической культуры. Завершает работу рассмотрение также социально-политической проблематики, на этот раз уже в плане важнейшей задачи социальной политики партии, деятельности партийных организаций всех уровней, — задачи интернационального воспитания трудящихся как важной стороны коммунистического воспитания, становления коммунистического образа жизни, формирования всесторонне развитой личности.

Актуальность изучения всех этих сторон системы национальных отношений общезвестна. Опыт развитого социалистического общества в этой области — неопровержимый аргумент в борьбе за коммунистическую цивилизацию, коммунистическое мировоззрение против буржуазной и мелкобуржуазной политики и идеологии. Реальные достижения народов нашей страны, практика советского народа — новой исторической общности людей — убедительное доказательство того, что расцвет каждой нации и народности может быть обеспечен только социалистическими отношениями равенства, сотрудничества и взаимопомощи, а следовательно — только как итог совместной деятельности народов, их взаимодействия и общения на основе принципов пролетарского социалистического интернационализма. Реальный социализм осуществил историческое отрицание как национального угнетения и паразитизма, так и межнациональной розни, националистической обособленности, отчуждения, проповедей исключительности и гегемонизма. Теория и практика ленинизма раскрыли глубокую органическую связь национального и социального развития, доказали, что капитализм не в состоянии обеспечить народам национальную будущность, что мелкобуржуазный национализм обрекает их на застой и оскудение, делает их жертвой исторических случайностей и увеличивает угрозу зависимости от сил империализма.

Во Введении автор, излагая основные положения марксистско-ленинского учения по национальному вопросу, подчеркивает, что победа Великой Октябрьской социалистической революции принесла народам России не только политическое равенство, но обеспечила достижение фактического равенства наций и народностей путем совместных усилий в экономическом, социальном и духовном развитии, значительно обогативших национальную жизнь всех наро-

¹ Т. У. Усубалиев, Дружба народов — наше бесценное завоевание, М., Политиздат, 1977, 368 стр.

дов страны. Рабочий класс России под руководством партии возглавил широкие социалистические преобразования, «считая своей задачей самые угнетенные, забытые слои общества пробудить к живой жизни, поднять к социалистическому творчеству»². Как отмечает Т. У. Усубалиев, «интернационалистскую политику можно было выработать только с учетом национальных особенностей народов. Поэтому партия глубоко проанализировала эти особенности, правильно определила их роль и место в строительстве нового общества, национальные интересы народов рассматривала в диалектическом единстве, во взаимосвязи с интернациональными задачами... В условиях социализма интернациональные факторы в жизни общества все более возрастают, на этой основе происходят дальнейшие развитие и преобразование национальных факторов»³.

В результате этих усилий, как указал тов. Л. И. Брежнев, «в нашей стране родилось и окрепло великое братство людей труда, объединенных, независимо от их национальной принадлежности, общностью классовых интересов и целей, сложились небывалые в истории отношения, которые мы по праву называем ленинской дружбой народов. Эта дружба, товарищи, — наше бесценное достояние, одно из самых значительных и самых дорогих сердцу каждого советского человека завоеваний социализма»⁴.

Осенью 1974 г. трудящиеся Советской Киргизии широко и торжественно отметили 50-летие образования Киргизской ССР и создания Коммунистической партии Киргизии. Это был праздник дружбы всех народов нашей страны; опыт строительства и развития социализма в Киргизстане вновь привлек внимание как в нашей стране, так и за рубежом. «При всесторонней помощи более развитых наций Советского Союза, и в первую очередь русского народа, его рабочего класса, — пишет в этой связи Т. У. Усубалиев, — киргизский народ в невиданно короткий срок поднялся от патриархально-феодалной отсталости к социализму, сформировался в социалистическую нацию, стал неотделимой частью новой социально-исторической общности людей — советского народа»⁵.

Всенародным признанием выдающихся успехов Советской Киргизии, ее вклада в укрепление могущества нашей Родины, в дело строительства коммунизма явилось награждение республики двумя орденами Ленина, орденом Дружбы народов и, в

связи с 50-летним юбилеем, — орденом Октябрьской революции. «Суть нынешнего этапа национальных отношений в нашей стране, — подчеркивает Т. У. Усубалиев, — состоит в том, что теперь речь идет не только о дружбе народов, о расцвете социалистических наций, но и об их неуклонном, все более тесном сближении, о дальнейшем укреплении их единства и братства»⁶.

Автор поставил перед собой задачу — на основе конкретных фактов социалистической реальности показать органическое единство национального и интернационального в жизни советских народов. Т. У. Усубалиев подчеркивает, что это единство обеспечивает всестороннее развитие каждой нации и народности СССР, что в нем интернациональное не заменяет национальное, а является его продолжением и демократическим развитием.

Поставленная автором цель монографии достигнута последовательно, убедительно и весьма успешно, обобщен многообразный опыт, накопленный партийной организацией Киргизии в идейно-воспитательной работе среди трудящихся, представителей многих наций и народностей. Работа Т. У. Усубалиева базируется на достижениях марксистско-ленинской науки, на широком круге источников — архивных документах, данных статистики, исторических материалах, свидетельствах прессы и, конечно, — личных наблюдениях и опыте партийного работника, организатора.

В первом параграфе первой главы своего труда («Расцвет и сближение наций. Социально-классовая сущность дружбы народов») автор обосновывает ряд принципиальных положений и прежде всего показывает, что успехи народа Киргизии стали возможными в результате мудрой ленинской социальной политики КПСС, которая опирается на марксистско-ленинскую науку и огромный опыт в масштабе всей страны.

Т. У. Усубалиев анализирует исторические судьбы киргизского народа и подчеркивает значение добровольного вхождения Киргизии в состав Российской империи, которое устранило угрозу поражения ее более отсталыми в политическом и экономическом отношении государствами, империалистического закабаления, избавило киргизский народ от кровавых междоусобиц, привело к национальной консолидации, обеспечило перспективу объединения с передовым русским освободительным и революционным движением, создало общие традиции совместной борьбы. Тем самым киргизский народ был избавлен от национальной замкнутости, вовлечен в общероссийский исторический процесс, который закономерно привел общество к победоносной пролетарской революции, обеспечившей, в свою очередь, полное и окончательное решение национального вопроса.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 269.

³ Т. У. Усубалиев. Указ. соч., стр. 7.

⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4, М., 1974, стр. 50.

⁵ Т. У. Усубалиев. Указ. соч., стр. 17.

⁶ Там же, стр. 20.

Автор дает решительную отповедь буржуазным и мелкобуржуазным взглядам на историческую судьбу киргизского народа, на попытки опорочить исторические связи киргизского народа с русским народом. Т. У. Усубалиев широко освещает глубочайшие социалистические преобразования в Киргизии, характеризуя огромные исторические изменения в социальном облике киргизского народа, формирование и развитие его новой социальной и национальной структуры, обеспечившей неуклонный и всесторонний социальный прогресс республики.

Второй параграф этой главы («Единство советской национальной и общесоюзной государственности») дает яркую картину национально-государственного строительства в Советской Киргизии. Автор убедительно и принципиально отвергает упрощенные и недобросовестные попытки свести дело национально-государственности к формальным моментам. Т. У. Усубалиев всесторонне иллюстрирует справедливость ленинского положения о том, что «единство интернациональной классовой борьбы пролетариата бесконечно важнее, чем вопрос о государственных границах...»⁷, о том, что вопрос о территориально-государственном размежевании разрешим *только* в плане задач социалистического и коммунистического строительства, мирового революционного движения, но никак не вопреки им и не в попытках националистических спекуляций. Достижения советского народа и народа Киргизской Советской республики служат ярким подтверждением правоты В. И. Ленина и политики нашей партии, они нашли свое воплощение в конституции развитой социалистической демократии.

Много интересного найдет читатель в третьем параграфе этой же главы, посвященном вопросам партийного строительства в республике («Коммунистическая партия Киргизии — боевой интернациональный отряд КПСС»). В этой части труда Т. У. Усубалиева нашел отражение богатый и поучительный опыт формирования и развития коммунистической организации народа, вышедшего из рамок исторической отсталости. Автор приводит убедительные данные об авангардной роли коммунистов Киргизии во всех сферах деятельности, об их замечательных трудовых достижениях, о практике социалистического интернационализма.

Вторая глава («Развитие экономики — материальная основа дружбы народов») обобщает опыт хозяйственного развития республики, ее движения к индустриально-аграрной экономике, минуя капиталистическую стадию развития. Свидетельством грандиозных успехов в экономической области явился вывод о том, что уже решена историческая задача достижения Киргизией уровня фактического равенства с

другими республиками СССР. Автор приводит волнующие свидетельства самоотверженной братской помощи Киргизии со стороны русского народа, межнационального товарищеского сотрудничества, которые сделали возможным решение этой задачи. Большой интерес вызовут и данные о растущих международных экономических связях Советской Киргизии, о ее достижениях в сравнении с зарубежными странами, о научно-техническом прогрессе в республике.

По итогам девятой пятилетки половину национального дохода республики давала промышленность (стр. 88). Советская Киргизия производит ЭВМ и приборы, автоматические линии и станки с программным управлением, ее продукция поставляется в социалистические страны, страны Азии и Африки, в Англию, Францию, ФРГ, Швецию и Японию. В минувшей пятилетке валовой доход колхозов и совхозов увеличился в 2 раза! Киргизия дает стране уголь и хлопок, выращивает сахарную свеклу и выводит новые породы скота. Опыт киргизских животноводов стал предметом изучения на Международном совещании стран СЭВ в 1976 г.

Третья глава («Дружба народов и культурное строительство») включает в себя большое число актуальных проблем духовного развития Советской Киргизии — от вопросов создания и развития национальной письменности до идейно-воспитательной работы партийных организаций, от проблем и успехов народного образования до вопросов развития литературы и искусства, ставших достоянием всего советского народа, его непреходящими культурными ценностями. Автор раскрывает впечатляющую картину духовного развития и взаимообогащения национальных культур советских республик. В этом плане опыт социалистического Киргизстана привлек международное внимание, нашел отражение в деятельности ЮНЕСКО. Народ Киргизии, подчеркивает Т. У. Усубалиев, на практике осуществил мысль К. Маркса о том, что «всякая нация может и должна учиться у других»⁸. Немаловажное (можно смело сказать — международное) значение имеет и опыт коммунистов Киргизии в борьбе с пережитками прошлого, в деле формирования социалистического образа жизни.

Наконец, четвертая, заключительная глава книги Т. У. Усубалиева — «Интернациональное воспитание трудящихся — одна из центральных задач деятельности партийных организаций». Автор обобщает богатейший опыт воспитательной работы КП Киргизии, республики, где живут и трудятся представители более 100 национальностей. Этот опыт свидетельствует об огромном преимуществе социалистического общественного строя и незаменим для любого многонационального общества, ставшего на

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 439.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 10.

путь социальных преобразований. Он доказывает, что функцию общественного воспитания, в том числе и интернационального, может выполнить только социалистически организованное общество, в то время как буржуазная демократия не может здесь пойти дальше деклараций.

Опыт коммунистов Киргизии важен и как международный пример. Здесь, в Советском Киргизстане, нашли свою родину тысячи дунган, потомки бежавших от цинского террора в прошлом веке; на строительстве Токтогульского комплекса работают представители более 40 наций и народностей, в большинстве своем владеющие 2—3 языками; завод им. М. В. Фрунзе в столице республики награжден Почетной грамотой правительства МНР за подготовку кадров для Монголии; только за минувшую пятилетку удостоены правительственных наград 600 граждан республики немецкой национальности.

«Бесценный опыт воплощения в жизнь принципов пролетарского интернационализма в Киргизии, — пишет Т. У. Усубалев, — равно как и в других советских республиках, наглядно показывает, что только со-

циализм полностью ликвидирует социальный и национальный гнет, обеспечивает полное равенство и процветание народов, создает необходимые условия для их братского сотрудничества и сплочения в борьбе за победу идеалов коммунизма. Такой опыт начисто опровергает нелепые измышления буржуазных идеологов, ревизионистов, маонистов, стремящихся оклеветать наш общественный строй, посеять рознь между народами многонациональной Страны Советов. Разоблачение происков империализма и его пособников — важное направление интернационального воспитания трудящихся, всей идеологической работы партийных организаций» (стр. 357).

Опыт и пример народа Советской Киргизии, как убедительно свидетельствует книга Т. У. Усубалева, позволяет очень четко различить того, кто строит социализм и действительно борется за него, от того, кто словами о социализме пытается прикрыть националистические авантюры и заигрывание с мировой реакцией, с врагами всего прогрессивного человечества.

В. А. Васильев

Опыт строительства социалистической экономики

Опыт социалистического строительства в различных странах имеет важное теоретическое и практическое значение. Осуществляемое на основе общих закономерностей, строительство социализма в каждой отдельно взятой стране ведется с учетом конкретных исторических, национальных и других особенностей, обогащая тем самым коллективный опыт марксизма-ленинизма.

Не составляет исключения и тридцатилетний путь, пройденный Корейской Народно-Демократической Республикой, которая, развиваясь в весьма специфических условиях разделения Корейского полуострова на две части, непрекращающихся провокаций со стороны южнокорейского режима и поддерживающих его империалистических сил, за короткий срок сумела при помощи Советского Союза и других социалистических стран превратиться из некогда отсталой колониально-аграрной страны в социалистическое индустриальное государство, имеющее современную промышленность и

сельское хозяйство, высокий уровень развития культуры и искусства.

Изучению проблемы социально-экономического развития КНДР с отражением не только пройденного пути, но и современного состояния дел в промышленности, сельском хозяйстве, во всех областях общественной жизни посвящена серия монографий, подготовленных в последние годы учеными Института экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР¹.

Вышедшие в свет в разные годы, эти исследования в совокупности представляют собой единое целое, дополняют друг друга и создают в итоге общую картину. Они органически связаны между собой единством подхода к рассматриваемым вопросам. В них подробно освещен нынешний этап строительства социализма, отражены те огромные перемены в социально-экономической и других областях, которые произошли в КНДР за годы народной власти при тесном сотрудничестве с СССР и другими социалистическими странами.

Рассматривая этап социалистического преобразования народного хозяйства, авторы неизменно подчеркивают, что процесс

¹ М. Е. Тригубенко. Сельское хозяйство КНДР. Путь социалистического развития. М., 1973, 136 стр.; Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1975, 156 стр.; Промышленность КНДР: экономические основы, современный уровень и структура. М., 1977, 179 стр.

перехода Северной Кореи к строительству социализма после освобождения страны определялся общими закономерностями, присущими всем социалистическим странам, проходил с учетом основных положений марксистско-ленинской теории, опыта строительства социализма в Советском Союзе. «Наша партия, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК ТПК, Президент КНДР Ким Ир Сен на Учредительном съезде Трудовой партии Северной Кореи в августе 1946 г., — считает марксистско-ленинское учение своей теоретической основой, а боевой опыт большевистской партии — путеводителем в своей практической работе»². В то же время в монографиях справедливо отмечается, что развитие народной Кореи по социалистическому пути являет собой яркий пример сочетания общего и национально особенного в практике революционного преобразования общества.

Становление и развитие экономики КНДР неразрывно связано с бескорыстной помощью и поддержкой других социалистических стран, и в первую очередь Советского Союза. Оценивая итоги развития КНДР по пути строительства социализма, можно с полной уверенностью сказать, что именно на основе взаимопомощи и братского сотрудничества с другими социалистическими странами в народной Кореи были успешно разрешены первоочередные задачи строительства социалистической экономики: ликвидирована колониальная структура экономики, завершено восстановление дважды разрушенных войнами производительных сил, сформированы основы современной социалистической индустрии.

Трудовая партия Кореи, правительство КНДР, корейский народ высоко оценивают роль и значение всемерной помощи и поддержки братских социалистических стран в становлении и развитии республики. Товарищ Ким Ир Сен отмечал: «Интернациональная солидарность и сотрудничество с социалистическими странами, возглавляемыми Советским Союзом, являлись не только прочным залогом национальной независимости корейского народа, но и важным фактором, облегчающим построение социализма в нашей стране, укрепляющим ее общественное развитие и обеспечивающим победоносное движение нашей революции вперед»³.

Несомненным достоинством указанных монографий ученых ИЭМСС АН СССР является то, что социально-экономические процессы в КНДР рассматриваются на фоне положения в Южной Кореи и увязываются с задачей объединения страны на мирной демократической основе. Существование реакционного сеульского режима к югу от 38 параллели самым серьезным об-

разом влияет на экономическое положение КНДР, так как заставляет ее нести тяжелое военно-экономическое бремя, отвлекая силы и средства на нужды обороны. В условиях разделения страны экономический комплекс КНДР, экономическая политика ТПК строятся с учетом потребностей, необходимых для ускорения объединения страны. Вот почему положение в Южной Кореи, борьба ТПК и правительства КНДР за объединение страны на мирной демократической основе без какого-либо вмешательства извне выступают не как отдельные вопросы, а как необходимое звено для правильного отражения и понимания происходящих в КНДР процессов.

Завершающей работой серии рассматриваемых публикаций является вышедшая в 1977 г. монография «Промышленность КНДР». Она представляет особый интерес, ибо современный этап строительства социализма в КНДР характеризуется прежде всего тем, что промышленность страны превратилась в решающую отрасль экономики. Доля промышленности в национальном доходе, созданном в сфере материального производства, составляет более 65%⁴.

Поставив перед собой задачу изучить широкий круг проблем, связанных с формированием современной структуры промышленности, авторы монографии «Промышленность КНДР» начинают свое исследование с рассмотрения механизма планового руководства промышленными предприятиями. Так же, как и в других социалистических странах, структура управления народным хозяйством в КНДР построена на основе использования объективных экономических законов социализма, в первую очередь закона планового пропорционального развития, а также законов неуклонного возрастания общественной производительности труда, социалистического распределения по труду, использования ленинских принципов демократического централизма в плановой деятельности и руководстве экономикой. В то же время, как указывается в рецензируемой работе, «национальные особенности и условия развития КНДР, как бывшей отсталой страны, на которой сказались последствия искусственного раскола и двух опустошительных войн, обусловили некоторые специфические моменты в экономической политике ТПК, ее особый тактический подход к разрешению экономических проблем в разные периоды социалистического строительства» (стр. 21).

Если в начальный период строительства социализма система руководства экономикой в КНДР в целом совпала с действовавшей системой в СССР и других европейских странах социализма, то под влиянием вышеуказанных факторов в 60-х годах она претерпела серьезные изменения,

² Ким Ир Сен. Избр. произв., т. 1, Пхеньян, 1954, стр. 53.

³ Ким Ир Сен. Избр. статьи и речи. М., 1962, стр. 331.

⁴ Ким Ир Сен. Избр. произв., т. 5, Пхеньян, 1972, стр. 464.

которые достаточно подробно освещаются в книге. Эта новая система управления народным хозяйством КНДР была названа «Тэанской системой», поскольку впервые была введена в 1961 г. на Тэанском электромеханическом заводе. Впоследствии она распространилась по всей республике. Характерной чертой новой системы управления промышленными предприятиями является упразднение единоначалия директора и применение коллегиального руководства со стороны партийного комитета. В его состав входит директор завода, который является заместителем освобожденного ответственного секретаря парткома. В качестве оперативного органа руководства производством при парткоме создается ряд отделов, комплектуемых из освобожденных работников, которые курируют соответствующие цехи, заводоуправление и другие подразделения предприятия.

В 1972 г. Тэанская система управления народнохозяйственными предприятиями получила свое юридическое закрепление в Конституции страны, а в настоящее время ставится задача по ее более последовательному внедрению в практику, поскольку в условиях КНДР она, по мнению корейских экономистов, позволяет вести хозяйство наиболее рационально и на научной основе. Конституция 1972 г. внесла также важные изменения в высшее звено управления народным хозяйством КНДР. Высшим органом непосредственного руководства экономикой страны стал Административный совет (до него — Кабинет министров), но в то же время для координации всех звеньев управления, контроля над хозяйственной жизнью, усиления политического руководства экономическими процессами был создан новый высший орган государственной власти — Центральный народный комитет, который в свою очередь осуществляет руководство деятельностью Административного совета республики.

Как подчеркивается в монографии, совершенствование системы руководства экономикой в КНДР продолжается. Оно направлено на централизацию ресурсов с целью их более эффективного использования, на возможно более полный учет материальных возможностей, выявление резервов производства.

В монографии рассматриваются источники и факторы промышленного производства, характеризуются структурные сдвиги в промышленности. В КНДР рост промышленного производства происходит как за счет интенсивных, так и экстенсивных факторов, которые в отличие от большинства стран СЭВ еще сохраняют здесь свое значение. Этим в значительной мере и объясняются свойственные промышленности страны высокие темпы роста. Так, среднегодовой прирост валовой продукции промышленности в течение пятилетнего плана, выполненного за 4 года (1957—1960), составил 36,6%, в годы выполнения продлен-

ной семилетки (1961—1970) — 12,8% и в период шестилетнего плана (1971—1976) — 16,3%⁵. Нарастание производства в целом сочеталось с решением задачи формирования современной структуры промышленности путем осуществления соответствующей политики капитальных вложений и планового регулирования темпов развития отраслей первого и второго подразделений.

Проведенный авторами монографии анализ распределения капитальных вложений за весь период социалистического строительства показывает, что, направляя основную массу средств на рост тяжелой промышленности, КНДР использовала их прежде всего для развития топливно-энергетической, горнорудной, металлургической, машиностроительной и химической промышленности, то есть тех отраслей, которые составляют основу материально-технической базы социализма. На этом фундаменте КНДР в настоящее время достигла такого уровня экономического и технического развития, что, сохраняя по-прежнему опережающие темпы развития тяжелой промышленности, она может обеспечить и достаточно быстрый рост легкой промышленности за счет сближения темпов роста обоих подразделений. Так, если за 1961—1970 гг. производство средств производства увеличилось в 3,7 раза, а производство предметов потребления — в 2,8 раза, то в период шестилетки (1971—1976) производство средств производства увеличилось в 2,6 раза, в то время как производство предметов потребления — в 2,4 раза⁶. Подъем народного хозяйства, таким образом, имеет теперь более гармоничный характер.

Оценивая структурные сдвиги в промышленности КНДР, советские ученые отмечают, что «они, с одной стороны, соответствовали целям индустриализации, что выразилось в непрерывном росте машиностроения, а с другой стороны, задачам развития легкой промышленности, что отразилось в значительном повышении удельного веса ее отраслей в валовой промышленной продукции. В результате отмеченных сдвигов структура промышленности существенно изменилась по сравнению с периодом до освобождения, утратила свой преимущественно сырьевой характер» (стр. 62).

Авторы приходят к заключению, что макроструктура промышленности КНДР в общих чертах сформировалась и в ближайшие годы, видимо, нельзя ожидать дальнейших крупных структурных сдвигов. Со-

⁵ Доклад Премьера Административного совета КНДР Ли Ден Ока на I сессии ВСН КНДР 6 созыва «Об итогах выполнения шестилетнего плана и о 2-м семилетнем плане развития народного хозяйства на 1978—1984 гг.». — «Нодон син-мун», 17.XII.1977.

⁶ Там же.

вершевствование промышленности, скорее всего, будет связано с изменением внутренней структуры отраслей, в первую очередь машиностроения и химии. От микроструктуры этих отраслей, а также возможностей обеспечения опережающего развития электроэнергетики будет в конечном счете зависеть эффективность не только промышленности, но и общественного производства в целом (стр. 63).

Особое внимание в рецензируемой монографии уделяется рассмотрению отдельных отраслей, наиболее репрезентативных для промышленности КНДР. Причем авторы не ограничиваются освещением современного уровня развития отдельных отраслей производства, но и дают анализ предпосылок развития и путей их формирования, показывают важную роль помощи Советского Союза и других социалистических стран в их становлении, перспективы дальнейшего прогресса с учетом специализации производства и возможного кооперирования с другими странами социализма. Авторы особо выделяют топливно-энергетическую, горнорудную, металлургическую, химическую и легкую промышленность, а также промышленность строительных материалов. В годы шестилетки (1971—1976) производство в этих отраслях промышленности значительно выросло. Производство электроэнергии к концу планового периода составило 28 млрд. кВт·ч, угля — 5 млн. т, стали — 4 млн. т, станков — 30 тыс. шт., химических удобрений — 3 млн. т, цемента — 8 млн. т, тканей — 600 млн. м⁷.

В книге подробно освещается роль помощи и сотрудничества стран социализма в развитии промышленности КНДР. Как показывает опыт, взаимовыгодные равноправные отношения социалистических стран во всех областях являются одним из главных факторов их неуклонного подъема, уверенного поступательного движения к построению развитого социалистического общества, к коммунизму. Товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС отмечал: «Вместе с развитием каждой социалистической нации, укреплением суверенитета социалистических государств все теснее становятся их взаимосвязи, возникает все больше элементов общности в их политике, экономике, социальной жизни, происходит постепенное выравнивание уровней развития»⁸.

Авторы подчеркивают, что в экономических отношениях КНДР с другими социалистическими странами «отразилась сущность социалистических международных отношений, основанных на принципах социалистического интернационализма, равноправия, а также взаимной выгоды, стремление более развитых в промышленном отношении стран социализма оказать максимальную

помощь менее развитым странам, ускорить процесс индустриализации в них» (с. 112—113). Особенности развития КНДР по пути социализма наложили определенный отпечаток и на характер ее внешнеэкономических связей. В течение длительного времени основной формой этих связей была техническая и финансовая помощь со стороны Советского Союза и других социалистических стран. В 1954—1960 гг., например, только безвозмездная экономическая помощь КНДР составила: Советского Союза — 292,5 млн. руб., Китая — 258,4 млн. руб., ГДР — 122,7 млн. руб., Польши — 81,5 млн. руб., Чехословакии — 25,4 млн. руб., Румынии — 5,6 млн. руб., Венгрии — 5,6 млн. руб., Болгарии — 4,5 млн. руб. С помощью социалистических стран в эти годы было построено и восстановлено более 50 крупных промышленных предприятий и иных производственных объектов, имевших первостепенное значение для развития народного хозяйства (с. 114).

Рост промышленного потенциала КНДР позволил в дальнейшем значительно расширить формы экономического сотрудничества с социалистическими странами, более полно учитывать и увязывать взаимные интересы и постепенно перейти к взаимовыгодной координации связей на длительный период. В рамках межправительственных консультативных комиссий по экономическим и научно-техническим вопросам, которые существуют у КНДР со странами СЭВ и Югославией, изучаются вопросы участия в двусторонней кооперации, поставок на экспорт специализированной продукции, создания новых отраслей, ориентированных на социалистический рынок.

Практическим результатом братского сотрудничества между СССР и КНДР является то, что при техническом содействии советской стороны в КНДР было построено, восстановлено, реконструировано и находится в стадии строительства около 70 промышленных предприятий и объектов, составляющих костяк национальной экономики (с. 120). В рецензируемой монографии подробно рассматриваются экономические отношения между СССР и КНДР на современном этапе, раскрывается сущность и содержание таких новых форм двустороннего сотрудничества, получивших развитие в последние годы, как компенсационные сделки, бартерные поставки, обмен научно-технической документацией и т. д.

Характеризуя материально-финансовую помощь и техническое содействие КНДР со стороны стран СЭВ на современном этапе, авторы отмечают, что эта помощь касается не только традиционных отраслей (химия, энергетика, угольная и металлургическая промышленность), но и новых, наиболее эффективных производств (нефтехимия, радиотехника, электроника, счет-

⁷ Там же.

⁸ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 6.

но-вычислительная техника). Особо важным является техническое содействие братских стран в подъеме отстающих звеньев корейской экономики, которые тормозят ее развитие и создают диспропорции (электроэнергетика, железнодорожный, водный и автомобильный транспорт, морские порты). Таким образом, «оценивая итоги более чем 30-летнего сотрудничества КНДР с социалистическими странами в области развития промышленного производства, следует отметить, что в КНДР сейчас нет ни одной его отрасли, в создании, модернизации и техническом обновлении которой не приняла бы участие та или иная страна социализма» (с. 119).

Накопленный при помощи социалистических стран экономический потенциал КНДР позволяет ей в настоящий период больше внимания уделять мобилизации внутренних ресурсов как основного источника дальнейшего совершенствования и развития экономики. Именно на это и нацелен семилетний план развития народного хозяйства страны на 1978—1984 гг., принятый в декабре 1977 г. на сессии Верховного Народного Собрания КНДР⁹.

В заключительной главе книги рассматриваются некоторые вопросы экономического развития Южной Кореи. «Значение этого вопроса, — подчеркивают авторы, — определяется не только возросшей актуальностью проблемы мирного экономического соревнования КНДР и Южной Ко-

реи, но также и тем, что экономические возможности Юга во многом определяют его военный потенциал и, следовательно, ту опасность, которую представляет фашистский режим Пак Чжон Хи для мира на Корейском полуострове и на всем Азиатском континенте» (с. 133). Иностранный капитал — основной фактор развития южнокорейской промышленности. На примере Южной Кореи особенно выпукло просматривается неокolonналистская политика создания в малых странах так называемых незавершенных производств, то есть отдельных звеньев современных промышленных комплексов, основная часть которых расположена в развитых капиталистических странах.

Выход в свет этой высокоинформативной книги, подытоживающей в какой-то степени большую работу ученых Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, представляет собой значительный вклад в советское кореведение. Думается, монография представляет интерес не только с точки зрения конкретного отражения уровня промышленного развития Корейской Народно-Демократической Республики как одного из социалистических государств, но и с точки зрения теоретического обобщения опыта индустриализации стран, приступивших к строительству социализма в условиях существования Советского Союза, минуя стадию развитого капитализма, по существу, с создания основ крупного машинного производства и достигших на этом пути больших успехов.

*В. И. Андреев,
Н. М. Березкин*

* * *

Корни «китайской» политики США

Многое в мотивах нынешнего сближения КНР с Соединенными Штатами становится ясным теперь, когда политики и ученые, оглядываясь на прошлые годы, прослеживают шаг за шагом, как складывалась, временами приобретая зигзагообразный характер, «китайская» политика США.

Американо-китайским отношениям посвящено ныне немало научных работ как в Советском Союзе, других социалистических странах, так и в буржуазном мире.

Среди наиболее фундаментальных исследований нельзя не остановиться на книге польского автора Станислава Павляка, заслуженно отмеченной премией Польского института международных проблем. В русском переводе книга выпущена издательством «Прогресс»¹.

Об авторе нам известно, что последние двадцать лет он занимал ряд ответственных постов в дипломатических представительствах Польской Народной Республики в США, КНДР, Японии, ДРВ, входил в состав польских делегаций на Парижской мирной конференции по Вьетнаму (1973), на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Им написано не-

¹ Станислав Павляк. Политика США по отношению к Китаю (1941—1955). М., 1976, пер. с польск.

сколько книг, опубликовано много научных работ и статей главным образом по вопросам политики американцев на Дальнем Востоке.

В 1973 г. ему присуждена ученая степень доктора политических наук. Другими словами, данная монография написана специалистом в области международных отношений, и это чувствуется как в подходе к исследуемым проблемам, так и в расстановке акцентов на излагаемом фактическом материале.

«Китайская» политика США всегда связывалась самими американцами с наличием у них «жизненно важных интересов» в Азии, в том числе в Китае, однако эта политика отличалась противоречивостью. Стержнем ее тем не менее была и, по существу, остается так называемая концепция «сдерживания коммунизма». Причем Китай представляет собой яркий пример применения на практике этой концепции, когда американская дипломатия приспособилась к ней с учетом конкретных политических условий. Вначале ставка делалась на антикоммунизм и антисоветизм гоминьдановского режима, затем постепенно созрело решение использовать для этой цели националистические тенденции среди руководства КПК, далее, в 70-е годы, линию руководителей КНР на сближение с империалистическими странами, сформировавшуюся на базе националистического и великодержавного курса, их антисоветизм.

По словам автора книги, в американской политике в отношении Китая на протяжении 15 лет, охватывающих период второй мировой войны, а также годы возникновения и укрепления КНР, в этой политике переплетались два основных течения: «во-первых, усилили Соединенных Штатов, направленные на сохранение в Китае старого порядка, связанного с режимом Чан Кай-ши, и, во-вторых, изучение и поощрение подходов Мао Цзэ-дуна и его националистической группы к тому, чтобы найти общий язык с Соединенными Штатами» (стр. 22). В рецензируемой книге это раскрыто с большой убедительностью.

Монография состоит из 3-х частей. В первой части анализируется «китайская» политика США в период второй мировой войны, во второй — роль США в гражданской войне в Китае. Третья часть посвящена взаимоотношениям США с КНР после образования народной республики (1949—1955). Автор признает во введении, что эта часть требовала бы учета большего количества документов, обнародование же важнейших из них еще не завершено, однако, принимая во внимание значение американо-китайских отношений в первый период существования КНР (1949—1955), представилось целесообразным показать американскую политику по отношению к Китаю даже на базе имеющихся источников.

Хотя первая глава книги начинается со времени вторжения японских милитаристов

в Китай в 1937 г., а не с 1941 г., как указано в названии книги, это сделано, чтобы подчеркнуть в изложенных фактах, что Соединенные Штаты стремились стоять в стороне, пока не были затронуты их «прямые жизненные интересы» и соотношение сил не изменилось таким образом, что угроза вытеснения США из дальневосточного региона становилась реальностью (то есть когда Япония напала на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г.). Первоначально США рассчитывали направить японскую экспансию против Советского Союза. Кроме того, американские империалисты не прочь были воспользоваться ситуацией, чтобы самим внедриться на обширный китайский рынок. С. Павляк приводит интересные материалы, свидетельствующие о намерениях США достигнуть компромисса с Японией вплоть до согласия обсудить вопрос о дислокации японских войск на китайской территории для «осуществления» сотрудничества в области обороны от коммунистической деятельности» и готовности предпринять усилия с целью склонить правительство Чан Кай-ши в Чунцине к ведению переговоров с Японией (стр. 47). Однако компромисса достигнуть США не удалось. Агрессивность японского империализма, намеревавшегося получить в Китае особые позиции и вытеснить все другие государства, а также приобрести широкие экономические привилегии в юго-западной части Тихого океана, привела к обострению японо-американских противоречий.

Период войны на Тихом океане отнесен автором к числу важнейших этапов послевоенной американской политики по отношению к Китаю: война давала США исключительную возможность создать в Китае базу для осуществления будущих планов подчинения себе этой страны. Американцы активно стали вмешиваться в различные стороны жизни страны — политическую, экономическую, военную.

Опираясь обширными документальными данными, автор рисует картину взаимоотношений США с гоминьдановским режимом. США стремились повысить международный престиж лидеров гоминьдана, выступали за предоставление Китаю статуса великой державы, надеясь, что он, будучи тесно связан с США, одновременно превратился бы на Дальнем Востоке в противовес как для Японии, так и для Советского Союза. Военное значение Китая для США по мере продвижения японских войск падало; в планах американского командования в сентябре 1944 г. было зафиксировано, что главный удар по Японии будет нанесен со стороны Тихого океана. Политическое значение Китая, наоборот, повышалось: американские руководители, поддерживая загнивавший чанкайшистский режим, исходили из необходимости через проамериканский Китай влиять на соотношение сил в мире, и в частности в Азии, при формировании послевоенного устройства. США

прилагали значительные усилия, чтобы сохранить этот режим, но, понимая, что последний с каждым днем все более теряет поддержку народа и деградирует, искали возможности заменить его каким-либо буржуазно-демократическим парламентским строем. Вместе с тем американские политики боялись растущего влияния коммунистов, их страшило превращение Китая в подлинно демократическое государство.

Однако уже в те годы некоторые дальновидные американские политики серьезно искали пути к переориентации на КПК, при этом они принимали во внимание проявления у отдельных руководителей КПК националистических ноток, антисоветских настроений.

С. Павляк документально точно проследивает взаимный зондаж официальных представителей США и КПК с целью выяснения возможностей для сотрудничества. «Взгляды тех американских представителей. — пишет он. — которые в то время уже распознали существо политики Мао Цзэ-дуна и истинное политическое лицо его самого, встречали понимание и положительный отклик среди экспертов государственного департамента, а частично и военного министерства» (стр. 134). Однако руководители США в то время не разделяли их. Из событий начала 70-х годов следует, что только через четверть века оценки и предложения прагматически мыслящих американских дипломатов были приняты руководящими кругами США в качестве основы их внешней политики. Как известно, заинтересованность администрации США к такому диалогу возрастала по мере увеличения разрыва маоистского руководства с социалистическим сотрудничеством и перехода на позиции борьбы с ним, к политике антисоветизма.

Когда война с Японией в тихоокеанском бассейне стала складываться в пользу США, Китай, утратив для них «глобальное стратегическое значение», начал фигурировать в их политике как важный район, примыкающий к СССР, обладающий большими сырьевыми и людскими ресурсами, и как объект возможной экономической экспансии.

Но планы американцев развеяла реальность: капитуляция Японии в результате вступления в войну СССР, поражение чанкайшистской клики в ходе национально-освободительной борьбы китайского народа создали новую обстановку. 1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика.

«Соединенным Штатам не удалось использовать против Советского Союза и других социалистических стран уже намечавшиеся националистические тенденции в позициях руководителей КПК. Китайская Народная Республика включилась в сотрудничество социалистических стран и вместе с ними все первое десятилетие своего существования вела борьбу с империализмом, в

связи с чем стала объектом особых нападков Соединенных Штатов» (стр. 378).

Значительную роль в усилении позиций КНР сыграло заключение между СССР и КНР в 1950 г. сроком на 30 лет «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи». Наличие этого договора удерживало США от открытого вторжения в Китай.

США были вынуждены приступить к разработке новой политики в отношении Китая. Закладывая ее основы, руководителям США было трудно решиться на признание КНР. Более того, они стали навязывать свою позицию западным странам, хотя не все капиталистические государства выразили готовность следовать за США.

Как констатируется в книге, политике непризнания КНР предшествовал лишь небольшой период «выжидания». США рассчитывали тогда, что или новый режим не удержится, или будет проводить политику, отличающуюся от других социалистических стран, с креном в сторону национализма. Элементы обеих тенденций наблюдались в Китае, руководимом центральным народным правительством Мао Цзэ-дуна с момента его создания (стр. 267). Вместе с тем таким «выжиданием» США рассчитывали как-то повлиять на китайско-советские переговоры, проводившиеся в Москве с декабря 1949 г. по февраль 1950 г.

Когда надежда на ссору между Китаем и СССР, которую деляли США, не осуществилась, американцы перешли к новой политике — максимально сохранить сферу своего влияния в Китае, удержать под своим контролем Тайвань. Одновременно ими предпринимались меры по распространению на КНР такой же политики сдерживания, которая проводилась в отношении СССР.

Характерно, что в книге политика США в отношении КНР дается широким планом в плотном клубке дальневосточной политики США с учетом роли, отводимой в ней Японии, Южной Корее и Тайваню.

Особое место в политике непризнания Соединенными Штатами центрального народного правительства Китая занимает отношение США к вопросу о допуске представителя Китая в ООН и о выводе из нее представителя гоминьдана. Здесь автор выделяет в формировании политики США 4 этапа, три из которых приходятся на исторический период, охватываемый рецензируемой книгой, а четвертый завершается допуском делегации КНР в эту организацию в 1971 г. Первый этап ограничился IV сессией Генеральной Ассамблеи в 1949 г. Он характеризовался политикой «выжидания» и «вбивания клинцев» между КНР и СССР, подогревания националистических настроений среди руководителей КНР путем выпячивания мнимой «советской угрозы». Второй этап — 1950 г. США стали более неуступчивыми не только в вопросе признания КНР, но и в вопросе представительства Китая в ООН. Это было связано с подписанием китайско-

советского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. Немалое влияние на американскую делегацию в ООН оказывало так называемое «китайское лобби» — круги Конгресса США, которые благоволили к Чан Кай-ши. Третий этап начался на VI сессии Генеральной Ассамблеи (1951) и продолжался до XV сессии (1960). В этот период предложения социалистических стран, которые поддерживало большинство государств «третьего мира», о включении вопроса о допуске в ООН представителей КНР и вывода из этих организаций делегации Чан Кай-ши отвергались Генеральной Ассамблеей.

Как известно, руководство КПК, провозгласив верность принципам марксизма-ленинизма, вместо авантюристического националистического курса, который подсказывали США, после 1949 г. какое-то время ориентировалось на тесное сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи и сопутствующие ему соглашения от 14 февраля 1950 г. определили направление китайской политики на целый ряд лет. США не получили возможности сохранить влияние в Китае и использовать его для борьбы с Советским Союзом.

Переоценка американской политики в отношении Китая совпала с приходом к власти в США президента Джона Ф. Кеннеди. Странники изменения политики по отношению к КНР исходили из предпосылки, что в политике КНР, где приобретали влияние националистические круги, произойдут перемены, благоприятные для США. Однако в то время правительство США еще не решилось полностью отказаться от своего прежнего курса.

Позже, когда началась эскалация американской интервенции в Индокитае, а правительство КНР стремилось преуменьшить ее значение, представители администрации Джонсона заверили китайских руководителей, что США не хотят войны с КНР. США выразили готовность расширить неофициальные контакты с КНР.

С начала 1966 г. росту антисоветских настроений руководителей КНР сопутствовала возрастающая готовность США к расширению и углублению диалога с КНР.

Вашингтон стремился оторвать Китай от социалистического содружества. Этот процесс усилился с приходом к власти Р. Никсона.

Маоистские руководители во имя связей с США начинают жертвовать принципами, легко меняют позиции, отказываются от вчерашних друзей. Они открыто говорят, что диалог с Вашингтоном стал необходимым, что он помогает им в борьбе против «главного противника», то есть СССР и социалистического содружества. Как далеко зайдет эта политика китайского правительства, покажет будущее. Во всяком случае, она бесперспективна для

страны, если последняя собирается строить социализм. Эта политика расхочится с коренными интересами китайского народа.

Советский Союз никогда не был противником установления контактов между государствами с различными социальными системами, нормализации отношений между странами. В речи на XV съезде профсоюзов СССР 20 марта 1972 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, касаясь переговоров между руководителями США и КНР, отмечал, что «сам по себе факт восстановления контактов между двумя государствами, нормализация отношений между ними — явление вполне естественное. Советский Союз всегда выступал против империалистической политики изоляции КНР, за должное признание ее роли на международной арене. Оценка нынешних контактов между Пекином и Вашингтоном зависит, однако, от того, на какой основе они осуществляются»².

Факты подтверждают, что китайские руководители поворот в отношениях с США рассматривают как краеугольный камень общей антисоветской, антисоциалистической перестройки своей внешней политики, борьбы против СССР при опоре на империалистические круги. На основе антисоветизма китайские лидеры стремятся подталкивать правящие круги США к политике «особого партнерства» с Китаем, к срыву процессов улучшения советско-американских отношений и международной разрядки в целом.

Стремление руководства КНР противодействовать нормализации отношений между СССР и США, его неослабевающие усилия спровоцировать конфликт между этими странами, разнузданный антисоветизм настораживают многих деятелей Запада. Они начинают понимать, что пособничество этой политике может привести к худшим временам холодной войны.

Американских политиков настораживает и неопределенность внутривнутриполитического положения в Китае. Появляется боязнь связывать себя с этой страной долгосрочными обязательствами. Американцы продолжают сохранять в силе американо-китайский «договор о взаимной обороне» от 1954 г.

Разобраться во всех сложностях китайско-американских отношений нелегко, если не рассматривать все этапы развития этих отношений. Рецензируемая монография в значительной степени помогает читателю проанализировать все основные моменты, из которых складывалась «китайская» политика США. Она представляет собой ценный вклад в китаеведческую науку.

Б. К. Отраднов

² Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. М., 1973, стр. 432.

Книга о Ли Да-чжао

Советские люди питают глубокое уважение к революционным традициям китайского народа. В нашей стране хорошо знают и помнят первых китайских революционеров-марксистов, которые под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, под влиянием идей В. И. Ленина сумели найти путь к освобождению и преобразованию своей страны. Среди работ советских авторов, посвященных изучению деятельности пропагандистов марксизма-ленинизма и организаторов коммунистической партии в Китае, видное место заняла монография В. А. Кривцова и В. А. Красновой о Ли Да-чжао¹.

Авторы определили своей задачей анализ прежде всего идейного развития выдающегося китайского революционера-коммуниста. Следует также отметить, что этот процесс рассматривается ими не в узкобиографическом плане, но как общественное явление, как закономерность в развитии китайского общества и его духовной жизни. Именно такой исторически масштабный подход позволил авторам исследовать важные проблемы этого развития, дать ответ на многие актуальные вопросы распространения идей марксизма-ленинизма в Китае, внести достойный вклад в разоблачение антикоммунистических фальсификаций и маоистских националистических спекуляций по поводу судеб марксистской мысли в Китае. В сущности, как это явствует из всего хода авторских размышлений, дело не столько в индивидуальной идейной эволюции Ли Да-чжао, достаточно сложной и богатой опытом, сколько в процессе, глубоко характерном для Китая первой четверти нашего века и имеющем живой отклик в проблемах сегодняшнего китайского общества. Более того, речь идет о соотношении пролетарской, коммунистической идеологии и общественных структур в странах, которые теперь принято называть развивающимися.

Работа В. А. Кривцова и В. А. Красновой основана на исследовании и вовлечении в систему аргументации широчайшего круга документов и материалов, обобщении массы литературы не только советских изданий, но и изданий Китая и Японии. Следует отметить, что авторам удалось преодолеть значительные трудности как в связи с масштабами привлеченного материала, так

и с тем, что с начала 60-х гг. и до сих пор в КНР не публиковалось ничего о деятельности Ли Да-чжао, одного из организаторов коммунистического и рабочего движения в Китае. Более того, все эти годы практически закрыт доступ к архиву Ли Да-чжао и сама судьба этого архива неизвестна. Тем значительнее заслуга авторов, которые смогли убедительно доказать и показать главное — идеи коммунизма в Китае тех лет были естественно восприняты, получили статус ведущих идей в китайском обществе уже в первой четверти XX в., причем (и в этом огромная заслуга товарища Ли Да-чжао) эти идеи восприняты были в их подлинном смысле и как целостная научная система. Тем самым анализ советских исследователей показывает, что националистические, мелкобуржуазные извращения марксизма-ленинизма в Китае механически навязаны в силу ряда обстоятельств стране, народу и партии китайских коммунистов.

Вопрос о распространении идей марксизма-ленинизма в разных социальных средах, в структурах с разным уровнем социального опыта — не академический, не узкоисторический. Это вопрос сегодняшнего и завтрашнего дня. Коммунистические взгляды возникают, распространяются и развиваются не автоматически. Они являются результатом широкой и всесторонней деятельности, они вырабатываются в ходе напряженной борьбы за интересы и идеалы трудящихся и прежде всего рабочего класса, авангарда трудящихся, чья идеология наиболее последовательно и непротворчиво выражает их чаяния. Каждое новое поколение людей опирается в своей деятельности на опыт предыдущих поколений и эпох, но усваивает его сызнова для себя. Поэтому вопрос о революционной, марксистско-ленинской, интернационалистской традиции в Китае, да и в любой стране, актуален всегда. Это вопрос о будущем, а не прошлом, тем более, что будущее — это не «когда-нибудь потом», а завтра, тем более, что этому завтра сегодня столь многое угрожает. Но сегодня мы видим дальше, чем вчера.

Буржуазные идеологи стараются использовать сложные судьбы марксизма в Китае для попыток представить дело так, будто марксизм-ленинизм вообще не мог и не может получить истинного признания и применения в Китае. Таков лейтмотив публикаций С. Шрама, Б. Шварца, М. Мейснера и др. Они пытаются фальсифицировать в этих целях также и идейное наследие, идейное развитие Ли Да-чжао. Характеризуя взгляды Ли Да-чжао, М. Мейснер, например, утверждает: «Это была комбинация национализма, народничества и волонтаристической интерпретации марксизма, которой положил начало, которую наследовал Мао Цзэ-дун и которая явилась интеллектуальной и идеологической основой марксистской стратегии крестьян-

¹ В. А. Кривцов, В. А. Краснова. Ли Да-чжао. От революционного демократизма к марксизму-ленинизму. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы. 1978, 166 стр.

ской революции»². Подобные манипуляции по своему смыслу выходят за рамки буржуазной синологии, это, по существу, попытки опровергнуть научную универсальность и целостность коммунистической теории. Так же, как политологи антикоммунизма усиленно эксплуатируют идею множественности «моделей социализма» в целях «расщепления» мировой системы социализма, так буржуазная синология подбрасывает «аргументы» о множественности, вариантности коммунистической идеологии, стремится доказать, что «идеи Мао», «китайзированный марксизм» равнозначны идеям К. Маркса и В. И. Ленина.

Работа В. А. Кривцова и В. А. Красновой убедительно показывает, что благодаря Ли Да-чжао в Китае получил распространение, утверждение и реальное воплощение в практике революционной борьбы действительный и действующий марксизм-ленинизм, а не националистическая подделка (гл. IV). В этом большая и главная заслуга советских ученых.

Как известно, идеи научного коммунизма возникают и реализуются не по воле случая. Методологические и исторические проблемы этого процесса раскрыты Ф. Энгельсом в «Развитии социализма от утопии к науке». Опираясь на эти выводы одного из основоположников марксизма, авторы труда о выдающемся китайском коммунисте анализируют исторические условия проникновения и распространения марксизма в Китае (гл. I), а также сам сложный процесс эволюции его взглядов к революционной демократии (гл. II) и к марксизму-ленинизму. Вся работа В. А. Кривцова и В. А. Красновой неопровержимо доказывает, что марксизм-ленинизм был не просто интеллектуальным увлечением высокообразованного (каким действительно был и не мог не быть Ли Да-чжао) китайца, не увлечением молодого патронта-радикала, а острой потребностью истстрадавшего, униженного народа-борца, потребностью, чутко отозвавшейся в душе его великого сына.

Научный коммунизм возник как результат суммы исторических условий, вне которых его быть не могло и при наличии которых он не мог не обнаружить себя. Эти условия являлись определенными, зрелый уровень развития капитализма, выход пролетариата на арену самостоятельной политической борьбы, идейное предшествование в виде утопического социализма разных форм.

В условиях современной эпохи, когда, по известному выражению В. И. Ленина, народы, поработанные капитализмом, из объекта истории становятся ее субъектом, появляются условия, расширяющие горизонты марксизма, поле его деятельности.

На основе опыта и революционного примера рабочего класса развитых капиталистических стран, на основе победоносных пролетарских революций и практики реального социализма марксизм-ленинизм «открывается» для народов, не достигших уровня зрелости капитализма, но включенных в его мировую систему, а главное — в мировой революционный процесс. Уже не только предшествование революционно-демократических идей и борьбы, но и передовой опыт международного авангарда убеждает в необходимости усвоения идей марксизма-ленинизма.

Новые исторические условия не означают, однако, «облегченности» распространения марксизма в колониальных, зависимых, слаборазвитых странах. Идеиная эволюция духовных лидеров в этих странах «в силу» их отсталости происходит сложнее. Особенно, когда ее исходным моментом является традиционное, дорациональное сознание, с его тысячелетней инерцией, жестким, прямо репрессивным социальным контролем и грузом крестьянской забитости и темноты. Необходимо учесть и другое обстоятельство, также очень ярко раскрытое авторами рецензируемой книги, — с каким трудом прогрессивная китайская мысль тех лет буквально пробивалась сквозь толщу «модных» буржуазных школок и мистификаций, моральных авторитетов типа Дж. Дьюи и Б. Расселла, которые усердно экспортировались в Китай (особенно через Японию) империалистическими державами. Труднодоступность марксистского учения для Китая тех лет усугублялась также активностью «собственных» национал-либералов, мелкобуржуазных националистов и, наконец, просто духовных шарлатанов.

Путь тов. Ли Да-чжао к марксизму, а следовательно, путь к собственному народу и его борьбе, пролегал через груз старокитайских представлений, переходящих увлечений тем, что «попадало под руку» (вроде социал-дарвинизма), вопреки национализму, наперекор невежеству и пассивности. Тем значительнее величие духовного и гражданского подвига Ли Да-чжао. Тем ценнее и прочнее были открытые, найденные, завоеванные им идеи и убеждения марксизма-ленинизма.

Буржуазные идеологи, как показало исследование советских ученых, использовали приемы недобросовестного передергивания и натяжек: они смешали этапы, уровни, ступени его духовной жизни и из этой мешанины пытаются лепить портрет Ли Да-чжао в угоду своим классовым целям и, что не менее примечательно, — в угоду маонизму, стремясь использовать его как идейного союзника.

Мао Цзэ-дун, по существу, даже не пытался, как доказали В. А. Кривцов и В. А. Краснова, представить себя преемником Ли Да-чжао. Современные маонисты могут эту попытку совершить. Возможно, период замалчивания идейного наследия Ли Да-чжао уходит в прошлое (в 1977 г. пе-

² Meisner M. Li Ta-chao and the Intellectual Prerequisites for the Maoist Strategy of Revolution. — "Revolutionary Leaders of Modern China". New York. 1971, p. 394.

кинская пресса отметила 50-летие его гибели). Тем актуальнее и своевременнее исследование В. А. Кривонова и В. А. Красновой, посвященное выдающемуся марксисту-ленинцу, одному из создателей КПК, искреннему другу нашей страны, революционеру-интернационалисту товарищу Ли Да-чжао. Книга о Ли Да-чжао — не только дань уважения его памяти и итог его заслуг. Она — продолжение его борьбы. Ра-

бота, написанная советскими учеными, способствует утверждению марксистско-ленинской традиции в компартии Китая, будучи не только первой монографией о Ли Да-чжао, но и, несомненно, ядром будущей научной биографии выдающегося китайского патриота, революционера, коммуниста.

Ф. Ф. Лапко

Рабочий класс Японии и НТР

Исследование положения рабочего класса капиталистических стран в современную эпоху — одна из важнейших задач марксистско-ленинской общественной науки. В последнее время эта область привлекает все большее внимание советских специалистов разных ее сфер, растет число работ, посвященных условиям жизни и труда, политической и экономической борьбе рабочего класса США, Англии, Франции, ФРГ и других капиталистических стран против гнета монополий.

Проблемы положения наемного труда в условиях современной Японии — одной из самых высоко развитых экономически стран капиталистического мира, представляют в этой связи особый интерес. Этим проблемам посвящена монография В. Н. Хлынова «Рабочий класс Японии в условиях научно-технической революции»¹.

Работа эта представляет собой первую в советском японоведении попытку комплексного исследования влияния современной научно-технической революции на положение рабочего класса Японии. В основу исследования автором положена марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы, получившая свое дальнейшее развитие в совместных документах коммунистических и рабочих партий, в материалах XXIV и XXV съездов, а также в других программных документах КПСС.

За многие годы плодотворной научно-исследовательской и журналистской работы В. Н. Хлынов собрал обширный фактический материал по разрабатываемой им теме и, обобщив его, показал в своей монографии широкую картину положения рабочего класса современной Японии, чему

во многом способствовала возможность в течение длительного времени ознакомления с ним непосредственно на месте и изучения оригинальных японских источников. Наиболее полно в монографии освещены важнейшие аспекты этой многогранной проблемы. Автор исходил из необходимости показать прежде всего новые формы и методы эксплуатации рабочего класса, несостоятельность буржуазных вымыслов о «бесклассовом» характере современного японского общества и превращении его в «общество всеобщего процветания».

Монография, написанная главным образом на основе японских (в том числе и многих малозвестных) источников, состоит из предисловия, пяти глав и заключения.

Первая глава, носящая вводный характер, посвящена анализу научно-технической революции и социально-экономическим сдвигам в Японии. В ней, в частности, показано, что наряду с общими факторами, присущими всем высокоразвитым капиталистическим странам, развитие НТР на японской почве характеризуется и рядом особенностей, без учета которых невозможно понять современное положение рабочего класса.

В монографии охарактеризованы важнейшие особенности развития НТР в Японии, которые сводятся к следующему: относительная задержка НТР «на старте», особый подражательно-творческий характер японской науки и техники, широта горизонтального охвата, а также ее сравнительно ограниченное распространение по вертикали.

В результате поражения японского милитаризма во второй мировой войне научно-техническая революция началась в Японии в середине 50-х годов, то есть десятилетием позже, чем в США и странах Западной Европы, где этот процесс развернулся фактически уже в последние годы второй мировой войны.

Однако, как показано в монографии, относительно позднее начало НТР на японской почве в конечном итоге сыграло для Японии положительную роль. Учитывая опыт США и стран Западной Европы, Япония, умело используя уже имеющиеся результаты НТР, за более короткий период времени и с наименьшей потерей сил смог

¹ В. Н. Хлынов. Рабочий класс Японии в условиях научно-технической революции. Изд-во «Наука», М., 1978, 248 стр.

ла достичь серьезных успехов в своем экономическом развитии.

Важную, если не решающую роль в этом отношении сыграло умелое копирование Японией научно-технических достижений других высокоразвитых капиталистических стран и прежде всего США, то есть особый, так сказать, подражательно-творческий характер развития японской науки и техники. Политика творческого заимствования лучших образцов мировой техники, их дальнейшего усовершенствования и быстрого внедрения в производство позволила Японии выиграть время и сэкономить на научно-исследовательских работах колоссальные средства. Все это способствовало быстрому и эффективному развитию японской экономики, что самым существенным образом отразилось на положении рабочего класса.

Важной особенностью развития НТР на японской почве является ее широкое распространение в горизонтальном направлении, то есть охват практически всех отраслей экономики. Об этом свидетельствует, в частности, то, что главные направления НТР, включая автоматизацию и кибернетизацию производства, применение ЭВМ, использование новых видов сырья и источников энергии, химизацию технологических процессов, создание новых видов продукции и т. д., ныне в той или иной степени характерны для всех отраслей хозяйства, включая и сферу услуг. В результате широкого горизонтального распространения НТР заметное развитие в Японии получили не только новые, но и традиционные отрасли промышленности, что привело к резкому увеличению рядов рабочего класса.

В то же время существенной особенностью развития НТР в Японии является ее относительно ограниченное распространение по вертикали, то есть проникновение не на всю глубину экономической структуры, а в основном на крупные и крупнейшие предприятия. Эта особенность связана с так называемой двойственной структурой японской экономики, которая проявляется в том, что на одном полюсе действуют современные крупные компании и монополии, а на другом — огромная масса мельчайших (полкустарных), мелких и средних предприятий. В монографии вскрываются причины и следствия всех этих особенностей развития НТР на японской почве, их влияние на положение японского пролетариата.

Один из разделов главы посвящен анализу важнейших социально-экономических сдвигов в недрах современного японского общества, оказывающих непосредственное влияние на положение рабочего класса.

НТР заметно ускорила темпы роста производительности труда. Сделанные автором расчеты говорят о том, что в годы НТР она росла в 1,5—2,5 раза быстрее, чем в период, предшествующий НТР. Приводимые в монографии сравнительные данные свидетельствуют о том, что по этому важному показателю Япония обгоняла все дру-

гие высокоразвитые капиталистические страны. Столь быстрые темпы роста, естественно, обусловили и небывалые масштабы абсолютного роста производительности труда, что не могло не оказать существенного влияния на положение японского пролетариата. Большое значение имел в этом отношении фактор роста фондовооруженности труда.

Не менее важным сдвигом, вызванным НТР, является заметная модернизация экономической структуры Японии. Автор анализирует серьезные изменения внутренних пропорций японской экономики в пользу так называемых вторичных (обрабатывающая промышленность, строительство) и третичных (торговля, финансы, страхование, недвижимость и сфера услуг) отраслей хозяйства за счет первичных отраслей (сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство). Серьезные сдвиги произошли также в сторону значительного повышения удельного веса тяжелой индустрии и соответствующего сокращения доли легкой промышленности.

Наконец, одним из важнейших социально-экономических сдвигов в недрах японского общества является заметное усиление его пролетаризации. Анализ изменения социальной структуры Японии, предпринятый автором, свидетельствует о том, что в начале НТР (1955) преобладающее положение в структуре японского общества занимали переходные, промежуточные слои, на долю которых приходилось более половины всего самостоятельного населения страны. Однако по мере развития НТР их доля непрерывно сокращалась и к 1975 г. составила лишь немногим более 1/4 всех лиц самостоятельного труда. Напротив, удельный вес рабочего класса за те же годы (1955—1975) заметно вырос и превысил 2/3 всего самостоятельного населения Японии. Другими словами, рабочий класс превратился в самый многочисленный класс современного японского общества. При этом процесс пролетаризации последнего продолжается.

Во второй главе исследуются изменения в составе и структуре рабочего класса. Автор особо останавливается на теоретическом аспекте проблемы, показывает расширение границ рабочего класса, рост его основных отрядов и место отдельных подотрядов пролетариата. Далее анализируются сдвиги в структуре рабочего класса и в частности изменение отраслевой и профессиональной структуры пролетариата, сдвиги в структуре по полу и возрасту, а также в зависимости от размера предприятий и формы найма.

В результате анализа обширного фактического материала автор приходит к выводу, что развитие НТР на японской почве внесло и продолжает вносить серьезные изменения как в состав, так и в структуру рабочего класса. НТР значительно расширила, в частности, границы японского пролетариата, породила в нем ряд новых важ-

ных отрядов и подотрядов, заметно увеличилась число пролетариев умственного, или по преимуществу умственного труда, модернизировала общую структуру пролетариата.

Вместе с тем в результате усилившейся пролетаризации японского общества в состав рабочего класса вошла довольно значительная мелкобуржуазная масса, принесшая с собой такие настроения и традиции, как непоследовательность, неустойчивость и шараханье в борьбе за интересы трудящихся. «Переваривание» всех этих настроений и традиций, сближение между собой многочисленных подотрядов рабочего класса в идеологическом, политическом, социальном и экономическом отношении ныне является одной из важнейших задач японского рабочего движения.

Третья глава посвящена изменению положения рабочего класса в сфере капиталистического производства. В связи с этим автор анализирует новые формы и методы эксплуатации наемного труда, к которым вынуждены прибегать монополии в условиях НТР, для того чтобы удерживать массы под своим идейным и политическим контролем. Большое внимание в монографии уделяется процессу модернизации структуры и внедрения новейших систем заработной платы, новым организационно-техническим методам эксплуатации пролетариата, идеологической обработке рабочего класса, различным изощренным методам и формам контроля над трудом. Здесь же рассмотрено влияние автоматизации и кибернетизации производства на условия труда.

Анализ положения рабочего класса Японии в сфере капиталистического производства, осуществленный в книге В. Н. Хлынова, не оставляет сомнений в том, что в условиях НТР эксплуатация наемного труда продолжает оставаться главным источником увеличения массы и нормы прибавочной стоимости, присваиваемой монополиями. Более того, постоянное внедрение новой техники и технологии служит основой для усиления этой эксплуатации. Меняются лишь формы и методы последней.

Научно-техническая революция в условиях современной японской действительности обострила традиционные и породила новые серьезные проблемы, препятствующие нормальному воспроизводству рабочей силы и оказывающие негативное влияние на общий уровень жизни пролетариата. К числу таких проблем, подробно проанализированных в рецензируемой книге, относятся жилищный вопрос, проблемы городского транспорта, кризис социального страхования и медицинского обслуживания трудящихся, нехватка культурно-массовых учреждений и учреждений особого общественного назначения (детских учреждений, домов для престарелых и т. п.), а также разрушение окружающей среды и возникновение новых болезней трудящихся.

Японская буржуазная пропаганда пытается создать впечатление, что в экономиче-

ском положении рабочего класса этой страны произошли кардинальные изменения. В книге убедительно показано, что некоторые позитивные сдвиги в условиях воспроизводства наемной рабочей силы явно недостаточны и не соответствуют исторически необходимым потребностям пролетариата, современному уровню развития производительных сил. В действительности имеет место лишь некоторое относительное улучшение положения рабочего класса по сравнению с крайне тяжелыми условиями его существования в первые послевоенные десятилетия.

Сопоставление профсоюзных данных о минимально необходимых расходах семьи, наиболее близких к величине стоимости рабочей силы, и официальных показателей заработной платы главы семьи говорит о том, что на протяжении всех лет развития НТР на японской почве рабочая сила оплачивается намного ниже ее стоимости. Другими словами, несмотря на некоторые отдельные улучшения, условия воспроизводства рабочей силы в целом далеки от нормальных.

Положение японского пролетариата в условиях НТР характеризуется как рядом позитивных сдвигов, вызванных необходимостью сохранения дееспособной армии наемного труда и являющихся следствием упорной борьбы рабочего класса в защиту своих жизненных интересов, так и серьезными негативными моментами, отрицательно сказывающимися на общем положении рабочего класса.

Учитывая, что японские буржуазные идеологи акцентируют внимание лишь на позитивных сдвигах и усиленно распространяются на этом основании о якобы непрерывном улучшении положения трудящихся, заключительная часть монографии направлена своим острием против этих буржуазных измышлений.

Некоторый рост реальной заработной платы рабочего класса Японии в условиях НТР, на который обычно ссылаются буржуазные идеологи, отнюдь не означает общего улучшения положения пролетариата и ликвидации его нищеты в широком марксистском понимании этого явления. Несмотря на возможность и фактические случаи такого роста, рабочий класс Японии по-прежнему остается угнетенным и эксплуатируемым классом буржуазного общества, поскольку основные средства производства продолжают оставаться в руках горстки монополий.

Автор показывает, что к числу наиболее ярко выраженных форм проявления нищеты японского пролетариата в годы НТР относятся, в частности, различные формы усиления эксплуатации рабочего класса в сфере капиталистического производства, а также аномальные условия воспроизводства рабочей силы. В отличие от характерной для довоенных и первых послевоенных лет так называемой традиционной, или классической, нищеты, которая проявлялась главным образом в низком уровне дохода, обус-

ловливавшем хроническое недоедание и откля от самых элементарных средств существования, наличие в Японии таких проблем, как рост монотонности и отчуждения труда, повышение его интенсивности и появление нового утомления, рост производственного травматизма и профессиональных заболеваний, превращение их в массовые явления. Наконец, обострение проблемы занятости и безработицы, с одной стороны, а также тяжелые жилищные условия рабочего класса, серьезные трудности в области городского транспорта, худший характер социального страхования и медицинского обслуживания пролетариата, нехватка культурно-массовых учреждений и учреждений особого общественного назначения, усугубление экологических проблем и т. п. — с другой, составляет основу сегодняшней нищеты японского пролетариата — нищеты периода НТР. Прогрессивные японские ученые квалифицируют существование в Японии указанного комплекса социально-экономических проблем, как проявление современной, или «новой нищеты».

Особенно заметное обострение современной нищеты наблюдалось в период экономического кризиса 1974—1975 гг. Вызванный многолетним перегревом японской экономики и усугубившийся в результате небывалого роста мировых цен на сырье, и в частности на нефть, он оказал крайне пагубное влияние на положение рабочего класса Японии, окончательно развеяв миф о превращении современного японского общества в «общество всеобщего процветания».

Научно-техническая революция, таящая в себе неограниченные возможности для улучшения материального положения рабочего класса, в условиях современной японской действительности, как и при капитализме вообще, не ликвидирует, таким образом, существования нищеты в широком смысле этого слова. Напротив, подтверждаются известные слова К. Маркса о том, что «новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странностям, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победа техники как бы куплена

ценой моральной деградации» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 4).

В заключительной главе монографии показано, что с целью изменения своего существующего положения рабочий класс Японии усиливает борьбу против засилья и гнета монополий, против использования плодов НТР в интересах горстки эксплуататоров. Приводимые в ней данные свидетельствуют о том, что накал этой классовой антимонополистической борьбы по мере развития НТР становится все сильнее и приобретает все более упорный характер.

На наш взгляд, рецензируемая монография не лишена и отдельных недостатков. Так, характеризуя усиление степени эксплуатации японского пролетариата в годы НТР (стр. 85—88), автор ограничивается лишь приведением данных о доле заработной платы во вновь созданной стоимости. Это, несомненно, один из главных показателей степени эксплуатации, однако в такой обстоятельной и детальной монографии, видимо, следовало бы не ограничиваться лишь этим, а привести и расчеты нормы прибавочной стоимости. Это сделало бы тезис об усилении степени эксплуатации более полным и убедительным. В разделе четвертой главы, посвященном реальной заработной плате японского пролетариата (стр. 139—141), нет сведений о влиянии на нее прямого и косвенного налогообложения. Некоторые сводные показатели по годам оканчиваются 1974 годом; хотелось бы иметь также показатели и за последующие годы. Все это, однако, не снижает общего впечатления от книги как о ценной творческой работе.

Содержащая обширный фактический материал и глубокие выводы и обобщения монография В. Н. Хлынова — серьезное научное исследование, несомненно представляющее большой интерес для всех интересующихся современным положением и борьбой рабочих капиталистических стран вообще, японского пролетариата — в частности.

Б. В. Валентинов

СССР и Япония: курс на добрососедство и его противники

ная издательством «Международные отношения»¹.

Конструктивные изменения, происшедшие в международной обстановке в последние годы, активные разносторонние мирные инициативы Советского Союза, направленные на ее дальнейшее улучшение, не могут не учитываться правящими кругами Японии при разработке курса политической стратегии, в том числе в отношении СССР. Как известно, в настоящее время отноше-

Актуальным проблемам развития мирных добрососедских отношений и сотрудничества между СССР и Японией посвящена книга В. Н. Березина, выпущен-

¹ В. Н. Березин. Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники. Из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией. М., 1977, 144 стр.

ния между СССР и Японией во многих сферах приобрели благоприятный для обеих стран характер и с каждым годом проявляют тенденцию к дальнейшему расширению на взаимовыгодной основе. Однако, несмотря на заметный прогресс в укреплении добрососедских советско-японских связей за последние годы, в Японии продолжается деятельность правых реакционных сил, которые наносят значительный ущерб дальнейшему расширению контактов между нашими государствами.

Прошло более двух десятилетий с момента подписания двумя странами 19 октября 1956 г. Совместной декларации о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Японией. В монографии В. Березина подводятся итоги развития этих отношений за весь данный период, рассказывается о неустанной борьбе СССР за дальнейшее развитие и упрочение отношений с Японией вопреки деятельности реакционных элементов в этой стране. Автор подробно характеризует дипломатические акции Советского правительства, предпринимавшиеся в целях заключения с Японией в соответствии с решениями союзников всестороннего мирного договора. Как известно, это не привело к успеху в результате объединенных действий американо-японских реакционных сил и подписания в 1951 г. сепаратного Сан-Францисского договора между США и Японией. В монографии характеризуются также усилия, предпринимавшиеся Советским Союзом в целях достижения мирного урегулирования с Японией на двусторонней основе.

Документы, впервые вводимые автором в научный оборот, дают глубокое представление о сложной разносторонней деятельности в течение ряда лет советского представительства в Японии, руководимого А. И. Домницким, а на заключительном этапе — переговорах о нормализации советско-японских отношений, возглавлявшихся С. Л. Тихвинским.

В связи с введением СССР вслед за другими странами примыкающей к прибрежным водам 200-мильной экономической зоны и вопросом о линии ее отсчета актуально звучит содержащаяся в книге аргументация против выдвинутых еще в ходе советско-японских переговоров в 1954—1956 гг. притязаний японской стороны на южную часть Курильских островов на том основании, что она якобы не входит в состав Курил, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору, а представляет собой отдельное географическое понятие «Южные Курилы».

Автор приводит факты об огромном вкладе русских землепроходцев в освоение этих островов, относящихся еще к середине XVII в. В книге отмечается, что первые сведения о хозяйственном освоении русскими южной части Курильских островов центральное правительство Японии получило в 1781 г. после публикации историче-

ской работы о русских Хэйсуке Кудо, который выступил за налаживание с русскими на этих островах взаимовыгодной торговли для экономического развития пограничных районов Японии.

Видные государственные деятели России доброжелательно относились к японцам, потерпевшим кораблекрушение в русских владениях, и возвращали их на Родину, выражая при этом неизменные пожелания к установлению добрососедских отношений. В отличие от других западных держав Россия получила в середине XIX в. право на торговлю с Японией без какого-либо политического или военного давления. Автор пишет, что уступки царизма Японии в 1855 г. южной части Курил, а в 1875 г. — остальных Курил утратили международно-правовую силу в результате агрессивных действий Японии против нашей страны, предпринятых ею в нарушение договоров, по которым сделаны были эти уступки. В частности, впервые указывается, что Япония аннулировала эти договоры в Приложении № 10 статьи 9 Портсмутского мирного договора, и подчеркивается, что они были также фактически перечеркнуты не только нападением на Россию в 1904 г., но и интервенцией на Дальнем Востоке и в Сибири в 1918—1922 гг., спровоцированной Японией вооруженными конфликтами на озере Хасан и реке Халхин-Гол в 1938—1939 гг., разработкой совместно с гитлеровской Германией плана расчленения СССР, потоплениями советских торговых судов в годы второй мировой войны, многочисленными нарушениями советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г.

После принятия Японией Потсдамской декларации исключение южной части Курильских островов из состава территории Японии было закреплено в императорских рескриптах о репатриации японцев (№ 651—652 от 22 ноября 1945 г.), что нашло отражение во включении в состав Курил (Тисима) их южной части на официальной карте Курильских островов Управления географических исследований Министерства внутренних дел Японии от 31 мая 1946 г., а после вступления в силу Сан-Францисского мирного договора — в целом ряде актов внутреннего законодательства и картах, одобренных Министерством просвещения Японии в 50-х годах.

В заключительной части монографии обосновывается на многочисленных фактах благотворное влияние Совместной декларации СССР и Японии о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений (1956) на развитие советско-японских отношений по всем направлениям. В связи с этим раскрывается значение важной как для СССР, так и для Японии задачи подготовки мирного договора между обеими странами на основе признания существующих реальностей.

Автор делает вывод, что процесс углубления и многостороннего развития совет-

ско-японских отношений в последние годы шел на пользу советскому и японскому народам, на пользу делу мира и безопасности на Дальнем Востоке и в Азии в целом. В каком направлении пойдет развитие отношений между СССР и Японией в дальнейшем, во многом зависит от учета японскими правящими кругами политических реальностей, создавшихся после второй мировой войны, и перспектив развития политических, внешнеэкономических, культурных, научно-технических и иных связей государств с различным социальным строем.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в ответах на вопросы главного редактора газеты «Асахи» С. Хата указал: «Известно, что мирные договоры, как правило, охватывают широкий комплекс вопросов, в том числе о линии прохождения границы. Это относится и к советско-японскому мирному договору. Говорить же, что в отношениях между нашими странами есть какая-то «нерешенная территориальная проблема», — это одностороннее и неверное толкование». В связи с тем, что Япония пока не готова пойти на заключение этого договора, Л. И. Брежнев напомнил о предложении советской стороны, не прекращая перегово-

ров по мирному договору, обменяться мнениями и подписать договор о добрососедстве и сотрудничестве, который охватывал бы те области отношений между двумя странами, которые уже созрели для того, чтобы поставить их на прочную договорную основу. Как известно, Проект такого договора был вручен министру иностранных дел С. Сонода во время его визита в Москву в январе 1978 г. и опубликован в советской и японской печати. Заключение его позволило бы добиться важного поворота в сторону надежного развития взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами.

Содержащийся в монографии В. Н. Березина обширный фактический материал и его анализ автором убедительно подтверждают, что развитие всесторонних взаимовыгодных советско-японских отношений за два десятилетия, истекших после подписания совместной декларации 1956 г., уже давно вышло за ее рамки и что в интересах обоих народов их дальнейшее всемерное расширение и развитие на взаимовыгодной основе.

К. Е. Черевко,

кандидат филологических наук

Социально- экономическая политика гоминьдановского Китая

Анализ современного состояния КНР невозможен без специального и глубокого изучения всего периода истории Китая в новейшее время. Особенно важны исследования социально-экономических проблем, которые являются ключом для ответа на наиболее сложные вопросы китайской действительности. Вся противоречивость и пестрота социально-экономических условий, которая отразила многовековой процесс эволюции китайского общества, спрессовались в период господства гоминьдановского режима, создали революционную ситуацию, завершившуюся в 1949 г. образованием КНР. Реакционная политика гоминьдана обострила социальные и экономические противоречия китайского обще-

ства, подтолкнула страну к революции, облегчила коммунистам задачу борьбы за переустройство общества.

Рецензируемая работа посвящена социально-экономическим проблемам гоминьдановского Китая, прежде всего — политике гоминьдана¹. При этом автор вынужден был поставить в центр исследования такую важнейшую проблему, как возрастание социально-экономической роли государства, его вмешательство в общественную жизнь страны.

Подобный акцент в работе сделал все исследование масштабным, в полном смысле слова проблемным, позволил поставить заново многие нерешенные вопросы социально-экономического строя до образования КНР, объяснить многие особенности последующей эволюции китайского общества.

Высокий теоретический уровень проявляется во всех разделах работы: он отражен и в главе, где дается оценка предпосылок гоминьдановской экономической политики, и в главах, посвященных отдельным этапам этой политики, и в последнем разделе, где анализируется классовый характер бюрократического капитала. Весьма принципиальной выглядит автор-

¹ А. В. Мелликсетов. Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927—1949). М., 1977, 320 стр.

ская оценка работ советских и зарубежных сиологов по рассматриваемым проблемам.

Монография производит впечатление новаторского труда, носит поисковый характер.

Автор пишет, что «современный уровень марксистских исследований пока не дает возможности однозначно, в привычных формационных терминах определить характер традиционного, докапиталистического общества Китая» (стр. 7). Действительно, «однозначный» ответ на этот вопрос не прост. В течение более двух тысяч лет китайское общество было застойным, так и не переросло в капиталистическое общество. Для Китая были характерны такие важные особенности, как слабость частного хозяйства, неразвитость товарно-денежных отношений, мощный аппарат власти по отношению к огромной массе мелких производителей деревни и города. «Открытие» Китая империалистическими державами и его включение в мировую капиталистическую систему привело к еще большей дифференциации социально-экономических условий. Наряду с докапиталистическими и раннекапиталистическими укладами в стране возникли уклады развитого капитализма (национального и иностранного). Процесс первоначального накопления в Китае оказался незавершенным. Все эти и другие особенности дали основание автору говорить о трудностях, «на которые наталкиваются попытки дать стадиальную характеристику этапу капиталистической эволюции Китая в рассматриваемое время» (стр. 17).

Между тем экономическую структуру Китая можно было бы представить как переходную многоукладную, в которой не только противостояли, но и сосуществовали докапиталистические и капиталистические уклады, причем важнейшим фактором, тормозившим капиталистическое развитие и определявшим длительное «сосуществование» этих двух форм хозяйства, выступало деспотическое государство с его негативной активной деятельностью в сфере экономики. Именно по этой причине Китай «запаздывал» с прохождением известных стадий капиталистического развития. Опыт стран «третьего мира» показывает, как слом реакционной надстройки (даже и без коренных социальных преобразований) может значительно ускорить переход от докапиталистических отношений к более развитым экономическим отношениям. Следует признать, что многоукладность в Китае вобрала в себя все известные истории уклады и типы хозяйства. Выявление роли каждого из укладов в экономической структуре представляет собой труднейшую, если вообще разрешимую, задачу. Без тщательного анализа соотношения и роли укладов (в первую очередь иностранного капитала, капитала национальной буржуазии, мелкотоварного и феодального укладов) невозможно определить остроу важ-

нейших противоречий и соотношение классовых сил в китайском обществе.

Автор глубоко анализирует социально-экономической строй гоминьдановского режима. Первоначально он связывает повышение роли гоминьдановской правящей прослойки с вмешательством государства в социально-экономическую жизнь страны, которое «не выходило за привычные для буржуазного государства рамки» (стр. 252). Но уже в конце 20-х — начале 30-х годов отмечается стремление правительства выступить не только регулятором, но и предпринимателем в банковском деле, промышленности, инфраструктуре, торговле. Государство вынуждено брать на себя не только функции экономического регулирования, но и выступать организатором производства.

Разгром милитаристской Японии сделал гоминьдановское государство «наследником» всей огромной японской собственности в Китае. Фактически, как пишет автор, гоминьдановское правительство монополизировало почти всю крупную промышленность, банковскую систему, современные виды транспорта и связи, решающие рычаги внутренней и внешней торговли. В условиях слабости национальной буржуазии гоминьдановская государственность выступает «как своеобразное единство власти и собственности, политики и экономики, базиса и надстройки» (стр. 253). Завершение войны позволило гоминьдановскому правительству превратить в государственные практически все ключевые хозяйственные сферы, причем этот процесс происходил не только за счет иностранного, но и за счет китайского капитала. Все это дало автору основания для вывода о том, что государственный сектор, сформировавшийся в этих своеобразных исторических условиях, носит государственно-капиталистический характер, а китайская бюрократическая буржуазия является общностью, находящейся «на стадии государственно-монополистической» (стр. 259).

Полемизируя с автором, хотелось бы предположить, что эта точка зрения высказана им как противопоставление той официальной маоистской трактовке роли «четырёх семейств», которая утвердилась в китайской пропаганде со времени опубликования книги Чэнь Бо-да «Чан Кай-ши — злейший враг китайского народа» (январь 1948 г.). Многие крайние, ненаучные, максималистские определения гоминьдановского режима, данные в той работе, естественно, сегодня не могут удовлетворить объективного исследователя. Вполне понятны попытки А. В. Меликсетова с новых позиций охарактеризовать социально-экономический строй гоминьдана.

И тем не менее можно ли определить гоминьдановский капитал как госкапиталистический, а его эволюцию — как стадию государственно-монополистическую? Генезис и сама природа государственного сектора

гоминьдановского режима таковы, что не позволяют согласиться с этим утверждением. Сформировался государственный сектор не путем развития частнохозяйственного капитала, укрупнившегося в результате естественного процесса слияния частного капитала и образования монополий, и на этой основе — сращивания с государственной властью, а путем открытой узурпации собственности от имени государства. Действительно, узурпация собственности носила тотальный характер: она простиралась на все решающие сферы хозяйственной жизни, что позволяло контролировать с помощью государственного бюрократического аппарата экономику страны полностью. Применялись все методы старой, феодальной эксплуатации для выкачки прибавочного продукта, причем методы первоначального и раннекапиталистического накопления, как правильно указывает автор, здесь преобладали. Государственная власть эксплуатировала все экономические уклады, а не только государственный сектор. Поэтому можно вполне констатировать тот факт, что бюрократический капитал выступал в качестве совокупного эксплуататора. Но был ли он «совокупным капиталистом?» (стр. 258).

Корни формирования гоминьдановского капитала уходят в почву не капиталистического уклада, а чисто феодального, компрадорского. Гоминьдановский капитал унаследовал методы эксплуатации и грабежа, характерные для Цзэн Го-фаня, Цзо Цзун-тана, Ли Хун-чжана, Чжан Чжи-туна и др. Разница была лишь в масштабах эксплуатации, в степени продажности иностранцам.

Бюрократический капитал действительно занимал монопольное положение в экономике, но эта монополия основывалась не на экономическом подчинении, а на прямом государственном насилии, узурпации экономической власти.

До 1927 г. ни одно из влиятельнейших и всемогущих в последующем «четырёх семейств» не имело какой-либо крупной собственности, состояния, богатства. И лишь приход к власти привел их к личному обогащению. Ни о каком сращивании частного капитала с государственной властью не могло быть и речи. От имени Центрального правительства формировались экономические органы страны. Так, уже в 1928 г. был создан Центральный банк, к 1936 г. правительство уже имело четыре крупнейших банка (Центральный, Банк Китая, Путей сообщения, Крестьянский) с капиталом, составлявшим 59% всех банковских капиталов страны, они выпускали 78% банкнот страны. Однако этот контроль и монопольное положение в банковском деле и в сфере денежного обращения были источником постоянного обогащения отдельных правящих лиц, дезорганизуя отражалась на состоянии экономики. Газета «Дагунбао» тех лет открыто писала,

что «4 банка» монополизировали все большие и малые дела, занимаются и такими делами, как эмиссия бумажных денег во время инфляции, искусственное взвинчивание или внезапное понижение цен, обмен валюты и многое другое². Если позиции бюрократического капитала в сфере обращения были весьма прочны, то в сфере производства государственный сектор был крайне слаб. До войны с Японией под государственным контролем находилось всего лишь 10% промышленного производства, да и то главным образом в угольной, машиностроительной, военной отраслях промышленности. Однако после приема огромной японской собственности к 1946 г. собственность государственного сектора составила 70—80% промышленного капитала, в том числе в черной металлургии — свыше 90%, нефтяной — 100%, цветной металлургии — 100%, текстильной — 59% и т. д.

В этих условиях не следует утверждать, что бюрократический капитал функционировал на основе законов, присущих монополистическому капиталу, воспроизводил собственность, извлекал прибавочную стоимость методами капиталистической эксплуатации. Методы эксплуатации, функционирования бюрократического капитала были предельно грабительскими, в них не было ни грама позитивной социально-экономической логики. За 20 лет гоминьдановского правления было выпущено 59 внутренних займов на сумму 10 730 млн. юаней, а также 600 млн. ам. долл. и 21,5 млн. фунтов стерлингов. В результате нескольких «денежных реформ» был произведен обмен старых денег на новые, вследствие чего мгновенно нажили себе богатство лица, близкие к финансовому аппарату правительства. Таким же элементарным способом Чэнь Ли-фу положил себе в карман огромную сумму в результате валютной операции — подняв 1 марта 1946 г. «официальный» обменный курс доллара на «фаби» с 1 : 20 до 1 : 2020, после чего выбросил доллары на черный рынок и в официальную продажу.

Возможна ли регулирующая роль государства в экономической жизни страны, если принять во внимание то разрушительное воздействие, которое оказало гоминьдановское правительство на состояние производительных сил? О безудержной инфляции в гоминьдановском Китае написано много. Состояние государственных финансов в целом было плачевным: дефицит государственного бюджета был постоянным и нарастающим. В 1946 г. он составлял 6—8 трилл. юаней, в 1947 г. — 87, в 1948 г. — 900 трилл. юаней. Отношение правительственных доходов к расходам уменьшалось в поразительных масштабах. Например, в 1947 г. денежные поступления в правительственную казну составляли

² «Дагунбао», 13.I.1947.

13 трилл., расходы — 100 трилл. юаней³. Состояние финансов сказывалось на положении в области промышленного и сельскохозяйственного производства, всей экономики.

Автор книги подробно анализирует мероприятия гоминьдановского правительства в 1945—1949 гг., считая, что экономическая политика гоминьдана «при всей противоречивости и непоследовательности... оказалась в определенной мере эффективной — в первые два-три года восстановление промышленности в ряде районов шло достаточно быстро, что позволило достичь относительно высокого военного уровня» (стр. 223). В монографии отмечается, что «восстановлению государственных предприятий благоприятствовали наличие в руках правительства контроля за импортом, особенно оборудования и сырья, а также правительственная кредитная политика» (стр. 224). А. В. Меликсетов акцентирует внимание и на роли государства во внешнеэкономических связях. Постепенно возросла «регулирующая роль» государства во внешней торговле. Право на импортную торговлю представлялось в первую очередь государственным организациям и компаниям. В марте 1946 г. было введено запрещение ввоза ряда предметов роскоши и лицензирование других товаров⁴. Между тем автор уверяет читателя, что «политика ограничения импорта, активно проводившаяся с конца 1946 г., была дополнена политикой поощрения экспорта» (стр. 225). Автор имеет в виду повышение курса юаня по отношению к доллару, приближение официального курса к рыночному, хотя в примечании к этому мероприятию на стр. 225 сам указывает на всю его неэффективность в условиях накалившейся инфляции.

И даже в разгар гражданской войны, зимой 1947/48 г., когда произошел перелом в пользу НОА, по мнению автора, гоминьдановский режим пытался осуществлять «оздоровление экономики» (стр. 229), было объявлено о проведении 10 экономических мероприятий, включая аграрную реформу и т. п. (стр. 230).

На наш взгляд, автор существенно переоценил социально-экономическую программу гоминьдана, дал недостаточно четкое толкование экономическим мероприятиям гоминьдановского режима. Социальная природа гоминьдановского капитала — националистический милитаризм, авторитарный бюрократический режим, основанный на всех видах чудовищной феодальной эксплуа-

тации народа. Это совокупный эксплуататор китайского народа, который в ходе и в результате второй мировой войны смог прибавить к своей военной и бюрократической власти еще и огромную собственность. Но совокупным капиталистом бюрократический капитал в Китае так и не стал. Превратиться из феодального кровопийцы в организованного капиталиста, наладить в масштабах всей страны общественное производство бюрократический капитал не мог. И причина лежит не во внешних обстоятельствах: она заложена во внутренних пружинах самого режима, развал был имманентен гоминьдану. Это существенно облегчило коммунистам задачу — добить гоминьдан.

В своей монографии А. В. Меликсетов совершенно правомерно делает упор на такую специфику социально-экономической жизни Китая, как огромная роль государства, его вмешательство в экономическую жизнь страны.

Нам кажется, что автор связывал нарастающую роль государства в гоминьдановском Китае главным образом с позитивной социально-экономической программой правительства, с возрастанием удельного веса государственного сектора.

Между тем на протяжении многих веков традиционно роль государства в феодальном Китае была очень существенна, причем экономические причины и объективные условия существования подобного феномена раскрыты недостаточно. Крайне важно для выявления сущности и подлинной роли гоминьдановского государства подключить к анализу эволюцию китайского феодального государства с его традиционными функциями и атрибутами на протяжении столетий. Тогда в деятельности гоминьдановского правительства можно открыть множество направлений, совпадающих с традиционным государством древнего и средневекового Китая, а «новые», «госкапиталистические» функции могут оказаться лишь искусственным придатком, который не приживется на китайском дереве.

История централизованного государства в Китае насчитывает более 2000 лет. Оценки деятельности первого «объединителя» Китая — императора Цинь Ши-хуана — весьма противоречивы. До «культурной революции», особенно перед накатом волны критики Линь Бяо и Конфуция, преобладающими были критические оценки в адрес методов и результатов деятельности Цинь Ши-хуана. Даже такие крупные специалисты по древней истории Китая, как Го Мо-жо, резко отрицательно высказывались по поводу вклада Цинь Ши-хуана в историю Китая как объединителя страны. «Ему приписывают заслуги в деле объединения Китая, между тем это лишь было совпадением его жизни с определенным периодом истории, судьбой». По словам Го Мо-жо, «Цинь Ши-хуан являлся реакционным объединителем, он привел к тому, что

³ «Дунбэй жибао», 2.IV.1948.

⁴ Незадолго до этого запрещения Сун Цзы-вэнь закупил большую партию автомобилей в США. И лишь после поступления этой партии в Шанхай он объявил в газетах о новом правительственном декрете (Сюй Ди-синь. О бюрократическом капитале. Изд-во «Хайяо шудянь», III, 1951, стр. 82).

Китай вернулся назад к полному господству рабовладельческого строя»⁵.

Современные маоисты «переосмыслили» целые периоды истории китайского государства, в том числе «заслуги» императора Цинь Ши-хуана. Они утверждают ныне, что централизованная власть «сыграла активную роль в укреплении феодального строя», «имела положительное значение в развитии феодальной экономики и культуры». Вся история Китая, по нынешней версии пекинских пропагандистов,— это история единого феодального государства со сложившейся централизованной властью. «После императора Цинь Ши на протяжении более 2000 лет период единого государства занимал 2/3 времени, раздробленности — 1/3, к тому же этапы раздробленности со временем сокращались, в то время как период единства нации обнимал целую историческую полосу в 600 с лишним лет династии Юань, Мин, Цин. Единое государство — это непреодолимая общая тенденция исторического развития Китая»⁶.

Сложилась многие традиционные формы китайского государства. Уже в X—IX вв. до н. э. в Китае оформилась в виде иерархической системы администрация с многочисленными должностями, титулами, со строгим подчинением одних чиновников другим. В стране рано сложилась бюрократическая система взимания налогов, контроля над доходами. Леса, водные пространства, пастбища были предметом особых забот надзирателей императора. Все природные богатства страны назывались «источником выгоды» для государства.

С момента возникновения царства Западного Чжоу в Китае уже сложилась четкая территориально-административная организация, а также стройная система военной организации. Размещение военных «лагерей» определялось стратегическими целями: в районах, прилегающих к столице, в важных пунктах завоеванных областей. В распоряжении военных «лагерей» имелись комплексы земельных угодий, которые служили для них хозяйственной базой. Их постоянное увеличение эпизодически сопровождалось раздачей земельных наделов от имени императора военным сановникам. Отряды стражи, гарнизонов «лагерей» получали содержание от государства, что позволяет их рассматривать как зарождающиеся ядра постоянной армии.

Образование «государственного», казенного сектора в китайской экономике связано с милитаристской бюрократической властью. Он создавался в счет иностранных займов, путем учреждения дутых

акционерных обществ, заправилами которых были маститые и всемогущие бюрократы. Рядовые акционеры теряли на том, что вынуждены были оплачивать за полученные от иностранных держав займы огромные ростовщические проценты. Тем самым при поддержке правительственных продажных владельцев акций такие казенные предприятия очень быстро попадали в зависимость от иностранного капитала.

Резкое возрастание роли государственных финансов в Китае нельзя объяснить результатом развития и концентрации промышленного производства. Этот процесс был итогом реакции на милитаризацию страны. Правительство по мере усложнения внутренней политической борьбы все более шло на выпуск государственных займов, беззащитно наживаясь на их реализации и обмене в условиях инфляции. Постепенно господство гоминьдановского государства было подкреплено господством банковского капитала. Государственный бюджет гоминьдановского режима от начала до конца носил феодально-компраторский характер, он прежде всего обслуживал интересы правящей клики, нужды войны. Кредиты, выдаваемые предприятиям от имени «правительственных» банков, носили откровенно грабительский характер. Условия этих кредитов достигали 8% и даже 15—16% в год, в результате текстильные предприятия 7 провинций за полученный кредит вынуждены были заплатить только около 70% суммы кредитов, а тяньцзиньская фабрика «Хуасин» среди всех издержек производства лишь на проценты расходовала 18,43%⁷.

С точки зрения использования бюджета гоминьдановского государства характерной особенностью является высокая доля расходов на военные нужды и крайне незначительная их часть на нужды народного хозяйства. Уже в 1952 г. расходы КНР на народное хозяйство составили 7,6 млрд. юаней, что в 12 раз превысило уровень максимальных расходов гоминьдановского бюджета на развитие экономики⁸. Уже один этот факт свидетельствует о природе и характере «государственного капитализма» гоминьдановского образца.

В целом, несмотря на высказанные замечания, наличие дискуссионных положений, исследование А. В. Меликсетова «Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927—1949)» представляет большой научный интерес, важно для последующих теоретических разработок новейшей истории КНР.

*Е. А. Коновалов,
доктор экономических наук*

⁵ Го Мо-жо. 50 дней в Советском Союзе, изд-во «Синь Чжунго шудянь», 1949, стр. 90.

⁶ «Жэньминь жибао», 11.II.1974.

⁷ См. «Шэньбао юэкань», 1934, т. 3, № 9, стр. 39.

⁸ См. «Жэньминь жибао», 21.V.1953.

Перевод и комментарий уникального монгольского источника

Работа немецкого ученого К. Загастера* посвящена малоизученной теме и содержит много новых материалов, в том числе перевод уникального монгольского источника.

В основу исследования положена «Чаган тэукэ» — «Белая история», в которой изложена теория так называемых «двух устройств» (доуаг уосун), то есть религиозного и государственного строя в Тибете и Монголии. Текст «Белой истории» сохранился в двух версиях. Первая содержит еще «Свод правил о культуре Чингис-хана» и «Гимн Чингис-хану». Остается неизвестным, кем и когда эти тексты были объединены с «Белой историей». Во второй версии памятника их нет. Она представлена в редакции ордосского писателя Сэчэн-хун-тайджи (1540—1586). Предисловие редактора к этому варианту гласит: «Так как Хубилай — чакрвартин — Сэчэн-хун сочинил эту (книгу), называемую «Белая история относительно правил о десяти добродетелях», очень давно, то (я), Сэчэн-хун-тайджи, Хутугту чогаасун джирукэн дайчин, сличив (ее) со старым (экземпляр) книги уйджун-гуши уйгура Бранашири и тщательно соединив (ее) в приметных местах, критически составил (ее заново), после того как (я) раскапывал (ее), как геомант, и извлек из (развалин) города Сунчу»¹. Пусть читатель, которого

* Klaus Sagaster. Die Weisse Geschichte (Сагау теике), Eine mongolische Quelle zur Lehre von den Beiden Ordnungen, Religion und Staat in Tibet und der Mongolei, Herausgegeben, übersetzt und kommentiert von ... (=Asiatische Forschungen, Band 41). Wiesbaden, 1976, IX+489 S. (Клаус Загастер. Белая история (Сагау теике), Монгольский источник об учении о двух устройствах. Религия и государство в Тибете и Монголии. Издан, переведен и прокомментирован... =сер. Asiatische Forschungen, т. 41, Висбаден, 1976, IX+489 стр.).

¹ Так назван кит. Сунчжоу. В печатном фрагменте XIV в. из находок П. К. Козлова (1863—1935) *чжоу* транскрибируется как *jiu* (см.: N. Ts. Munkuuev. Two Mongolian Printed Fragments from Khara-khoto, — Mongolian Studies, ed. by L. Ligeti. Budapest, 1972, фрагмент 1, строка 1). П. Пельо (1878—1945) колебался в вопросе о том, как реконструировать кит. *чжоу* на монгольском

заинтересуют монгольские титулы, имена и термины в этом отрывке, прочтет о ших у автора, тщательно прокомментировавшего свой перевод данной цитаты, который несколько отличается от предложенного (стр. 54—56). Здесь для нас важно, что Сэчэн-хун-тайджи, как отмечает К. Загастер, во второй половине XVI в. отредактировал рассматриваемый памятник, сличив два различных списка его.

Рукопись, привезенная Сэчэн-хун-тайджи из города Сунчу, вероятно, могла представлять собой первоначальный вариант «Белой истории», а книга, принадлежавшая некоему Бранашири, — уже переработанный текст ее (стр. 54—55). Вопреки Л. С. Пучковскому, который считал, что Сэчэн-хун-тайджи выбросил повеления о культуре Чингиса (1155—1227) и гимн ему из «Белой истории», К. Загастер выдвигает, по-моему, более убедительное предположение о том, что указанные тексты могли быть объединены с памятником позднее, в начале XVII в. (стр. 53—54). Как справедливо полагает К. Загастер, первая версия древнее второй, переработанной редактором XVI в. В ней отсутствует предисловие редактора, которое едва ли было бы опущено в списках, если оно имелось в оригинале. Кроме того, в ней встречаются отдельные выражения, которые во втором варианте изменены явно сознательно, так как они, возможно, уже были непонятны редактору или к его времени более не были употребительны (стр. 56).

К. Загастер изучил все списки, за исключением одного, хранящегося в Хухэ-Хото, проделал большую текстологическую работу и дал транслитерацию текста рукописи, принадлежавшей Государственной библиотеке МНР в Улан-Баторе и опубликованной в факсимиле В. Хейсигом², дополнив ее выписками из двух других списков и указав в постраничных сносках на различия на основании трех других рукописных копий (стр. 81—103). Из последних наиболее ва-

языке XIII—XIV вв. — *ju* или *jiu* (см.: P. Pelliot. Histoire secrète des Mongols. Oeuvres posthumes I. Paris, 1949, стр. 99—100). В одном и том же монгольском тексте мы находим и *ju*, и *jiu* на месте кит. *чжоу* в двуязычной надписи XIV в. (см.: F. W. Cleaves. The Sino-Mongolian Inscription of 1362 in Memory of Prince Hindu. Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. 12, 1949, строки 24, 25, 32 и 37 и 3b). В приведенном тексте имеется в виду город Сунчжоу. В эпоху Юань (1215—1388) такой город существовал на территории современной Жэхэ, то есть в Монголии. Он был разрушен в начале периода Мин (1368—1644), и руины его находятся к юго-западу от уездного города Чифэнсянь в Жэхэ (см.: L. Gibert. Dictionnaire historique et géographique de la Mandchourie, Hongkong, 1934, стр. 810).

² См. W. Heissig. Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen, I. 16—18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1959, s. 2—25.

жен список, сделанный 20 апреля 1910 г. Ц. Жамцарано в Эджен-хоро (Ордос) со старинной рукописи, относящейся к XVIII в. и хранящейся в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Указанная рукопись, по тексту которой переведена «Белая история» К. Загастером (стр. 105—171), в свое время была найдена председателем Ученого комитета МНР Джемьян-гуном в Южной Гоби и состоит из 23 нумерованных листов.

Что же касается авторства и времени написания «Чаган тэукэ», то монгольская традиция приписывает его Хубилай-хагану (1215—1294). Как указывает К. Загастер, это основано на авторитете Сэчэн-хун-тайджи, который в цитированном выше предисловии ко второй версии сочинения сообщал, что памятник был написан Хубилаем. В колоне «Белой истории» сказано только, что она состоит из законов, которые были «установлены», по первой версии, «министрами прежних святых» или, по второй версии, самими «прежними святыми» (стр. 57). Во второй половине XIII в., когда были установлены тесные отношения между монгольским ханским двором и тибетской буддийской сектой Саскья в лице Пагспа-ламы (1235—1280), могло быть создано руководство по координации действий между церковью и государством, каким и является «Белая история». Вполне вероятно, что последняя была составлена кем-то по приказу Хубилая. К. Загастер предполагает, что она была написана в период между 1271 и 1280 гг.

Действительно, по содержанию «Белая история» представляет собой не что иное, как своего рода «наставление» для монгольского хагана, которое могло быть написано как политическое завещание главы империи для его потомков в период существования монгольской мировой державы и усиления при ханском дворе роли буддийской церкви во второй половине XIII в.

По «Белой истории», все благополучие общества и государства зиждется на основных принципах указанного выше учения о двух институтах. В самом сочинении термин «два установления» (доуар юосун), означающий религию и государство, определяется через понятия правил двух родов — «законы религии» (пот-ип юосун), то есть дхарани и сутры, и «законы света» (yirtimcū-yin tōgō). Это означает, что указанные два установления основываются на «четыре великих правилах» (dōgbeq yeke tōgō). Институт религии олицетворяется в двух законах — дхарани и сутр, институт государства также представлен двумя законами — законами «мира и блаженства» (engke kilbar). Когда в рассматриваемом сочинении говорится о двух установлениях, его автор исходит из того, что все люди стремятся к спасению — постоянному, духовному, или по меньшей мере временному, светскому. При этом духовное спасение представляет собой полное избавление от страданий, а светское — земное счастье. Дхарани и сутры, обеспечивающие избавление от всех страданий, в свою оче-

редь представляют собой два пути духовного спасения в тибетском махаянистском буддизме — так называемый путь «мантра-колесницы», мапгауапа, и путь «сутра-колесницы», сутгауапа. Они отличаются друг от друга практикой, с помощью которой достигается религиозная цель избавления. Практика мантраяны характеризуется обращением к заклинаниям, магическим формулам, которые называются мантра и дхарани и содержатся в буддийских тантрических текстах. Практика сутраяны заключается главным образом в соблюдении принципов морального поведения, духовного сосредоточения и мудрости, описываемых в сутрах. Что же касается института государства, то «мир и блаженство», к которым он сводится, обеспечивают людям светское спасение (стр. 34 и 179).

Как справедливо отмечает К. Загастер, по «Белой истории», буддийская религия и государство представляют собой два законных установления, «два Закона», которые обеспечивают спасение всем живым существам (qamij amitan). Они зависимы друг от друга и могут существовать лишь в том случае, если они находятся в гармонии между собой.

В системе двух институтов, которая, по «Белой истории», была создана мифическим индийским царем Махасаматн еще в ту древнюю эпоху, когда «люди жили бесчисленное множество лет», во главе религии находится лама, будда Шакьямуни, духовный спаситель всего живого, и во главе государства — один из наиболее выдающихся хаганов-чакравартинов (санскр. «вращающий колесо»), светский спаситель в текущую буддийскую эру «доживающих до ста».

После своей физической смерти будда Шакьямуни выполняет свою миссию духовного избавления людей от всех страданий через помощников, которые также названы ламами. Они являются защитниками религии, обучают людей религиозным законам и направляют их на истинный путь, ведущий к духовному спасению. Выполняя свою спасительную миссию, ламы могут обращаться за помощью ко всему пантеону будд, бодхисаттв и тантрических божеств, а также к духовным лицам и мирянам — жертвователям (стр. 179—180).

По «Белой истории», в текущий период буддийской эры светский правитель государства представлен в лице хагана — чакравартина Чингис-хана, который продолжает возглавлять страну через преемников. В источнике определена административная структура этой утопической мировой державы, основанной на концепции соединения духовной силы тибетского буддизма и военной мощи монгольских завоевателей, где уже осуществлена гармония во взаимоотношениях между обоими указанными общественными институтами, а также указано на принципы, на которых должно основываться управление этим государством и которыми должны руководствоваться государь и его подданные, ла-

мы и миряне. Обладая светской властью, хаган несет особую ответственность за утверждение и сохранение этого государства (стр. 177—178). У него много обязанностей. Например, он должен проявлять заботу о покое и счастье своих подданных, создать общество, в котором возможно достижение духовного спасения, защищать его и свою опору — религию и государство, обеспечить соблюдение закона и материальное благосостояние в своей державе, знать, как сказано, прошлое и будущее, то есть учитывать исторический опыт и обладать даром предвидения, совершенствоваться в науках и быть сведущим в методах управления государством. Назначаемые им гражданские чиновники и военачальники должны распространять законы, издаваемые хаганом, и следить за исполнением их. Ибо, как подчеркивается в сочинении, без хаганских законов люди не смогут добиться земного спасения и погибнут. Те, кому поручено проведение законов в жизнь, сами должны вести себя правильно, а на это способны только те, которые уже доказали на деле свои положительные качества. Поэтому хаган должен назначать чиновниками только таких людей (стр. 180—181).

В учении о двух институтах занимают особенно важное место праздники. В нем устанавливается по числу времен года четыре религиозных и четыре светских праздника, которые приурочены к «счастливым» дням, то есть датам знаменательных событий соответственно в жизни будды Шакьямуни и Чингис-хана. На праздниках производятся жертвоприношения этим лицам. Чествование Шакьямуни сводится главным образом к чтению священных текстов ламами. Жертвоприношения Чингис-хану, напротив, принимают форму «прямого» общения потомков с духом предка. Дух государя дает «аудиенции» своим подданным, которые доставляют к нему главным образом кумыс, овец и лошадей (стр. 182—183).

Таким образом, система двойного устройства управления государством всецело зависит от «спасителей» — Шакьямуни и Чингис-хана, которые заново создали эту систему двух институтов в данный период буддийской эры. Процветание ее будет обеспечено лишь до тех пор, пока Шакьямуни и Чингис-хан, продолжая жить в этом буддийском мире, будут охранять ее, то есть истинную веру и нормы поведения людей. Ибо без нее спасение недостижимо, так как без нее никто не будет знать, что хорошо и что плохо. «Без закона религии живые существа попадут в пренеподходящую, а без закона хагана народы и племена придут к гибели» (стр. 183).

Как видно из изложенного, «Белая история» — важный памятник монгольской философии государства и права, отражающий идеологическую систему средневековой Монголии. Не подлежит никакому сомнению, какое большое значение имеет

перевод такого источника. Понимание текста его, изобилующего архаизмами, специфическими буддийскими терминами и искажениями, допущенными переписчиками, сопряжено с немалыми трудностями. Но выборочная сверка показывает, что К. Загастер, обладающий большой эрудицией в области не только монголоведения, но и тибетологии и буддологии, в целом сумел перевести текст адекватно.

Помимо характеристики «Белой истории» как памятника историографии, автор в обширном комментарии (стр. 173—413) осветил много проблем, связанных с темой. В этом комментарии отведены специальные параграфы роли Чингис-хана и Хубилая в системе двух институтов, главным принципам ее, функциям духовных особ — «помощников Будды-спасителя» и светских хаганов-правителей, административному делению и военной организации утопической мировой державы, иерархии лам и светских чиновников, а также другим темам, вытекающим из текста «Белой истории». Эти проблемы освещены автором весьма подробно на основании монгольских и тибетских источников и всей монголоведческой и синологической литературы на европейских языках, включая русский. Например, впервые в литературе так тщательно разработаны К. Загастером вопросы о культуре Чингис-хана (стр. 189—232) и другие важные проблемы (стр. 241—245, 304—317).

Исследуя идеологический аспект взаимоотношений между религией и государством у монголов, автор осветил многие проблемы, связанные с этой темой. Выводы его обоснованы данными источников и интересны. Так, К. Загастер полагает, что учение о двух институтах представляет собой своего рода философию государства, которую развили Хубилай и Пагспа. Она была политической концепцией, в которой было обосновано учение о ламе-спасителе и государе, опоре религии. Идея государства во главе с верховным правителем-милостынедателем и верховным учителем — сакьяским иерархом, очевидно, совпадала с желанием Хубилая, который видел в ней средство сохранения целостности империи с помощью не только власти великих ханов, но и авторитета буддийской секты, учение которой наиболее соответствовало образу мыслей монголов той эпохи. Возможно, что по этой причине Хубилай и назначил Пагспа главой буддийского духовенства всей империи (стр. 33).

В связи с этим К. Загастер, сравнивая власть церкви в Европе с положением религии при монгольских завоевателях, приводит интересные данные о сакьяском иерархе Пагспа, который, будучи духовным учителем Хубилая, оказывал влияние на последнего. Так, по его мнению, в отличие от папы римского, требовавшего для католической церкви единоличной духовной власти в европейских странах, Пагспа

проявлял терпимость по отношению к другим сектам. Например, он решительно выступил против намерения Хубилая объявить секту Сакья-па единственно законной представительницей буддизма и запретить все другие секты. Но тем не менее это, однако, не помешало ему разработать утопическую теорию буддийского папства, которое не только стремилось бы к светской и духовной власти над Тибетом, но претендовало на мировое господство в области религии (стр. 33).

Автор правильно подчеркивает, что позднее, в XVI—XVII вв., правителями Монголии и Тибета были предприняты попытки создать основы тибетско-монгольской теократической державы. Раньше всех Сэчэн-хун-тайджи, редактор «Белой истории», еще в XVI в., пытался перевести теорию системы двух институтов на путь практического осуществления. В «Эрдэни-ин тобчи» (1662) сообщается о том, что Далай-лама III (1543—1588) и Алтан-хан тумэтский (1507—1582) на своей встрече в 1578 г. по совету Сэчэн-хун-тайджи утвердили «Закон о правилах относительно десяти добродетелей» (arban бууан-иц пог-иц сэуаја) «в соответствии со старинными книгами правил времен трех древних царей — чакравартинов Тибета и монгольского Сэчэн-хана — Хубилая» (стр. 43). Как известно, Далай-лама III, представитель секты Гелуг-па, чтобы с помощью монголов ниспровергнуть другие секты в Тибете, в указанном году отправился в Монголию и заключил союз с Алтан-ханом, заинтересованным в распространении среди своих соплеменников такой веры, которая помогла бы ему укрепить свою власть в степи. К. Загастер не без оснований полагает, что Далай-лама и Алтан-хан, ставя наравне церковь и светскую власть, хотели разработать иерархическую систему управления идеальным буддийским государством. На практике в условиях XVI в. это могло означать только то, что они преследовали цель создания независимого от Китая тибето-монгольского государства. Как полагает автор, концепция буддийского государства, управляемого двумя равноправными правителями, так же как и ранее Хубилаю и Пагспа, служила Алтан-хану и Далай-ламе III идеологической основой для осуществления их политических целей (стр. 44).

В дальнейшем в 1635—1642 гг. хошутский князь Гушри-хан (1582—1654) поддержал V Далай-ламу (1617—1682), главу секты Гелуг-па, в борьбе с другой сектой, Карма-па, и оккупировал Тибет. Джунгарский хан Галдан (1645—1697) в 80—90-х годах XVII в. вел длительную

борьбу за объединение монгольских племен под своей властью и под духовным покровительством Далай-ламы и независимостью Монголии от цинского Китая, пока он не был разгромлен маньчжурами в 1696 г. Регент при малолетнем VI Далай-ламе (1682—1706) Санджай-Джамцо (1653—1705), стараясь сохранить независимость Тибета от Китая, делал ставку на могущественного джунгарского хана, готового потягаться силой с китайским императором. Гушри-хану и V Далай-ламе и Галдану и Санджай-Джамцо, так же как и ранее Алтан-хану и III Далай-ламе, не суждено было добиться своей политической цели создания буддийского государства во главе с монгольским ханом и тибетским ламой (там же). Как, на мой взгляд, справедливо заключает К. Загастер, «всегда стояла им поперек пути мощь китайских правителей с их универсалистской концепцией «Поднебесной» (тянь-ся), по которой «срединным государством» (чжун-го) был Китай, а не Монголия и не Тибет. По этой концепции, правил «ойкуменой» Поднебесной единолично один китайский император, царь-жрец, а не монгольский всеобщий хан и тибетский всеобщий лама (там же). Несмотря на то что перед лицом опасности захвата их стран агрессивным соседом монгольские и тибетские теологи-политики, считаясь с политической реальностью, видоизменили свою философию государства, переведя мандат всемирного правителя чакравартина Чингис-хана — перевоплощенца Ваджрапани на китайского императора, считавшегося перевоплощенцем будды Манджушри, правители Китая — императоры как национальной китайской династии Мин (1368—1644), так и маньчжурской династии Цин (1644—1911), конечно, не хотели делить власть с тибетским верховным ламой» (стр. 45). Как известно, монголы Халхи в 1691 г., а южные еще ранее, в 1631—1632 гг., были силой подчинены маньчжурскими правителями. Тибет был покорен маньчжуро-китайскими войсками в первой четверти XVIII в.

Рецензируемая работа К. Загастера является важным исследованием теоретических основ взаимоотношений между буддийской церковью и государством в средневековой Монголии и Тибете. Содержащиеся в ней перевод «Белой истории», уникального памятника средневековой монгольской философии государства и права, и обширный комментарий к нему представляют ценный вклад в изучение средневековой идеологии Монголии.

Н. Ц. Мункцев,
доктор исторических наук

Общество «Красные пики» и крестьянское движение в Китае в 1926—1927 гг.

Для понимания исторического процесса в такой стране, как Китай, исследование широкого спектра проблем крестьянского движения является задачей крайней важности. Но особую значимость и актуальность приобретает изучение борьбы крестьянских масс в новейшее время, и в частности в 20-е годы, когда в стране развернулось широкое движение за национальное освобождение и обновление.

В деревне продолжались стихийные крестьянские выступления, принимавшие форму старокитайских бунтов и восстаний разного рода тайных обществ. Но вместе с тем именно в эти годы в Китае возникло крестьянское движение нового типа, проходившее под руководством крестьянских союзов — совершенно особых организаций, создававшихся КПК и гоминьданом.

Решение проблемы соотношения и взаимодействия старых и новых форм крестьянской борьбы, роли каждой из них в общереволюционном процессе во многом проливает свет на характер революции 1925—1927 гг. Вопрос об участии крестьянства в революции, о конкретно-исторических формах этого участия, а отсюда о влиянии и воздействии его на ее судьбу является одним из центральных в мировой историографии.

Книга польского сиолога Р. Славинского* принадлежит к числу исследований, затрагивающих данный комплекс проблем. Основное внимание автор рецензируемой работы уделяет одному из наименее освещенных в исторической литературе аспектов, а именно роли традиционных форм крестьянского движения, главным образом тайных обществ, в общенациональной антиимпериалистической и антимилитаристской борьбе. В то же время Р. Славинский касается и более общей проблемы — проблемы исторического места тайных обществ в новейшее время, в эпоху, когда появились политические партии, прежде всего КПК, стремившиеся возглавить борьбу крестьянских масс, придать ей целенаправленный, организованный характер.

Совершенно оправданно в качестве основного объекта исследования Р. Славинский выбирает наиболее могущественное и

активно действовавшее в 20-е годы тайное общество «Красные Пики», хотя в книге имеются сведения о многих других аналогичных и близких по характеру организациях, а краткая история самих «Пик» доведена практически до 1945 г.

Используя большой круг источников, а также широко привлекая историческую литературу, в основном советскую, автор рассматривает вопрос происхождения «Красных Пик», дает анализ организационной структуры, идеологии, обрисовывает деятельность общества в различные исторические периоды (20-е годы, начало 30-х, антияпонская война).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает точка зрения Р. Славинского о возникновении «Красных Пик». Достаточно убедительно, как нам представляется, он опровергает бытующую в историографии концепцию о прямом происхождении «Пик» от тайных обществ прошлых веков: «Байляньцзяо», «Ихэтуаней», «Хундэнцзяо» и др. Не отрицая традиционности самого факта появления подобной организации, автор показывает несостоятельность этой концепции, основанной главным образом на некоторых общих признаках, свойственных как «Красным Пикам», так и упомянутым обществам. Схожесть, иногда чисто формальную, например, в названиях («Красные Пики», «Красный фонарь»), в заклинаниях Р. Славинский объясняет не прямой генетической связью, а традициями, идеологией крестьянских масс, живучестью суеверий, а также военной слабостью отрядов «ихэтуаней» и «Пик», которая и вынуждала их членов верить, что при особой системе тренировок можно достичь неуязвимости.

Появление «Красных Пик» именно в 20-е годы автор считает естественным процессом, когда в условиях постоянных милитаристских войн и неспособности властей оградить сельское население от грабежей и произвола последнее вынуждено было создавать свои боевые организации самозащиты, используя опыт прошлых поколений.

Своеобразие действий членов общества «Красные Пики» Р. Славинский вполне обоснованно связывает с их идеологией. Суеверия и магия, свойственные верованиям общества, поклонение небесным светилам, обожествление героев популярных в Китае романов, вера в духов — все это было подчинено основной идее: защитить членов общества от огнестрельного оружия. Об этом красноречиво свидетельствуют тексты молитв и заклинаний, приведенные в книге. На равнинных территориях северного Китая, подчеркивает автор, «Пики» могли вступать в сражения с войсками, оснащенными современным оружием, и проявлять при этом чудеса храбрости, опираясь только на беззаветную веру в свою неуязвимость.

Исходя из происхождения «Красных Пик», их организационной структуры и идеологии, Р. Славинский предлагает свое определение общества, называя его полувоспитанной, полурелигиозной крестьянской органи-

* Р. Славинский. Общество «Красные пики» и крестьянское движение в Китае в 1926—1927 гг., Варшава, 1975 (на франц. яз.).

защией с ярко выраженными функциями самообороны. Это определение, как нам представляется, подчеркивает особенность тайных обществ XX в., когда в рамках одной организации сочетались элементы традиционных объединений с их религиозно-мистической окраской и различных форм деревенской самообороны, столь характерных для Китая. Данная характеристика удачно, на наш взгляд, дополняется показанной в книге эволюцией «Красных Пик». Сопоставляя уставы разных лет, автор приходит к выводу, что «Пики» раннего периода (начала 20-х годов) в большей мере напоминали тайное общество, а позднего (антияпонская война) — боевую, военную организацию (стр. 79).

Решая основную проблему исследования — места и роли традиционных форм крестьянской борьбы в эпоху революционных потрясений, ломки старого общества и достаточно серьезных попыток КПК поднять крестьянство на сознательную борьбу (деятельность крестьянских союзов), Р. Славинский довольно подробно останавливается на выступлениях «Красных Пик» и других подобных организаций, которые по-разному вписывались в политическую жизнь Китая и влияли на нее.

Несомненной заслугой автора, на наш взгляд, является неоднозначная оценка рассмотренных в книге наиболее крупных и значительных восстаний «Красных Пик» в Хэнани, Шаньдуне, Жили и других провинциях в период революции 1925—1927 гг. Подчеркивая субъективную направленность этих выступлений прежде всего против высоких налогов, разного рода поборов милитаристов и бесчинств солдат, Р. Славинский акцентирует внимание на их объективном, антимилитаристском характере. Вместе с тем он не затушевывает и слабые, негативные стороны движений тайных обществ. В отдельных случаях восстания «Пик» по своим непосредственным последствиям отрицательно сказывались на общеполитической ситуации в стране, как, например, известное выступление 1925—1926 гг. в Хэнани против 2-й национальной армии на стороне У Пэй-фу. Р. Славинский обращает внимание и на так называемый местный патриотизм общества, то есть особо отрицательное отношение к тем милитаристским армиям, которые пришли из других провинций. Так было в Хэнани, когда выдвигался лозунг «борьбы с шэньсийцами» (2-я национальная армия состояла в основном из уроженцев провинции Шэньси). Автор не умаляет и о вооруженных конфликтах между различными соединениями «Красных Пик», а также между «Пиками» и другими тайными обществами на почве религиозных, местных расхождений, что, естественно, ослабляло эти организации, а отсюда и общий натиск на милитаризм.

Достаточно противоречивая по своим объективным последствиям деятельность «Красных Пик», его сильные и слабые стороны во многом определяли отношение

к нему КПК. В книге сопоставлена политика Компартии Китая на трех различных этапах борьбы: революция 1925—1927 гг., 30-е годы, антияпонская война. В 20-е годы коммунисты стремились установить контакты с тайными обществами, вести в их среде революционную пропаганду, нейтрализовать влияние главарей. В начале 30-х годов КПК пыталась овладеть движением тайных обществ, внедриться в их среду, развернуть пропаганду лозунгов аграрной революции, борьбы не только с милитаристами, но и с деревенскими богатеями под знаменем Советов, дискредитировать, а затем и отстранить реакционных руководителей, объединить тайные общества с частями Красной армии. В период же антияпонской войны компартия придерживалась тактики привлечения на свою сторону антияпонски настроенных отрядов «Красных Пик», терпимого отношения к их вожакам, суевериям и т. д., иными словами, придерживалась тактики сотрудничества с «Пиками» как с союзниками и партнерами по борьбе. Р. Славинский приходит к выводу, что именно последняя тактика КПК являлась наиболее реалистичной и приносила ощутимые результаты.

Не подлежит сомнению и общий вывод автора об объективной и субъективной роли «Красных Пик» в освободительном движении. Их недостаточно осознанная борьба против милитаристов, а затем с японцами, пишет он, являлась формой участия в революции 1925—1927 гг. и сопротивлением японской агрессии. Своими действиями «Пики» внесли свою лепту в общее дело борьбы за освобождение Китая. Вместе с тем Р. Славинский подчеркивает, что времена для такого рода организаций безвозвратно ушли в прошлое. В самом назначении «Пик», в их организационной разобщенности, в идеологии, носившей по преимуществу защитительный характер, не устремленный к тому же на изменение существующего в жизни порядка вещей, как это было, скажем, у «Байляньцзяо», автор видит одну из причин упадка тайных обществ в XX в. (стр. 69). В то же время он особо подчеркивает исключительное значение такой формы крестьянской борьбы, как самооборона, которая в конкретных условиях северного Китая 20-х годов давала возможность продолжать экономическую и социальную жизнь деревни (стр. 153).

Достойное высокой оценки в целом, исследование Р. Славинского не лишено и некоторых недостатков. Наиболее уязвимыми для критики, на наш взгляд, являются главы об экономических и социальных предпосылках создания и деятельности «Красных Пик» на Севере страны. Правда, эти разделы книги по существу не являются исследовательскими. Здесь сказалась общая неразработанность социально-экономической истории Китая в 20-е годы XX в. Автор рассматривает эти проблемы на основе уже введенных в научный оборот источников и литературы. К тому же приводимые материалы 20-х годов во многом несовершенны,

и Р. Славинский вынужден постоянно ссылаться на недостатки и слабость китайской статистики, на разноречивость сведений и пр. Можно было бы отметить еще одну особенность источников того времени, а именно их во многом пропагандистский характер. Прежде всего это относится к данным, полученным в результате полевых обследований, проводившихся в период революции 1925—1927 гг. КПК и гоминьданом не столько с научными, сколько с политическими целями. Информация, помещавшаяся в партийной прессе, в специальных журналах типа «Китайский крестьянин» («Чжунго нунминь»), носила очень приблизительный характер, нередко далекий от истинного положения вещей в китайской деревне.

Вызывает сомнение определение «Красных Пик» как сугубо крестьянской организации. Тем более что в работе фактически отсутствует анализ социального состава общества. Понятно, что достаточно массовая организация, созданная в китайской деревне, состояла в основном из крестьян. Но не только. Туда могли вступать и действительно вступали все граждане независимо от своей социальной принадлежности. Более того, экономический вес и социальный авторитет индивида могли влиять на его статус члена «Красных Пик». Так, высокий размер вступительного взноса давал право на занятие командной должности. Далее, главное назначение общества — самооборона — делало возможным объединение в рамках одной организации фактически всех слоев китайской деревни, от помещиков и шэньши до люмпенов. «Пики» нужны были богатым для охраны имущества, бедным — для сохранения жизни. Подчеркивание Р. Славинским крестьянского характера общества тем более удивительно, что сам он показывает разнотипность отдельных соединений «Красных Пик», среди которых были и бандитские отряды, и объединения, находившиеся под полным контролем местных богатеев (тухао), и крестьянская самооборона. Видимо, о «Красных Пиках» правомерно говорить как об организации крестьянской по преимуществу; в отличие, скажем, от миньтуаней. Это была более представительная и массовая организация деревенского населения, нежели существовавшие ранее полуофициальные объединения типа «Ляньчжуанхуя», например «Объединенного союза деревень».

Не совсем удачным, на наш взгляд, является анализ организационной структуры «Красных Пик» в той его части, которая затрагивает разветвление общества, наличие значительного числа родственных, дочерних организаций под иными названиями.

Некоторая нечеткость в изложении этой проблемы в какой-то мере обусловлена как сложностью самого вопроса, так и разночтениями в источниках. Автор приводит три различных варианта структуры «Красных Пик», затем предлагает свой собственный. Следует, однако, учитывать, что современные события многие выступления других тайных обществ подчас относили к действующим «Красным Пик», поскольку последние были наиболее известными и могущественными. Вполне допустимо, что фактическая организационная разобщенность и дробность отдельных соединений «Красных Пик», а также временные союзы, которые «Пики» нередко заключали с другими тайными обществами, и создавали представление у современников о разветвленной структуре общества.

Хотелось бы также обратить внимание еще на один момент в исследовании Р. Славинского, связанный уже с крестьянским движением, проходившим под руководством крестьянских союзов. Автор дает обзор этого движения в плане сопоставления его с деятельностью тайных обществ, что отвечает главной проблематике работы. Рассматривая причины подъема крестьянской борьбы в провинциях Центрального Китая весной 1927 г., остроту социальных конфликтов по сравнению, скажем, с Гуандунном он объясняет антифеодалным характером движения в деревне, крайним обострением общеполитической обстановки в момент кризиса революции, темпераментом хунаньцев, а также существенным влиянием анархических сил (люмпенов, тайных обществ и т. д.). Первая причина вызывает у нас наибольшее сомнение. Автор хотя и не пишет о начавшейся аграрной революции, но в какой-то мере подразумевает ее, упоминая без каких-либо оговорок и разъяснений о борьбе крестьянских союзов за власть в деревне и за землю.

В целом работа Р. Славинского интересна по замыслу, по охвату исторического материала, по многоплановости проблем и неоднозначности многих оценок. Она восполняет тот пробел в историографии, который связан с вопросом активности и роли традиционных тайных обществ в эпоху, когда в китайской деревне появились более совершенные крестьянские организации, призванные мобилизовать китайское крестьянство на организованную, сознательную борьбу. Большим достоинством книги является приложение.

А. С. Костяева,
кандидат исторических наук

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

К 60-летию члена-корреспондента АН СССР С. Л. ТИХВИНСКОГО

В сентябре 1978 г. исполняется 60 лет видному советскому историку, крупному специалисту в области востоковедения и истории международных отношений, члену-корреспонденту АН СССР Сергею Леонидовичу Тихвинскому.

С. Л. Тихвинский родился 1 сентября 1918 г. в Ленинграде. В 1938 г. окончил 4 курса Восточного отделения филологического факультета Ленинградского государственного университета, в 1941 г. — китайское отделение московского Института востоковедения. В 1943 г. успешно окончил заочную аспирантуру и в 1945 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук («Принцип Сунь Ят-сена «национализм» и его внешняя политика») в Институте истории АН СССР, в 1953 г. диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук («Кан Ю-вэй и движение за реформы в Китае в конце XIX в.») в Институте востоковедения АН СССР. В 1959 г. утвержден в ученом звании профессора на кафедре истории стран Востока. В 1968 г. избран членом-корреспондентом АН СССР по специальности «Всеобщая история».

С. Л. Тихвинский является крупным историком-востоковедом широкого профиля, специализирующимся по новой и новейшей истории Китая, Японии и стран Азии в целом, а также по истории международных отношений на Дальнем Востоке. Им внесен крупный вклад в изучение ряда ключевых проблем новой и новейшей истории Китая, таких, как последствия завоевания Китая маньчжурами и правления Цинской династии, история зарождения и развития буржуазных общественных отношений второй половины XIX — первой четверти XX в.

С. Л. Тихвинский является пионером в деле научной разработки как в СССР, так и за границей таких важных процессов, общественно-политических движений и проблем, связанных с историей формирования китайской нации, как

1) политика самоусиления, проводившаяся в Цинской империи во второй половине XIX в. («Политика «самоусиления» правящих кругов Китая (1860—1895 гг.)». — «Вопросы истории», 1969, № 4; «Политика «самоусиления» — средство подавления на-

родного недовольства в Цинском Китае». — «Страны и народы Востока», выпуск XI. М., 1971; глава 5 части II «Новой истории Китая». М., 1972; глава 15 «Истории Китая с древнейших времен до наших дней». М., 1974 и др.);

2) движение за реформы в Китае в конце XIX в., явившееся первым общенациональным политическим выступлением новых общественных сил Китая («Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй». М., 1959, монография объемом в 29 а. л. В 1962 г. книга была издана КНР в переводе на китайский язык издательством «Саньлянь»; глава 2 части III «Новой истории Китая». М., 1972; глава «Цинская империя в последние десятилетия XIX в.» в «Истории стран Азии и Африки в новое время». М., изд. МГУ, 1971 и др.);

3) буржуазно-демократическое революционное движение накануне и в период Синьхайской революции 1911—1913 гг., связанное с именем выдающегося китайского революционера-демократа д-ра Сунь Ят-сена и с руководимыми им «Союзом возрождения Китая» (Синь Чжун-хуэй) и «Китайским объединенным союзом» (Чжунго Тунмэнхуэй). Основные результаты исследования опубликованы в таких работах, как «Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика». М., 1964, монография объемом в 22,5 авт. л.; «Синьхайская революция», вступительная статья к сборнику статей с предисловием и под редакцией С. Л. Тихвинского. М., 1962; «Сунь Ят-сен. Избранные произведения. Перевод с китайского под редакцией и со вступительной статьей С. Л. Тихвинского. М., 1964; «Сунь Ят-сен. 1866—1966. К столетию со дня рождения» — сборник статей, воспоминаний и материалов под редакцией и со вступительной статьей С. Л. Тихвинского. М., 1966; предисловие к сборнику документов и материалов «Синьхайская революция 1911—1913 гг.». М., 1968, под редакцией С. Л. Тихвинского; «Свержение Маньчжурской монархии в Китае (революция 1911 г.)» — доклад на общем собрании АН СССР 28 мая 1971 г. (тезисы доклада см. «Вестник Академии наук СССР», № 9, 1971 г.);

4) соотношение борьбы за национальное освобождение китайского народа от гнета

маньчжурской монархии и империалистических держав и классовой борьбы против феодальной и капиталистической эксплуатации. Разработке указанной проблематики посвящены также крупные работы С. Л. Тихвинского, как «Правление в Китае маньчжурской династии Цинь». — «Вопросы истории», 1966, № 9; «Маньчжурское владычество в Китае» — вступительная статья объемом в 4 а. л. к одноименному сборнику статей под редакцией С. Л. Тихвинского. М., 1966; «Мемуары экс-императора Пу И». — «Вопросы истории», 1968, № 3; «Национализм и классовая борьба в Китае в новое время». — «Вопросы истории», 1971, № 11;

5) идеология национально-освободительного движения в Китае. С. Л. Тихвинский был первым, кто ознакомил советскую историческую науку с общественно-политическими взглядами представителей новых общественных сил Китая последней трети XIX — начала XX в. в таких своих работах, как «Китайский утопист Кан Ю-вэй (из истории китайской общественной мысли)». — «Вопросы философии», 1953, № 6; «Прогрессивная китайская публицистика конца XIX века». — «Вопросы истории», 1958, № 8; «Тань Сы-тун — руководитель левого крыла движения за реформы в Китае в 1898». № 3; перевод и комментированные работ Кан Ю-вэй «Комментарии к «Ли Юнь»; «Введение к «Датуншу»; «Введение к «Исследованию учения Конфуция о реформе государственного строя» — в сборнике «Избранные произведения китайских мыслителей нового времени (1840—1898)». М., изд. АН СССР, 1961; «О влиянии китайских тайных обществ на политическую программу Сунь Ят-сена», доклад на 17 международном конгрессе по проблемам китаеведения, Лидс, июль 1965 г. (на английском языке) и др.

Содержавшееся в монографии С. Л. Тихвинского «Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй» исследование китайских социальных утопий «Датун» и «Тайпин» во многом помогает в понимании уравнительных казарменно-коммунистических концепций современного китайского руководства.

Особое место в ряду научных работ С. Л. Тихвинского по достоинству занимает коллективная монография «Новая история Китая». М., 1972, организатором и руководителем работы над которой он является (ему же принадлежит авторство введения к работе и двух глав, охватывающих историю 60—90-х годов XIX в.). Эта работа, получившая многочисленные положительные отзывы советской и зарубежной печати, является крупной вехой в отечественном китаеведении.

Следует также отметить труды С. Л. Тихвинского в области истории русско-китайских и советско-китайских отношений, внешней политики и международных отношений Китая, в которых убедительно, научно аргументированно опровергаются по-

пытки маонистской историографии и буржуазных фальсификаторов истории в извращенном виде преподнести историю отношений между двумя странами. Из работ С. Л. Тихвинского в этой области следует назвать следующие: «Советско-китайские культурные связи» в сборнике «10 лет КНР». М., 1959; «Китай в эпоху развитого феодализма (периоды Тан и Сун) и соседние государства Восточной Азии» в сборнике «Китай, Япония. История и филология». М., 1961; «Об отношении Сунь Ят-сена к Советской России». — «Вопросы истории», 1963, № 12; «Сунь Ят-сен — друг советского Союза». М., 1966. — брошюра 2,5 а. л. на русском, английском, французском, китайском и японском языках; вступительная статья к одноименному сборнику «Маньчжурское владычество в Китае». М., 1966; вступительная статья к одноименному сборнику статей «Китай и его соседи». М., 1970; вступительная статья к одноименному сборнику «Татаро-монголы в Азии и Европе». М., 1970; «Геополитическая ворожба» (рецензия на книгу Гаррисона Солсберри «Война между Россией и Китаем»), «Правда», 15 февраля 1970 г.; «К истории формирования русско-китайской границы». — «Международная жизнь», 1972, № 6 (совместно с В. М. Хвостовым и Л. Г. Бескровным); «У истоков китайской революции». — «Вопросы истории», 1972, № 9; «Советско-китайские отношения. Странники и противники их улучшения». — «Правда», 20 августа 1971 г.; «К 50-летию образования единого антиимпериалистического и антифеодального фронта в Китае». — «Известия», 11 февраля 1974 г.; «Традиции и нынешний курс Пекина. К 50-летию установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Китаем». — «Известия», 31 мая 1974 г.; «Политика пособничества мировой реакции» (рецензия на двухтомник «История внешней политики и международных отношений КНР 1949—1973»). — «Правда», 4 сентября 1974 г.

С. Л. Тихвинским проделана также большая работа по отбору документов, редактированию и подготовке к печати сборника материалов и документов «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. I—II. М., 1969—1971, общим объемом свыше 120 авторских листов (составители В. П. Мясников и Н. И. Демидова, редактор Л. И. Думан).

С. Л. Тихвинский внес большой вклад в борьбу с антимарксистскими концепциями маонизма. В № 10 «Вопросов истории» за 1963 г. он (совместно с Р. В. Вяткиным) выступил с развернутой критикой антинаучных доктрин, появившихся в КНР («О некоторых вопросах исторической науки в КНР»). В 1964 г. им опубликована работа «Антимарксистские проявления в области исторической науки в КНР» (в сборнике «За чистоту марксизма-ленинизма»). С целью детального, научно обоснованного развенчания гегемонистской шовинистической тенденции маонистов в области истории»

по инициативе и под руководством С. Л. Тихвинского были созданы научные коллективы, подготовившие ряд оригинальных, глубоко аргументированных сборников статей, направленных против маоистских фальсификаторов истории: «Синьхайская революция» (1962), «Сунь Ят-сен. К 100-летию со дня рождения» (1966), «Маньчжурское владычество в Китае» (1966), «Китай и его соседи в древности и средние века» (1970), «Татаро-монголы в Азии и Европе» (1970) — в которых с главными вступительными статьями выступил С. Л. Тихвинский.

Напряженную научную деятельность С. Л. Тихвинский сочетает с большой редакторской работой. Он является главным редактором журнала «Новая и новейшая история», членом редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Много сил и времени отдает С. Л. Тихвинский дипломатической работе. Он имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного посла СССР. Длительное время находился на дипломатической работе за рубежом — в Китае, Англии, Японии. В настоящее время является членом Кол-

легии МИД СССР и возглавляет Историко-дипломатическое управление МИД СССР.

С. Л. Тихвинский ведет большую общественную работу, будучи членом пленума Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами, вице-председателем Общества СССР — Япония и заместителем председателя центрального правления Общества советско-китайской дружбы, и принимает активное участие в движении за мир.

Многогранная деятельность члена-корреспондента АН СССР С. Л. Тихвинского высоко оценена партией и правительством. Он награжден орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Знак Почета, двумя орденами Красной Звезды и медалями СССР.

Коллектив ученых Института Дальнего Востока, редакционная коллегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячо поздравляют Сергея Леонидовича со славным юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых больших творческих успехов на благо дальнейшего развития советского востоковедения.

70-летие Г. В. АСТАФЬЕВА

25 августа 1978 года исполнилось 70 лет видному советскому китаеведу, доктору исторических наук, заслуженному деятелю науки РСФСР, члену редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока» Геннадию Васильевичу Астафьеву.

Г. В. Астафьев родился на Дальнем Востоке (Читинская область) в семье служащего. Высшее образование получил в Дальневосточном университете в г. Владивостоке, закончив его в 1930 г. по китайскому отделению Восточного факультета. В течение 10 лет работал по специальности на практической работе в системе Народного Комиссариата внешней торговли СССР, в ходе которой начал углубленное изучение экономики и истории Синьцзяна, подготовил ряд работ и приступил к чтению курса экономической географии Синьцзяна. В 1939 г. поступил в аспирантуру Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. В 1944 г., находясь в рядах Красной Армии, завершил и успешно защитил кандидатскую работу по Синьцзяну. В 1946 г., после демобилизации из армии, вернулся на научную работу и в течение последних 30 лет работает в научно-исследовательских институтах АН СССР по проблемам социально-экономического развития Китая, истории и международных отношений КНР, а также политики США в Китае. По всем этим проблемам Г. В. Астафьев подготовил, опубликовал и отредактировал ряд монографических работ, многие из которых переведены на иностранные языки. Среди них — «Экономическая география Синьцзяна» (1938), «Американская экспансия в Китае» (1949), «Экономические проблемы Китая» (1950), «Американский империализм и внешняя торговля Китая» (1956), «Интервенция США в Китае и ее поражение» (1958), «Экономика развивающихся стран» в книге «Мировая экономика» (1966 и 1969), «Проблемы промышленного развития Китая» (1970 и 1972), «Внешняя политика КНР» (1971), «От антиимпериализма к антисоциализму» (1974), «Внешняя политика и международные отношения КНР», т. 1—2 (1974), «Международные отношения на Дальнем Востоке», т. 1—2 (1978). Последние 4 работы являются коллективными.

В 1960 г. Г. В. Астафьев защитил док-

торскую диссертацию. В 1961 г. ему присвоено ученое звание профессора, а в 1970 г. почетное звание Заслуженного деятеля науки РСФСР.

В течение 25 лет Г. В. Астафьев непрерывно вел научно-организационную работу в качестве зав. сектором истории и экономики соцстран Дальнего Востока Института Востоковедения АН СССР, зав. сектором экономики Института Китаеведения АН СССР, зав. сектором внешней политики Института экономики мировой социосистемы, а затем Института Дальнего Востока. С 1968 по 1974 г. Г. В. Астафьев работал заместителем директора по науке Института Дальнего Востока АН СССР.

Одновременно с научной деятельностью Г. В. Астафьев всегда уделяет большое внимание педагогической работе, читая курсы по экономике Синьцзяна, Китая и КНР в Московском институте востоковедения, на Историческом факультете МГУ, в Институте восточных языков МГУ, в Московском институте международных отношений, в Институте стран Азии и Африки при МГУ. В течение ряда лет Г. В. Астафьев возглавлял кафедру экономики и экономгеографии стран Азии и Африки в Институте стран Азии и Африки при МГУ.

Г. В. Астафьев активно участвует в подготовке научных кадров. Под его руководством успешно закончили аспирантуру и защитили кандидатские диссертации более 20 человек. В настоящее время Г. В. Астафьев руководит подготовкой 5 аспирантов в ИДВ АН СССР и в ИСАА при МГУ. Г. В. Астафьев участвовал в работе ряда международных конгрессов и конференций, выступая на них с докладами и сообщениями, и в подготовке совместных трудов с учеными других социалистических стран.

Г. В. Астафьев состоит членом Коммунистической партии Советского Союза. Награжден орденом Знак Почета и медалями.

Коллектив ученых Института Дальнего Востока, редакционная коллегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячо поздравляют Геннадия Васильевича со славным юбилеем, желает ему хорошего здоровья, больших творческих успехов на благо дальнейшего развития советского китаеведения.

60-летие М. Ф. ЮРЬЕВА

24 апреля 1978 г. исполнилось 60 лет видному советскому китаисту, заведующему кафедрой истории Китая ИСАА при МГУ, доктору исторических наук, профессору Михаилу Филипповичу Юрьеву.

М. Ф. Юрьев пришел в китаеведение, имея за плечами опыт рабочего-производственника и война-фронтовика. После окончания школы-семилетки в 1932 г. он учился в ФЗУ, где вступил в комсомол, а затем в 1933—1936 гг. работал токарем и разметчиком на 1-м часовом заводе им. С. М. Кирова, продолжая учебу в вечерней средней школе.

В 1936 г. Михаил Филиппович учится на историческом факультете МГУ, где под руководством профессора Г. С. Кара-Мурзы специализировался по истории Китая. В 1940 г. добровольцем комсомольского батальона он ушел на войну с белофиннами.

В первые же дни Великой Отечественной войны М. Ф. Юрьев пошел добровольцем в ополчение. В декабре 1941 г., в год тяжелейших испытаний нашей Родины, он был принят в члены КПСС. С сентября 1941 г. по март 1944 г. М. Ф. Юрьев находился на фронтах войны, а затем — до демобилизации в 1948 г. — продолжал службу в Москве. В 1948 г. М. Ф. Юрьев вернулся на кафедру истории стран Дальнего Востока истфака МГУ, теперь уже аспирантом, и в 1950 г. под руководством Г. Б. Эренбурга защитил одну из первых в то время кандидатских диссертаций по проблемам новейшей истории Китая — о создании и роли революционной армии на первом этапе китайской революции.

С 1951 г. началась преподавательская деятельность М. Ф. Юрьева на кафедре истории стран Дальнего Востока истфака МГУ, а с 1956 г. — после создания Института восточных языков при МГУ — на кафедре истории Китая этого института (с 1972 г. — ИСАА при МГУ).

За 27 лет научно-педагогической деятельности М. Ф. Юрьев подготовил более 50 дипломников; многие из его учеников стали докторами и кандидатами наук, успешно ведут научную, педагогическую и практическую работу в стране и за рубежом.

Все эти годы М. Ф. Юрьев педагогическую деятельность сочетал и сочетает с активной исследовательской работой по истории Китая. Им опубликовано свыше 160 ра-

бот, среди которых — три монографии, разделы в учебниках и учебных пособиях по истории стран зарубежного Востока, главы во «Всемирной истории», статьи в БСЭ и Исторической Энциклопедии, статьи и рецензии в партийной печати, в ведущих научных журналах. Статьи М. Ф. Юрьева неоднократно публиковались и на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока»*.

Широкий диапазон интересов М. Ф. Юрьева как исследователя — от истории опiumных войн и восстания тайпинов до вопросов истории КНР. Но главной темой исследованных были и остаются проблемы истории народной революции в Китае, а среди них — история китайской революции 1925—1927 гг., история создания, вопросы роли, стратегии и тактики, опыта революционной армии Китая. Его книги о народно-революционной армии Китая в революции 1925—1927 гг. и создании Красной армии Китая, вышедшие в 50-е годы, положили начало одному из важнейших направлений в изучении китайской революции в советском и зарубежном марксистском китаеведении. В 60-е годы М. Ф. Юрьев возвращается к углубленной разработке проблем китайской революции 1925—1927 гг. Итогом этой работы стала монография «Революция 1925—1927 гг. в Китае» — первое комплексное исследование этого события в советской и зарубежной литературе.

Важным направлением научно-педагогической и исследовательской деятельности М. Ф. Юрьева была и остается работа по подготовке университетских учебников и учебных пособий. Под его руководством был подготовлен учебник по истории зарубежных стран Азии и Африки в новейшее время; в 1974 г. вышли «Очерки истории Китая с древнейших времен до наших дней». Многие книги и статьи М. Ф. Юрьева переведены и изданы за рубежом. Труды М. Ф. Юрьева и работы, вышедшие под его руководством, разоблачают буржуазные и маоистские искажения истории Китая и китайской революции, направлены на восстановление добрососедства и дружбы между СССР и Китаем, советским и китайским народами. Этому же делу служит и активная деятельность М. Ф. Юрьева в качестве

* Список основных работ М. Ф. Юрьева опубликован в журнале «Народы Азии и Африки», 1978, № 3.

члена Центрального правления общества советско-китайской дружбы.

Признанием научной общественностью значения научно-педагогической деятельности М. Ф. Юрьева явилось присуждение ему в 1967 г. ученой степени доктора исторических наук, а в 1969 г. — звания профессора.

Научно-педагогическую деятельность М. Ф. Юрьев успешно сочетает с научно-административной, партийной и общественной работой. В 1957—1961 гг. он был деканом историко-филологического, а затем специального факультета ИВЯ при МГУ, в 1963—1974 гг. — проректором ИВЯ (с 1972 г. — ИСАА).

С 1972 г. он возглавляет кафедру истории Китая ИСАА. Как зав. кафедрой М. Ф. Юрьев умест создал в коллективе благоприятную рабочую обстановку. Обладая ценнейшими качествами педагога и ученого-коммуниста, он постоянно заботится о молодых преподавателях, делаясь с ними своим богатым опытом, готов в любую минуту прийти на помощь своим коллегам.

Коллектив ученых Института Дальнего Востока, редакционная коллегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячо поздравляют Михаила Филипповича со славным юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых больших творческих успехов на благо дальнейшего развития советского китаеведения.

Памяти ИГОРЯ МИХАЙЛОВИЧА ФЕДОРОВА (1925—1978)

8 июня 1978 г. после тяжелой продолжительной болезни на 53 году жизни скончался кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР, член КПСС Федоров Игорь Михайлович.

И. М. Федоров родился в г. Москве 26 августа 1925 г. В 1943 г. был призван в ряды Советской Армии, где до 1950 г. служил в военно-воздушных войсках. В 1950 г. он был направлен на учебу в Военный институт иностранных языков Советской Армии, который закончил в 1955 г. с золотой медалью.

С 1955 по 1970 гг. И. М. Федоров работал в ряде научно-исследовательских организаций и институтов. В 1970 г. он поступил на работу в Институт Дальнего Востока, где в полной мере раскрылся его талант исследователя-китаиста. За сравнительно короткий срок работы в Институте (1970—1978) он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук, в 1976 году ему было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника. Только за этот период им было опубликовано более 30 печатных листов научных работ, касающихся актуальных вопросов современной китайской экономики.

И. М. Федоров являл собой образец поистине творческого, самоотверженного отношения к труду. Уже будучи тяжело больным, он продолжал упорно работать. В 1977 г. им была опубликована капитальная монография, в которой был всесторонне исследован ряд важнейших проблем развития промышленности КНР. Буквально за несколько дней до смерти он сдал в издательства серию статей, которые, к сожалению, выйдут теперь с фамилией автора в траурной рамке.

До последних дней жизни И. М. Федоров сочетал научно-исследовательскую деятельность с большой общественной работой. На протяжении ряда лет он избирался членом партийного бюро Института. И на этом общественном посту его чуткость, обостренное чувство товарищества в сочетании с партийной принципиальностью завоевали глубокое уважение и признательность коллектива.

За свои ратные и научные труды И. М. Федоров был отмечен рядом наград Родины.

Светлая память об Игоре Михайловиче Федорове, замечательном человеке и талантливом ученом, навсегда сохранится в памяти тех, кто знал его и работал с ним.

Сдано в набор 28/VI 1978 г. Подписано в печать 10/VIII. 1978
Формат 70×108^{1/16} Бум. л. 6,5 Печ. л. 18,2 Уч.-изд. л. 20,36
Изд. № 26733 А 12618 Зак. 1576 Цена 50 коп. Тираж 17602

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17

Чеховский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области